

NEW
HORROR

КИЛЛ

SCOTT THOMAS

КРИК

18+

NEW
HORROR

КИЛЛ

СКОТТ ТОМАС

КРИК

18+

Annotation

На Кровавом ручье стоит дом. Пустой. Тихий. Заброшенный. Но скоро его двери распахнутся вновь... Однако не спешите радоваться, ведь что-то таится в тени, с нетерпением ожидая встречи с гостями... Древняя легенда оживет, когда порог проклятого дома переступят четверо писателей ужасов. То, что должно было стать обыкновенным шоу, обернется настоящим кошмаром. Сущность, которую они пробудят, будет преследовать и мучить их, желая сделать писателей частью своего кровавого наследия...

- [Скотт Томас](#)
  -
  -
  - [Пролог](#)
  - [Часть 1](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
  - [Часть 2](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)
    - [Глава 18](#)

- [Часть 3](#)
    - [Глава 19](#)
    - [Глава 20](#)
    - [Глава 21](#)
    - [Глава 22](#)
    - [Глава 23](#)
    - [Глава 24](#)
    - [Глава 25](#)
  - [Часть 4](#)
    - [Глава 26](#)
    - [Глава 27](#)
    - [Глава 28](#)
    - [Глава 29](#)
    - [Глава 30](#)
    - [Глава 31](#)
    - [Глава 32](#)
    - [Глава 33](#)
    - [Глава 34](#)
    - [Глава 35](#)
    - [Глава 36](#)
    - [Глава 37](#)
    - [Глава 38](#)
    - [Глава 39](#)
    - [Глава 40](#)
  - [Часть 5](#)
    - [Глава 41](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Благодарности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
-

Скотт Томас

Килл крик

Scott Thomas

Kill Creek

© Мельникова М. М., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»

*Посвящается
Ким, Обри и Клео,
Моим родителям
И старику Паркеру, потому что чем
неправдоподобней история, тем длиннее тень от
нее*

*Слава худая мгновенно приходит, поднять
ее людям
Очень легко, но нести тяжелько и
сбросить непросто.
И никогда не исчезнет бесследно молва,
что в народе
Ходит о ком-нибудь: как там никак, и
Молва ведь богиня^[1].*

Гесиод

*Теперь же лишь молчаливые, сонные, пугливо
глазеющие окнами домики, сокрытые в темной
глуши лесов, могли бы поведать случайному путнику,
что именно было сокрыто в них с незапамятных
дней далекого прошлого... Иногда даже начинает
казаться, что было бы гораздо лучше и милосерднее*

вообще снести эти домики, ведь им так часто снятся тяжелые сны^[2].

Г. Ф. Лавкрафт

Пролог

Не бывает домов, дурных по природе своей. Чаще всего постройку замышляют с добрыми намерениями, даже с любовью. Вначале дом на Кровавом ручье такой постройкой и был.

Сделан он был из самых обычных материалов – дерева и гвоздей, камней и раствора. Земля, на которой он стоял, никем не была проклята. Он не служил пристанищем ни ведьме, ни колдуну. Его возвел в 1859 году в Канзасе один любитель уединения – своими руками, лишь изредка прибегая к помощи друзей из ближайшего поселения, Лоуренса. Несколько славных лет в комнатах огромного особняка обитала пылкая любовь, пусть и хранимая в тайне – в двух перешептывавшихся сердцах.

Но, как это происходит почти с каждым домом, о котором ходят слухи, будто бы там обитают призраки, в особняк на Кровавом ручье пришла беда. Человек, построивший его, был убит в нескольких шагах от своей любимой. Его руки тянулись к ней, пытаюсь преодолеть – о, злая шутка! – такое короткое расстояние, коснуться ее темной кожи, погладить ее волосы; его разум твердил, что, если только он сумеет заключить ее в объятия, они оба спасутся, что стоит только захотеть изо всех сил – и они смогут быть вместе.

Они не спаслись. Тело его возлюбленной разлучили с его телом и повесили на единственном дереве, что росло во дворе перед домом, – на кривом буке. Она была уже мертва, но все же ее вздернули, чтобы унижить напоследок. Тела остыли, насколько это было возможно жаркой августовской ночью, и царящая вокруг тишина накрыла их, словно саваном. Никто не трогал тела несколько недель, о них забыли: жители Лоуренса были поглощены своей собственной бедой. Когда солнце скрылось, горизонт на юго-западе замерцал оранжевыми отблесками пламени. Лоуренс горел.

Дом, обогранный кровью, не может избежать жестокого приговора молвы. Городские жители, которым случалось ехать по тихой проселочной дороге в Канзас-Сити, начали говорить об особняке так, словно он был живым существом. Они рассказывали, какую жалость будил в них бедный печальный дом, осиротевший, в точности как

сотни детишек, чьи родители погибли в жестоких приграничных боях перед Гражданской войной. Никто не мог знать, что творилось в пустом здании долгими темными зимними ночами, когда ветер вырывался из лесной чащи и заставлял дребезжать оконные рамы. Просто было там нечто, вынуждавшее путешественников ускорять шаг на дороге близ Кровавого ручья.

Такой большой и роскошно выстроенный дом не мог стоять пустым вечно. Находились люди, которые пытались там обосноваться. Но никто не чувствовал себя в доме уютно, и почти все жильцы съезжали в течение года. Они не могли толком объяснить, что заставляло их покинуть особняк. Его стены словно отказывались принимать людское тепло. Даже в разгар лета стоило перешагнуть порог – и воздух резко становился холоднее.

Дом стали считать дурным местом. Его начали бояться.

В конце 1920-х годов построили Канзасское шоссе номер 10, и оно связало Канзас-Сити с Лоуренсом. К началу 1970-х скромная мощеная дорога превратилась в четырехполосную магистраль. Когда несешься на скорости пятьдесят пять миль в час, поворот к дому легко не заметить, как и знак, оповещающий о самом ручье. Жизнь мчалась вперед, на смену простым временам пришли времена суматошные, и дом на Кровавом ручье превратился в обычный сельский дом, брошенный, как и множество его собратьев, на милость прерии. Даже ручей, когда-то так жадно питавшийся водой реки Канзас, начал пересыхать, и под лучами палящего солнца его русло покрылось трещинами, точно старческая плоть.

Люди, жившие по соседству, до сих пор рассказывали истории о диковинных вещах, которые им случалось наблюдать: об огнях, загоравшихся в окнах, о стуке в дверь, о шепоте в темноте, – но дом и его кровавое прошлое уже стали не более чем сказкой из тех, какими родители потчуют детей на ночь. Большинство этим историям не верили – их рассказывали лишь для того, чтобы уберечь ребятню, предупредить об опасностях, грозящих тем, кому вздумается забраться в обветшавшее здание. Дому, вероятно, было одиноко. Страсть, давшая ему жизнь, пропала, растворилась в земле подобно утреннему туману.

В 1975 году сестры Финч, Рейчел и Ребекка, выкупили дом у округа, владевшего им с 1961-го, когда съехал последний жилец. Темное прошлое дома сестер Финч не беспокоило. Этим

шестидесятивосьмилетним однойцевым близнецам довелось видеть и испытать кое-что гораздо страшнее ночного стука, особенно прикованной к инвалидной коляске Ребекке, жертве трагического несчастного случая, о котором ни она, ни ее сестра не распространялись.

Когда сестры наняли местных работников, чтобы те помогли обновить некогда великолепный дом, многие радовались их приезду, полагая, что особняк наконец-то обеспечат уходом и заботой, как хотел первый его владелец. Газеты *Lawrence Journal-World* и *Kansas City Star* посвятили приезду сестер статьи. «Особняк на Кровавом ручье наконец-то обрел любящих хозяев», – гласила одна. «Близнецы дают новую жизнь „Проклятому дому“», – объявляла другая.

Сестры Финч не оправдали ожиданий. Они были, как прозвали их местные, «чудачками». Они практически не разговаривали с плотниками, что чинили дом, а въехав, почти не выходили наружу. Если кого-то из сестер и можно было с натяжкой назвать дружелюбной, то Рейчел. Свои длинные темные волосы она распускала и всегда платила рабочим вовремя и без обмана. Ребекка стягивала волосы в немилосердно тугий пучок и на люди старалась не показываться, коротая дни за закрытой дверью единственной спальни третьего этажа. Лифт был одним из первых нововведений в доме, он позволял прикованной к коляске Ребекке свободно передвигаться по просторному зданию. Однако долгих прогулок она не совершала и предпочитала оставаться в спальне – внешний мир она видела лишь из ее узкого окна.

Однажды сантехник, проверявший трубы, спросил Рейчел, почему ее сестра так редко спускается вниз. «Ей наверху, наверное, ужасно одиноко», – сказал он. Рейчел мгновенно повернулась к нему, изобразила на лице самое достоверное подобие улыбки, на какое была способна, и ответила: «Ей есть с кем общаться».

Два года спустя Ребекка Финч умерла. По словам coronera, ее сердце просто перестало справляться с нагрузкой. Рейчел продолжала жить в доме на Кровавом ручье, не пуская внутрь никого, даже тех, кто приходил выразить соболезнования по поводу кончины ее сестры. Почти пять лет никто, кроме Рейчел Финч, не ходил по комнатам особняка. Никто, ни одна живая душа.

Потому все были изрядно удивлены, когда в 1982 году Рейчел согласилась побеседовать со всемирно известным парапсихологом и писателем, доктором Малкольмом Адьюделом. Несмотря на то что в научных кругах его по большей части считали шарлатаном, отчаянно жаждущая чудес публика запоем читала книги Адьюдела, написанные по мотивам его приключений в мире паранормального.

Лишь Рейчел Финч и доктор Малкольм Адьюдел были свидетелями событий, произошедших в те выходные, когда он гостил в доме. Результат этого визита – книга «Фантомы прерии: подлинная история сверхъестественного кошмара» – сделал дом на Кровавом ручье знаменитым на всю страну. Критики и скептики объявили «фантомы» чистой выдумкой, но благодаря доверчивым читателям книга держалась в списке бестселлеров невероятные тридцать шесть недель. Конкретики в повествовании доктора Адьюдела было мало, зато атмосферы – с избытком, но людям, выискивающим доказательства существования призраков, этого было более чем достаточно. Дому на Кровавом ручье было официально присвоено почетное звание портала в иной мир. Этот дом являлся людям в кошмарах. И что гораздо важнее, люди снова говорили о нем.

Рейчел Финч умерла в 1998-м на девяносто втором году жизни. Тело ее, как и тело человека, когда-то построившего особняк, обнаружили лишь спустя несколько недель. Подросткам из пригорода Канзас-Сити вздумалось на спор перейти ветхий мост через сухой пыльный овраг, некогда бывший Кровавым ручьем. Не доходя ста футов до переднего крыльца, они застыли как вкопанные. Прямо перед ними на буке – на той самой ветке, что когда-то приняла на себя вес обмякшего мертвого тела запретной любви первого хозяина, – медленно покачивалась Рейчел Финч. Неумело завязанный узел врезался в растянувшуюся гниющую плоть под подбородком. Ветер чуть теребил рассыпавшиеся по плечам тонкие черные волосы. Подростки пытались осмыслить это зрелище; тут веревка скрипнула, и тело Рейчел развернулось к ним лицом. В одной из пустых дыр, ранее бывших вместилищами ее серых глаз, весело копошился жучок.

Многие тщились понять, что заставило старуху повеситься. Некоторые считали, что причиной было безумное одиночество – Рейчел не смогла смириться с потерей сестры. Другие полагали, что виноват дом – это он заставил Рейчел покончить с собой, – хотя не

могли толком объяснить почему. И наконец, были люди из тех, кому ужасные, трагические истории доставляют омерзительное наслаждение. Эти люди неторопливым, уверенным шепотом сообщали, что Рейчел вовсе не убивала себя. Ее выволокли из дома и повесили на той ветке против ее воли. Кто-то или что-то сотворило это с ней. Чтобы люди помнили: дом не следует тревожить.

После смерти Рейчел имущество сестер Финч, как было оговорено в ее завещании, осталось в доме, включая, судя по всему, и содержимое спальни на третьем этаже. Никто не знал, что скрывала та комната. Вход в нее был наглухо замурован, лестница теперь упиралась в кирпичную стену, словно в доме никогда и не имелось третьего этажа.

Снова поползли слухи: что-то очень, очень нехорошее творится в доме на Кровавом ручье. Смерть Рейчел Финч стала еще одной главой его мрачной хроники. Наконец дом со всем его содержимым перешел в собственность округа Дуглас. И хотя его снова выставили на продажу, никто не отваживался поселиться в особняке с дурной славой. Он по-прежнему привлекал изрядное число любопытствующих, они были неиссякаемым источником хлопот для полицейских, патрулировавших участок. Чтобы прекратить поток непрошенных посетителей, в 2008-м территорию особняка обнесли забором из сетки-рабицы. Местные предприниматели, не пожалевшие для благого дела своего времени и оборудования, просто сказали, что будут спать спокойнее, зная, что помогли отвести людей от этого дома. Для верности они даже пустили по верху забора колючую проволоку.

Так дом снова затих, двор его зарос цепким плющом и высокой, по колено, травой.

Дом на Кровавом ручье стоит по сей день. Пустой. Тихий. Но незабытый. Не до конца забытый. Слухи дают ему жизнь, легендами он дышит.

Часть 1

Приглашение

Октябрь прошлого года

Я сделал еще один шаг в бездну.

– Что там, внизу? – спросил я ее.

Я чувствовал ее присутствие на лестнице.

– Не волнуйтесь, – ответила Рейчел. – То, что находится внизу, боится вас больше, чем вы его.

Я услышал, как она сдавленно хохотнула – смех застрял в горле, так и не достигнув губ.

Как обычно, я должен был увидеть все сам.

Д-р Малкольм Адьюдел, «Фантомы прерии»

Глава 1

Пятница, 7 октября

Воздух полыхал.

В каменной стене наверху было прорезано громадное вытянутое готическое окно, за скошенными стеклами сияло вечернее солнце. В проникающих сквозь окно лучах танцевали пылинки.

А там, куда свет не доходил, в тени, не утихало движение.

Лица.

Внимательные. Тихие. Жадные.

Все глаза были направлены на мужчину лет сорока, с коротко, почти под ноль, подстриженными темно-каштановыми волосами. Симпатичный, высокий, одет в поношенные черные джинсы и рубашку хенли, под которой проступала стройная, умеренно мускулистая фигура. Закатанные рукава рубашки позволяли разглядеть скопище татуировок на левом предплечье. Кожа под чернилами была странная, словно изъеденная чем-то: по сути, всю левую руку и тыльную часть ладони покрывала рубцовая ткань. Темные линии змеились по руке на первый взгляд без всякого смысла, но в их абстрактном переплетении проступали силуэты.

Деревья. Полевой цветок. Пустая глазница черепа. И пламя, бесчисленные языки пламени, пожирающие все это.

Мужчина окинул взглядом три сотни студентов, сгрудившихся в амфитеатре лекционной аудитории Хоха в Будиг-холле. Куда ни повернись, повсюду восхищенные глаза. Официально студенты пришли сюда, чтобы слушать лекцию для первокурсников «Хоррор в массовой культуре: введение». Но он понимал, почему в зале нет ни одного свободного места. Он был не просто резидентом Лоуренса и выпускником Канзасского университета, он был автором бестселлеров, «экспертом» по ужасам.

Сэм провел ладонью по остриженной голове, почувствовал кожей короткие волоски.

Не облажайся! Ты же вроде как специалист по кошмарам.

Прошелся по аудитории, чувствуя, как все присутствующие следят за ним взглядом, точно хищники за жертвой.

– Чего мы не знаем? – задал он риторический вопрос, и голос эхом отозвался в самых темных и дальних уголках похожей на пещеру аудитории. – Что скрыто – намеренно скрыто – от нас? Готическая традиция имеет дело с тайнами, мрачными тайнами, ужасными тайнами, скрывающимися прямо за фасадом обычной жизни. Современный хоррор до сих пор находится под сильным влиянием этой традиции. Но тайны больше не поджидают нас в жутких старинных замках. Готика вторгается в нашу повседневную реальность. На старую ферму из «Техасской резни бензопилой». В японский пригородный дом из «Проклятия». Даже на видеокассету из «Звонка». В литературе восемнадцатого-девятнадцатого веков зло, распространяющееся, подобно заразе, обитало в ветхих руинах – мы видим это в «Монахе» Льюиса, «Удольфских тайнах» Радклиф и «Мельмоте Скитальце» Метьюрина, – но теперь оно проникло в наши города, в наши пригороды, в наши дома. И это гораздо страшнее, не так ли?

По аудитории пробежал одобрителный шепот, несколько голов в многоглазой массе перед ним кивнули.

Сэм начал прохаживаться по аудитории быстрее, все более увлекаясь темой.

– Так что же делает роман однозначно готическим? В основе «Кошмара на улице Вязов» лежит тайна, которую родители с улицы Вязов скрывают от своих детей: они взяли закон в свои руки и убили Фредди Крюгера. В «Пиле» зритель гадает, кто такой Конструктор и что им движет. Так почему же в этих фильмах не чувствуется такой связи с готической традицией, как в других ужастиках?

Студенты неуверенно поглядывали друг на друга, никто не хотел первым дать неправильный ответ.

– Ну хорошо, – наконец сказал Сэм. – Есть несколько основных причин.

Воздух наполнил химический запах: Сэм снял колпачок с маркера. Повернувшись к висевшей на черной стене внушительной белой доске, он быстро вывел начальный пункт своего списка.

– Первое: зло исходит из одного места, – прочел он вслух написанное. Развернулся, оперся на массивную деревянную кафедру и

обратился к аудитории: – Да, уже из названия следует, что кошмар происходит на улице Вязов, но фильм как таковой не дает ощущения, что зло исходит именно отсюда. Мы почти ничего не узнаём о географии улицы Вязов, о том, как близко к ней находились обреченные детишки, не узнаём даже, действительно ли ужасные деяния Фредди совершались и совершаются только в этой части Спрингвуда. В итоге стерильно-безопасная улица Вязов оказывается не более чем эффектным контрастом для всепоглощающей угрозы «кошмара». Зато в «Техасской резне бензопилой» ужас сосредоточен в старом доме в техасской глубинке. Если бы роковое любопытство не привело подростков в логово Кожаного Лица, они бы остались целы. Зло – за той дверью. Не открывай дверь, и ничего не случится.

Маркер пискнул бурундуком, выписывая на доске следующий пункт.

– Второе: запретная история. С местом действия должна быть связана какая-то мрачная история, будь то любовная связь Квинта и гувернантки в «Повороте винта» или пригородная утопия «Полтергейста», где новенькие дома, как выясняется, возвели прямо на телах с оскверненного кладбища. Даже в этих случаях, когда сюжет прочно укоренен в области сверхъестественного, тайную историю намеренно скрывают от главных действующих лиц. Третье: атмосфера упадка и разрушения. Это может быть физическое разрушение, как в классике готической литературы: упомянутые мною ветхие руины и зловещие поместья до сих пор появляются в фильмах вроде «Других», «Женщины в черном» и «Багрового пика». Но разложение может быть и психическим, как в «Жильце» Романа Полански, где главный герой переезжает в безобидную на первый взгляд квартиру и начинает терять рассудок. Чаще всего мы наблюдаем комбинацию первого и второго – упадок и разрушение физических объектов ведут к ментальному упадку персонажа. Мы встречаем это снова и снова в таких книгах, как «Призрак дома на холме», и таких фильмах, как «Девятая сессия», где очистка помещения заброшенной психиатрической больницы «рифмуется» с умопомешательством одержимого жаждой убийства начальника бригады. И наконец... – Сэм вывел на доске последний пункт. – Четвертое: совращение невинных. То бишь вас, ребятки.

В аудитории раздался смех.

Сэм закрыл маркер колпачком, положил на бортик, идущий вдоль нижнего края доски, и вернулся к кафедре:

– Это, возможно, важнейший элемент любой хорошей готической истории. Уберите его – и что останется? Какая-то старая вонючая хибара с темным прошлым, о котором никто не помнит и на которое всем наплевать. А нам необходим персонаж, который обеспечит силам зла долгую жизнь. – Он достал с полки внутри кафедры потрепанную книгу и поднял повыше, демонстрируя аудитории изящный рисунок на обложке и набранные классическим шрифтом заглавие и имя автора. – «Уходя, гасите свет» Себастьяна Коула. У вас у всех должна быть эта книга.

Большинство студентов закивали, некоторые подняли свои экземпляры, показывая, что сделали, как велел Сэм: приобрели книгу.

– Вы, наверное, недоумеваете, зачем я заставил вас купить этот сборник, если мы собираемся обсуждать только один рассказ из него. Да потому, что Себастьян Коул – один из величайших авторов романов ужасов всех времен. И я хочу убедиться, что у вас у всех есть хотя бы одна его книга. Кто из вас уже читал Себастьяна Коула?

Поднялись несколько рук – увы, меньше, чем надеялся увидеть Сэм.

Прыщавый парень с центрального ряда выкрикнул:

– «Едва заметная тень»!

Сэм радостно кивнул:

– Есть мнение, что это лучшая книга Коула, хотя выбрать фаворита из обширного корпуса его работ затруднительно, по крайней мере, для меня. Итак, рассказ, который я попросил вас прочесть к сегодняшнему дню...

В воздух взвилась рука. Принадлежала она юноше ближневосточной наружности. Даже по тому, как парень сидел, было видно, что роста он выдающегося: длинные ноги неловко согнулись, колени упирались в сиденье впереди. Рука, казалось, сейчас дотянется до потолка.

– Да? – спросил Сэм.

– А ваши книги? – поинтересовался юноша. – Как все это отражается в них?

И тут же откуда-то из правой части аудитории другой, девичий голос выкрикнул:

– Расскажите про «Под ковром»!

Несколько не в меру рьяных студентов завопили и засвистели.

«Осторожнее, – напомнил себе Сэм. – Они хотят расколоть тебя, как орех».

Он сжал здоровой рукой другую, покрытую шершавой, словно у ящера, кожей.

Шум стих.

– О'кей. Это по-честному. Как готическая традиция представлена в моем творчестве? Ну что же, в «Под ковром» я попытался задействовать все четыре пункта и создать современный готический роман ужасов. Отец-одиночка, рабочий, переезжает со своим маленьким сыном на старую, заброшенную ферму в Оклахоме. Вот и первый пункт: зло исходит из одного места. Герой надеется, что потом и кровью сможет добиться урожая на здешней каменистой почве, сможет уговорить ее снова дать жизнь растениям, но он не знает, что этот забытый клочок земли стал бесплодным из-за событий, случившихся столетие назад. Если вы читали роман, то понимаете, о чем я. Если не читали, то я не буду портить вам удовольствие и скажу лишь, что здесь замешаны детоубийца, похищение ребенка и жестокая месть. Вот и второй пункт: запретная история. Третий пункт, упадок и разрушение, воплощен в самой ферме. Но также и в том, что происходит с отношениями отца и сына. Сначала – когда отцу не удается вырастить ничего, кроме сорняков, затем – когда у сына начинает проявляться странная, пугающая сверхъестественная сила. И вот вам четвертый пункт: совращение невинных. Видите ли, сила, которую начинает выказывать этот мальчик, – не Божий дар, а свидетельство того, что страшное зло хочет снова явиться в мир. Возьмите несколько сюжетных параллелей, затрагивающих темы плодородия и уязвимой маскулинности, добавьте несколько на первый взгляд неожиданных смертей и поражающего воображение насилия, хорошенько взболтайте, украсьте сверху потайным люком, который располагается в буквальном смысле «под ковром», и наслаждайтесь густым, насыщенным вкусом современного готического хоррора, достаточно острого, чтобы вы не забывали: для детского питания этот напиток не подходит.

В аудитории раздались добродушные смешки. Подняла руку бледная рыжеволосая девушка. И, даже не дожидаясь, когда Сэм ее

заметит, спросила:

– В чем ваша тайна?

Сэм почувствовал запах дыма. Дыхание перехватило, он чуть не закашлялся. Воздух внезапно обрел резкий серый привкус золы и пепла.

– Простите, – сказал он, с трудом переводя дух. – Что вы имеете в виду?

– Вы говорили, что все эти книги и фильмы – про тайны, верно?

Тонкие губы девушки едва шевелились, голос был такой тихий, что, пытаясь расслышать студентку, Сэм невольно наклонился вперед. От этого непроизвольного движения его внезапно охватила необъяснимая тревога.

– Да... – начал Сэм.

Студенка не дала ему продолжить:

– Вы говорили, что литература – дело интимное, что писатель всегда вкладывает в свою историю частичку самого себя. Так в чем же ваша тайна?

Сэм молчал.

С последнего ряда выкрикнули:

– Она спрашивает, почему вы пишете ужастики.

Сэм посмотрел туда, откуда шел голос. Узкий луч света уже пересек аудиторию, но пока достиг только средних рядов. Галерка практически терялась во тьме. Угадать, какая из сидящих там бесформенных теней заговорила, было невозможно.

Тонкая струйка дыма скользнула вниз по горлу, между легких, сдавила тело изнутри, заставила Сэма выдохнуть сквозь зубы. Дымная змея свернулась под ребрами и сжала свои кольца еще туже, просунула серую голову в трахею. Задрала морду, ткнулась в верхние доли легких, ища лазейку.

– Почему вы пишете ужастики? – снова громыхнул голос.

Сэм Мак-Гарвер уже не стоял в просторной лекционной аудитории Канзасского университета.

Ему было десять лет, его одежда была запачкана чужой кровью, его лицо освещали яростные отблески неукротимого огня. Жалкий мальчишка, крохотный силуэт на фоне адского пламени.

Теперь уже взрослый, Сэм молча стоял перед студентами, пока не прозвенел звонок, избавив его от вопроса, отвечать на который он не

хотел.

Илай Блок в измятом костюме сидел на веранде пивной «Фри Стэйт» с пинтой пива в одной руке и телефоном – в другой. К выпивке он еще толком не притронулся. Сейчас Илай был озабочен двумя задачами: написать помощнику ругательное электронное письмо, используя минимум знаков, и дождаться своего самого важного клиента, Сэма Мак-Гарвера.

– Господи, хреново же ты выглядишь, – раздался голос.

Илай поднял голову. Сэм. Ну наконец-то.

– Ага, и чувствую себя аналогично. Ненавижу этот город. Уезжай отсюда в Нью-Йорк немедленно.

Сэм слабо улыбнулся:

– Не дождешься.

Илай, как мог, подвинулся на забитой людьми скамье:

– Садись.

– Я сейчас. Схожу возьму пива.

– Бери мое. – Не дожидаясь ответа, Илай сунул Сэму стакан.

Сэм устроился на выделенном ему клочке скамьи. Поднес стакан к губам и двумя большими глотками осушил его наполовину. С потолка веранды, покачиваясь, свисали на веревочках фонарики-тыковки. Одна тыковка все мигала и мигала, грозя в любую секунду испустить дух. Сэм откинулся на деревянные перила, глубоко вздохнул и стал смотреть, как умирающий фонарик гаснет и загорается, гаснет и загорается.

– Что, все настолько плохо? – спросил Илай.

Сэм глотнул еще пива. В стакане уже почти ничего не осталось.

– Ты чего хотел, Илай?

– Просто проведать. Узнать, как ты тут.

– И ради этого ты летел на самолете? Не мог просто позвонить и спросить?

Теперь настала очередь Илая подыскивать подходящие слова. Таковых не нашлось. Помолчав, он решил рубануть сплеча:

– Мне звонила Эрин. Она о тебе беспокоится.

– Зря она это.

– Я тоже о тебе беспокоюсь.

Сэм опрокинул в рот остатки пива. Отдал пустой стакан проходившей мимо официантке и шепнул:

– Мне светлого.

Официантка кивнула и исчезла в пивной.

– Ты ничего не пишешь, – без обиняков сказал Илай.

– Ты просто не в курсе.

– Да ну! Так у тебя есть что мне показать? Есть сколько-то страниц рукописи?

– Покажу, когда будет готово.

– А это когда? – Голос у Илая стал злым. – «Дурная кровь» выпала из списка бестселлеров больше года назад. Люди спрашивают, когда ждать новую книгу, а я не знаю, что им отвечать. И начинаю сомневаться, будет ли вообще новая книга.

– Она на подходе, – заверил Сэм.

– Ври больше. Я еще ни страницы не видел. И редактор твой – тоже.

– Оба всё увидите, когда я закончу.

– А когда ты закончишь? – В интонации Илая засквозило отчаяние. – Ты два года над ней работаешь. Или говоришь, что работаешь.

В толпе не было заметно никакого движения, но официантка каким-то чудесным образом снова оказалась рядом. Она подала Сэму свежее пиво – тот кивнул на Илая:

– Запишите на его счет.

Официантка бросила взгляд на Илая. Он утвердительно тряхнул головой, и официантка снова исчезла.

Илай потер потными ладонями брюки, словно пытаясь разгладить морщины на ткани:

– Чувак, что ты творишь? Ты ничего не пишешь. Запрятался в вонючую аудиторию и преподаешь: болтаешь о чужих книгах. – Он немного помолчал и, собравшись с духом, добавил: – А еще ты разводишься.

– Мы разъехались, – поправил Сэм.

– Угу. Конечно. И много ты знаешь разъехавшихся пар, которые разобрались со своими проблемами?

Сэм промолчал.

– Зачем ты пытаешься разрушить свою карьеру?

– Я не пытаюсь.

– Ну, поддерживать ее ты что-то не особо стремишься.

Толпа внезапно задвигалась: кто-то прокладывал себе дорогу к двери. Людская масса колыхалась, словно длинная гусеница, ползущая по листу. Бородатый парень, стоявший прямо перед Сэмом, был вынужден сделать шаг назад и ткнулся Сэму в плечо. Немного пива выплеснулось из его стакана, холодный ручеек побежал по запястью и дальше – в запутанный лабиринт шрамов.

– Все, что я пишу, кажется мне слабым, фальшивым, – внезапно признался Сэм. Он наморщил лоб, словно удивляясь собственным словам. – Что бы я ни написал, мне тут же слышится голос Эрин, который говорит, что я способен на большее.

– А ты способен? – спросил Илай. Это было не изъявление недоверия. Это был честный вопрос.

– Досадно, что тебе пришлось сюда лететь, – сказал Сэм и ополовинил второй стакан. – Я тебе всегда рад, Илай, но ты мог просто позвонить.

– Знаю, – ответил Илай.

Сэм встал, похлопал его по плечу и начал пробираться сквозь толпу к выходу с веранды.

Он уже одной ногой стоял на тротуаре, когда Илай крикнул ему вслед:

– Почему ты пишешь ужастики?

Сэм застыл как вкопанный.

Ну конечно! Тот самый голос, что раздался из сумрака на галерке в Будиг-холле.

Сэм медленно обернулся к Илаю:

– Это был ты?

Илай не стал отводить взгляд. Он был готов драться, если придется.

– Я должен был увидеть, что же отрывает дико талантливого писателя от собственно писания. Что бы ни мешало тебе закончить книгу, надо разобраться с этим и двигаться дальше. Нельзя вечно прятаться в аудитории.

– Твою же мать, Илай.

– Сэм, если ты считаешь, что Эрин права, если ты считаешь, что способен на большее, покажи нам это большее. Напиши о том, что тебя реально волнует. Если тебя хоть что-то сейчас реально волнует.

Сэм не снизошел до ответа. Нырнул в толпу и пропал.

Бутылка «Буллета» так и ждала на кухонной стойке.

Звякнуло стекло: Сэм достал из шкафчика бокал и налил себе виски на два пальца. Сделал глоток – горло обожгло, и затаившийся в груди удав ослабил свою хватку. На смену удушающей дымно-пепельной пелене пришло умиротворяющее спиртовое тепло. Он закрыл глаза и почувствовал, как жар растекается от груди к конечностям.

Из кухни перебрался в гостиную: пустой дом наполняла тишина. За гостиной была столовая, а наверху располагались две ваннные комнаты и три спальни, одну из которых он приспособил под кабинет. Все было точно так же, как когда они въехали сюда с Эрин пять лет назад. Только теперь это были *его* комнаты, *его* дом.

Сэм поднес бокал к губам, но пить не стал. Застыл посреди гостиной – насекомое в янтаре, выпавшее из времени. Хорошо бы навсегда остаться в этом мгновении. Он не хотел ложиться в постель один. И не хотел сидеть перед пустым файлом на экране компьютера, слушая осуждающий голос в голове. Вот бы остаться здесь, прямо здесь, не шевелиться, уберечься от опасностей, которыми грозит малейшее движение.

Из дальней комнаты на втором этаже раздалось слабое «динь!»: компьютер в кабинете сообщал о новом письме.

Секунду спустя зажужжал мобильный в кармане.

Сэм вытащил телефон, экран зажегся.

Он увидел Эрин – на середине четвертого десятка прекрасная как никогда, зеленые глаза светятся радостью, руки обвивают талию Сэма, ее щека прижата к его щеке.

Пора бы уже сменить старые обои, Сэмми.

Сэм нажал на кнопку с изображением домика, и фотография, к счастью, скрылась под кучей иконок приложений.

На значке электронной почты появился красный кружок с цифрой 1.

Он ткнул в иконку. Выскочил список входящих. Непрочитанное письмо было выделено жирным шрифтом.

Сэм нахмурился, прочитав тему:

Приглашение

И над темой – адрес отправителя:

Wainwright@WrightWire.com

Он открыл письмо и принялся читать.

Пустой дом терпеливо ждал, когда Сэм нарушит тишину.

Глава 2

Суббота, 8 октября

Лезвие скользнуло вниз, легко обнажив влажную красную мякоть. Толстый язык возбужденно облизнул губы, и в следующий момент вилка с куском мяса пролезла между кривых зубов. Прозрачный сок потек по подбородку.

– Вы же знаете, как мы рады с вами работать, – сказал едок с набитым ртом. – Честное слово. Мы и сейчас очень, очень рады с вами работать.

Ти-Кэй Мор смотрела, как одутловатый лысеющий мужчина в мешковатом черном костюме поглощает стейк, и думала про себя: «Ну все, приехали. Конечная станция. Сейчас меня отымеют. Причем даже без оргазма».

Она шла на этот ужин в надежде, что ее ожидания не оправдаются. Встретили ее улыбками, объятиями и поцелуями в щеку. Перед ней даже отодвинули стул, словно сама она была не в состоянии совладать с такой сложной штуковиной, как предмет мебели на четырех ножках.

Мужчины заказали себе крепкие коктейли, пытаясь продемонстрировать друг другу свои глубокие познания в области виски и скотча.

Они понемногу закусывали с маленьких тарелочек мясом домашнего копчения, местными сырами, жареным осьминогом, желтохвостом, тартаром из говядины и фаршированным желудком барашка.

Они радушно улыбались, даже когда она уселась за стол в полутемном зале западно-голливудского стейк-хауса прямо в солнцезащитных очках и скрестила руки на груди.

Они заверили ее, что хотят обсудить проект на равных условиях.

Они хотели начать все с чистого листа.

Только все их заверения говна не стоили. Это было понятно по пустым комплиментам, по осторожной лести. Ягодки были впереди.

Черт, могла бы и догадаться, что все так и будет.

Тип в мешковатом черном костюме вытер рот льняной салфеткой и с энтузиазмом продолжил резать филе миньон.

– Поэтому, – сказал он, слизнув мясной сок с подбородка, – мы хотим услышать *ваше* мнение о проекте. Ну, как *вы* его понимаете. – Запихнул в рот кусок стейка еще больше предыдущего и принялся шумно жевать.

Мор перевела взгляд на мужчин, сидевших по обе стороны от него. Того, что посередине, звали Гэри Брайсон, он был главой киностудии. Слева от него – вице-президент по развитию, Таннер Стерлинг, тощий и скользкий тип в очках с голубоватыми стеклами и клетчатой рубашке. На дурацком лице Таннера вечно играла полуусмешка, словно любой стоящий перед ним человек по умолчанию был круглым идиотом и посему заслуживал бесконечного презрения. Справа от Брайсона сидел Филип Ченс, продюсер проекта и реально адекватный мужик. Но его добрый нрав редко подкреплялся силой воли. Филип неловко ерзал на стуле, к своей недосоленной и слишком дорогой еде он едва прикоснулся. Филипу было за шестьдесят, кожа на его лице обвисла, под добрыми карими глазами темнели мешки. Он явно был не в восторге оказаться между двух огней.

– Как я его понимаю? – переспросила Мор. Каждое ее слово было словно острая ледышка.

– Если вас не затруднит, – сказал Гэри, звучно причмокнув губами.

Таннер подался вперед, а Филип вжался в спинку стула.

Мор, словно любимую зверюшку, погладила свои перекинутые через плечо длинные угольно-черные волосы. С боков ее голова была обрита наголо. В темных стеклах очков отражалась стоящая на столе свеча: ее пламя плясало, словно в глазах Мор пылал пожар.

– Что я думаю о сценарии фильма по моему роману? Вы, мать вашу, издеваетесь!

Гэри застыл с полуоткрытым ртом, полным недожеванного мяса.

– Мы просто... – Он с трудом сглотнул и прочистил горло. – Мы хотим узнать, каково ваше видение.

Мое видение. В смысле моя книга?

Мор откинулась на спинку стула и окинула взглядом сидящих вокруг людей: кучка богатых промышленников в приталенных костюмах, бородатые хипстеры с по-гейски зализанными волосами и скелетоподобные блондинки с пухлыми губами, похожими на насосавшихся крови пиявок. Из белых динамиков на потолке бухала невнятная электронная музыка.

Ее молчание становилось неприлично долгим.

Таннер потер потные ладони. Когда он заговорил, Мор невольно представила себе противного мультяшного мышонка в круглых очках с толстыми стеклами. Видя такого на экране, с нетерпением ждешь, когда его разорвет на клочки голодный кот.

– Мы просто пытаемся прийти к взаимопониманию.

Мор мотнула головой так, что черная грива взметнулась с ее плеча, точно атакующая змея:

– Вы прочли мою книгу?

– Разумеется, я ее прочел.

– Опишите мне сюжет.

Таннер неловко поерзал на стуле:

– Я не думаю, что нужно...

– Опишите сюжет, – повторила Мор.

Таннер сидел как на иголках. Он тоненько, удивленно хихикнул:

– Вы серьезно?

– Вы же вроде как эксперт.

Таннер посмотрел на Гэри. Он не хотел садиться в лужу.

Это не укрылось от Мор.

– Идите на хер, Таннер. – Склонив голову набок, она смерила взглядом Большого Босса в мешковатом костюме. Тот уже забыл про свой стейк, мясной сок на тарелке начал загустевать. – Так в чем дело, Гэри? – спросила Мор. – Зачем вы позвали меня на ужин?

Гэри отложил свою вилку:

– Послушайте, дорогуша, ваш роман здесь ни при чем.

Дорогуша. Только попробуй назвать меня так еще раз.

– Роман отличный. Поэтому мы и купили на него права.

– Отличный, – повторил Таннер.

– Он просто немного... радикальный.

– Совсем немного, – снова попугаем поддакнул Таннер.

– Мы хотим чуточку сгладить углы. Попробовать выйти на более широкую аудиторию.

– То есть хотите сделать из него подростковую мелодраму «двенадцать плюс», – вскипела Мор.

– Нет, – заверил Гэри. – Все нет, мы лишь хотим усилить акцент на зловещей любовной истории, находящейся в центре повествования. Сделать главную тему более удобоваримой.

Мор запустила руку в элегантную кожаную сумку, висевшую на спинке стула, вытащила книгу в мягкой обложке и швырнула на стол. Книга приземлилась в самую его середину, всеми своими четырьмястами тридцатью двумя страницами, заставив серебряные приборы звякнуть о тарелки, а кубики льда – подпрыгнуть в бокалах.

– Скажите мне, что вы видите. – Это было и требование, и вызов.

Трое мужчин поглядели на обложку.

Рисунок был простым и выразительным, как на обложках всех романов Мор: рука девочки-подростка, сжимающая окровавленное бритвенное лезвие, застыла над обнаженным бедром. Грубыми, неровными буквами на бедре было вырезано название книги – «Надрез». На запястье девочки падала тень от второй руки – судя по размеру и форме, явно мужской, – словно это она направляла лезвие, искалечившее податливую плоть. Корешок книги был весь в изломах, верхний правый угол топорщился из-за множества загнутых уголков страниц.

Принять вызов отважился Гэри:

– Ну что же, книга весьма сложная. Эротичная, мрачная. Поэтому мы и хотим рассказать эту историю в фильме, хотим передать дух вашего романа...

– Ясно, – оборвала его Мор. – Очевидно, никто из ваших подчиненных не удосужился хотя бы на пару минут вытащить ваш член из своего рта, чтобы пересказать вам аннотацию на задней обложке. Поэтому позвольте мне сделать это. – Она взяла книгу со стола, перевернула и начала читать аннотацию: – «Действие романа разворачивается в обманчиво идиллическом пригороде, охваченном эпидемией подростковых суицидов. „Надрез“ – зловещая история о группе пресыщенных старшеклассников, захотевших найти себе развлечение поинтереснее самопальных наркотиков и беспорядочного секса. В отчаянных попытках разнообразить свою невыносимо

унылую жизнь они врываются в дом одноклассницы, чтобы устроить погром. И находят труп девушки-самоубийцы, покрытый тысячами надрезов, сделанных бритвенным лезвием».

Таннер раздраженно вздохнул:

– Пожалуйста, мисс Мор, мы знаем, о чем роман.

– Вот тут начинается самое интересное, – продолжила Мор, не обращая на него внимания. – «На полу лежит раскрытым древний проклятый фолиант – членовредительское руководство по достижению астральной проекции через самокалечение. И вот подростки уже увлечены все более и более жестокими ритуалами, они покидают свои истекающие кровью тела, чтобы в оргазмических трипах исследовать границы реальности».

– Это действительно необходимо? – спросил Таннер.

– Да. Необходимо, – коротко и сухо ответила Мор. И стала читать дальше: – «Но некая сущность мешает им вернуться назад. Некая сущность в тысячу раз могущественнее и омерзительнее всего, что им доводилось видеть в самых диких своих фантазиях, в самых страшных кошмарах».

– К чему вы ведете, мисс Мор?

Мор внезапно сорвала с лица темные очки. Глаза у нее были серые и холодные. Зеленые крапинки на радужных оболочках внушали надежду – они походили на мох, карабкающийся по древнему камню. Но что-то было явно неладно с правым глазом. Со зрачком. Он потерял форму, словно растекшийся темный желток испорченного яйца. Растянулся и проник в радужку, грозя поглотить ту малую толику цвета, что в ней оставалась.

– Что, черт подери, здесь похоже на мелодраму?

– Никто не хочет превратить «Надрез» в мелодраму, – заверил Гэри.

Мор медленно повернулась к нему. Ее деформированный зрачок словно разрастался, всасывая в себя остатки скудного света над столом.

– Я знаю, что вы взяли нового автора. Я видела последний вариант сценария.

Гэри сверкнул глазами на Таннера. Таннер вздрогнул и, чтобы перевести стрелки, устремил обвиняющий взгляд на Филиппа.

– Она имела полное право увидеть сценарий, – сказал тот.

Гэри провел ладонью по своему гладкому, бледному лысеющему лбу:

– Господи, Филип. Да что с тобой такое?

– Мы всего лишь пытаемся выйти на более широкую аудиторию, – не сдавался Таннер. Он пытался вернуть ситуацию под контроль. – Поэтому мы взяли наиболее симпатичных читателю персонажей и развили их образы.

– *Развили*, – саркастически усмехнулась Мор.

– Именно.

– Я скажу, что вы сделали: вы выдумали любовную историю, которой нет в романе, чтобы фильм превратился в жалкую мистическую дрисню наподобие «Сумерек».

– А если начистоту, что тут, мать вашу, плохого? – выпалил Гэри.

– Это уже не моя книга.

– Верно. Это не ваша книга. – Гэри откинулся на стуле. – Это *наш* фильм.

Ну, вот и все. Маски сброшены. Наконец-то.

С любезностями было давно покончено. Гэри загнал Мор в ловушку, и все за столом это понимали.

– Права мы купили. Разрешение на экранизацию вы нам дали. Наше с вами сотрудничество окончено. Теперь мы будем работать с «Надрезом» так, как *мы* считаем нужным. Черт, да мы, возможно, и заголовок этот гребаный заменим. На что-нибудь, знаете ли, попримечнее. Если хотите поорать и постучать каблучками, наорите сперва на юриста, который вас во все это втянул. А теперь, если не возражаете, я доем свой стейк. Потом, может быть, еще и десерт закажу. Хотите – оставайтесь, хотите – уходите. Дело ваше.

Гэри взял нож и вилку, отрезал здоровенный кусок холодного стейка и с довольным видом запихнул его в свой ухмыляющийся рот. Он пристально смотрел на Мор, одинаково наслаждаясь и мясом, и моментом.

Мор медленно надела очки. А потом, к изумлению всех присутствующих, закивала.

– Вы правы, – сказала она.

Второй раз за вечер Гэри застыл, не дожидаясь.

Мор провела ладонями по своим бритым вискам, словно сбрасывая капюшон, который до этой минуты мешал ей видеть:

– Вы правы. Думаю, я просто не так смотрела на проблему.

Гэри покосился на Таннера и прищурился, словно спрашивая: «Что эта сучка удумала?»

Таннер пожал плечами.

Мор протянула руку через стол и коснулась ладони Гэри. Кончики ее покрытых серебристым лаком ногтей чуть царапнули его обгоревшую на солнце кожу. Дрожь пробежала от основания черепа Гэри до кончика его члена.

– Простите, Гэри, – сказала Мор. – Я, честно, не ругаться сюда пришла.

Гэри забыл о еде. Он скользнул взглядом по открытому декольте Мор, затем посмотрел в темные стекла ее очков. Огоньки снова были там. Они мерцали. Танцевали.

– Просто... ужасы очень дороги мне.

Она переплела его неуклюжие пальцы со своими, подтянула его ладонь ближе к себе.

– Ну что же, это я понять могу, – промямлил Гэри. – Я не виню вас за откровенность.

Мор засмеялась с явным облегчением:

– Слава богу. Простите, я не хотела вас оскорбить.

Свободной рукой Гэри отмахнулся от ее извинений, словно отгонял дурной запах:

– Ничего страшного. Все в порядке, честное слово.

Таннер и Филип наблюдали этот обмен репликами с растущим недоумением. Никто из них еще не слышал, чтобы Ти-Кэй Мор за что-то извинялась.

– Я лишь хочу, чтобы вы как следует поняли кое-что. – В ее взгляде, устремленном на руку Гэри, сквозило нечто близкое к обожанию. Серебристым ногтем Мор прочертила на его волосатых костяшках затейливый узор, потом повела пальцем по тыльной стороне ладони вниз, к запястью.

Гэри выпрямился на своем стуле.

Ласковый палец Мор вернулся к верхней части его ладони, дошел до кончика его указательного пальца. Ногти Гэри являли собой настоящую выставку достижений дорогостоящего маникюра, это была единственная тщательно ухоженная часть его тела.

– Понимаете, ужас для меня – это нечто выстраданное.

- Я понимаю.
- Это не детские игры.
- Согласен.

Мор легонько потянула Гэри за указательный палец, словно фермер, проверяющий коровье вымя.

С толстых губ Гэри сорвался еле слышный вздох.

Таннер бросил на Филипа ошарашенный взгляд. Они оба понимали, что за столом их сейчас считай что нет. Они были больше не нужны. Вечер принадлежал Гэри и Мор, и никому больше.

– Страх очень похож на секс, – продолжала Мор. – Грубый, первобытный, и, когда он хорош – когда он *и впрямь* хорош, – бывает даже немного больно. Но это приятная боль, вы же понимаете?

Толстяк кивнул и попытался что-то сказать, но лишь выдохнул.

Мор погладила его палец. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

– Потому что в этом и заключается суть хоррора. В боли. В невыносимой, всепоглощающей боли. Такой реальной, такой жестокой, что ты почти что испытываешь извращенную потребность в ней. От нее мурашки бегут по коже, намокает киска и твердеет член. Боль нужна нам, чтобы ощущать себя живыми. Она доказывает нам, что мы существуем. И настоящий ужас начинается, когда мы осознаем, что погоня за этим ощущением – за доказательством нашей подлинности – привела нас в страшное темное место, откуда нет выхода. Вот *истинный* ужас. Когда соблазнитель набрасывается на нас и сделать уже ничего нельзя. Мы потеряли контроль над ситуацией. И теперь нас ждет чудовищная, невообразимая расплата.

Мор стиснула палец Гэри так, что кончик побелел. Другой рукой она схватила с его тарелки нож для стейка.

– Вот, к примеру, секунду назад вы были уверены, что я к вам клеюсь.

Мор прижала острие ножа к пальцу Гэри, завела прямо под изящно подстриженный ноготь.

– А сейчас я загоню вам этот сраный нож под ваш поганый ноготь.

Мор легонько нажала – кончик ножа погрузился в мягкую плоть. Под ногтем расплылось крошечное кровавое пятнышко.

Изо рта Гэри вырвался жуткий звук, похожий на панический взвизг щенка, которого пнули ногой. Он дернул руку, и Мор выпустила его палец.

Таннер бросился к ней через стол, но Мор уже отложила нож и поднялась на ноги.

– Ах ты сучка! – прошипел Гэри. – Гребаная шизанутая сучка!

Ресторан замер, все глаза устремились на Мор и трех мужчин за столом.

– Спасибо за ужин, дорогой Гэри. Было очень приятно. – Она закинула на плечо цепочку, заменявшую ее сумке ремешок, черные волосы обвились вокруг стальных звеньев, словно побеги разумного растения. Затем ткнула серебристым ногтем в книгу на столе. – Это оставьте себе. Может, вам даже захочется почитать.

– Тебе конец, слышишь? – Казалось, Гэри сейчас разорвет от бешенства.

Но Мор уже толкнула дверь и растворилась в до сих пор хранящем тепло воздухе калифорнийского осеннего вечера.

Лучи фар пробежались по дому на вершине холма, осветив суровый бетонно-стеклянный современный фасад середины прошлого века.

Золотистый «Мазерати-Гран-Туризмо» влетел на подъездную дорожку. Шины взвизгнули – машина резко затормозила.

Едва заглушив двигатель, Мор выскочила наружу. Она дрожала, все тело сотрясали мучительные спазмы. Когда она только вышла из ресторана, все было в порядке, и руль она держала крепко. Но чем выше она поднималась по склонам Голливуд-Хиллз, чем ближе подъезжала к дому, тем сильнее ее била дрожь. Мор подозревала, что, живи она на квартал дальше по узкой извилистой дороге, трясущиеся руки не справились бы с управлением и автомобиль полетел бы в каньон.

Но теперь она дома. В безопасности.

Тогда почему я до сих пор трясусь, как паршивая болонка?

Мор охватила ярость, по венам помчался адреналин. Она слышала, как бешено колотится в груди сердце.

«Вдохни», – скомандовала она себе. И вдохнула – легкие наполнил холодеющий вечерний воздух. Мор начала успокаиваться. Руки перестали трястись, потом их примеру последовали остальные части тела.

Где-то с минуту Мор стояла на краю подъездной дорожки и просто дышала.

Вдох – выдох. Вдох – выдох.

«О’кей», – подумала она.

О’кей.

Она вновь обрела власть над своим телом. Паника пока что была побеждена.

– Соберись, сучка, – сказала Мор вслух и усмехнулась собственным словам.

С середины подъездной дорожки она увидела маленький бледный прямоугольник, словно парящий в воздухе перед входной дверью.

Подойдя ближе, Мор поняла, что прямоугольник не парит: он приклеен к тяжелой дубовой двери скотчем, а свет ближайшего фонаря отражается от кремовой бумаги конверта, создавая оптическую иллюзию. На нем изящным почерком было выведено одноединственное слово: «*Приглашение*».

Мор уже протянула руку, чтобы сорвать послание с двери, но вдруг замерла.

На конверте не было марки. Не было обратного адреса. Отправитель доставил его лично.

«Не открывай», – предостерег внутренний голос.

Это было глупо. Что страшного может оказаться в конверте? Однако мысленно Мор перебрала все возможные варианты, все опасности: любовное письмо от stalkера, гневное послание от злобной мамы, считающей, будто это Мор виновата в том, что ее ребенок себя режет, любезности от соседа, которого она знать не желает.

И наконец, самое тревожное: это может оказаться ни то, ни другое и ни третье, а нечто совершенно неожиданное.

Голос в голове зазвучал снова, уже громче:

– *Не открывай!*

Ти-Кэй Мор замерла у двери своего дома, октябрьский ветер ласкал невидимыми пальцами густую гриву ее черных волос.

Глава 3

Вторник, 11 октября

Во всем был виноват дом.

Что-то проникло в него. Окружило Сэма. Пыталось задушить.

Тишина.

Тишина, от которой было трудно дышать.

За широким панорамным окном кабинета на втором этаже покачивались на фоне ночного неба угловатые силуэты верхушек деревьев, озаренные светом невидимого фонаря. Ветви торчали из мрака, точно уродливые кости, без всякой надежды удерживая хрупкие осенние листья. Налетел ветер – незримый, яростный – и закружился перед двойной рамой. Тихо просвистел что-то странное на минорный лад. И умчался.

В доме вновь воцарилась тишина.

Сэм сидел за массивным деревянным столом – белая краска облупилась, тут и там виднелись призрачные отпечатки кофейных чашек. Он неотрывно глядел на монитор, курсор на пустой странице файла дразнил его, словно подмигивая, – когда-то пальцы Сэма танцевали, подгоняя его. Но те времена прошли. Теперь его руки, сложенные в бессилье, лежали на коленях. Как бы он хотел, чтобы пальцы снова ожили, потянулись к клавиатуре и исполнили номер в лучших традициях незабвенного Фреда Астера...

Пальцы не слушались.

Сэм начинал новый роман уже раз сто. Он перепробовал бесчисленное множество первых предложений. Каждое из них хранилось в отдельном файле в папке, заслуженно озаглавленной «Херня».

Малыш Келлер Рид проснулся посреди ночи, увидел в темноте свое дыхание, похожее на замерзшее облако, и понял, что тот человек снова вышел из шкафа.

Понадобилось четыре человека, чтобы поднять выбеленный солнцем могильный камень с поля позади дома Келлера Рида.

Сара Энн пристально глядела на свое отражение в зеркале, дожидаясь, когда оно зашевелится первым.

В четверть четвертого утра в свой шестнадцатый день рождения Сара Энн, спотыкаясь, добралась до дома и увидела бледное лицо в окне своей спальни.

У рыбаков был обычай приколачивать голову самой крупной рыбы из улова к телефонному столбу на Ривер-роуд, но голова, на которую глядел шериф Бимонт, принадлежала не вытащенному со дна реки сому – она принадлежала Саре Энн Бейкер.

Куклы не было там, где она оставила ее прошлым вечером.

И, пожалуй, самое вдохновенное:

Сэм, ты говно, а не писатель, и никогда не напишешь ничего хоть сколь-нибудь стоящего, потому что сам ты фальшивка, да и книги твои – дрянь.

Дрянь... Сэм продолжал пялиться на белый экран.

На верхней полке книжного стеллажа секундная стрелка металлического будильника заставила минутную приблизиться к двум часам ночи.

Спать. Надо поспать. В десять утра у него занятия, а после пяти поглощенных накануне стаканов пива стряхнуть морок усталости будет еще труднее.

Курсор мигал, мигал, мигал...

Сэм положил пальцы на клавиатуру – медленно, осторожно, словно на спиритическую доску.

Курсор мигал, мигал, мигал...

У него были и другие истории в запасе: отрывки, написанные на желтых блокнотных листах, нацарапанные на салфетках или же хранящиеся на задворках памяти. По большей части они были похожи на его уже опубликованные романы: «Под ковром», «Багровая луна», «Кричи громче» и «Дурная кровь», которые занимали почетное место на полке прямо под проклятыми часами, что неумолимо приближали рассвет. Можно переключить передачу, взять новую задумку и устроить тест-драйв: посмотреть, как эта задумка ляжет на страницу. Не обязательно выдавать что-то гениальное. Или даже хорошее. Надо лишь дать читателям то, чего они ожидают от романа Сэма Мак-Гарвера: чтобы мужчины много вкалывали и еще больше пили, чтобы

женщины любили их и чтобы за фасадом их идеального, как с открытки, среднезападного городка таилось безымянное зло.

«Сверни куда-нибудь, – подумал он. – Смени направление. Просто напиши что-нибудь. Хоть что-то. Напиши хоть один сраный абзац. Предложение. Слово!»

Курсор нахально подмигивал.

– Ты способен на большее.

Сэм охнул и обернулся в кресле.

Он слышал его. Голос. Голос, эхом донесшийся из коридора.

В дверном проеме были лишь темнота и пустота.

Не было никакого голоса. Не было никого в коридоре.

Сэм был один.

Он прилежно просидел перед пустой страничкой *Microsoft Word* еще полчаса. А потом вздохнул и нажал на «Завершение работы». Компьютер зажужжал и затих. Монитор устало мигнул и погас.

Почему так тяжело? Это же его ремесло. Это единственное, что он умеет. Надо просто придумать чертову историю.

Ты способен на большее.

Он приставил палец к кнопке «Пуск», но нажимать не стал. Сидел и слушал, как в доме что-то щелкает и поскрипывает. Ночные звуки.

Звук усадки.

Он закрыл глаза.

И вновь почувствовал вкус дыма.

Мальчик вновь стоял перед горящим домом – тень, задавленная адским пламенем.

Сэм убрал палец с кнопки. Нет, компьютер останется выключенным до утра.

В ванной он стал готовиться ко сну: почистил зубы, умылся, стянул поношенные джинсы. Достал из аптечного шкафчика оранжевый пузырек – в таких продают лекарства по рецептам – и вытряхнул на ладонь одну зеленую таблетку: тридцать миллиграммов пароксетина. «От тревоги», – говорил он сам себе. Но на самом деле пароксетином он лечил депрессию. Приглушал тоску. Таблетка должна была одолеть то, от чего он прятался с самого детства.

Хотя сквозь стены уже проникал октябрьский холод, в постель он лег в одних трусах. И не стал возиться с одеялом. Просто лежал в

темноте, по-прежнему придерживаясь «своей» половины кровати, уставившись в скрытый мраком потолок.

Ты способен на большее.

Что-то попало в горло. Что-то серое, шершавое, земляное. Он не мог дышать. Он не хотел дышать. Пусть его заберут. Он заслуживает, чтобы его затянуло во тьму.

То, что было в горле, свернулось ту же, тлело, грозя разгореться. Сэм мечтал, чтобы пламя поглотило его. Чтобы тело распалось на обугленные куски. Мечтал снова познать ту боль, ощутить тошнотворный смрад собственного поджаривающегося мяса.

Он стиснул левое предплечье, и изувеченная плоть под татуировками вздрогнула и пробудилась, точно рептилия от лучей теплого солнца.

Оранжевый свет вспыхнул в основании черепа. Тени заплясали на стене пещеры.

Он мало получил. Легко отделался. Следовало убить себя давным-давно. Господь свидетель, он думал об этом бесчисленное число раз. О том, как вышибет себе мозги пулей. Как канцелярским ножом вскрыет руку от запястья до локтя. Как повесится на балке в гараже, и его ноги будут по-дурацки дергаться в воздухе.

Наконец Сэм перевернулся на живот. Немного полежал в тишине, и засевший глубоко в горле серый ком растворился в долгом обреченном вздохе. Он протянул руку на правую сторону кровати. Почувствовал холод простыней, которые когда-то согревало тело Эрин. Уже засыпая, проваливаясь в небытие, Сэм готов был поклясться, что коснулся ее пальцами. Ощутил ее гладкую кожу. Зов ее плоти.

Пять часов спустя Сэм Мак-Гарвер проснулся оттого, что солнце светило ему в лицо. Яркие утренние лучи лились в окно спальни. Наступил новый день.

Сэм зажмурился как можно крепче, спасаясь от света.

Тощий второкурсник, о чьей горячей любви к хоррору недвусмысленно свидетельствовала футболка в обличье с логотипом *Fangoria*^[3], выкрикнул с предпоследнего ряда:

– А как же Сталл? Там точно есть паранормальная активность!

Сэм отхлебнул из дорожной кружки, ощутив на губах горький поцелуй еле теплого кофе. Разобравшись с «готической» частью курса, он перешел к достижениям литературы о сверхъестественном, начиная

с Шеридана Ле Фаню, М. Р. Джеймса и заканчивая... ну... да какая разница? Стоило студентам начать задавать вопросы, как разговор ушел далеко в сторону от темы.

– Сталл... – Сэм прикрыл глаза и потер лоб. – Врата в ад. Мы все слышали эти истории. Когда Папа в девяносто третьем году летел в Денвер, он велел пилоту обогнуть «нечестивое место». Об этом вы можете прочесть в подробностях, если найдете в *Time* девяносто третьего года интервью с Иоанном Павлом Вторым, только вы его не найдете, потому что этого интервью не было. Поверье гласит, что, если швырнуть стеклянную бутылку в каменную стену местной церкви, бутылка не разобьется, однако сотни разбитых бутылок, захламляющих церковный двор, свидетельствуют об обратном. Мне горько это говорить, но Сталл – не более чем городская легенда, обладающая, впрочем, уникальным местным колоритом, что само по себе можно считать поводом для гордости.

Сэм покинул безопасную позицию за кафедрой и подошел к студентам.

«Осторожнее, – напомнил он себе. – Они любопытны. Они хотят разведать твои секреты».

Что-то тихо хрустнуло в темной бездне в основании его черепа. Обрушилось что-то неустойчивое. Вспыхнуло бледное пламя – и боль исчезла. Нечто поглотило ее. И все прошло. Растворилось в сумраке.

Он с силой вдавил большой палец одной руки в ладонь другой. Надо вернуться к теме лекции.

– Сталл... это... слушайте, нам всем хочется верить в чудеса, верно? Даже загадочному сносу церкви мы стремимся найти мистическое объяснение. Потому что, если мы докажем, что призраки существуют, что сверхъестественное существует, это, в свою очередь, докажет существование загробной жизни и, наконец, – для пушного эффекта он воздел вверх указательный палец, – существование Бога. И высиживать еженедельную службу в церкви, получается, необязательно. Душа теперь спокойна, ведь с таким доказательством можно не сомневаться: смерть – это не конец.

– Тогда дом сестер Финч, – раздался девичий голос. Повернувшись, Сэм поразился тому, что студентка, несмотря на свою явную материальность, казалась привидением: темная фигура

растворялась в окружающих ее тенях. – Я знаю, что в этом доме есть духи. Я там была.

– В скобках: нет! – крикнул какой-то парень с галерки.

Девушка расправила плечи, готовая принять вызов.

– Я была там. Прошлым летом. Нашла дыру в ограде и дошла до дома. Открыла входную дверь. Вошла прямо внутрь. И я стояла там – я серьезно! – я стояла там и... и услышала вроде как стон. Вроде... вроде как женщине больно. Может, это был какой-то зверь. Но что-то мне говорило... что это не зверь.

– И что дальше было? – Это уже спросила другая девушка.

– Дальше я убралась оттуда на хрен, что же еще?

Аудитория взорвалась хохотом, в котором почти потонул звук мобильного Сэма. Он запустил руку в карман, выключил будильник и объявил:

– Конец лекции. Увидимся в пятницу.

По аудитории разнеслось эхо от множества нестройно шаркающих к выходу. У студентов ушло несколько минут на то, чтобы освободить помещение. И Сэм вновь остался один.

Он вернулся к кафедре, откинул крышку серебристой дорожной кружки и проглотил омерзительные остатки застоявшегося кофе.

– Мистер Мак-Гарвер?

Голос был низкий, с ирландским акцентом.

Сэм обернулся. У самого первого ряда стоял молодой мужчина: ему явно не было и тридцати. В узких черных брюках в тонкую полоску, белой рубашке с треугольным вырезом и темном кожаном пиджаке – пиджак отлично подходил к внимательным глазам диковинного лиловато-карего оттенка. Шевелюра у незнакомца была роскошная – пышная, каштановая, волнистая, – но лицо казалось каким-то странным. Плоть словно бы слишком хорошо прилегала к костям. «Как мягкая глина, – подумалось Сэму, – которую криминалист наносит на череп, реконструируя внешность человека». Стоявший перед ним человек производил пугающее впечатление собственной копии – достоверной, но все же неидеальной.

– Сэм Мак-Гарвер?

Сэм растерянно кивнул:

– Да.

Незнакомец ухмыльнулся и принял непринужденную позу, засунув руки в карманы.

– Что же вы, дружище, не ответили на мой имейл?

Дверь с тихим щелчком закрылась. Сэм повернулся к визитеру; они устроились в маленьком кабинете Сэма на втором этаже Уэскохолла, где располагалась кафедра английского языка.

Визитер представился Уэйнрайтом. Просто Уэйнрайтом. Без имени.

Имя и не требовалось. Сэм прекрасно понимал, кто перед ним.

– Рад с вами познакомиться, но вы здесь только зря потратите время.

– Так вы получили письмо? – спросил Уэйнрайт. Низкий голос не вязался с его моложавой внешностью, словно принадлежал другому человеку, гораздо старше, прячущемуся в его теле.

Сэм уселся в потертое кожаное кресло перед заваленным бумагами столом:

– Ну да. Получил.

– И?

– И решил, что это какая-то глупость.

– Как так?

– Ну, я подумал, что это шутка.

– А зачем бы мне шутить о подобных вещах?

Сэм слегка покачал головой, но ничего не ответил. Ответа у него не было.

– Это не шутка, – заверил Уэйнрайт. – Я хочу, чтобы вы приняли участие в «Страхе в эфире».

– Вы хотите взять у меня интервью?

– Ну да, для сайта.

– За сто штук?

Уэйнрайт невозмутимо смотрел на Сэма, словно и впрямь не понимал причину его недоумения. В жестком свете флуоресцентных ламп его лицо выглядело еще более странным. Словно бы... несоразмерным. Глаза слишком широко расставлены. Брови – слишком прямые. Губы – слишком тонкие. И этот причудливый цвет радужек, будто обтянутых дубленой шкурой давно вымершего зверя. Уэйнрайт был одновременно потрясающе красив и вопиюще фальшив, как полицейский фоторобот или кинозвезда.

– Сто тысяч долларов за два полных дня.

– Это бред какой-то.

Уэйнрайт и бровью не повел.

– Зачем брать интервью два дня?

– Вы знаете мой сайт?

Сэм кивнул. *Я писатель. Я полдня прокрастинирую на просторах Интернета.*

– Тогда вы знаете, что у меня... думаю, можно назвать это *нетрадиционным* подходом к продвижению моего любимого жанра.

Уэйнрайт сложил в щепотку большие и указательные пальцы и развел руки в стороны, словно растягивая невидимую нить.

– Хоррор сейчас популярен как никогда раньше, так? Но до недавнего времени никому не удавалось придумать способ достучаться до интернет-аудитории вне фэндома. – Он рубанул руками воздух, обозначая пространство за пределами невидимой нити. – А я нашел возможность заинтересовать рядового любителя хоррора и даже завоевать внимание тех, кто никогда не проявлял интереса к этому жанру. И удалось мне это благодаря хоррор-ивентам на «Страхе в эфире». Поэтому сайт каждый месяц и посещает больше ста миллионов человек. Поэтому мы не просто крутейшая хоррор-платформа двадцать первого века – мы крутейшая *поп-культурная* платформа. Вот так-то.

– Да-да, я видел, что вы делаете.

– Посмотрели, значит? А самый последний проект видели? Премьеру «Подземки»? – Уэйнрайт не стал дожидаться ответа. Он подался вперед, будто собирался поделиться пикантной сплетней, а не описанием видео, набравшего больше пятидесяти миллионов просмотров. – Мы выдали это за обычный стрим: актеры и прочие киношники – режиссер, продюсеры, руководитель студии – едут в лондонской подземке, давшей фильму название, на премьеру на Лестер-сквер. А потом мы остановили поезд прямо посреди туннеля. Без предупреждения. Без объяснений. Вскоре во всех новостях передавали: «Актеры „Подземки“ застряли в подземке». Но стрим продолжался – это был единственный способ связаться с нашими беспомощными героями...

Уэйнрайт провел пальцем в воздухе прямую линию, изображающую протяженность эфира.

«Он обожает это шоу, – подумал Сэм. – Оно его заводит».

– Спустя полчаса аудитория стрима выросла с десяти тысяч до ста тысяч. И это еще до того, как чудовища полезли из темноты. – Уэйнрайт улыбнулся, но лишь уголками рта – больше ничего не шевельнулось на его резиновом лице. Даже в глазах не промелькнуло веселье. – Все, конечно, были в курсе происходящего. Киношники, руководство подземки, даже полиция. Поезд на самом деле стоял на неиспользуемой ветке. Никакой угрозы, что в него врежется другой поезд, не было. В тот вечер это была наша личная съемочная площадка. Журналисты это слопали и завалили нас звонками. Целый день *#подземка* была самым популярным хештегом. Мы устроили свою маленькую «Войну миров»^[4]. В конце концов мы довезли нашу команду до кинотеатра в целости и сохранности – уловка сработала. На следующее утро у видео было уже больше миллиона просмотров. А к концу недели набралось десять миллионов. – Интернет-магнат поднялся с кресла и оперся руками о край стола. – Мы превратили обычную премьеру ничем не примечательного ужастика в уникальный перформанс, стирающий грани между реальностью и вымыслом. И этот перформанс, черт подери, затмил саму премьеру.

– Ну и что вы хотите? – сухо поинтересовался Сэм. – Посадить меня в вагон метро, чтобы люди смотрели, как я там печатаю?

Уэйнрайт аккуратно сел обратно в кресло. Повисла долгая пауза: он собирался с мыслями.

– Я создал «Страх в эфире» не только чтобы продвигать хоррор и фэнтези как таковые, но чтобы отдать должные почести произведениям, от которых, по моему мнению, все должны прийти в восторг. Фильмам. Сериалам. Музыка. Сайтам. *Книгам*. Я хочу покончить со стигматизацией хоррора и прочно вписать его в мейнстрим, чтобы весь мир увидел: нет ничего плохого в том, чтобы исследовать темную сторону, чтобы отдаваться неизведанному. И вот, поскольку надвигается Хэллоуин, я решил, что сейчас самое подходящее время напомнить людям, какой Сэм Мак-Гарвер обалденный. Напомнить им истории, заставившие миллионы читателей обделаться от ужаса. Дать им взглянуть одним глазком на писательскую кухню. И может быть, даже подразнить их вашим новым романом.

В комнате дома на другом конце города, на столе у панорамного окна, курсор на экране компьютера принялся мигать, мигать, мигать...

Сэм поморщился, ощутив, как сдавило грудь.

– Слушайте, Уэйнрайт, я действительно польщен. Честное слово. Это щедрое предложение.

– Вот именно, дружище. Так примите его.

– Просто сейчас мне необходимо сосредоточиться на новой книге. Давайте, наверное, потом, когда я закончу. Тогда уже похороните меня заживо и устройте стрим из гроба.

Тонкие губы Уэйнрайта плотно сжались. Он медленно кивнул – не соглашаясь с услышанным, а лишь признавая, что зашел в тупик.

Сэм ощутил внезапную потребность заполнить паузу.

– Просто неподходящее время. Прямо сейчас у меня трудный период.

– Вы заняты.

– Да.

– Пишете.

– Верно.

– И преподаете.

– Да, – ответил Сэм. Прозвучало это невыносимо фальшиво. Он и сам себе не верил.

Уэйнрайт поднялся с кресла, окинул взглядом голые обшарпанные стены кабинета восемь на восемь метров.

– Ну что ж... – Он протянул Сэму руку.

Сэм встал, ответил на рукопожатие:

– Спасибо за предложение, правда.

– Хм...

Сэм попытался высвободить свою руку, но Уэйнрайт лишь сжал его ладонь крепче. Легонько крутанул и перевернул руку Сэма ладонью вверх, обнажив покрытое татуировками изувеченное предплечье. Лиловые искры в карих глазах Уэйнрайта как будто засияли ярче.

Он усмехнулся:

– Соглашайтесь. Для вас это всего лишь два дня жизни, а для ваших фанатов – волшебный билет, шанс увидеть любимого мэтра в *уникальной* обстановке.

– В какой обстановке? Что вы задумали? – спросил Сэм, но Уэйнрайт уже открывал дверь в коридор.

– У вас в почте мое письмо, – бросил он через плечо. – Когда передумаете – а вы передумаете, – просто ответьте на него. Об остальном мы позаботимся.

– Я совершенно не... – начал Сэм.

Он обращался к пустому проему.

Уэйнрайт исчез.

Глава 4

Четверг, 20 октября

Мор свирепо всхрапнула и рывком отжала штангу от груди. Вены на ее бицепсах вздулись. Пот струился по выбритым вискам к закрученным в хвост волосам. Руки горели, мокрая спина скользила на гладкой резине скамейки.

Медленно, аккуратно она опустила штангу. Почувствовала холодное прикосновение железа к голой коже над спортивным лифчиком. Снова рыкнула по-звериному и опять подняла штангу.

Правая рука задрожала, грозя согнуться.

– Твою мать, – прошипела Мор сквозь стиснутые зубы. И сжала штангу так, что пальцы побелели.

Штанга, звякнув, опустилась на стойку. Мор села. Подняла с пола полотенце. Обтерла пот с лица. Прислушалась к стуку сердца в груди – бам, бам, бам. Боль доставляла ей радость. В ней была и угроза смерти, и гарантия жизни. Бояться тут нечего. Мор знала, что наслаждение и боль берут исток в одной и той же области мозга. Доведенные до крайности, они становятся неотличимы друг от друга. Наслаждение болью. Боль наслаждения.

Сорвала с себя насквозь вымокший лифчик, распустила волосы и по коридорчику с арочным потолком прошла в подвальную ванную. Вывернула ручку душа, торчащую из стены, покрытой белой, как в метро, плиткой, выскользнула из спортивных шортов и секунду спустя ступила под струю воды. От пронзительного холода кожу защипало. Постепенно вода стала теплеть, пока наконец вокруг ее тела не за клубились огромные облака пара.

Без каблуков росту в Мор было от силы метр семьдесят, но исходящая от нее энергия добавляла ей сантиметров пятнадцать. В свои тридцать восемь она обладала фигурой мраморной статуи. Четко очерченной, но не перекачанной. Сексуальной, но не похабной. Каждая линия, каждый изгиб имели свой смысл и назначение.

Крутанула ручку вправо, и поток воды иссяк. Теплые капли падали с хромированной головки душа ей на затылок, пока она вытиралась.

Заморачиваться с одеванием она не стала.

Голая, поднялась по винтовой лестнице на первый этаж своего дома в Голливуд-Хиллз, прошла через элегантную, со вкусом обставленную гостиную туда, где из пола, точно ребро механического божества, вырос металлический штатив на шарнирах. Открыла ноутбук, лежащий на полке из рифленой стали.

Следующие два часа Мор писала, подставив обнаженное тело поцелуям рассветного солнца. Это был ее языческий ритуал – писать голой, пока последние звезды покидают светлеющее небо. Она почти не спала – три-четыре часа самое большее. Каждая секунда бодрствования была подчинена насущной необходимости: есть, пить, трахаться, заниматься спортом, работать. Ее разум походил на цепь хитроумно соединенных ловушек: стоило захлопнуться одной, другая уже была наготове.

Каждый день она старалась придерживаться строгого распорядка. Три часа писать, никаких перерывов, никаких исключений. Час на обед. После обеда писать еще минимум четыре часа. Большинство литераторов считали за счастье выдавать по десять страниц в сутки. Мор, когда ничто не нарушало ее графика, каждый день гарантированно добавляла к рукописи по двадцать страниц. Если она работала над сценарием, то в конце дня выходило не меньше тридцати. Она не страдала от писательского запора. Это удел слабых, недисциплинированных. Сочинение прозы казалось ей похожим на секс. Грубое, первобытное занятие. Имеющее одну цель – доставить ей самой удовольствие. Читатели могут подпитываться ее силой... или убираться восвояси. Если читателям не по зубам те истории, что она предлагает, то такие читатели ей не нужны. Пусть себе сидят в уютных креслах и тешатся заплесневелой дрянью от Себастьяна Коула.

Пальцы Мор без усталости колотили по клавишам, будто капли дождя, словно темное облако разразилось мощным ливнем прямо в гостиную.

Сегодня был особый день. Сегодня она приступала к новому роману.

К черту «Надрез». К черту Гэри. К черту Таннера и Филипа. К черту киностудию, и юриста, и всех прочих жалких козлов, которые хотели ее нагнуть.

Она их всех обставит. Они уже не более чем размытые силуэты дорожных столбов в ее зеркале заднего вида.

Слова неслись по экрану, а в голове Мор сталкивались атомы зарождающейся истории.

Сюжет явился ей, как обычно, в виде внезапно вспыхнувшего видения. Видения картины в музейном зале. Как всегда, Мор принялась задавать вопросы.

Что особенного в этой картине?

Над ней работает женщина-реставратор.

Кто она?

Ее зовут Сид. Недавно она рассталась с парнем и теперь ищет утешения в работе. Она молодая, к тому же вся в пирсинге и татуировках, и поэтому коллеги не принимают ее всерьез. Однажды вечером, реставрируя картину, Сид обнаруживает кое-что непредвиденное.

Но что? Что она обнаруживает?

Что под картиной скрывается другая картина. Вроде бы простая реставрация принимает неожиданный оборот. Сид уже не восстанавливает изображение, а высвобождает. Вопреки воле куратора музея она начинает снимать верхний слой.

Что она находит?

Око. Око бога. Холодное и злое. А в нем письмена на древнем языке, что давно считался забытым.

И что говорят письмена?

Они говорят, что через страдания других Сид сможет избавиться наконец от своей боли.

Мор так погрузилась в эту новую историю, что от звонка мобильного дернулась, будто на электрическом стуле. Убрала пальцы с клавиатуры, отпрянула от ноутбука, связь распалась.

– Черт!

Сердце бешено стучало, было видно, как над обнаженной левой грудью пульсирует кровеносный сосуд. Она схватила телефон со стеклянного кофейного столика. Бросила взгляд на экран: там высветилось «Анайя Патель».

Мор медленно выдохнула. Раз уж ей помешали, хорошо, что это хотя бы Анайя.

Нажала на зеленую кнопку:

– Итак?

Ровный, невозмутимый голос ее агента ответил из мобильных глубин:

– Итак, я все еще считаю, что ты совершаешь ошибку.

Анайя родилась в Лос-Анджелесе, однако говорила с заметным акцентом, как и ее родители-индейцы.

– Я не об этом, Анайя.

На том конце раздался искаженный помехами вздох.

– Итак, мне не сообщили ничего такого, чего ты не знаешь, – сказала Анайя.

– Зачем вся эта долбаная конспирация?

– Затем, что это Уэйнрайт. Он любит играть в игры.

Мор внезапно стало неуютно. Она торопливо отогнала это чувство, как отгоняют назойливое насекомое.

– Это, в конце концов, просто интервью. Сели – встали, – сказала она.

В трубке повисла тишина – слышно было лишь потрескивание, когда сигнал перелетал от вышки к вышке.

– А вот об этом мне кое-что сообщили. Боюсь, «сели – встали» не получится, – наконец откликнулась Анайя. – Им нужно два дня и две ночи.

– Для интервью? – Мор склонила голову набок, прикрыла глаза. Черная грива упала ей на грудь. – Такое ощущение, что эти ребята хотят надо мной поприкалываться, Анайя. А ты знаешь, я не люблю, когда надо мной прикалываются.

– Тогда откажись.

Этого Анайя и хотела. После того как Мор сообщила об излишне показушном послании на двери, она стала звонить ей каждый день. Письмо прислали в тот самый вечер, когда Мор устроили подставку в стейк-хаусе в западном Голливуде, и этот факт лишь усиливал сомнения Анайи. Давать интервью было плохой идеей. Не следовало делать это сейчас. Сейчас следовало затаиться и планировать следующую атаку, то есть следующий бестселлер Ти-Кэй Мор.

Мор ничего не ответила, и Анайя смилостивилась:

– Или прими предложение. Но играть придется по правилам Уэйнрайта. А он трюкач. Не исключено, что дело тут нечисто.

Мор накрутила свои длинные волосы на запястье, словно боксер, готовящий руки к бою.

– Я хочу этого, – сказала она.

– Ладно, договорились, но послушай, Мор, интервью не повод для наезда на Гэри и киностудию.

– Это мое интервью, что захочу, то на хрен и скажу.

– А они тебя на хрен засудят. Пожалуйста, если Уэйнрайт будет гнуть эту линию, не ведись. Поговори про свое творчество. Поговори про книгу «Надрез». А про фильм «Надрез» говорить не надо, если только не хочешь обеспечить ему халявную рекламу.

Мор сжала кулак и с силой потянула себя за волосы:

– Мне надо работать.

– Мор...

Серебристый ноготь ткнул в красную кнопку, и Анайя исчезла.

Мор швырнула телефон на белый винтажный диван и вернулась к ноутбуку. Дом снова наполнился стуком клавиш.

Глава 5

Суббота, 29 октября

Вьюнки не желали сдавать свои позиции.

Похожие на щупальца зеленые стебли крепко оплели ворота, не давая открыть их.

Кэппи Ковак просунул руки в перчатках в ромбовидные ячейки сетки-рабицы и хорошенько потрянул ворота.

– Дик! – рявкнул он сыну через плечо. – Иди помоги мне с этой дрянью!

Тридцатишестидюймовый болторез впился в нижний угол ворот и выхватил кусок рабицы. Дик проворно резал сетку снизу вверх, ряд за рядом, вены набухли на его бугристых бицепсах. Дику было почти тридцать, у него уже намечалось пивное брюшко, но парень он был крепкий. Работящий. Ответственный. Настоящий мужик.

– Почти готово, – сообщил Дик тонким голосом.

Такого звука никак не ожидаешь от широкоплечей толстошей туши. Он свел ручки болтореза вместе, кусачки прогрызли последний ряд сетки.

Кэппи сомкнул свои короткие толстые пальцы на центральной секции ворот и снова потянул. Ворота уже отсоединили от окружавшего дом забора. Но они все равно не поддавались.

– Помоги мне повалить эту курву! – скомандовал он сыну.

Дик встал рядом с отцом и взялся за ворота. Вместе они потянули со всей силы. Вьюнки словно схватились крепче. Стебли сплелись, вцепились в ворота.

– Тяни! – рявкнул Кэппи.

Внезапно ворота поддались. Как будто все вьюнки отпустили их разом. Кэппи и Дик не успели уклониться. Оба рухнули на спину, а ворота восемь на шесть футов упали на них сверху.

– Мать Божья, – выдохнул Кэппи.

– Извини, – только и сказал Дик.

Они осторожно откинули ворота в сторону и поднялись на ноги.

– Господи, – прошептал Дик.

Перед ними лежала гора вьюнков, еще пару секунд назад оплетавших ворота, никому не дававших подойти к дому на Кровавом ручье. За оградой раскинулось заросшее поле, острия травинки покачивались под мягким ветерком, словно пики войска, преграждающего им путь.

– Принести кусторез? – спросил Дик.

Кэппи едва его расслышал. Что-то в этом одичалом пространстве его настораживало. Ветер дул на восток, но высокая трава, казалось, клонилась в противоположном направлении. В ее колыхании улавливался рисунок, похожий на движение хвоста гремучей змеи.

Он потер лысину на затылке и хмыкнул. С тех пор как он последний раз прикладывался к спиртному, прошел уже добрый час. Кэппи буквально слышал, как фляжка взывает к нему из кармана куртки, умоляя осушить ее.

– Ага, тащи, – наконец сказал он.

С того места, где он стоял, за травой было видно лишь второй и третий этажи дома.

Кэппи шагнул в проем в ограде.

Что-то будто скользнуло прочь от его ноги. Он отскочил, ожидая увидеть крысу или, если совсем уж не повезет, мокасинового щитомордника.

Ничего. Лишь спутавшиеся стебли травы.

Ветер стих, и заросший двор вдруг улегся. Путь к крыльцу, представлявшийся непроходимым, оказался вполне свободным.

Как будто дом хотел, чтобы они вошли в него.

Дик запустил кусторез, заставив Кэппи подпрыгнуть чуть ли не на фут. «Да господи ты боже мой!» – заорал он, но Дик уже со всем усердием принялся за работу, и прочие звуки потонули в реве машины. Пока Кэппи стоял, парень успел смотаться за кусторезом к тачке.

Дик показал большой палец и продолжил расчищать двор, постепенно создавая в траве проход. В воздух летели пучки растительности. Дело требовало времени, но Дик явно собирался очистить большую часть того, что можно было назвать передним двором.

Задача была простая: сделать заброшенный дом пригодным для жизни на пару дней. Привести в порядок двор. Вычистить комнаты.

Установить генератор.

Кэппи наблюдал за Диком. Тот добрался до крыльца. Выключил кусторез. Повернулся и помахал отцу.

Кэппи помахал в ответ. Пора было приниматься за работу.

Кэппи смотрел, как последние солнечные лучи отражаются в окне третьего этажа. Он открутил крышку стальной фляжки, рот уже наполнился слюной в предвкушении долгожданного глотка. Окно походило на глядящий куда-то за горизонт немигающий глаз циклопа.

– Не пялься на солнце, малой, а то ослепнешь, – сказал Кэппи самому себе и добавил: – Есть куча способов ослепнуть. Веселых в том числе.

Он разразился скрипучим смехом, который быстро перешел в кашель. Глубоко в груди заколыхалась мокрота.

Позади, на свежерасчищенной подъездной дорожке, стоял старенький побитый пикап. Свежая краска на дверях не сочеталась с ржавчиной, охватившей автомобиль от эмблемы на капоте до буксирного крюка. *Kovak amp; Son* – гласила надпись краской. Без особых понтов. Просто трафаретные буквы. Простые, незатейливые.

Из-за дома долетело еле слышное «Черт!», и Кэппи усмехнулся. Это Дик. Кэппи представил, как сын, пытая и ругаясь, всем весом налегает на упрямый гвоздь в оконной раме. Он не уставал поражаться тому, как часто Дик, сын профессионального разнорабочего, жалуется на то, чем приходится заниматься. Может, надо было быть с пацаном строже. Может, следовало иногда лупить его, пока был мелким. Задать ремня как следует. Воспитать характер. Как делал батяня Кэппи. Воспитание на ферме – оно такое. Разноешься, слово поперек батянке скажешь – хлоп! – и кожа от ремня как огнем горит.

Ох, да что это нашло такое? Дик – парень славный. Вкалывает изо всех сил. Старается. Большого и желать нельзя. Кэппи потряс флягу.

– Ну, разве еще чуток побольше бухла можно было бы пожелать, – пробормотал он и снова зашелся лающим смехом.

Прикрутил крышку обратно и отправил флягу во внутренний карман фланелевой куртки. Поежился. Как-то вдруг его приморозило – странно приморозило. Холод будто прокрался под одежду и ползал по телу. Он отступил на пару шагов назад, запрокинул голову, чтобы рассмотреть дом целиком. Тот нависал над ним, треугольная крыша вонзалась в затянутое лиловыми облаками вечернее небо,

напоминая клык. Белая краска слезала с ветхих деревянных стен, словно дом сбрасывал кожу. У его основания буйно разрослись сорняки, тут и там они проникали под кирпичный фундамент. Однако за все те годы, что дом стоял брошенный, неухоженный, стекла нигде даже не треснули. Целее целого – каждый день в них отражалось солнце.

Дом тревожил Кэппи. Он толком не мог объяснить почему. Суевериями он не страдал. В Бога не верил. Но истории об этом месте слышал. И теперь вот увидел дом своими глазами, и тот казался... как бы это сказать? *Коварным*. Именно. Будь Кэппи попьаннее, он поклялся бы, что дом ждет чего-то, затаившись посреди прерии.

Кэппи досадливо встряхнулся. Посмотрел на часы. Без четверти шесть.

– Эй, Дик! – позвал он. – Заканчивай давай и погнали домой. Твоя маманя скоро ужин на стол поставит.

Ответа не последовало. Не было слышно и сердитого скрежета гвоздей, выдираемых из дерева. И даже ни единого бранного слова.

– Дик! – снова позвал Кэппи.

Тишина.

Из дубовой рощи неподалеку вдруг вылетела стая черных птиц. Описала над деревьями круг и скрылась в сумерках. Кэппи сделал пару неохотных шагов к дому.

Прямо за входной дверью кто-то хихикнул. Но это не мог быть Дик. Хихикнул будто бы маленький ребенок, но в то же время со значением, как взрослый.

Кэппи остановился в паре футов от крыльца. Наклонил голову, прислушался, но из-за закрытой двери не раздалось больше ни звука. Кэппи осторожно поднялся по кривым ступеням на опоясывающую дом веранду. Иссохшее дерево стонало под его весом. Он медленно приблизился к двери, глухо стуча рабочими ботинками, – под потолком веранды шаги отдавались эхом.

Толстые, шипастые зеленые плети снизу доверху оплели дверь и обвилились вокруг ручки. Их надо было бы убрать несколько часов назад, но ни Кэппи, ни Дик не торопились подниматься на крыльцо. Кэппи оборвал растительность с двери. Потянулся к потускневшей латунной ручке – и замер. В доме что-то шевельнулось. Он услышал

дрожащий вздох. Что бы там ни скрывалось, это «что-то» было охвачено волнением. Ему не терпелось, чтобы Кэппи вошел.

– Эй? – Кэппи уловил в собственном голосе страх.

Коснулся ручки пальцами и снова замер.

В памяти вспыхнул образ – наследие бесчисленных вечеров, проведенных перед телевизором: Бетт Дэвис из фильма «Что случилось с Бэби Джейн?». Лицо старой ведьмы, густо намазавшей себя белым гримом в омерзительной попытке стать похожей на девочку-куколку. Кривящиеся в усмешке черные губы, а над ними – широко распахнутые глаза.

Кэппи не хотел открывать дверь. Конечно, Дик мог забраться в дом через черный ход, чтобы разыграть папашу. Но что-то в глубине души – лежащее глубже любви к жене и сыну, даже глубже страха, что надрывный кашель может быть первым признаком рака, – что-то в самой сердцевине его естества требовало не открывать дверь.

Однако Кэппи открыл. Он мягко толкнул дверь, и она медленно подалась на древних петлях, распахнулась внутрь.

В глубине дома раздались торопливые удаляющиеся шаги.

Даже в полутьме Кэппи видел, что за дверью никого нет.

Кэппи позволил себе вздох облегчения. Он как раз взялся за ручку, собираясь закрыть дверь и пойти поискать Дика с другой стороны дома, когда мимо внезапно пронесся, дико свистнув в передней, порыв ветра. Кэппи оглянулся через плечо: сильный ветер никак не затронул мир за пределами дома. А в дверном проеме он разбушевался, свист перешел в вой. Кэппи чувствовал, как что-то давит ему в спину, как невидимая рука толкает его вперед, понуждает войти в дом. Он отважился сделать полшага, покрепче упершись ногой в пол, чтобы выстоять в призрачном урагане.

И тут ветер умчался так же стремительно, как и примчался, – взвился вверх по лестнице и пропал. Мгновение спустя в доме вновь царил тишина.

– Пап?

Кэппи вскрикнул и резко повернулся.

Сзади стоял Дик, с молотком в одной руке и ключами от машины – в другой.

– Поехали?

Кэппи пронесся мимо сына, слетел с крыльца, прыгая через две ступеньки.

– Я уже минут двадцать как готов ехать, – огрызнулся он, надеясь, что Дик не станет спрашивать, какого черта он вдруг так расскакался.

– Но а остальное как же? А генератор?

– С остальным завтра разберемся, – отрезал Кэппи.

Черта с два, подумал Кэппи, завтра он пошлет сюда с Диком кого-нибудь из магазина: Рики, может быть, или Клейтона. Сам он сюда не вернется.

Пикап завелся со второй попытки, и вскоре Дик уже вел машину по извилистой грунтовке к шоссе К-10. Мамадя Дика, наверное, и вправду уже поставила ужин на стол, но Кэппи не собирался посвящать этот вечер семейным посиделкам. Он хотел одного: добраться до бара на Шестой улице и ужраться в хлам.

Он не сможет рассказать парням в баре, что пережил. Даже Дику рассказать не сможет. Они подумают, что он бредит. А это *и вправду* бред. Но там, на пороге, Кэппи был готов поклясться, что дом вздохнул.

Глава 6

Воскресенье, 30 октября

Из люка на потолке в полутемную комнату падал луч света. Посередине комнаты стояла деревянная скамья.

Мор прислушалась к звуку своих тихих шагов, эхом отдающихся в бетонных стенах и дальних коридорах. Здесь были и другие люди, они двигались медленно, поглощенные молчаливым созерцанием, но Мор не обращала на них внимания. Она пришла сюда не за вдохновением, как многие другие, а для того, чтобы отключиться, повернуть тумблер в голове и просто... быть.

Сейчас это требовалось ей сильнее, чем когда-либо.

Прогони мысли. Просто существуй. Плыви сквозь пространство. Обратись в ничто.

Центр Гетти появился в Лос-Анджелесе не так давно: он открыл свои двери для посетителей в 1997-м. Пожалуй, именно это в нем больше всего нравилось Мор по сравнению с прочими художественными музеями – у Центра Гетти не было своей истории. Он притворялся таким же древним и почтенным, как экспонаты, выставленные в его стенах. Старая душа в новой оболочке. Здание полагало, что окажет искусству честь, оберегая его, демонстрируя его людям. Оболочка пригласила душу к себе. Однажды оболочка рассыплется, и душа найдет себе новое местоположение.

Душа-паразит.

Мор смотрела, как темные фигуры скользят вдоль стен, уделяя каждому шедевру по тридцать секунд.

Люди-тени. Для Мор они были пустым местом.

Она, как обычно, устроилась на скамье под световым люком и устремила взгляд на свою самую любимую картину в этом музее. Артемизия Джентилески написала «Юдифь, обезглавливающую Олоферна» в начале XVII века. Служанка прижимает злодея Олоферна к постели, пока Юдифь вонзает лезвие меча ему в горло. Он сопротивляется, руки его в отчаянии упираются в подбородок

служанки, но та держит крепко. Какой же ужас он, наверное, ощутил, когда пробудился и понял, что его голову отделяют от тела. Какое бессилие. Какую беспомощность.

Мор прищурилась и всмотрелась в кромешную тьму между служанкой и Олоферном. Вовсе не выражение холодного расчета на лицах женщин-убийц возбуждало ее, а эта бездна между двумя борющимися телами. Промежуток, обозначавший мощь женщины сверху, ничтожество мужчины снизу. Мор чувствовала здесь столкновение сил: он отталкивает ее, она удерживает его.

Пересечение наслаждения и боли.

Тьма словно разрасталась перед ней, как космическая черная дыра, затягивала ее в себя, заполняла собой все. Тьма хотела заполучить Мор. Чтобы познать ее. Чтобы поглотить ее.

К Мор подошел мужчина лет пятидесяти с небольшим, прядь волос нелепо зачесана поперек лысины.

– Ти-Кэй Мор? – спросил он, даже не пытаясь скрыть раздражения.

– Да?

– Пэтти попросила сводить вас в запасник, – фыркнул мужчина.

Мор растянула губы, уголки рта почти врезались в скулы. Так могла бы улыбаться змея.

– Ведите, – сказала она.

Мужчина представился Чедом. Без фамилии. Без должности. Мор заключила, что это «шестерка», которую послали присмотреть за работающим в музее писателем. Исходящее от Чеда ядовитое презрение лишь подтверждало эту версию.

Помещение, куда Чед привел Мор, оказалось, вопреки ее ожиданиям, не зловещим подвалом, а светлым научным кабинетом с длинными металлическими столами и мониторами. Они миновали нескольких мужчин и женщин в лабораторных халатах, те проводили Мор любопытными взглядами, кое-кто радушно улыбнулся. Мор шла, глядя прямо перед собой.

– У нас тут две картины импрессионистов на реставрации, если вам вдруг будет интересно, – заметил Чед.

– Я что, похожа на гребаную шестиклассницу, которая пришла с классом посмотреть на кувшинки? – спросила Мор.

Чед бросил на нее взгляд и сощурился:

– Нет, не похожи.

В дальнем конце кабинета один деревянный стол был поставлен перпендикулярно остальным. Его освещала яркая светодиодная лампа на длинном металлическом штативе. А под лампой в мягком белом сиянии лежала на пластиковой подложке глиняная табличка. На ней были грубо выдавлены фигуры: рычащий лев, однорогий козел, летящее насекомое с человеческой головой.

Рядом, прислонившись спиной к стене, стоял охранник в отутюженных черных брюках и белой рубашке. Он краем глаза следил за Мор. Та шагнула к табличке.

Чед предостерегающе вытянул руку, не давая ей идти дальше:

– Смотреть можно отсюда.

– Расслабьтесь, – отрезала Мор. – Я не собираюсь лизать эту хрень.

Она пробежала взглядом по фигурам. В дальнем правом углу была изображена женщина в длинном одеянии с затейливым узором по краю. На голове у нее красовалось нечто вроде украшенной цветами квадратной короны. На затылке лежала закрученная коса. Единственный видимый наблюдателю глаз был широко раскрыт и глядел многозначительно.

Чед кивнул на фигуру:

– Это Кубаба. Она была шумерской царицей...

– Чед, я некоторым образом тороплюсь, – перебила Мор, – так что давайте опустим урок истории.

– Я просто подумал, вы захотите узнать...

– О единственной женщине в Шумерском царском списке? Представительнице Третьей династии Киша? Хозяйке трактира, затем ставшей одной из самых могущественных женщин в мире, а позже – месопотамской богиней, которой во втором веке было посвящено множество культов? Как вам мои познания?

Чед нахмурился. Что-то из сказанного Мор он определенно слышал впервые и теперь боролся с желанием обвинить ее в ошибке. В конце концов он просто осведомился:

– А с чем конкретно мы вам здесь помогаем, мисс Мор?

– Со сбором информации, – пояснила она. – Для книги. Не волнуйтесь, я тут не задержусь. Мне нужно уезжать из города.

– И почему эта табличка так важна для вашей... *книги*?

Слово «книги» Чед произнес так, словно поверить не мог, что стоявшая перед ним женщина способна произвести нечто подобное.

– Я хотела заглянуть в ее глаз, – сказала Мор.

– В ее глаз?

Не обращая внимания на охранника, Мор наклонилась к табличке. И заглянула в глаз Кубабы.

«Сколько царей она повидала за свою жизнь? – подумала Мор. – Сколько мужчин пытались оспорить ее власть? Сколько хеттов заглядывали в этот глаз так же, как я сейчас, и пытались обрести ее силу через ритуалы, которые придумали сами? Скольким это удалось?»

Чед кашлянул.

– Вы можете идти, Чед. Тут же охранник стоит. Если я попытаюсь утащить вашу табличку, он шибанет меня электрошокером.

Чед не стал долго раздумывать. Досадливо фыркнув, повернулся и ушел. Застыв над табличкой, Мор впитывала каждую деталь изображения шумерской царицы. А потом начала воображать темное волшебство, способное превратить воодушевляющую силу этой женщины в нечто разрушительное. Нечто отравляющее. Нечто порабощающее.

Двадцать минут Мор стояла не шевелясь. Потом резко развернулась на каблуках и пошла прочь из запасника, навстречу яркому солнцу позднего утра.

Ей нужно было на самолет.

Глава 7

Где-то он слышал, что вождение машины сродни трансу.

Шуршание шин. Приятное осознание того, что мышечная память работает отлично. Мысли начинают блуждать, и двадцать минут спустя ты уже не можешь вспомнить, где проезжал и включил ли поворотник, когда перестраивался в другой ряд.

Огонь.

Запах горячей плоти.

Рядом брат, маленький Сэм прижимает к груди свою обожженную руку и, рыдая, утыкается в его рукав.

Стоп. Стоп, стоп, стоп.

Сэм встряхнул головой, прогоняя эти мысли.

Нельзя выпадать из реальности.

Надо собраться.

Машину внезапно потрянуло – правое переднее колесо с глухим стуком угодило в выбоину, – и в кровоток Сэма хлынул адреналин. Отлично. Теперь он точно проснулся – в голове прояснилось. На заднем сиденье «ауди» лежала спортивная сумка, неловко набитая кое-как собранной одеждой на два дня. Некая Кейт из «Страха в эфире» сообщила Илаю, что интервью может превратиться в беседу грандиозных масштабов, или, как назвала это Кейт (как предполагал Илай, с самым невозмутимым видом), в *vip-откровение*.

Сэм начинал понимать, в чем тут дело. Абсурдное вознаграждение, никаких деталей. Такова стратегия Уэйнрайта. Держать тебя в неведении. Менять правила на ходу. Уклоняться от честного ответа.

Хорошо же. Если бывший дублинский тусовщик хочет провести лишний денек в компании автора ужасиков со Среднего Запада, то он готов подыграть. А чем еще ему заняться? Сидеть дома в одиночестве и *не* писать новый роман?

Сэм выехал на 14-ю улицу, свернул на Бродвей, миновал Конференц-центр, круто забрал вправо и оказался на узкой 10-й улице. Кое-где здесь провели реновацию, но по большей части вдоль дороги

стояли те же низкие краснокирпичные строения, что и десятилетия назад.

Справа меж многоквартирников и офисных зданий громоздились корешки классических романов: «Уловка-22», «451 градус по Фаренгейту», «Властелин колец», «Убить пересмешника». Это был фасад Центральной библиотеки, сделанный в виде длинного ряда старых книг, высотой в три этажа.

Здесь Уэйнрайт и предложил встретиться; интервью должно было начаться с того, что Сэм Мак-Гарвер войдет внутрь гигантской книжной полки.

То, что Сэм не помнил толком, как добрался из Лоуренса в Канзас-Сити, уже не имело значения. Он здесь.

Пути назад нет.

Библиотека была пуста. И безмолвна.

Шаги Сэма эхом отдавались от мраморного пола главного вестибюля. Вечер только начинался, но в библиотеке было на удивление темно.

– Есть кто-нибудь? – позвал Сэм. Голос потонул в сводчатом пространстве здания.

Сэм огляделся. Никто его не встречал. Нигде не было видно ни других посетителей, ни даже охранника.

Никого.

Прямо перед собой он увидел подсвеченную лампами деревянную дверь и толкнул створки. Щелчок задвижки прозвучал, точно выстрел в пещере.

Сэм оказался в каком-то большом зале. Высокие белые колонны уходили под потолок, в сумрак. А между колоннами были книги. Полки, битком набитые книгами. Вдоль стен бесхитростной ровной линией протянулся литературный горизонт, раскинулся печатный город в миниатюре.

Плотные бордовые шторы закрывали огромные, от пола до потолка, окна с двух сторон зала, в громадном помещении царил темнота. С расчетом подобранные светильники озаряли мягким белым светом каждую полку: там стояли вперемешку книги в мягких и твердых обложках. Светильники размечали зал, словно место доисторического захоронения.

Сэм остановился:

– Какого черта...

В центре зала располагался длинный деревянный стол, на нем тоже были книги. Множество книг. Кое-где высокие стопки обвалились. Несколько ламп были направлены прямо на эти стопки, и в их лучах стол походил на подсвеченные руины загадочного небоскреба.

Только тут Сэм осознал, что из невидимых динамиков льется тихая музыка, причудливый индустриальный эмбиент со смутно угадываемым хип-хоп-ритмом.

Он двинулся вперед, подошел к книжным башням.

Там были дешевые издания. Подозрительно тонкие. Заголовок и имя автора еле умещались на корешках. Рисунки на обложках были наивные. Мультяшные. Как в популярных комиксах-ужастиках *Entertaining Comics* пятидесятых годов, только без их подспудного очарования. Заголовки были напечатаны здоровенным «страшным» шрифтом, больше подходящим для хэллоуинских украшений. Каждый заголовок содержал идиотскую остроту, а романы представляли собой серию историй о проклятой школе: «А голову я дома забыл», «Лес отрубленных рук», «Звонок для учителя», «Упырь с соседней парты». Серия называлась «Ужас возвращается» и явно предназначалась для подростков, жаждущих дурацких страшилок, сдобренных неуклюжей моралью. Даже имя автора звучало дурной шуткой – Дэниел Манниак. Сэм взял книгу с верха стопки и слегка помял – та легко согнулась в руках. О многослойном нарративе тут и речи не шло. Это был фастфуд. *И, объевшись этими книжками, можно легко испортить себе здоровье.*

Совсем сбитый с толку, Сэм положил книгу на место и отступил из света в темноту. Он начал понимать, что представляло собой это помещение: временный музей, каждая книжная башня – экспонат. Но зачем? Какой в этом смысл?

Ботинки Сэма тихо зашуршали по мрамору – он перешел к другой стопке. Снова взял книгу сверху. Как и у Манниака, здесь все было ясно по обложке, но на этом сходство заканчивалось. На искусственно состаренной фотографии с затемненными виньеткой краями была запечатлена нижняя часть тела женщины, яростно прижимающей к своей промежности голову мужчины. Приглядевшись, Сэм заметил, что голова у мужчины грубо отрезана, а женщина сжимает опасную

бритву. Имя автора было словно выцарапано на обложке складным ножом, зажатым в трясущейся руке, но Сэм и так знал, кому принадлежит этот агрессивно-эротический хоррор.

Ти-Кэй Мор.

Сэм оглядел стол – теперь он различал явственные признаки авторства Манниака и Мор и на других книгах. Стопки были неровными, их странные изгибы напоминали искривленные позвоночки.

Что это? Музей современного хоррора? Декорации для интервью? А если так, то почему здесь столько книг других авторов и нет?...

Он застыл на месте.

На столе лежала гора его книг. В твердых обложках. В мягких. На английском. На французском. На испанском. Четыре его романа, умноженные разным форматом и разными языками; его творчество, представленное более изобильным, чем на самом деле.

И все же это была дань уважения, как и книжные башни Дэниела Манниака и Ти-Кэй Мор.

– Эй? – снова крикнул Сэм в темноту. – Есть тут кто-нибудь?

Ответа не последовало.

Сэм раздраженно вздохнул. Он не любил играть в игры.

За его спиной резко щелкнули, раскрываясь, двери.

На пороге появилась женщина в обтягивающих черных джинсах, узкой футболке, местами разрезанной так, что виднелось тело, и темных очках в массивной черной оправе. Волосы цвета оникса прикрывали выбритый висок и чернильным потоком струились по плечу.

Сэм внезапно понял, кто перед ним, имя словно пропечатали в его сознании. Сэм никогда не встречал эту женщину, но узнал ее, как только увидел. К тому же он только что держал в руках одну из ее книг.

Ти-Кэй Мор склонила голову набок, ошарашенная не меньше Сэма:

– Вы... Сэм Мак-Гарвер?

Сэм стоял в ступоре.

Постукивая каблуками, Мор твердой, уверенной походкой прошествовала по залу. На мгновение растворилась в темноте, потом снова появилась в луче светильника. Она была потрясающе красива:

точные черты лица, упругое тело, словно целиком состоящее из одной напряженной мышцы.

Несмотря на крайне скудное освещение, темных очков Мор не сняла.

– Какого черта здесь происходит? – громко и возмущенно осведомилась она. – Где Уэйнрайт?

Сэм пожал плечами:

– Не знаю. – Он кивнул на стопки книг Мор: – Но думаю, это для вас.

Она повернулась, взглянула на книги сначала безо всякого интереса, но затем принялась рассматривать корешки, и на лице ее появилось удивленное, растерянное выражение. Наконец она стянула с лица очки – те так и остались болтаться в ее руке. Другой рукой Мор взяла из стопки книгу в мягкой обложке, провела серебристым ногтем большого пальца по своему имени.

– Что... что это такое? – спросила она, обращаясь больше к окружающему пространству, чем к Сэму.

– Я надеялся, что вы знаете.

Крепко зажав в руке свою книгу, Мор стала рассматривать другие стопки, узнала романы Сэма. Повернулась к нему, и даже в полутьме Сэм разглядел знаменитый зрачок, черной каплей протекший в радужку.

– Вас тоже позвал Уэйнрайт? *Вас?*

– Неужели так трудно поверить, что он мог мною заинтересоваться?

– Он, полагаю, мог. Но его аудитория... – Мор пожала плечами. – Хотя, возможно, «Страх в эфире» зауряднее, чем я думала.

Оскорбленный Сэм напрягся.

– Я предпочитаю слово «мейнстрим», – заявил он.

– Не сомневаюсь, – отозвалась Мор.

Скрип теннисных туфель заставил обоих вздрогнуть. Мор всхрипнула, как рассерженный бык. Она не любила, когда ее пугали.

В дверной проем вплыла, заполнив его целиком, громадная фигура: шарообразное туловище на ногах-тумбах. Грудь новоприбывшего ходила ходуном: он пытался скрыть чудовищную одышку. Человек явно спешил, чтобы попасть сюда, а комплекция его к спешке не располагала.

– Это я правильно на интервью пришел? – осведомился он запыхавшимся, но бодрым голосом.

– Чудеса продолжаются, – проворчала Мор.

Сэм узнал Дэниела Манниака сразу. На заре своего писательства он пару раз видел его на хоррор-конвентах, но никогда с ним не разговаривал.

«Более неловкой обстановки для неформального знакомства и не придумаешь», – мелькнуло в голове.

Ясноглазый, розовощекий, улыбчивый бодрячок на четвертом десятке, одет Манниак был консервативно: коричневые брюки, голубая рубашка поло и синий блейзер. На толстой шее висела тонкая золотая цепочка с маленьким крестиком, а на безымянном пальце левой руки сверкало простенькое обручальное кольцо, словно сосиску перетянули золотой ниточкой.

Он разглядел Сэма и Мор, и его радостная улыбка начала таять.

– Я не туда попал? – невинно поинтересовался писатель. – Я должен был встретиться с неким Уэйнрайтом.

– Господи, нет, – выдавила из себя Мор. Она запустила руку в кожаную сумочку, свисавшую с ее плеча на черной ленте, и вытащила мобильный. – Это просто...

Она не потрудилась закончить мысль – уже неслась прочь из зала, набирая номер, лицо ее озарял бледный свет экрана.

Манниак повернулся к Сэму:

– Я не понимаю.

– А я, кажется, начинаю понимать, – ответил Сэм.

И растолковал Манниаку то, что до него дошло несколько секунд назад: это подстава. Каждый из них решил, что будет единственным интервьюируемым, а славные сотрудники «Страха в эфире» не потрудились предупредить, что все совсем не так. Сэм и Манниак уточнять ничего не стали: им и в голову не пришло, что на интервью может оказаться кто-то еще. И, судя по тому, как бешено Мор материлась в свой телефон, ей это тоже не пришло в голову.

– Значит, интервью групповое? – спросил Манниак, натягивая рубашку на выпирающий живот.

Сэм кивнул:

– Да, похоже на то.

– И мы будем втроем?

Сэм нахмурился. Он не подумал, что их может оказаться больше.

Перевел взгляд с румяного толстяка на книжные стопки, высящиеся на полу, точно бумажные сталагмиты. В арке рядом со столом таких стопок было штук двадцать, и это помимо того, что лежало на столе. Найдя свои романы, Сэм не стал осматривать другие книги.

Он подошел к ближайшей стопке – Ти-Кэй Мор. К следующей – Дэниел Манниак. Дальше – Ти-Кэй Мор. Книги в четвертой стопке Сэм узнал сразу – автором был он.

– Что вы делаете? – поинтересовался Манниак.

Сэм не стал утруждать себя ответом. Он двигался вдоль стопок все быстрее и быстрее. Там были книги на разных языках. Манниак на испанском. Мор на японском. Мак-Гарвер на французском. Манниак на немецком. Сэм осмотрел уже половину арки, и пока авторов оставалось трое. Возможно, других и нет. Возможно, все, кого пригласил Уэйнрайт, уже здесь.

Через зал проплыло отделенное от тела лицо Мор, озаренное светом телефона. Она ткнула в экран, заканчивая звонок. Посмотрела на Сэма, обследующего другую сторону арки.

– Я уйду, – объявила она.

Манниак, хоть и не успел с ней даже толком поздороваться, изобразил на лице искреннее сожаление. А Сэм и бровью не повел.

– Вы двое можете отсасывать у Уэйнрайта хоть до утра, мне плевать, – продолжала Мор, – но я не для того летела на самолете, чтобы...

Сэм не слушал. Он не отрываясь смотрел на гигантскую стопку книг на дальнем краю стола. Чьих-то еще книг.

Кого-то не хватает.

Гора книг занимала почти всю ширину стола: издания в твердых обложках и в мягких, все обложки разные, книги не повторялись. Это были детища чрезвычайно плодовитого автора.

– Здесь есть четвертый писатель.

– Тем более мне пора, – сказала Мор. – Хорошо вам повеселиться, ребята.

Она развернулась на каблуках и направилась к дверям, что вели в вестибюль.

– А чьи там книги? – с простодушным любопытством спросил Сэма Манниак.

Сэм заметил это слово на корешке еще до того, как взял книгу в руки.

...тень

Не может такого быть, чтобы Уэйнрайт его пригласил... Это невысказано. Это наверняка очередной фокус, манипуляция.

Рука Сэма дрожала от мучительной смеси радости и тревоги. Он поднес к глазам книгу, которую так быстро распознал.

«Едва заметная тень».

Мор была в нескольких шагах от двери, когда одна из створок медленно открылась.

Перед ней стоял старичок в безупречно скроенном сером костюме, белой рубашке и темно-красном галстуке.

Его чисто выбритое лицо задубело от долгого пребывания под солнцем, высокий лоб покрывали печеночные пятна. Серые волосы были аккуратно зачесаны набок. Увидев Мор, старичок улыбнулся, морщинки разбежались от ясных серых глаз.

– Прошу прощения, – произнес он голосом хрустким, как белье, сохнущее на весеннем воздухе.

Мор не нужно было объяснять, кто перед ней. А старичок меж тем уже прошаркал в зал, уже протянул ей тощую руку.

Она знала, кто он. Все его знали.

– Себастьян Коул, – сказал он. – Рад с вами познакомиться.

Когда Сэму было одиннадцать, отец взял его с собой в маленький ломбард, расположенный во втором квартале Ореховой улицы, в том месте, которое в их микроскопическом Блэнтонвилле гордо именовали центром. На пластиковой вывеске над входом значилось имя владельца: «Ломбард и ссудная касса Красного Робби». Одинокая лампочка внутри вывески сердито жужжала и периодически принималась мигать, предупреждая, что скоро присоединится к своей усопшей сестрице в электрическом раю.

Робби пил по-черному, что объясняло и его фирменный красный нос-луковицу, весь в лопнувших кровяных сосудах, и раннее время закрытия лавочки – четыре часа дня. Так уж совпало, что именно в четыре начинался скидочный «счастливый час» в «Брик Хаус». Настолько Сэму было известно, никто и никогда не пользовался

услугами Робби по части ссуд, что невольно придавало иронии объявлению «У нас не бывает недовольных заемщиков». Но вещи в ломбард носили многие горожане. Обшарпанные металлические полки и заляпанные стеклянные витрины полнились лежащими в совершенном беспорядке всевозможного рода подержанными диковинками.

Отец Сэма, худощавый, робкий человек, говоривший еле слышным тонким голосом, подошел к прилавку и спросил у Красного Робби, не найдется ли у того тостера за десять баксов или дешевле. Прошло уже два года после пожара. Они так и жили во «временной» квартире в Уэст Хук. Сэм, Джек и отец ютились в двух дешевых комнатухах, хотя Джек там почти не появлялся. Он почти всегда ночевал у своей девушки Кристал. Мать у Кристал была добрая, любящая, заботливая; у Сэма с Джеком такой матери не было никогда.

Пока отец торговался с Робби насчет тостера, Сэм бродил по ломбарду и восхищенно глазел на сокровища, которые большинство людей назвали бы мусором. Его левая рука до сих пор была замотана марлей, как у мумии, хотя нужды в этом уже не было. Пересаженная кожа прижилась, превратилась в жесткую крапчатую броню рубцовой ткани, но Сэм не готов был показывать ее людям. Когда они вошли в ломбард, Сэм не стал здороваться, а отец печально улыбнулся Робби уголками рта, мол, извини. Большинство горожан знали, что паренек не разговорчив. Какие уж тут разговоры? После того, что стряслось...

Когда они с отцом были в ломбарде последний раз, Сэм отыскал там сюрикэн-звездочку, и отец разрешил ее купить – при условии, что Сэм заплатит из своих денег и пообещает не кидать сюрикэн в бездомных кошек. Сэм надеялся найти еще какое-нибудь оружие: может, метательный кинжал или нож-бабочку. Несмотря на горе, нависавшее над ним постоянно, точно грозное облако, он оставался мальчишкой, для которого нет большей радости, чем швырнуть в дерево что-то острое, чтоб воткнулось. Но в тот уже клонящийся к вечеру июльский день Сэм нашел не нож, а книгу.

Она лежала третьей сверху в стопке разрозненных дешевых изданий, под «Определителем съедобных грибов» и низкопробным любовным романом: у мужчины на обложке рубашка, похоже, держалась на одной пуговице (разумеется, на самой нижней). Название третьей книги сразу же заинтриговало Сэма, хоть он и не смог бы

объяснить почему. Оно рождало в сознании образ, простой, но в то же время пугающий: темный человекообразный силуэт, длинный и тонкий, казалось, пальцы его вытянутой руки уже в какой-то паре дюймов от ботинка Сэма.

Книга называлась «Едва заметная тень».

Автора звали Себастьян Коул.

Едва прочитав первый абзац – облегчив карман на пятьдесят центов и устроившись в кабине отцовского «доджа», – Сэм понял, что эта книга стоит тысячи сюрикэнов. За каждым словом нужно было охотиться, и Сэм отправился на охоту – прочь от воспоминаний об огне, прочь от невысказанных способов облегчения своих страданий, способов, о которых не должен размышлять ни один ребенок, и, наконец, прочь от крохотного Блэнтонвилля в поисках лучшей доли. Он гнался за словами Себастьяна Коула следующие тридцать лет, сперва подражая ему, потом отвергая его, а потом и чувствуя его своими собственными романами.

Себастьян Коул был главным учителем Сэма в литературе. И спасителем в жизни. И вот теперь он шел прямо к нему, и с каждым его изящным шагом Сэм возвращался в реальность.

– Сдается мне, мистер Уэйнрайт решил закатить вечеринку.

Слова Коула разнеслись по темному залу, словно наканифоленным смычком тронули струны идеально настроенного инструмента.

«Именно такой голос слышишь перед своим рождением, – подумал Сэм. – Именно такой голос говорит тебе: „Подвизайся добрым подвигом веры“, перед тем как тебя вышвырнут в безжалостный мир».

– Я...

– Мы знаем, кто вы, – сказал Сэм и немедленно возненавидел себя за столь неуместный пафос.

«Выражаешься, как паршивый фанат», – обругал его внутренний голос.

У Дэниела Манниака таких комплексов не было. Он радостно протянул свою мясистую ручищу для приветствия, и хрупкая кисть Коула словно утонула в ней.

– Мистер Коул, какая честь. Я обожаю ваши книги. Вы настоящий живой классик.

Сэм заметил, что губы старика тронула едва заметная гримаса – или ему показалось?

– Ну что же, спасибо, – ответил Себастьян.

За их спинами медленно, по-кошачьи грациозно скользнула тень. Она шагнула в свет лампы, и Сэм уставился в ущербный зрачок Ти-Кэй Мор.

– Я думал, вы собрались уходить, – сказал он.

– Собиралась. – Мор кивнула на Коула. – Но потом события приняли любопытный оборот.

Словно по сигналу, над их головами вспыхнул ослепительный свет: тьму разрезал сияющий белый луч. Он упал на большой белый экран, до сих пор прятавшийся в тени, и четверо писателей в молчаливом изумлении уставились на размытое изображение человеческого лица.

В абсолютной тишине камера медленно сфокусировалась, лицо стало четким.

Густые волнистые волосы. Лиловато-карие глаза. Кожа будто глина реконструктора.

– Добро пожаловать, – произнес Уэйнрайт на экране, и из спрятанных где-то в темноте динамиков загремел его невероятно низкий голос. – Теперь вы знаете правду: вы здесь не одни.

Манниак бросил восторженный взгляд на Сэма, Мор и Коула. Никто не разделил его энтузиазма.

Уэйнрайт продолжил:

– Надеюсь, вы простите мне этот обман, ведь я понял, что только так смогу осуществить свою мечту: впервые собрать в одной комнате четырех самых выдающихся авторов романов ужасов за последние полстолетия. Каждый из вас в свое время поразил меня. В средней школе я до одури пугался книг Дэниела Манниака... а в колледже открыл для себя элегантный, утонченный хоррор Себастьяна Коула... потом я отодвинул темную завесу, за которой скрывалась провинциальная Америка захватывающих романов Сэма Мак-Гарвера... и, наконец, есть некая прелесть в том, как из тебя натурально вытягивает душу через задницу Ти-Кэй Мор.

Себастьян весело хмыкнул. Мор насупилась, заподозрив какое-то неуважение к себе, но Себастьян тепло ей улыбнулся, и даже ершистая Мор смягчилась.

Раздался пронзительный скрежет, и писатели вздрогнули. На экране замелькали изображения – так быстро, что разобрать что-либо было практически невозможно.

Они увидели дом. Деревья. Высокую колеблющуюся траву.

И снова из сумрака на них глядел Уэйнрайт.

– Я обожаю ужасы. Есть что-то особенное в том, чтобы позволить кому-то завести тебя во тьму – невыносимо страшную и бесконечно манящую одновременно. И каждому из вас я доверился, позволил завести себя во тьму...

Снова раздался скрежет, словно кто-то вытягивал на свет гвоздь, несколько десятилетий погребенный в доске. Теперь картинки сменяли друг друга еще быстрее.

Дом. Стебли растений, оплетающие закрытую дверь. Ветки дерева. Белые облака в голубом небе. Окно под остроконечной крышей.

Когда Уэйнрайт вновь возник на экране, он стоял уже дальше от камеры – посреди заросшего поля. Густая трава покачивалась на ветру.

– ...а теперь я надеюсь, что вы доверитесь мне.

С сердитым электрическим щелчком экран погас.

Вслед за ним одна за другой начали гаснуть лампы, и стопки книг – книг Сэма, Мор, Манниака и Коула – растворились во мраке.

Четверо озадаченных писателей молча стояли в темноте.

– Кроме шуток, – наконец прошептала Мор, – что за хрень здесь творится?

– Это шоу, – ответил Сэм. – Его шоу. Вот так он действует.

Внезапно лампы снова зажглись, потом погасли, затем начали зажигаться по отдельности, вспыхивая, казалось, в случайном порядке, все быстрее и быстрее, будто бы в систему электроснабжения здания вселился злой дух. Из-за стробоскопического эффекта происходящее напоминало световое шоу на рок-концерте.

Свет сопровождался звуком – ритмичным барабанным боем, который становился все громче, завихряясь вокруг писателей, точно невидимый звуковой торнадо, пока...

...пока ужас и изумление не достигли предела.

В зале зажегся верхний свет. У дальнего конца стола стоял Уэйнрайт собственной персоной, небрежно засунув руки в карманы.

Сейчас, когда он, едва сдерживая волнение, стоял перед своими героями, он казался еще моложе. Чисто выбритый, взлохмаченный, в черном как смоль костюме и белой льняной рубашке, расстегнутой до середины груди, Уэйнрайт выглядел не старше двадцати пяти.

– Никто из вас не ушел, – сказал он. Даже без помощи динамиков низкий голос заполнил зал. – Тогда позвольте мне рассказать о нашем следующем шаге во тьму.

Мор провела языком по кромке передних зубов и остановилась в том месте, где крохотный кусочек был отколот.

– Завязывайте с этой пургой. Что мы здесь делаем?

Уэйнрайт улыбнулся. Этого вопроса он и ждал.

– Кто хочет провести ночь в доме с привидениями?

Глава 8

Мор села вместе с остальными за длинный стол, когда слышались шаги.

В зал вошла молодая афроамериканка – лет тридцати, высокая, стройная, в белой майке, черном лифчике и камуфляжных штанах с накладными карманами. На голове ее красовалась восхитительная пышная копна не тронутых парикмахером курчавых волос. Меж гладких щек сияла добродушная улыбка. С плеча девушки свисала на длинном ремне дорогая цифровая камера. В каждой руке она держала по две книги в мягкой обложке.

Девушка представилась как Кейт, просто Кейт. Говорила она по-южному зычно, тягуче – явно выросла в Джорджии. Перед каждым писателем Кейт положила по книге.

Мор коснулась своего экземпляра на столе.

«Я помню эту книгу. Из детства», – подумала она.

Страницы высохли и немного пожелтели, обложка обтрепалась по краям. На ней была выцветшая картинка, изображающая поле, довольно похожее на то, где стоял Уэйнрайт в начале своего нелепого представления. На дальнем конце поля, чуть с краю, темнел силуэт дома. На третьем этаже ярко светило окно.

Заголовок, набранный рельефным, нарочито зловещим шрифтом, характерным для дешевых ужастиков восьмидесятых, гласил: «Фантомы прерии: подлинная история сверхъестественного кошмара». А внизу стояло имя автора: доктор Малкольм Адьюдел.

Кейт села рядом с Уэйнрайтом, почти касаясь его локтем.

Мор смотрела, как остальные вертят книги в руках.

– Что это? – спросил Манниак с искренним любопытством.

Уэйнрайт улыбнулся:

– Это наш путеводитель. Кто-нибудь из вас читал это?

– Когда эта книга появилась в печати, – заметил Себастьян в своей сдержанной, утонченной манере, – она полностью оправдала мои ожидания, оказавшись неряшливой, состряпанной исключительно ради денег жульнической поделкой.

– Ага, сейчас образованная публика думает именно так. – Уэйнрайт поднял свой изрядно потрепанный экземпляр, пробежался пальцами по ветхим страницам. – Но тогда многие люди верили написанному здесь, настолько верили, что книга попала в список документальных бестселлеров. В этой части страны дом на Кровавом ручье до сих пор является местной легендой, Сэм подтвердит.

Мор взглянула на Сэма – тот кивнул:

– Это просто детская страшилка.

– Погодите, я припоминаю это место, – заявил Дэниел, осторожно поворачивая книгу в руках, точно драгоценный древний артефакт. – Шуму было много...

– Правда, недолго, – вставила Кейт.

Мор закатила глаза. *Недолго. Ну, разумеется. Мелкая девчонка. Ничего, скоро повзрослеешь.*

Дэниел кивнул:

– Точно. Точно, это там жили две жуткие женщины...

– Сестры Финч, – сказал Уэйнрайт.

– Именно. С тех пор как этот дом построили, никто не мог там прижиться. Когда люди в него въезжают, дом вроде как оживает! – Манниак постучал пальцем по обложке «Фантомов прерии». – В книге это все описано. Теперь я вспомнил. А фильм про это не сделали?

– Собирались, – ответил Уэйнрайт. – Но так и не сняли.

Мор скрестила руки на груди, откинулась на спинку стула и, сощурившись, посмотрела на юного интернет-магната во главе стола:

– Так какое отношение дом на Кровавом ручье имеет к нам?

Уэйнрайт ответил на ее пристальный взгляд, даже не вздрогнув:

– В октябре «Страх в эфире» всегда делает что-то грандиозное к Хэллоуину. Но в этом году у нас как-то не задалось. Все наши придумки были либо слишком очевидными – такое могло прийти в голову кому угодно, – либо слишком дешевыми, им не хватало... ну, того *инди-пафоса*, благодаря которому и прославился «Страх в эфире». Мы тематическая платформа, правильно? Но помимо этого мы популярная платформа – такая у нас концепция. От прочих подобных сайтов и журналов нас отличает то, что мы в равной мере фокусируемся как на *популярном*, так и на *культурном*. Если некое явление уже стало мейнстримом, я хочу взглянуть на него с нового, совершенно неожиданного ракурса. Если некое явление забыли или

обделили вниманием, я хочу, чтобы о нем стало известно всем и каждому. Поэтому наши большие проекты должны как бы существовать в двух ипостасях: в них должно присутствовать нечто развесисто-низкопробное, но необычным образом облагороженное – как правило, с помощью автора или авторов, обладающих настолько неоспоримым авторитетом, что они возвышают низкопробное, превращают его в нечто... глубокое.

Уэйнрайт вошел в раж. Когда Мор увидела его в первый раз, он показался ей резиновым: стоявший перед ней человек словно натянул маску Уэйнрайта, скрыв свое подлинное лицо. Но чем дольше Уэйнрайт говорил о предмете своей страсти, тем более живой казалась его резиновая плоть.

– И однажды в моем мозгу вдруг возникла картинка: старый темный дом, ночь Хэллоуина. Дом с привидениями. Все любят дома с привидениями. Это вечное. Это *популярное*. Оставалось добавить *культуру*. А это уже вы.

– При всем уважении к вашей изобретательности, я на это не подписывался, – заявил Себастьян.

Уэйнрайт бросил взгляд на Кейт, и та ответила ободряющей улыбкой.

Это не ускользнуло от внимания Мор. «Они вместе», – отложила она у себя в голове на будущее.

Из кожаного портфеля, что стоял на полу рядом с его стулом, Уэйнрайт достал пачку бумажных листов и положил на стол:

– Вот документ, который подписывали либо вы, либо ваши представители. Вы, таким образом, дали согласие на двухдневное интервью со «Страхом в эфире». Я обещал вам покрытие расходов на проезд, питание и проживание. Но я не упоминал, где будет проходить интервью и будут ли на нем присутствовать другие лица. Вы все предположили, что будете единственными интервьюируемыми и что мероприятие будет проходить в нормальной, так сказать, обстановке.

– Вы нас обманули, – сказал Сэм. Злости в его голосе не было. Он лишь констатировал простой и очевидный факт.

Уэйнрайт вздохнул:

– Ну что же... да, обманул. Полагаю, можно это и так назвать. Но если бы вы знали мой план с самого начала, вы бы пришли сюда? Смог бы я тогда собрать вас в одной комнате?

– Ну что ж, у вас получилось, – сказал Сэм. – Вы нас собрали. Но ваша затея мне неинтересна.

Он отодвинул свой стул, собираясь уходить.

– Да что с вами, Сэм? Любой ваш студент за шесть банок пива пойдет и вынесет с ноги дверь дома сестер Финч. Не говорите мне, что современный автор хорроров боится... как вы выразились... детской страшилки?

Мор ждала, что попсарь со Среднего Запада заглочит наживку, однако этого не случилось. Сэм молчал.

Уэйнрайт повернулся к остальным:

– Мы могли бы провести интервью здесь, в библиотеке, могли бы провести его в каком-нибудь конференц-зале или в любом месте, где тупо ловится Интернет.

Он выдержал паузу – достаточно долгую, чтобы любой из писателей мог встать и выйти. Никто не двинулся с места.

– Я не могу вас принудить. Вы можете уехать сейчас. Или переночевать в Плазе – для вас забронированы комнаты в отеле – и уехать утром. – Он подался вперед в свете лампы, и на лицо его легли длинные тени. – Или можете поехать со мной на Кровавый ручей, и тогда первого ноября вы будете не просто самыми знаменитыми авторами романов ужасов на планете – вы будете *самыми знаменитыми авторами на планете*.

– Мы и так знамениты, – заметил Себастьян. Спина его напряглась.

Уэйнрайт медленно кивнул:

– Верно, вы, сэр, знамениты. У определенного поколения. Но что будет, если читатели вас забудут?

Он повернулся к Дэниелу Манниаку:

– Или перерастут вас?

К Мор:

– Или не поймут вас?

К Сэму:

– Или разочаруются в вас?

В зале повисла напряженная тишина. Никто не хотел признаваться, что уколы Уэйнрайта попали точно в цель.

«Да пошел он», – подумала Мор.

– Это бред собачий.

– Бред? – переспросил Уэйнрайт. – Или именно то, что нужно сейчас каждому из вас?

– Детка, ты не знаешь, что мне нужно, – ответила Мор. – А если бы даже и знал, то не сумел бы мне это дать.

Уэйнрайт издал отрывистый смешок. Не издевательский – ему и вправду было весело.

– Слушайте, я обещаю, вы отлично проведете время. Будет уютно. Дом на самом деле не такой уж ветхий. Рейчел Финч жила в нем до девяносто восьмого. Несколько дней назад там снова подключили воду. Электричество дает генератор. Сегодня после обеда команда уборщиков отправилась наводить внутри чистоту.

Дэниел Манниак привстал со своего места:

– То есть люди входили в дом?

– Только уборщики. Разнорабочий. Возможно, еще парочка трудяг.

– И ничего... не было?

– Вы о чем, дружище? О паранормальных явлениях?

Дэниел кивнул:

– Ну, от дома сестер Финч чего-то такого и ждешь.

Уэйнрайт покачал головой:

– Нет, ничего такого не было. Правда, люди были в доме всего пару часов и при свете дня.

Себастьян легонько побарабанил костяшками пальцев по столу.

– При свете дня, – повторил он. – Вы, выходит, намекаете, что ночью может случиться что угодно?

Уэйнрайт грубовато хохотнул:

– Слушайте, если вы хотите спросить, верю ли я, что в доме действительно есть привидения, ответ: *нет*. Если вы хотите спросить, не задумал ли я устроить так, чтобы *казалось*, будто там есть привидения, ответ будет ровно тот же самый. Честное слово, это интервью, шанс для зрителей заглянуть внутрь ваших гениальных голов в подходящем, так сказать, интерьере. Я специально обеспечил камерную обстановку. Только мы. Несколько камер. Простое звуковое оформление. Никаких понтов. Никаких излишеств. Я хочу, чтобы мои подписчики ощущали себя так, будто не сидят перед экраном, а находятся в доме с нами. Поэтому я максимально сократил производственную команду. В доме с вами будем только я и Кейт.

Уэйнрайт чуть тронул руку девушки.

Мор покачала головой. *Он разрешил девчонке открыть рот.*

Кейт одной рукой приподняла камеру. Глядя писателям прямо в глаза, она начала объяснять:

– Я буду документировать происходящее в доме при помощи нескольких закрепленных цифровых камер, а также буду снимать с руки. Стрим будет идти с начала интервью до его завершения. Если мы будем показывать зрителям каждую минуту, что проведем в доме, то только распылим внимание аудитории, превратим минуты в часы. Наша цель – создать видео, которое привлечет множество зрителей в прямом эфире, но при этом будет достаточно коротким, чтобы распространяться вирусно. Наша цель – охватить как можно больше людей и как можно быстрее. Остальной видеоматериал мы запишем на жесткий диск и отредактируем позже. Это не сериал «По следам призраков». Мы не будем расставлять по всему дому камеры ночного видения. Это видео о том, как вы проводите время вместе. О том, как вы беседуете с Уэйнрайтом. В центре повествования должны – и будете – находиться вы четверо.

– Спасибо, Кейт. – Ножки стула Уэйнрайта скрипнули, когда он встал. – Итак? Кто в деле?

– Я в деле, – объявил сгорающий от нетерпения Дэниел.

Мор скорчила гримасу:

– Кто бы сомневался.

– А что? – сказал Манниак. – Похоже, будет весело.

Себастьян втянул носом воздух и медленно выдохнул.

– Я тоже в деле, – сообщил он, хоть и с куда меньшим воодушевлением, чем Дэниел. – Почему бы не развлечься немного на старости лет, пока ноги еще ходят?

– Вы оба серьезно? – спросила Мор. Она посмотрела на Сэма. Тот потирал свою затейливо татуированную левую руку. – Вы-то хоть в это не полезете?

Сэм покосился на Мор, потом на Себастьяна Коула. Тот, казалось, был доволен своим решением – сидел со спокойным взглядом и прямой спиной. Перед Сэмом явственно забрезжил шанс насладиться обществом литературной легенды.

– Да к черту! Я в деле, – сказал он.

Мор фыркнула с нескрываемым отвращением.

Однако Уэйнрайт повернулся к ней, словно ничего не заметил:

– Мужчины согласны. А вы, мисс Мор?

Гораздо позже, когда их положение обрело чудовищную ясность, Мор вспоминала этот момент и проклинала себя за то, что не вышла из зала. Она хотела уйти. Никто ее не держал. Но так, как и остальных, что-то заставило ее остаться, что-то заставило ее сесть за стол и прилежно выслушать Уэйнрайта. Мор не могла говорить за других, но, когда она со всей строгостью спросила себя, что побудило ее принять участие в этом грандиозном фарсе, ответ оказался до тошноты простым и идиотским.

Она осталась потому, что остались мужчины. Осталась из гордости. Она не для того так яростно сражалась с этими высокомерными свиньями, чтобы встать и уйти.

Номер 819. Сэм вставил ключ-карту в щель замка и услышал щелчок. Он толкнул дверь.

Затхлый воздух ударил в ноздри. Он захлопнул дверь за собой. Бросил ключ-карту на комод, опустил сумку на пол и рухнул на кровать.

Минут десять лежал, уставясь в потолок, белизну которого портило пятно от протечки.

Сэм закрыл глаза.

Как все это глупо.

Комнату наполнило гудение кондиционера.

Пальцы медленно заскользили по обожженной коже левой руки. Из кондиционера под окном шел ровный поток прохладного воздуха.

Глубоко в горле Сэм ощутил пепел. Почувствовал тошнотворно-сладкий запах горелой кожи. Понял, что это его кожа. Но был и другой человек, там, в огне, пламя пожирало его...

Сэм сел на кровати.

Он взял мобильный, экран зажегся. Новых сообщений не было. А кому он на хрен сдался? Илай мог бы поинтересоваться, как там его клиент. Эрин. Это вряд ли. Хотя Хэллоуин *был* их любимым праздником. Они брали в прокате кучу ужастиков, наполняли огромную миску конфетами для ряженых и выключали в доме свет, чтобы комнату озарял лишь мерцающий экран телевизора.

Уже 30 октября, а от Эрин ничего.

«Может, завтра, – подумал он. – Когда мы будем в доме».

Он знал, что она не позвонит. Она вычеркнула его из своей жизни.

Сэм поднялся и принялся мерить комнату шагами.

Что я здесь делаю? Я сейчас должен быть дома и писать. Или хотя бы пытаться писать. Надо было взять с собой ноутбук. Да нет, что можно написать, торча в доме с тремя другими литераторами? Возможно, ничего. А может, эта поездка разбудит во мне вдохновение. Может, именно в этом старом доме с привидениями у меня родится зачин романа. Первое предложение внезапно возникнет в голове, цельное, идеальной формы, как здоровое дитя.

На столе у окна лежали блокнот с эмблемой отеля «Фэйрмонт» и шариковая ручка. Сэм схватил их и запихнул в сумку. Выдохнул. Вот так. Ему немного полегчало. Одна проблема решена. Остался еще миллион.

Он покопался в сумке и вытащил маленький несессер. Расстегнул молнию. Внутри лежала дорожная таблетница, а в ней – три зеленые таблетки. Сэм закинул одну из них в рот и проглотил не запивая.

Без четверти семь вестибюль «Фэйрмонта» выглядел так же, как любой гостиничный вестибюль, – пристойно полутемный, вычурно отделанный и битком набитый командированными. В воздухе разносилась легкая джазовая музыка.

Войдя в вестибюль, Сэм огляделся и почти сразу же заметил Себастьяна Коула. Тот примостился у барной стойки, небрежно сжимая в руке стакан – судя по виду, с односолодовым виски. Коул смотрел в окно позади стойки: снаружи темнота уже начинала завладевать городом. Бескрайнее синее небо усеяли звезды, еще недавно белые облака зарделись, словно кто-то надавал им пощечин. В Плазе одна за другой загорались витрины магазинов, зазывая к себе продрогших покупателей. По улице неспешно ехала запряженная лошадьми карета, машины терпеливо тащились сзади.

Неподвижный взгляд Себастьяна был устремлен в пространство.

– Надеюсь, я вам не помешаю.

Голос Сэма застал Коула врасплох. Он резко обернулся.

– Простите, – продолжил Сэм. – Если вы хотите побыть один...

– Вы несколько мне не мешаете. – Себастьян радушно улыбнулся. – Прошу. Выпейте со мной.

Сэм устроился на соседнем табурете и заказал себе пива. Бармен наполнил бокал до краев.

– Надо же, – сказал Сэм, отхлебнув долгожданный глоток, – куда нас занесло.

– Кто бы мог подумать.

Сэм взял из лежащей неподалеку стопки салфетку для коктейля и принялся скручивать ее в трубочку. «Давай решайся, – велел он себе. – Непринужденно сказать не получится, так что говори как можешь».

– Мистер Коул, я...

– Пожалуйста. Себастьян.

Сэм кивнул:

– Себастьян. Я не сомневаюсь, что вы это слышите каждый день, но ваши книги сыграли огромную роль в моей жизни. Можно сказать, именно ваши книги побудили меня стать писателем. – Он нервно помял в руках салфетку.

– Не хочу показаться надменным стариком, Сэм... могу я называть вас Сэм?

– Конечно.

– Отлично. Да, фанаты и впрямь часто рассказывают мне, как они обожают мои книги, особенно «Едва заметную тень».

– Это классика, – выпалил Сэм и немедленно устыдился. Он вспомнил, как поморщился Себастьян, когда чуть раньше его назвал классиком Дэниел.

– Классика, – с меланхоличной улыбкой согласился Себастьян, – как и я сам. – Он сделал большой глоток виски. – Но похвала из уст такого писателя, как вы, Сэм, талантливого писателя, честного писателя, не пустой звук. Я верю, что вы умеете отличить хорошую историю от плохой. И если мои истории хороши, что ж, значит, я со своей задачей справился.

Сэм кивнул. Он поднес бокал к губам, но так и не отпил. Он должен был сказать еще кое-что.

– Я прочел «Едва заметную тень» в двенадцать. За два года до того умерла моя мать. Я не... Ну, скажем так, жизнь у меня была не сахар. Ваша книга, ваше творчество не просто вдохновили меня. Они... они меня спасли.

Себастьян медленно кивнул, но не произнес ни слова. Некоторое время двое мужчин пили молча.

– Я тоже читал ваши книги, Сэм, – наконец сказал Себастьян.

Грудь Сэма стиснуло невольное волнение.

– Они мне очень понравились, – продолжал Себастьян. – Вы очень искренни в своих романах, особенно в самом первом. Он – подлинный. Возможно, вам покажется, что это не самый эффектный комплимент на свете, но голос вроде вашего – живой голос – редкость в наши дни.

Настала очередь Сэма отвечать молчанием на похвалу. Одобрение Себастьяна значило для него неизмеримо много, однако три слова вспороли его самооценку словно ножом – «особенно в самом первом».

Сэм сделал длинный глоток, надеясь, что пиво, смешавшись с медленно рассасывающейся в желудке таблеткой, притупит его чувства.

– Что же касается остальных наших братьев по перу... – Себастьян быстро окинул вестибюль взглядом и, убедившись, что никого из тех, о ком он говорит, в зоне видимости не наблюдается, продолжил: – Мистер Манниак пишет для подростков – для аудитории, которую я никогда не понимал и уже не пойму. А мисс Мор при всей своей бешеной популярности потекает... скажем так, *специфической* прослойке, полагающей, будто сексуальное раскрепощение заключается в том, чтобы дать демону трахнуть тебя в задницу.

Сэм чуть не поперхнулся пивом, но все же сумел проглотить его, прежде чем расхохотаться.

– Уж простите мне мою прямоту, – сухо закончил Себастьян.

За окном наконец стемнело, последние отблески заката скрылись за горизонтом. Бар словно бы обрадовался сумеркам, музыка сменилась с джаза на электронную, лампы, еле заметные днем, теперь расчертили красные стены узкими полосами яркого света. В вестибюле словно стало теснее, посетители начали перебираться ближе к барной стойке. Когда сюда успело набиться столько народу? Голоса гудели все громче и громче, наслаивались друг на друга, беспорядочная пьяная болтовня лилась отовсюду.

Сэм видел, как в темноте за окном кто-то движется. Он догадывался, что это люди, однако суетились они, совсем как насекомые, и, казалось, старались держаться в тени, подальше от глаз наблюдателя.

– Здесь ведь есть какая-то история?

Себастьян смотрел на руку Сэма. Понятно было, что старик спрашивает не о татуировках.

– Да.

– Вы кому-нибудь ее рассказывали?

Сэм покрутил в руке бокал с остатками пива:

– Кое-что рассказывал. Жене. *Бывшей* жене.

– Почему только кое-что?

– Иногда... – Сэм помедлил. Облако едкого серого дыма снова заклубилось у него в горле. – Иногда истории слишком сильны. Они меняют тебя в глазах других.

Старик кивнул:

– Это точно.

За столиком неподалеку компания предпринимателей в плохо сидящих готовых костюмах разразилась неожиданно громким хохотом.

Себастьян выпрямился на своем табурете, атмосфера беседы потеряла толику своей интимности.

– В любом случае будет крайне прискорбно, если вы так и останетесь автором четырех романов.

– Нет, я сейчас работаю над новой книгой. Дело движется.

«Врешь, – тут же выругал он себя. – Ты соврал своему кумиру».

Себастьян, похоже, уловил неискренность собеседника, его улыбка слегка поблекла.

– Сэм, агенты рассказывают друг другу всякое. В этом бизнесе ничто не остается тайным долго. Иногда писателю просто нужно сделать перерыв, чтобы перестроиться.

Сэм коротко рассмеялся, надеясь правдоподобно изобразить удивление:

– Не знаю, что вам говорили, но, клянусь, это просто слухи.

– Слухи – занятная штука, – мягко сказал Себастьян. – Неважно, правдивы они или нет, люди им верят.

Глава 9

Понедельник, 31 октября

Дэниел Манниак всегда был жаворонком.

Он распахивал глаза, стоило солнцу показаться на горизонте, даже когда спал дома, в своей постели, рядом с женой Сабриной. Он выбирался из кровати как можно тише, морщась, когда кровать, освобожденная до вечера от его туши, издавала скрип. Сабрину он не будил почти никогда. Она спала как убитая. Лежала, крепко свернувшись калачиком под одеялом, такая же миниатюрная, как в юности, когда только познакомилась с ним.

Поэтому для Дэниела стал немалым потрясением тот факт, что в гостиничном номере в городе, где он бывал всего-то пару-тройку раз, он ухитрился проспать.

Когда он разлепил веки, солнечный луч уже перерезал изножье кровати, точно ножом. Бросил взгляд на электронные часы на тумбочке – 10:14 утра. Рука, вынырнув из-под одеяла, потянулась к устройству. Только потрогав их, ощутив пластик корпуса своими толстыми пальцами, он смог поверить, что цифры на дисплее не врут.

– Ешкин корень...

Они условились встретиться в вестибюле в половине двенадцатого. После душа и одевания у него едва-едва останется время запихнуть в себя поздний завтрак.

Дэниел перекатился, чтобы подняться, но мягкий матрас как будто не хотел его отпускать, просев под чудовищным весом.

В голове мелькнула совершенно дикая мысль:

Ерш твою медь, я же встать не смогу.

Он ухватился за раму кровати, ища точку опоры. По пути рука задела и смахнула с тумбочки лежавшую рядом с часами книгу.

Дэниел посмотрел на пол.

Эту книгу ему прошлым вечером дала Кейт.

«Фантомы прерии».

Он заворчал сквозь зубы, злясь на самого себя.

Из-за книги-то он и проспал...

Поднявшись в номер из ресторана в начале десятого, он прекрасно понимал, что пора ложиться. Но книга заинтриговала его с того самого момента, как он взял ее в руки в библиотеке. Что-то такое было в обложке, обманчиво простой в сравнении с тем пакустым художеством, что красовалось на обложках его собственных романов. Сельский дом, тонущий в высокой траве, зловеще-мистический огонек в окне верхнего этажа. Он поднес книгу поближе к глазам. Тут чьи-то лица меж деревьев за домом? Сказать наверняка было сложно, но в изгибах теней между гладкими стволами чудилось что-то наподобие людских силуэтов.

Дэниел устроился в кресле у журнального столика под окном и раскрыл книгу.

«Подлинная история сверхъестественного кошмара», – гласил подзаголовок.

Он начал читать.

«Фантомы» были написаны журналистским слогом с уклоном в наукообразие, но встречались и красочные обороты, и их оказалось достаточно, чтобы Дэниел, пусть и немного стыдясь своей впечатлительности, перенесся из отеля в Канзас-Сити на Кровавый ручей, в мрачную сельскую глушь.

Он был с доктором Малкольмом Адьюделом, когда на пороге его встретила Рейчел Финч. Ее лицо покрывала лунная бледность, а волосы – разительный контраст! – были черны, словно беззвездная ночь. Вместе с парапсихологом Дэниел исследовал дом, комнату за комнатой, прислушиваясь к звукам призрачного ветра, наполняющего коридоры, точно воздух – легкие. Закрывая глаза, он видел зловещие черты Ребекки Финч – она уже умерла, когда Адьюдел явился в дом, однако ее присутствие здесь ощущалось так же явственно, как присутствие Рейчел. Несколько раз Дэниел подпрыгивал на месте, когда мимо его номера проезжала тележка горничной.

Он был уверен, *абсолютно уверен*, что слышит скрип колес кресла-каталки Ребекки Финч.

Он одолел две трети книги, когда понял, что читает уже четыре часа кряду. Шел второй час ночи.

Быстро вскочил с кресла, почистил зубы, натянул полосатую пижаму. И забрался в постель с твердым намерением спать. А книга

подождет.

Но среди деревьев на обложке и впрямь скрывались чьи-то лица. Теперь Дэниел не сомневался, что ему не почудилось.

Когда он перевернул последнюю страницу, было почти четыре утра.

Он положил книгу на тумбочку рядом с часами. И уже хотел выключить ночник, когда голос в его голове закричал:

– *Нет!*

Это был не его голос. Он был мягче. Нежнее. Однако в нем была заключена невероятная сила.

Голос принадлежал его дочери, Клэр.

Его Клэр. Даже в шестнадцать с небольшим лет, по уши в переходном возрасте, она оставалась его якорем. Его надеждой. Смыслом его жизни.

Когда рука Дэниела остановилась в нескольких дюймах от выключателя, он еще чувствовал, как вибрирует голос, растворяясь в темноте.

Он был взрослым человеком. Он не собирался спать со светом. Но нельзя же допустить, чтобы эта паршивая жуткая обложка таращилась на него всю ночь.

Дэниел открыл ящик тумбочки и бросил книгу внутрь, к неперменной отельной Библии короля Якова.

«Странное вышло соседство», – подумалось ему.

Оставалось надеяться, что старина Яков не даст призракам с обложки безобразничать ночью.

И вот теперь, в четверть одиннадцатого утра, он созерцал лежащую на полу книгу, которую он точно – *совершенно* точно! – положил в ящик тумбочки.

«Да брось, приятель, это тебя память подвела, – сказал он себе. – Поздно было. Ты устал».

– Ну да, – произнес Дэниел вслух. – Наверное.

Выкарабкался из постели, осторожно перешагнул через книгу и направился в ванную.

Оставил книгу лежать на полу, пока не пришло время выезжать.

Мор стояла на тротуаре, крепко сжимая ручку сумки и уставившись сквозь стекла темных очков на припаркованный в нескольких ярдах кошмар. За ее спиной с шипением отворились

автоматические двери, и из них выбежал Дэниел, таща за собой объемистый чемодан. Даже морозным октябрьским утром его покрасневшее лицо покрывала испарина.

Увидев то, что увидела Мор, Дэниел тоже застыл на месте.

– Мы вот на этом поедем? – спросил он.

Мор провела языком по передним зубам.

– Увы, похоже, что да.

«Твою мать, – подумала она, – мы записались в бродячий цирк».

Боковая дверь древнего фольксвагеновского микроавтобуса была распахнута, являя взгляду кресла в центре и задней части салона. Кейт – в облегающих брюках и терморубашке с длинными рукавами – прислонилась к бледно-желтому боку машины. Сегодня она была уже без макияжа, на щеках кое-где виднелись следы от акне. Свои темные волосы девушка стянула в незамысловатый хвост на затылке. Камера свисала на ремне с ее плеча. Кейт о чем-то тихо беседовала с Уэйнрайтом, тот нарядился в темно-синие джинсы и черную кожаную куртку поверх белой футболки с треугольным вырезом. Легкий ветер трепал его густую шевелюру, пряди волос то и дело обрамляли оправу тонированных очков-авиаторов.

Карие глаза Кейт устремились на стоящих на тротуаре писателей. Она приветливо улыбнулась и машинально подняла камеру. Большой палец лег на кнопку «пуск».

– Утро доброе. – Кейт проворно навела фокус.

– С добрым утром, – отозвался Дэниел.

Уэйнрайт повернулся к писателям, лицо его в ярких солнечных лучах выглядело гладким и странно искусственным. Он похлопал ладонью по металлическому боку микроавтобуса:

– Что скажете? Красота, верно?

Мор тихо рыкнула.

– Давайте покончим с этим поскорее, – заявила она, подошла к машине и забралась в салон.

Дряхлый микроавтобус катил по шоссе.

Сэм глядел в окно. Лицо у него было осунувшееся, глаза усталые. Ночью он спал плохо. Нервы словно превратились в миллионы камертонов, гудящих на разных высотах.

«И вот я еду на автобусе в летний лагерь, – думал Сэм. – Как будто вернулся в детство. Ненавижу возвращаться в детство».

– У нас модель семьдесят пятого года, – крикнул Уэйнрайт с водительского места.

Никто ничего на это не ответил, и Сэм подался вперед в своем кресле в третьем ряду:

– Вы о чем?

– О микроавтобусе. Его выпустили в семьдесят пятом, в том самом году, когда сестры Финч въехали в дом на Кровавом ручье. И, если не ошибаюсь, в том самом году, когда мистер Коул опубликовал два романа: «В конце туннеля» и «Тьма перед рассветом».

– Все верно, – отозвался Себастьян. Было видно, что слова Уэйнрайта его несколько смутили.

Мор саркастически присвистнула:

– Да, мы поняли: Себастьян написал кучу книг за последние сто лет.

Себастьян добродушно хохотнул:

– Не переживайте, мисс Мор, «Тьма перед рассветом» была полным говном.

– А «Туннель»? – спросила Мор.

– А «Туннель», разумеется, был шедевром, – подмигнул ей Себастьян.

Сэм откинулся на спинку обитого кожей кресла и стал слушать, как шуршат колеса по асфальту. Дэниел Манниак сидел рядом с ним, сложив руки на коленях, точно послушный ребенок. Его обывательская зеленая рубашка поло была заправлена в рыжеватые брюки докерс с коричневым кожаным ремнем; поглядев на нависающий над брюками валик плоти, Сэм подумал, что ремень не мешало бы немного ослабить. Кожа на пухлых руках Дэниела была бледная, розовато-серая, как брюхо дохлой рыбы.

Поездка протекала относительно спокойно, хотя Уэйнрайт всеми силами старался это изменить. Каждые несколько минут он предпринимал попытку завести светскую беседу, однако каждый раз терпел неудачу. Сэм был этому только рад. Шоу, которое интернет-магнат закатил накануне, оказалось весьма утомительным мероприятием, и теперь Сэм чувствовал себя как с похмелья, хоть и выпил в баре всего три пива. Они проехали в молчании еще несколько миль. Сэм хотел сесть с Себастьяном, но Мор его опередила, и пришлось устроиться сзади, с Дэниелом. Оставалось лишь созерцать

затылки Себастьяна и Мор в среднем ряду и Уэйнрайта и Кейт – впереди. Писатели погрузились в себя. Сэм подозревал, что все они сейчас придумывают оправдания своему участию в этой безумной поездке.

– О’кей, настало время викторины, – объявил Уэйнрайт, решив опробовать новый подход.

– Господи, да что ж такое? – пробурчал Сэм.

Кейт развернула камеру над спинкой своего кресла и направила на них широкоугольный объектив. Из-за солнечных бликов казалось, что у линзы узкий вертикальный, как у рептилии, зрачок.

Сэм неуютно поежился под взглядом камеры.

Уэйнрайт постучал по своему экземпляру «Фантомов прерии», лежащему на приборной панели. Сэм видел отражение обложки в переднем стекле.

– Всем вам раздали книгу Адьюдела, так что это будет нетрудно. – Не отрывая глаз от дороги Уэйнрайт спросил сидящих сзади: – Сколько владельцев было у дома?

Ответом ему было молчание.

Сэм ссутулился в своем кресле. *Хватит уже игр. Никому это не надо.*

Отсутствие энтузиазма не порадовало Уэйнрайта.

– Хоть кто-нибудь попробует?

Дэниел неловко покосился на остальных, догадавшись, что никто не хочет участвовать в викторине.

– М-м... шесть, кажется.

– Неверно, – отрезал Уэйнрайт. – Их было пять. – Он вздохнул. – Кто назовет мне их имена?

И снова ответа не последовало.

– Сэм, – Уэйнрайт повернул зеркало заднего вида так, чтобы видеть Сэма, – как насчет вас?

Сэм поднял глаза – прямо на него смотрел объектив Кейт. Он вздрогнул, покачал головой:

– Я не знаю. Извините.

И без того низкий голос Уэйнрайта стал еще ниже. В нем не осталось и намека на любезность.

– Но вам же дали книгу. Я дал вам книгу специально для этой поездки.

Кейт, похоже, почувствовала, что атмосфера накаляется. Она напряглась, но камеру держала уверенно.

«Он тебя подначивает, – сказал себе Сэм. – Хочет добиться от тебя реакции». И ответил на взгляд Уэйнрайта в зеркале:

– Было поздно. Я устал.

Кожаная обмотка руля скрипнула – Уэйнрайт крепко стиснул его.

– Какой смысл ехать в этот дом, если никто из вас ничего о нем не знает? – Теперь в его голосе слышалась злость. Сэм видел со своего места, как едва заметно двигаются желваки на его челюсти. Уэйнрайт сжимал и разжимал зубы. – Вообще никто не удосужился почитать книгу?

Кейт опустила камеру, притворяясь, что возится с настройками.

– Я попробовал, – сообщил Себастьян. – Но не мог вынести издевательства мистера Адьюдела над английским языком. Его восклицательные знаки страшнее паранормальных явлений, за описаниями которых они следуют.

Мор резко повернулась к старику:

– Вы бы предпочли, чтобы он писал в пресловутом изящном стиле Себастьяна Коула?

– Честно говоря, я бы предпочел прозе Адьюдела что угодно, даже пресловутый извращенческий стиль Ти-Кэй Мор.

Застигнутый этой репликой врасплох, Сэм нечаянно фыркнул.

Мор бросила на него взгляд, даже сквозь темные стекла было заметно, что сердитый. *Или не совсем сердитый*. В нем была крупница кокетства. Как Мор ни противилась этому, мало-помалу она проникалась симпатией к своим спутникам.

– Я прочел. Целиком.

Все удивленно повернулись к Дэниелу.

Себастьян поднял бровь:

– Не корите себя, мистер Манниак. Бессонница, как известно, заставляет людей совершать иррациональные поступки.

– Я не из-за бессонницы. Я хотел прочесть. Хотел понять, во что нас втягивают.

– Ну и? – строго, испытующе спросил Уэйнрайт. Он словно превратился в пару глаз в зеркале заднего вида. – Во что я вас втягиваю?

Сэм заметил, что Уэйнрайт покосился на Кейт. В уголках его губ заиграло смутное подобие усмешки.

«Ему нравится держать нас в неведении», – мелькнуло в голове.

Дэниел нервно поерзал в своем кресле:

– Ну, я хочу сказать, я ни одному слову не поверил. По-моему, это какая-то чепухня.

– Не знаю, что пугает меня больше, – заявила Мор, – то, что вы прочли эту кошмарную книгу целиком, или то, что вы сейчас на полном серьезе употребили слово «чепухня».

– Не каждую фразу следует приправлять нецензурной лексикой.

– У нас с вами, наверное, просто разные подходы, да, мистер Манниак? Я пишу о том, что люди думают, а вы говорите людям, что им думать. Не волнуйтесь, вы не первый святоша, считающий, что он праведнее всех на свете.

Щеки Дэниела вспыхнули румянцем.

– Я не считаю себя праведнее всех на свете. Я считаю, что книга должна преподавать урок посредством развлечения. А вы используете литературу для восхваления всяких отклонений.

– Довольно вам, – сказал Себастьян.

Мор не обратила на старика внимания. Она развернулась и уставилась на Дэниела темными стеклами своих очков:

– Я всего лишь побуждаю своих читателей освободиться от искусственно сфабрикованной морали, которой их каждый день пичкают лицемерные проповедники и политиканы.

– Каким образом? Предлагая девочкам-подросткам резать себя?

– Хватит уже, – сказал Себастьян громче.

Уэйнрайт снова бросил взгляд на Кейт, и Сэм отчетливо увидел, что он ухмыляется. Магнат энергично кивнул, и Кейт, подчиняясь приказу, подняла камеру и принялась снимать.

Ему нравится смотреть, как мы грыземся.

Мор продолжала:

– Девочки-подростки калечат себя по одной-единственной причине: потому что самоуверенные мудаки вроде вас внушают им, что их тела – сосуды греха. Им нужна моя помощь, чтобы избавиться от вашего угнетения. Может быть, именно поэтому моя первая книга, которую я издавала самостоятельно, продалась бóльшим тиражом, чем все те церковные брошюры, что вы зовете романами.

– Хватит! – прикрикнул Себастьян, точно отец, выведенный из себя детской ссорой.

– Писатели, кончайте ругаться, а то домой сейчас поедете, – откликнулся Уэйнрайт шутливо-строгим тоном и сам же басовито рассмеялся своей реплике.

Сэм нахмурился. *Что-то с ним не так. Секунду назад он был готов в нас вцепиться, а теперь шутит, будто мы старые друзья.*

– Что у вас на уме, Мак-Гарвер? – Мор повернулась к нему.

– В смысле? – растерялся Сэм.

– У вас такой вид, будто вы хотите что-то сказать.

В зеркале заднего вида сверкнули глаза Уэйнрайта. Он ждал, что ответит Сэм.

– Красивые у вас очки, – сказал Сэм Мор.

Она рассмеялась – удивительно искренне – и кивнула на его левую руку:

– У вас красивые татухи, но мне интереснее то, что скрывается под ними.

Сэм инстинктивно прикрыл шрамы правой ладонью, пытаясь спрятать.

Себастьян вздохнул:

– Ну, видите? Можете же вы ладить друг с другом.

Глаза Уэйнрайта в зеркале все еще были прикованы к Сэму.

«В какую игру ты играешь?» – задумался Сэм.

Автобус внезапно вильнул, и все схватились за сиденья. Они миновали указатель «Кровавый ручей» и, круто свернув, съехали с шоссе.

– Прошу прощения, – равнодушно произнес Уэйнрайт.

Вскоре асфальт сменился гравием.

Сэм прижался лбом к прохладному стеклу окна. Деревья вдоль дороги уже сбросили листья, готовясь к зиме. Длинные голые ветки нависали над дорогой, словно руки скелетов. Тут и там на деревьях сидели дрозды – а может, скворцы, – провожая машину взглядом черных глаз-бусинок. Время от времени одна из птиц пронзительно кричала на незваных гостей.

Вам здесь не рады. Разворачивайтесь и уезжайте.

Что-то мелькнуло на обочине – забор из сетки-рабицы, оплетенный вьюнками. Забор проходил сквозь лес, перпендикулярно

дороге, и где-то через пятьдесят футов исчезал в сумраке меж дряхлых бурых стволов.

Под колесами затрещали доски – автобус въехал на маленький, обветшавший от непогоды мост. Под ним змеилось пересохшее русло.

– Это и есть ручей, – сообщил Уэйнрайт. – Давайте попробуем еще раз: кто-нибудь знает, почему его назвали Кровавым?

Мор досадливо вздохнула и еле слышно шепнула Сэму:

– Только молчите.

– В книге, – сказал Дэниел, – Адьюдел предполагает, что на этом месте случилось побоище, возможно, во время Гражданской войны, приграничная стычка Канзаса и Миссури.

– Я сильно сомневаюсь, что ручей так назвали из-за побоища, – возразил Себастьян. – «Кроп» по-голландски «мукá». Возможно, когда-то этот ручеек не был таким маленьким и жалким, на нем стояла мельница, и первые поселенцы называли его Мучным. Потом здесь стало селиться все больше людей, они не знали голландского и стали звать ручей Кропавым, а потом «Кропавый» постепенно превратилось в «Кровавый». Это название – бессмысленное сочетание слов вроде «крибле-крабле-бумс».

– Или «христианского милосердия», – вставила Мор.

Сэм покосился на Манниака, ожидая эскалации конфликта, однако Манниак предпочел не заметить этого выпада.

Автобус пробирался по длинной подъездной дорожке, усыпанной серым гравием. Сэм устроился так, чтобы лучше видеть через переднее стекло. Слева и справа колыхалась на ветру высокая трава. Похоже, ее не косили годами. Сквозь просвет в деревьях он различил обшарпанные белые стены. Осыпающаяся кирпичная труба торчала над верхушкой самого высокого дуба, точно рог. Кроме вконец запущенной дороги, ничто не связывало дом на Кровавом ручье с остальным миром.

Этого-то Уэйнрайт и добивается. Хочет получить нас целиком и полностью в свое распоряжение.

Сэм потряс головой.

Прекрати. Ты из умеренно неприятной ситуации делаешь черт знает что. Но это ведь твой фирменный стиль, верно, малыш Сэмми?

Он закрыл глаза и попытался прогнать все мысли из головы.

Две минуты спустя Уэйнрайт остановил автобус.

– Приехали, – объявил он.

Сэм вышел последним. Закрыв за собой дверь и хотел уже догонять остальных. Но остальные не двинулись с места. В полном молчании все стояли, уставившись на старый дом, словно ожидали, что тот подпрыгнет и пустится в пляс. Плясок не последовало. Дом, как и полагается дому, тихо и неподвижно покоился на прочном фундаменте своих давних тайн.

Если бы не размеры здания, Сэм не нашел бы в нем ничего особо примечательного: сельский дом в народном викторианском стиле, скорее квадратный, с крытой верандой от парадной двери до середины южной стены. По бокам от узких окон фасада стена была повреждена – Сэм догадался, что рабочие отодрали доски, которыми окна были заколочены, чтобы придать зданию более гостеприимный вид. Дом не был уродлив – наоборот. Простая архитектура, сельское окружение – то что надо для милого маленького коттеджа. Вот только он не был маленьким. Он был огромным, настолько громадным, что на ум невольно приходило слово «чудовище». При всего трех этажах площадь дома составляла не меньше шести тысяч квадратных футов, а то и больше. Под фундамент и двор вырубил добрую четверть акра. Одно дерево осталось, оно стояло у самого крыльца, справа, – кривой сорокафутовый бук. Перекрученный ствол напоминал человеческую руку, с которой кто-то содрал кожу, обнажив мышцы; давно высохшие ветки тянулись вверх, точно пораженные артритом пальцы.

– Господи, кто построил... *это?* – нарушил тишину Себастьян.

Уэйнрайт сжал свою потрепанную книгу Адьюдела, точно Библию:

– Это построил в тысяча восемьсот пятидесятых поселенец по имени Джошуа Гудман. Своими руками. Он лично вбил каждый гвоздь, лично поднял каждую стену.

– Как такое возможно? – спросил Сэм.

Казалось немыслимым, чтобы один человек, как бы целеустремлен он ни был, сумел воздвигнуть такое сооружение. Именно *сооружение*, а не дом. Казалось, само его существование было невозможно без вмешательства сверхъестественных сил.

– Вряд ли кто-то успел у него это выспросить. Гудмана убили в тысяча восемьсот шестьдесят третьем, в ту самую ночь, когда Квантрилл и его люди подожгли Лоуренс.

Дэниел сделал несколько неуклюжих шагов к дому, не сводя с него глаз.

– Погиб не только Гудман, – пояснил он. Отнюдь не робко – твердым, уверенным голосом, похожим тоном Сэм говорил на своих лекциях. – Той же ночью убили освобожденную рабыню Альму Рид. – Дэниел показал на зловещее дерево во дворе. – Ее тело повесили на одной из этих ветвей.

Себастьян и Мор стояли рядом, глядя на кривой бук. Эти двое являли собой воплощенный контраст: просторное шерстяное пальто свободно висело на высокой худой фигуре Себастьяна, а тело Мор плотно облегал черные джинсы и лонгслив со шнуровкой, еле скрывающей грудь. Вместе они походили на аллегория нежеланного союза Элегантности и Бунта.

Неподалеку, у самой травы, Кейт запечатлевала важный момент, крепко держа камеру и следя за изображением на откидном ЖК-экране.

Сэм глянул прямо в объектив – сам не зная зачем, просто так. Он не пытался придать лицу какое-то особенное выражение, но Кейт опустила камеру и странно, неожиданно строго на него посмотрела. Потом наклонилась к Уэйнрайту и что-то ему шепнула. Уэйнрайт что-то тихо ответил ей, приобняв за талию. Что бы это ни было, ему удалось достичь цели. Лицо Кейт смягчилось, она послушно кивнула, соглашаясь на некий уговор.

«Они что-то замышляют, – подумал Сэм. – Сообща».

Из правого кармана Уэйнрайт достал ключ на металлическом кольце. Покрутив его между пальцами, он обратился к писателям:

– Ну что... пошли?

Все двинулись за Уэйнрайтом к крыльцу. Все, кроме Сэма.

– После вас, – сказала Кейт, сделав рукой пригласительный жест.

Сэм взгляделся в ее лицо, но не увидел ничего, кроме приветливой улыбки.

– Пожалуйста, – добавила Кейт.

Сэм последовал за остальными. Он заметил, что Уэйнрайт засунул роман Адьюдела в задний карман и то и дело касался книги, проверяя, на месте ли она.

Они поднялись на крыльцо. Толстые мохнатые стебли оплели края ступенек, обвились вокруг ветхих столбиков балюстрады.

Уэйнрайт подошел к двери, оборвал похожий на щупальце вьюнок, что вскарабкался по раме и закрутился вокруг потускневшей ручки. Сунул ключ в замочную скважину, выдержал эффектную паузу, а потом с силой провернул ключ.

Глухо лязгнула задвижка.

Никто даже не успел удивиться тому, что произошло вслед за этим, – так быстро все случилось.

Дом словно содрогнулся – от фундамента до крыши!

Высокие травы вокруг на долю секунды склонились и вновь распрямились, вытянулись, будто сотни тысяч послушных солдат.

Дрожь пробежала по спине Сэма, по спине Себастьяна, по спине каждого.

Уэйнрайт взялся за дверную ручку. Снова выдержал паузу, повернулся к остальным, заглянул в глаза всем по очереди. Свет мерцал в лиловых крупинках в его радужках.

– Итак! Переступаем порог, – объявил Уэйнрайт.

Он повернул ручку.

Дверь медленно распахнулась, и Уэйнрайт спиной вперед шагнул в дом; тени обступили его, лицо-маска растянулось в хитрой улыбке.

Он хотел, чтобы остальные последовали за ним.

Часть 2

Шепот за стеной

31 октября – 1 ноября

Впервые войдя в дом, я обнаружил там нечто, к чему был совершенно не готов, – абсолютную тишину. Ни единого звука не достигало моих ушей. Ни тиканья часов. Ни скрипа половиц. Лишь тихое постукивание моего сердца и сердца стоящей рядом Рейчел.

– Здесь всегда так тихо? – спросил я ее.

Рейчел усмехнулась.

– Нет, – только и сказала она.

Так началась моя экскурсия по дому на Кровавом ручье.

Д-р Малкольм Адьудел, «Фантомы прерии»

Глава 10

12:54

Четверо писателей, Уэйнрайт и Кейт вошли в переднюю и стояли, прислушиваясь к дому, к невидимым колебаниям воздуха внутри.

Они не испытали ничего необычного, перешагивая порог: ни внезапного озноба, ни ощущения постороннего взгляда, ни приступа ужаса. Лишь заложило уши, как будто поменялось атмосферное давление. Совсем чуть-чуть, никто даже не упомянул об этом вслух. Меньше чем за минуту все прошло.

Дэниела Манниака больше всего удивило тепло, испускаемое домом на Кровавом ручье. Пол, вручную оструганный и покрытый лаком столетие назад, являл собой беспорядочный узор из кленовых и ореховых досок разной длины и ширины, темных и светлых, покрытых годичными кольцами и следами сучков. Однако несовершенство лишь добавляло уютного очарования. А у самых стен, где пол встречался с изящно вырезанным плинтусом, доски были ровные, аккуратные.

У западной стены на второй этаж вела широкая лестница в федеральном стиле. Квадратные стойки перил и округлые балясины создавали обманчивое впечатление простоты. Стоило присмотреться внимательнее, и становилось видно, что каждая стойка покрыта тщательно вырезанными узорами, каждую балясину украшает спиральная резьба.

Кое-где доски потрескались, кое-где облупилась краска, и повсюду толстым слоем лежала пыль. Однако заметное глазу мастерство строителя искупало все недостатки. Джошуа Гудман вложил свою любовь в каждый дюйм этого дома.

Дерево не отражало солнечные лучи, проникающие в переднюю сквозь арочные проходы слева и справа, оно поглощало их и заново излучало в виде мягкого золотистого блеска. Дэниел проследовал за солнцем к дальней стене, на которой висело покосившееся распятие. Простое, из того же дерева, что и доски пола, без сомнения вырезанное Гудманом.

Он повернул распятие примерно на двадцать градусов по часовой стрелке.

Вот так.

Услышал, как фыркнула Мор, и закрыл глаза.

– С холма раздался громкий грохот. Они обернулись и увидели над собой дьявола. Древний, он вперил свой взгляд в их души и выведаль их тайны. Он пришел за ними. Их похоти суждено было стать их приговором.

– Дайте-ка угадаю. «Евангелие от Павла»? – спросила она.

– Вообще-то это из «Книги Даниила», – поправил Дэниел и подмигнул Мор, проходя мимо. Он заметил, что Сэм и тщедушный Себастьян улыбнулись. И сам улыбнулся. – Ничего страшного, Мор. Во мне веры на нас двоих хватит.

Дэниел бросил взгляд на Кейт – та направила на него камеру. Она сняла их с Мор разговор.

«Чудесно, как раз такое им и требуется для их грандиозного шоу», – подумал толстяк.

Уэйнрайт развернулся к писателям на каблуках своих поношенных черных рабочих ботинок.

– Добро пожаловать в дом на Кровавом ручье. Давайте я вам все здесь покажу.

Дэниел Манниак снова прислушался к дому. Здание не казалось ему дурным. По правде говоря, в тот момент он не сомневался, что оно ему даже радо.

Они вышли из передней через левый арочный проход.

«Ох, – подумал Себастьян. – Вот она какая, комната моей мечты».

Они оказались в кабинете. Выходящие на запад большие окна были грязны. Впрочем, света, пробивающегося сквозь замызганные стекла, хватало, чтобы даже в сумрачный непогожий день придать помещению жизнерадостный, гостеприимный вид. Между двумя стульями из красного дерева расположился украшенный резьбой столик. Вдоль стены прямо перед писателями тянулись уставленные книгами полки.

– Вся мебель осталась от сестер Финч, – пояснил Уэйнрайт. Свои потрепанные «Фантомы прерии» он теперь держал в правой руке. – В завещании они указали, что, даже находясь в собственности округа,

дом должен оставаться в таком же виде, как при их жизни. Нетронутым.

Себастьян провел пальцем по корешкам книг на полке. Заголовки для него значения не имели. Перед ним стояли книги. Наполненные мыслями. Ценность этой библиотеки была сомнительна: наверняка здесь встречались выдающиеся произведения, но большинство, скорее всего, обладали невеликими достоинствами. Себастьян был не из тех, кто считает, что всякая книга заслуживает прочтения. Но сейчас литературный уровень роли не играл. В книгах были слова, соединенные так, чтобы запечатлеть возбуждение нейронов, передающих информацию через синапсы. Это были человеческие души, заключенные в бумаге, и Себастьян любил их все, даже те, что годились лишь на одну ночь.

«Как эта чертова книга Адьюдела», – подумал он.

Да, даже книга Адьюдела заслуживала право на существование, потому что ради нее человек сел за стол и колотил по клавишам до тех пор, пока царивший в его голове сумбур не обрел четкую форму и не был явлен взорам других людей.

«Вот поэтому мы и пишем», – мелькнуло в голове у Себастьяна, когда его взгляд упал на ряды переплетенных в кожу томов.

Чтобы жить дальше. Чтобы продолжить существовать, когда наше существование прекратится.

Чтобы нас помнили.

– Красивая комната.

Себастьян обернулся.

Дэниел Манниак, засунув руки в карманы, стоял возле одного из стульев. Он рассматривал кабинет, словно турист, забежавший на десять минут в собор Парижской Богоматери.

– Сестры Финч любили этот дом, – сказал Уэйнрайт.

Что за голос. Привыкнуть невозможно. Как же он грохочет. Словно из репродуктора над самым моим ухом.

Остальные разговаривали. Обсуждали то время, когда Ребекка и Рейчел Финч были живы, когда обе сестры навещали эти комнаты. Но Себастьян не слушал. Разговор был для него не более чем шумом. Он думал о миллионах слов, которые предал бумаге. Он думал о бесчисленном множестве мыслей, что мелькали в его голове, точно

колибри, перепархивающие от одного только что распустившегося цветка к другому. Наконец Себастьян моргнул, прогоняя наваждение.

Сэм прошел в двухстворчатую дверь и оказался на кухне.

«Да здесь, черт подери, лучше, чем у меня дома», – подумал он.

Кухня была просторная, классической L-образной формы, две стены занимали шкафчики из темного ореха. Сквозь застекленные двери слева была видна крытая терраса – плетеный диван, два стула и множество сморщенных бурых останков давно засохших растений. В центре помещения, прямо перед глубокой, деревенского стиля раковиной, располагался кухонный островок – дань современности. Раствор между щербатыми квадратами белой плитки переживал не лучшие времена, но в остальном кухня была в хорошем состоянии. Техника была древняя: четырехконфорочная газовая плита в корпусе из нержавеющей стали и совершенно не сочетающийся с ней белый холодильник в духе пятидесятых, с массивной металлической ручкой.

Так же, как передняя и кабинет, кухня купалась в теплом полуполуденном свете. Мор встала рядом с Сэмом. Она так и не сняла темных очков.

– Немного странно, верно? – спросила она.

Сэм в растерянности тряхнул головой:

– Что?

– То, как славно выглядит дом. Ему же ведь сто пятьдесят лет?

Она была права. Если не считать пыли, щербин на плитке и легкой ноты плесени, ощущаемой в застоявшемся воздухе, придраться было не к чему.

На барабанные перепонки Сэма снова что-то надавило, как в первую минуту пребывания в доме. Он представил, как погружается все глубже и глубже в океанскую пучину и вода становится все темнее. Наверху был свет. Внизу была черная бездна.

Он огляделся вокруг.

И услышал, как кричит брат. Услышал, как вопит мать.

«Кухня – это сердце дома, – подумал Сэм. – Здесь члены семьи собираются вместе для душевной беседы».

«Должны собираться», – поправил он себя.

Но в этом доме не было места душевным беседам. Он был обителищем смерти. Надежды Гудмана, его мечты, его *любовь* – все это жестоко отняли у него.

Уэйнрайт открыл дверь холодильника, и наружу вырвался морозный воздух.

– Хоть мы здесь всего на одну ночь, холодильник полон, – сообщил он писателям. – Вода, газировка, вино, пиво. Мясная нарезка. Овощи. Фрукты.

Визг проржавевших дверных петель заставил Мор вздрогнуть. Дэниел открыл заднюю дверь и смотрел на пересекающую двор линию из каменных плиток.

– Какого черта, Манниак? – рявкнула Мор.

Толстяк показал на дорожку, ведущую от места, где он стоял, к просвету между деревьями.

– Это куда ведет?

– К колодцу, – ответил Уэйнрайт таким тоном, словно больше никуда дорожка вести и не могла. – Там все сильно заросло, так что смотрите под ноги, если туда пойдете. Мне сказали, что колодец закрыли много лет назад, но, пожалуйста, постарайтесь, чтобы ваша прогулка не закончилась на дне.

Сэм заметил, как на лице Уэйнрайта мелькнула ухмылка, словно мысль о том, что кто-то из них может упасть в колодец, его позабавила.

– А что здесь? – Обернувшись, все увидели, что Себастьян положил руку на ручку двери в нескольких шагах от плиты. – Кладовка, полагаю?

Уэйнрайт покачал головой:

– Подвал. Туда спускаться никакого смысла нет. Там только крысы и наш верный генератор. К тому же подвал как таковой занимает лишь треть площади фундамента. Остальное – технический подпол.

– Странно, – заметил Дэниел. – Почему не сделали большой подвал?

– Возможно, мистер Гудман начал его копать, но на что-то наткнулся. – В глазах Уэйнрайта блеснул огонек. – Возможно, поняв, что он открыл проход в некое темное и пустое место, он запечатал его. Как можно скорее. Пока тьма не выбралась наружу.

Дэниел охотно закивал, включаясь в игру:

– Ну да. Ну да, он докопался до преисподней, и грехи, которые он совершил в прошлом, потянули его вниз.

– Конечно, если воспринимать все вопиюще буквально, – сухо сказал Себастьян.

Мор усмехнулась:

– А может быть – предположим смеха ради, – его просто задолбало копать гребаную яму.

Себастьян улыбнулся:

– Маловероятная гипотеза, но я не исключаю, что все так и было.

– Возможно, дело в фундаменте, – вступил Сэм. – Оттого что дом совсем рядом с ручьем, в подвал могла проникнуть вода. Дренажных насосов в те времена еще не было, и, чтобы не получить бассейн под домом, Гудману пришлось ограничить подвал в размерах. Готов поспорить, вода до сих пор сюда просачивается во время сильных ливней.

– Вы это прочли у Адьюдела? – спросил Дэниел. – Вы же вроде сказали, что не...

Сэм покачал головой:

– Я вырос недалеко отсюда, в двух часах езды на юг. В Канзасе часто случаются бури. И у многих дома с подвалами. И полно паршивых подрядчиков, которые плохо делают эти подвалы.

Ярко сверкнул отраженный стеклом свет. Сэм повернулся и увидел, что Кейт направила на него объектив.

Внезапно его захлестнула волна тошноты, и он закрыл глаза.

Я не хочу здесь находиться. Не хочу стоять на этой кухне.

Казалось, он вот-вот потеряет равновесие. Вот-вот упадет. Сэм торопливо схватился за край кухонной стойки. Край был округлым и странно холодным. Металлическим.

Он открыл глаза. Под рукой была стальная плита. Выглядела она в точности как на кухне матери.

А на задней левой конфорке стояла глубокая чугунная сковорода.

Сэм дернулся, словно от ожога.

– Сэм, с вами все хорошо?

Это был Себастьян. Он говорил шепотом, чтобы не привлекать внимания остальных.

Несколько секунд Сэм не знал, что ответить на простой вопрос старика. Потом кивнул и тихо сказал:

– Да, я в норме.

– Что случилось, Мак-Гарвер? Дом на вас действует? – с ухмылкой поинтересовался Уэйнрайт.

Сэм сжал зубы.

– Просто хочу уже пойти дальше.

Уэйнрайт жестом пригласил его к следующей двери:

– Ну так пойдёмте. Нам еще многое предстоит осмотреть.

Писатели потянулись из кухни.

Сэм вышел первым.

Вдоль южной стены шел узкий коридор. Мор шла в хвосте цепочки мимо длинного ряда окон слева. Двери комнат в коридор не выходили, был лишь арочный проход из передней, через который они сюда попали, и дверь в дальнем конце.

– Нам туда, – сообщил Уэйнрайт.

Мор подумала: «Ну и голос. Все, что он говорит, звучит приказом. Не люблю я такого».

Выйдя из коридора, они быстро миновали череду смежных комнат – уборную, комнату для шитья, маленький кабинет – и оказались в неожиданно просторном помещении в западной оконечности дома. Элегантный диван, отделанный пестрой тканью с павлинами, и два стула, обитые по контрасту простой тканью в клетку, расположились у расстрескавшегося, но красивого кирпичного камина. Крепкий дубовый стол стоял под окнами, выходящими на крыльцо. Из них был ясно виден чудовищный, уродливый бук.

Здесь эти ублюдки повесили Альму Рид. Мор показалось, что она слышит, как скрипит веревка и хлопает на ветру платье Альмы. Она почти что видела смутный силуэт ее безжизненного тела, тихо покачивающийся за окном.

– Ну, вот мы и пришли, – объявил Уэйнрайт, звучно хлопнув в ладоши. – Это главная гостиная и, если хотите, наш штаб, место, где мы будем проводить большую часть своего времени. От предыдущих постояльцев, спасибо им большое, остался хороший запас дров, так что вечером у нас будет огонь. В доме, понимаете ли, довольно холодно.

– Еще бы, – сказала Мор. – В классическом доме с привидениями без такой фигни никак не обойтись, Уэйнрайт.

– Да, могли бы придумать что-то поинтереснее мистического холода, – вставил Себастьян голосом колючим, как осенний воздух.

– Я просто констатирую факт, – ровным, невозмутимым тоном ответил Уэйнрайт.

Мор коснулась рукой спинки стула.

Гостиная.

По сумрачным просторам сознания Мор пронеслась мысль, и Мор ее поймала.

Гость – *иная*.

Незачем в эту комнату заходить гостям.

Мор всегда ненавидела гостиные. От этого слова в мозгу возникал образ домочадцев, собравшихся, чтобы славно скоротать время вместе, – жалкая идиллия Нормана Роквелла. Мор знала, что многие люди и вправду считают, будто живут так, но она этим людям не верила. В семье всегда есть тайны. Папочка ходит налево. Мамочка сидит на таблетках. Сыночек как-то слишком увлеченно мучает во дворе насекомых. А дочка...

Ну что же, дочка напортачила, верно? Дочка сбежала – решила, что влюбилась.

– Жалко, что Гудман так недолго радовался этому дому, – сказал Дэниел.

Мор стиснула спинку стула, вонзила серебристые ногти в ткань обивки.

– Да бросьте. А чего он ждал?

Все повернулись к ней.

– Вы о чем? – спросил Уэйнрайт.

– О том, что белый мужик замутил с черной девчонкой накануне Гражданской войны. О чем он думал? Он полагал, что поганые душегубы из рабовладельческого штата в двух шагах от него спустят ему это с рук?

– Он любил ее. – Это произнесла Кейт, глядя на Мор поверх объектива. Камера щелкнула – Кейт перевела ее в режим фотографии.

– И погубил ее и себя. Что в этом хорошего? – спросила Мор.

– Они были не властны над своими чувствами. – Кейт нажала на кнопку и сделала серию снимков смотрящей на нее Мор. – Возможно, они понимали, что им грозит смерть. Возможно, от этого их любовь становилась... сильнее.

Кейт чуть повернула голову, чтобы поймать взгляд Уэйнрайта. На его лице застыло странное удивленное выражение.

«Дочка думает, что влюбилась», – снова подумала Мор. Она сжала кулаки:

– Чушь. Смерть не делает любовь сильнее. Смерть лишь убивает.

Щелк-щелк-щелк – Кейт сделала еще серию снимков.

– Мне кажется, вы достаточно меня пофотографировали, – холодно сказала Мор.

Кейт опустила камеру:

– Вы правы. Все, что нужно, я уже сняла. – Она снова переключила настройки. Камера тихо пискнула, возвращаясь в видеорежим.

– Что дальше? – спросил Дэниел.

Уэйнрайт махнул рукой в направлении передней:

– Ну, сейчас самое время принести из машины ваши вещи. А потом я покажу вам комнаты.

Глава 11

13:28

Сэм чувствовал, что за каждым его движением наблюдают.

Это Кейт.

Она стояла в нескольких ярдах, по пояс в траве. Прижимала камеру к груди, точно мать – младенца, и неотрывно глядела на ЖК-экран, записывая все происходящее в высоком разрешении.

– Они трахаются, – услышал Сэм голос Мор. Она вытаскивала свою сумку из микроавтобуса.

– Кто? – спросил Дэниел, побледнев от такой грубости.

– Уэйнрайт и операторша, – пояснила Мор. – Она любовница этого богатого козла. Так что завязывайте пялиться на ее сиськи.

– Я женат, – сказал Дэниел.

– Да, это останавливает целый ноль процентов мужчин, – ответила Мор, закидывая сумку за плечо.

На крыльце, спрятавшись в тени крыши, Уэйнрайт ждал, когда писатели достанут свой багаж. В руках он по своему обыкновению держал книгу Адьюдела.

– Как думаете, что он затеял? – тихо спросил Сэм остальных.

Себастьян проследил за его взглядом:

– Кто? Мистер Уэйнрайт? Он безобиден. Или настолько безобиден, насколько может быть безобидным нахальный сынок миллиардера.

– Они оба странные утырки, – сказала Мор.

«Потому что они что-то скрывают, – подумал Сэм. И тут же одернул себя: – Ты не знаешь наверняка. Прекрати выискивать проблемы там, где их нет. А то сам себя доведешь до психушки».

Вслух Сэм сказал:

– Вы все помните, как он повел себя в автобусе, когда понял, что я не прочел книгу.

– Может, он просто хочет, чтобы мы прониклись историей этого дома так же, как он? – предположил Дэниел.

– А может, он тайно привез нас всех сюда, чтобы убить, – сказала Мор. – Он вместе со своей девочкой Мэнсона будет нас пытаться, потом прикончит, а потом выложит всю эту жуть в Интернет. И к завтрашнему полудню станет самой известной персоной в жанре хоррора.

Сэм покосился на Кейт – он впервые заметил, что на камере закреплен микрофон-пушка, а из разъема для наушников тянется провод.

«Она это слышала?» – задумался он.

Кейт опустила камеру и многозначительно улыбнулась.

Вслед за всеми Сэм прошел через переднюю к двери лифта. Кейт остановилась у подножия лестницы.

– Свидимся наверху, – протянула она, и очаровательный южный выговор прозвучал почти так же гулко, как грохот лифтовой двери-гармошки.

А потом поскакала по ступенькам на второй этаж. Остальные сгрудились в тесной кабине, прижимая к себе сумки.

Сэму внезапно стало трудно дышать. *Зачем мы едем на лифте? Багажа у нас всего ничего. Зачем Уэйнрайту нужно, чтобы мы сюда забрались?*

– Это и впрямь необходимо? – спросил он вслух. – Нам же надо подняться всего на один этаж.

– Рейчел вкатывала сюда коляску сестры, – ответил Уэйнрайт, словно это все объясняло. – Ребекка только так могла подниматься и спускаться.

Сэм прижался спиной к стенке лифта.

Уэйнрайт протянул руку к панели управления. Помимо обязательных «заккрыть двери» и «открыть двери» там было три кнопки с обозначением этажей. Уэйнрайт нажал на двойку. Лифт отчаянно дернулся – где-то наверху в шахте трос пополз через блок.

Сэм понимал, что это глупо, но не мог отделаться от мысли: «Он хочет нас убить. Он хочет, чтобы все это хозяйство рухнуло, и мы вместе с ним».

Дэниел переступил с ноги на ногу, охваченный внезапным беспокойством:

– Лифт ведь проверяли, да? Он до сих пор работает как надо?

Мор попыталась поудобнее устроиться рядом с его тушей:

– Не думаю, что лифт сейчас главная проблема, глыба вы наша. Может, вам лучше пойти по лестнице?

– Лифт работает как надо, – сказал Уэйнрайт. Прозвучало это не слишком обнадеживающе.

Наверху щелкнул механизм, и началось удивительно долгое путешествие на второй этаж.

– Лифт был для Ребекки самым быстрым способом перемещения по дому. Но она нечасто им пользовалась. В те два года, что она провела здесь – ее последние два года, – она почти не покидала свою спальню.

Лифт вздрогнул и остановился. Уэйнрайт открыл дверь-гармошку, и писатели увидели Кейт. Она обогнала лифт и теперь настраивала фокус объектива. Не отрывая взгляда от монитора, отступила в сторону, давая всем пройти.

На втором этаже за тяжелыми деревянными дверями прятались пять невидимых спален. Уэйнрайт двинулся по коридору спиной вперед, ведя всех за собой, Кейт пристроилась позади.

– Манниак, вам сюда. – Уэйнрайт указал на первую дверь справа. – Здесь есть все, что нужно, чтобы с комфортом провести ночь. Большая славная кровать. Шкаф для одежды.

Дэниел сдержанно-благодарно улыбнулся и исчез за дверью.

Магнат повернулся к остальным.

«Что за лицо? – подумал Сэм. – Почему кажется, будто на нем маска из кожи?»

Засунув руки в карманы куртки, Уэйнрайт неспешно приблизился к следующей двери, первой слева.

– Себастьян Коул. – Он слегка коснулся двери, словно нарекая ее этим именем. На этот раз он даже не стал дожидаться, пока объявленное им лицо зайдет в комнату, а лишь вздохнул: игра явно начинала ему наскучивать. – Мисс Мор...

– Кончайте эту мутотень с «мисс». Я что-то не слышала, чтобы вы кого-то из мужчин называли мистером.

– И то верно, – согласился Уэйнрайт. – Мор, следующая комната по коридору ваша. А вы, Сэм, будете рядом с *мистером* Коулом.

– А Кейт? – спросила Мор. – Где приклонит голову милая барышня?

– Мы с Кейт разместимся в комнате в конце коридора, – ответил Уэйнрайт.

Мор издала смешок – резкий, как удар ножа.

– Что, не терпится заняться перекрестным опылением?

– Я на такое не ведусь, Мор.

Мор сделала невинные глаза:

– Вы о чем сейчас?

Сэм смотрел на эту парочку. Два причудливых зверя встретились на узкой дорожке – он не мог понять, кто из них опаснее.

Уэйнрайт повернулся к Мор:

– Я вижу, что вы ищете повод для конфликта. Давайте все-таки попробуем соблюдать приличия, идет? Мы же цивилизованные люди.

Мор сощурила глаза:

– Говорите за себя. И я сюда приехала не нотации слушать.

– Разумеется, вы приехали сюда запускать новый проект, который, как вы надеетесь, заставит всех забыть о том, что вас отстранили от работы над «Надрезом».

– Да как вы...

Уэйнрайт продолжал:

– Вы все приехали сюда по схожим причинам. Вы приехали сюда, поскольку знаете, что я могу для вас сделать. Вы знаете, как популярен «Страх в эфире». Однако то, что всеми вами движут эгоистические соображения, отнюдь не мешает нам чертовски хорошо провести время.

– А что насчет вас? Зачем вы здесь? – спросил Сэм.

Уэйнрайт улыбнулся настолько добродушно, насколько позволяло его резиновое лицо:

– Я здесь для того, чтобы уйти в отрыв с моими героями, дружище.

«Да хрена с два», – подумал Сэм.

Мор недоверчиво фыркнула, словно угадав его настроение.

– Я совершенно серьезно, – сказал Уэйнрайт. – Привезти вас сюда – полный кайф. Четыре легенды. Одна невероятная ночь.

– Пять легенд, если считать дом, – добавила Кейт из-за камеры.

Все повернулись к ней. Начинаящая кинематографистка не смогла устоять перед этой идеальной мизансценой. Кейт переключила камеру в фоторежим.

– Скажите: «Бу!» – попросила она и щелкнула затвором.

Себастьян закрыл за собой дверь спальни, задвижка послушно встала на место. С утомленным вздохом он опустил чемодан на пол и огляделся. Обстановка была довольно-таки спартанская. На кровати со столбиками лежало красно-черное лоскутное одеяло. Золотая нить змеилась по его узору, словно плющ, оплетающий изгородь. По обе стороны от кровати стояли ночные столики из темного дуба. На левом была медная лампа: металл от времени потускнел, абажур сделался хрупким. На правом столике лежал лишь толстый слой пыли.

«Ричард положил бы сюда очки для чтения», – подумал Себастьян. Он еще помнил прямоугольные стекла, простые проволочные оправы.

К спальне примыкала лишь одна комната – ванная. Дверь была приоткрыта. Себастьян мог видеть только ее часть. Мелкая белая плитка на полу, чистая, отлично уложенная, блестела в лучах послеполуденного солнца.

Себастьян положил чемодан на кровать, провел ладонью по истертому, побывавшему во многих путешествиях кожаному боку и лишь потом взялся за замки. Он вынул тщательно сложенную одежду: пару брюк, белую рубашку в тонкую синюю полоску, чистые черные носки – костюм на завтра. А завтра этот нарциссический аттракцион уже закончится.

Одежду он положил в пустой верхний ящик комода. В другой ящик положил пижаму – хлопчатобумажная ткань в клетку, штаны на завязках. Стариковская пижама. Совсем как у отца.

Отец. Еще даже не разменявший восьмой десяток, в вечной своей полосатой пижаме, с пустым лицом, с ручейком слюны, бегущим по заросшему седой щетиной подбородку. Себастьян отчетливо помнил все, помнил, как читал отцу стихи Уильяма Стэнли Мервина. Помнил каждую строчку, каждый кивок отцовской головы, каждую каплю слюны, упавшую с его губ. Человек, которому еще не исполнилось семидесяти, не должен так болеть, однако отец заболел и оказался отрезан от мира. Хуже всего были его глаза, бессмысленно глядящие в великое Ничто, не замечающие сына, сидящего рядом.

«Вот он, ужас, – подумал Себастьян. – Вот подлинный кошмар, который я стараюсь запечатлеть в своих книгах».

Он глубоко вдохнул и сосредоточился.

В чемодане остались только блокнот (несколько страниц он исписал почти не поддающимися расшифровке заметками, пока летел в самолете), ручки (уже только три штуки, четвертую он оставил в отеле в Канзас-Сити), «Дом на краю ночи» Уильяма Хоупа Ходжсона и несессер. Содержимое несессера – зубную щетку, маленький тюбик пасты, мыло и пузырек с аспирином – надо было отнести в ванную.

Он потянулся к несессеру, как делал уже сто раз, и тут, без предупреждения, туман вернулся. Себастьян осторожно сел на кровать, глаза его бегали туда-сюда, но ничего толком не видели.

Себастьян смотрел *внутри*, выискивая в своем сознании проблеск мысли. Это длилось лишь мгновение, а потом костяшки домино начали падать одна за другой, каждая последующая конкретнее предыдущей. Он в доме. Не в своем доме. Его дом – в штате Нью-Йорк, в пригороде Итаки. А этот дом – у ручья. Как называется ручей?

«*Кровавый!*» – внезапно выкрикнул голос в голове. От страшного слова на коже выступил холодный пот.

«*Кровавый, – повторял голос снова и снова. – Кровавый. Кровавый. Кровавый.*»

– Кровавый ручей, – произнес Себастьян вслух. – Кровавый ручей. Ты в доме на Кровавом ручье.

Его руки тряслись. Он закрыл глаза и услышал, как глубоко в груди бьется сердце, колотит по ребрам, точно сердитый кулак.

– Просто накатило, – прошептал он сам себе. – С тобой все в порядке.

Он открыл глаза. Руки уже не тряслись.

Он зафиксировал в голове: *Ты в доме на Кровавом ручье. Ты приехал сюда ради пиар-мероприятия. Тебя зовут Себастьян Коул. Ты писатель.*

В спальне царила невозможная тишина. Ни единого звука не доносилось ни из коридора, ни из соседних комнат. И хотя в оконной раме не было двойных стекол, никакие звуки не проникали и снаружи.

«Дом прислушивается», – подумал Себастьян и сам удивился, как ему в голову пришла такая нелепость.

Он взял несессер, открыл дверь ванной до конца и зашел внутрь. Расстегнул несессер, вынул все дорожные принадлежности, положил в шкафчик над умывальником. Зубная щетка соскользнула с полки.

Себастьян увидел, как она падает и отскакивает от края раковины, но поймать ее не успел.

Наклонился и поднял щетку с покореженных, грязных плиток пола. Пользоваться ей теперь было невозможно – от одной мысли об этом накатывала тошнота.

Себастьян застыл на месте, сжимая щетку в руке. Пол был чистым, когда он увидел его впервые. Совершенно точно. Плитка была белая и...

Белая и аккуратная. Он снова опустил взгляд. Пол был таким же, как раньше. Ни пятнышка, ни крупинки грязи, плитки плотно подогнаны друг к другу.

Он швырнул зубную щетку в шкафчик и закрыл дверцу. На ее внешней стороне было зеркало с огромным размазанным пятном посередине. Отражение Себастьяна превратилось в висящее в воздухе бесформенное нечто.

Себастьян выругал себя за то, что позволил воображению так разыграться. Разумеется, пол был тот же самый. Не водилось в этом доме никакой чертовщины. Но он был писателем: его разум был запрограммирован на сочинение историй.

Он понимал: была и другая причина, почему его вдруг потянуло на мистику. Если верить слухам, он сейчас находился в одном из самых знаменитых американских домов с привидениями. Однако, кроме книги Адьюдела, вызывающей такой трепет у Уэйнрайта и Дэниела, не имелось никаких задокументированных свидетельств, ни одному везучему парапсихологу не довелось зафиксировать здесь необъяснимый феномен.

Кроме Адьюдела. Он был парапсихологом.

– Мошенником он был, – сказал Себастьян вслух и неожиданно смутился от звука собственного голоса.

Соберись, старик. Сам с собой разговариваешь.

Себастьян оперся обеими руками о бока раковины и уставился в запачканное зеркало. Перед ним висело его бесформенное отражение.

Он опустил взгляд и нахмурился. Кран подтекал. На его конце медленно образовывались прозрачные капли и падали прямо в сливное отверстие.

Попробовал подкрутить ручки, сначала горячую, потом холодную. Стало только хуже, закапало сильнее.

Что-то в этом было странное. Но что?

Сообрази, старик!

Капли.

Они падали беззвучно. Между сливным отверстием раковины и спрятанным в умывальнике стоком было фута два. Попадая в трубу, вода должна была производить какой-то звук, пусть даже еле слышный. Но звука не было. Только тишина.

Себастьян наклонился, его размытое лицо исчезло с дверцы шкафчика, сменившись смутным отражением ванной комнаты.

Опираясь о края раковины руками, он сунул голову под кран, стараясь не попасть под падающие капли. Теперь его левое ухо было в нескольких дюймах от черного отверстия слива.

Внезапно кран злобно кашлянул и плюнул в белую раковину густой коричневой жижей. Себастьян вскрикнул и отдернул голову, но недостаточно проворно. Жижа попала ему на лицо.

«Это дерьмо, – подумал он. – Самое натуральное дерьмо. Вот так ты скоро будешь пахнуть, старик. Будешь сидеть в доме престарелых в загаженном подгузнике и ждать, пока какая-нибудь бедная нянечка его тебе сменит».

Он вытер лицо, размазав жижу по щеке. Поднес пальцы к носу и понюхал. Бурая субстанция оказалась не тем, чего он опасался, хотя пахла неприятно, наводя на мысли о чем-то гниющем в темноте. Жижа текла из крана еще несколько секунд, а потом сменилась чистой водой.

Теперь капли падали еще быстрее, и Себастьян слышал то, чего не слышал раньше: тихое «динь» воды, попадающей в сток.

Он сдернул с небольшого серебристого крючка полотенце и сердито обтер жижу со щеки. И посмотрел в зеркало.

Перед ним висел бесформенный сгусток. Сморщенное лицо, затуманенное пятном.

Провел полотенцем по зеркалу, и пятно исчезло.

Теперь он мог ясно видеть себя. Глаза усталые, а под глазами набухли мешки. Глубокие морщины на высохшей коже. Когда волосы успели так поредеть? Кое-где уже виднелся испещренный печеночными пятнами череп.

– Как же я так постарел?

Это был риторический вопрос.

Себастьян снова крутанул кран, и чередка капелъ превратилась в мощную струю. Вода завихрилась в раковине, смывая бурые пятна, с клокотанием убегая в слив. Когда он выключил кран, тот продолжил подтекать, но теперь появился новый звук, едва различимый за звоном капелъ. Себастьян прислушался. Звук казался знакомым.

Если бы в тот момент Себастьян позволил своему воображению разыгаться, то решил бы, что это звук шепчущих голосов.

Глава 12

15:45

Дэниел выскользнул из дома с черного хода, аккуратно прикрыв за собой дверь, чтобы не хлопнула. Затянувшая небо облачная пелена местами прорвалась, обнажая синее небо: так из-под кожи на ободранном колене проступает плоть. То и дело с севера начинал дуть ветер, он продирался сквозь лес, точно хулиган сквозь толпу, раскачивая ветвистые деревья туда-сюда.

Он включил мобильный, проверил, есть ли сеть. Две палочки. Вполне достаточно. И выбрал в контактах «Дом».

После двух гудков в трубке раздался юный девичий голос:

– Алло?

– Клэр?

– Ну а кто еще? – ответила дочь с очаровательной смесью детской веселости и подросткового нахальства. – Мама мне рассказала про твое «интервью». Поверить не могу, что ты в такое ввязался. Это, знаешь, вообще-то немного дурдомом отдает.

– Ага, я и сам себе удивляюсь.

– Ну и как? Что-нибудь страшное уже видел?

Дэниел улыбнулся. Он всегда улыбался, когда говорил с Клэр.

– Пока не видел, зайка. Но еще не вечер.

По дорожке из выщербленных каменных плиток он пошел прочь от дома, туда, где деревья расходились, словно губы зевающего рта.

Или кричащего.

– В церковь вчера ходила?

– Ага, с мамой.

– Как все прошло?

– Суровенько. С упором на адские муки. Ну, сам понимаешь, из-за Хэллоуина.

Дэниел понимал. Церковь открыто не осуждала праздник, но посыл был неизменен. Ужасы – следствие греха. Грех открывает путь к искушению. Искушение – наиглавнейшее оружие дьявола.

Формула успеха была проста. Прокрути все это задом наперед – и получишь бестселлер.

– Кстати, есть у тебя какие-нибудь грандиозные планы на Хэллоуин?

Клэр тихо хихикнула, явно думая, что смысл этого хихиканья до отца не дойдет. Но до Дэниела все прекрасно дошло: в представлении его дочери он до сих пор полагает, будто ей интересно ходить по домам и кланчить конфеты. Может, Дэниел и был отстойным, олдскульным, богомольным папкой, но дураком он не был. Клэр собиралась веселиться с друзьями, и веселье это, вне всякого сомнения, предполагало искушение в виде запретного для подростков алкоголя и добрачного секса. Но у Дэниела был секрет, отстойный, олдскульный, богомольный папкин секрет: он доверял своей дочери.

– Джессика вроде бы к себе звала, – небрежно сказала Клэр. Звучало это чересчур невинно.

– На вечеринку?

Клэр немедленно возразила:

– Это не вечеринка. Просто посидим небольшой компанией.

«Посидим небольшой компанией». Старый как мир эвфемизм для вечеринки.

– Ничего такого. Ужастики, наверное, посмотрим, вот и все.

– Как его зовут?

В трубке повисла тишина. Вопрос застал Клэр врасплох.

– Клинт.

Дэниел испустил театральный вздох:

– Клинт. Нет-нет-нет, Клэр, что угодно, только не парень по имени Клинт.

– Что не так с именем Клинт?

– Все с ним не так.

Тут Клэр рассмеялась. Совсем как в детстве, в пять лет, когда она, в подаренном бабушкой розовом платье с рюшами, кружилась на месте, пока смех не валил ее с ног. От этого смеха сердце Дэниела растаяло. А без него оно бы разбилось.

– Я позову маму, – сказала Клэр.

– Давай, – ответил Дэниел. – Хорошего тебе вечера... с Клинтом.

В трубке снова раздался смех, а затем стало тихо – Клэр вышла из комнаты в коридор. Внезапно на линии начались помехи, раздался

пронзительный треск. Дэниел отдернул телефон от уха, но тут сквозь шум пробился голос:

– Алло?

– Алло? Сабрина?

– Дэниел? – Жена, кажется, была обеспокоена. – Как у тебя дела?

Дэниел почувствовал, как в груди разливается тепло, разгорается потаенный огонь родного очага.

Он добрался до конца дорожки, шагнул в просвет между деревьями и оказался в густом лесу. И только тут заметил, что повсюду гудят цикады, словно один-единственный шаг перенес его в другой мир.

– Дэниел? – Обычно ровный, плавный голос Сабрины дрогнул.

– Я тут, – заверил он ее.

– Не нравится мне это.

Голые ветки высоко вверху как будто отчаянно тянулись друг к другу, пытались переплестись лишенными листовенной плоти пальцами, преодолеть разделяющее их расстояние, а легкий ветер мягко размыкал их объятия.

– Что не нравится?

– Вот это. То, что ты там. Ты сейчас должен быть дома.

– Милая, я здесь за тем же, зачем и остальные. Надо пиариться. У меня скоро выйдет новая серия. Этот проект обеспечит продажи.

– Продадутся твои книги. Они всегда продаются.

– Христианские книжные магазины говорят, что эту серию не возьмут. Это начало черной полосы, Сабрина. Они говорят... говорят, что мои книги восхваляют зло.

– Это смешно.

Дэниел закрыл глаза и глубоко вдохнул:

– Это мы с тобой понимаем. Надо объяснить остальным. А если церковь меня бросит, массовая аудитория будет мне необходима как никогда.

– Никто тебя не бросит, – заверила жена.

Несколько долгих секунд они молчали.

– Я слышала об этом доме, – наконец откликнулась Сабрина. – Я знаю, что о нем рассказывают люди.

– И это рассказы – и ничего больше.

В трубке раздался вздох – похоже, что не нечаянный, а специально для Дэниела.

– Я просто... Мне не нравится, что ты заигрываешь с оккультизмом.

У Дэниела вырвался резкий смешок. Он понимал, что не стоит закатывать сцен, демонстрируя свое раздражение, но за семнадцать лет брака Сабрина могла бы разобраться в его характере.

– Сабрина, я сейчас нахожусь в самом обыкновенном, абсолютно *беспривиденческом* доме ради продвижения своих книг. Завтра я уже сяду в самолет и буду в Чикаго к ужину.

– Честно? В смысле, этот дом действительно... просто дом?

Под ногами у Дэниела что-то скрипнуло. Опустив глаза, он увидел, что его потрепанные кожаные туфли совершенно скрылись в опавшей листве.

Он поскреб землю подошвой.

– Дэниел? У тебя там... все хорошо? (Связь прерывалась.)

– Это сигнал, солнце. Ты пропадаешь.

Под ногой была не земля, а что-то более твердое. Возможно, бетон. Но бетон не скрипит. Дэниел нажал носком туфли посильнее, и раздался резкий треск.

Доски. Он стоял на досках.

Дэниел был жирный. И знал, что он жирный. Но в критический момент он обнаружил в себе невероятную ловкость и взмыл в воздух в ту самую секунду, когда доска под ним подломилась. В прыжке он выпустил телефон из потных пальцев.

Приземлившись на твердую почву в паре футов от опасного места, Дэниел успел лишь увидеть, как телефон летит прямо в пролом. Секунда – и черная кривая щель поглотила его.

Еле слышный, дребезжащий голос жены позвал: «Дэниел?» И телефон пропал.

– Бляха-муха! – Он бросился было к пролому, но остановился, вспомнив, что его-то веса доска и не выдержала.

– Господи, да что ж за... – выкрикнул он.

И немедленно оглянулся по сторонам, стыдливо покраснев оттого, что упомянул имя Господа всуе. К счастью, никто не слышал.

Возвышаясь над деревьями, дом сестер Финч молча следил за ним.

Подломившаяся под ногами Дэниела доска прикрывала колодец, тот самый колодец, о котором предупреждал писателей Уэйнрайт. Носком туфли Дэниел раскидал сухие листья и стебли вьюнков, и его взгляду предстали иссохшие, покривившиеся доски, как попало набросанные на каменное устье. За долгие годы снег, дождь и прожорливые термиты успели тут порядком потрудиться. Покрытое глубокими трещинами дерево по краям крошилось от одного прикосновения. Эти доски, возможно, не выдержали бы даже изящную Кейт, что уж говорить о самом корпулентном из них. Рабочий, которого Уэйнрайт послал подготовить дом, должно быть, не заметил колодец, иначе он бы наверняка заменил доски. Или хотя бы огородил это место сигнальной лентой.

Дэниел запустил руку под ту доску, что лежала посередине, пальцы чуть вдавились в прогнившую древесину. Его одолевали мысли о пауках: о тонких, как иголки, ножках, семенящих во тьме, о клыках, с которых капает золотистый яд, о лоснящихся черных телах, порожденных сумраком, о сетях – нитях шелковистого кошмара, растянутых в потайных углах и расщелинах, куда только эти твари и могут забраться. Дэниел чувствовал сырой запах поросших мхом стен колодца, запах стоячей воды где-то глубоко внизу и пугающий запах абсолютной темноты. Оглядевшись, он нашел острый продолговатый камень, напоминающий зуб доисторического зверя, поднял его над узкой щелью колодца и разжал руку. Камень падал поразительно долго, Дэниел еле расслышал плеск, когда он достиг дна.

«Не может же там быть так глубоко», – подумал он. Это невозможно. Не бывает таких глубоких колодцев, если только люди, копавшие его, не наткнулись на громадную расселину, черную подземную бездну.

Как это часто бывает с запахами, идущий из колодца древний дух пробудил в Дэниеле непрошеное воспоминание из темных закоулков памяти. Когда он был совсем мальчишкой, он и его семья – родители, брат Питер и сестра Мэри Кей – жили в доме-развалюхе на три спальни в сорока милях от Чапел-Хилл, в Северной Каролине. Это был не первый их дом и не самый любимый. Отец потерял работу механика в городе и, поскольку безработица принимала все более пугающие масштабы, был вынужден вместе с семьей сняться с места и

перебраться в единственное жилье, за которое не требовалось платить по закладной, – в охотничий домик своего отца.

Дэниел ненавидел этот дом. Питер прозвал его «дедовой халупой-залупой». Дэниел понимал, что это шутка, хоть и не догадывался о ее непристойном смысле. Халупа-залупа была тесной, холодной и изобиловала насекомыми. Энтомологический мир «штата чернопятчинок», как иногда называют Северную Каролину (там когда-то жили дегтярники, и их босые ноги вечно были измазаны смолой), представал тут во всем своем многообразии: сверчки, кузнечики, цикады, комары, журчалки, слепни обычные, слепни оленьи, чешуйницы, тараканы, огненные муравьи, муравьи-древоточцы, осы, пчелы, стоножки, тысячножки, клещи... Широчайший ассортимент ползучих гадов. Они вылезали из слива ванны. Прятались под полотенцами в шкафу. Устраивали гнезда там, где проседающий пол или покореженный потолок плохо смыкался с ветхой стеной. Халупа-залупа не предназначалась для семейного проживания: дед сбегал сюда из города, чтобы вместе с приятелями-охотниками насладиться тишиной и покоем вдалеке от ворчливых жен.

Но больше всего Дэниел ненавидел восьминогих чудищ, арахнидов, пауков. Отец заверял, что лишь два паука способны нанести человеку серьезный вред: коричневый паук-отшельник и черная вдова. Но юному Дэниелу – чувствительному подростку, до сих пор одержимому множеством детских страхов, – пауки представлялись самыми пугающими созданиями на планете.

«Я читал, что каждому человеку по меньшей мере раз в жизни паук ночью залазит в рот», – как-то раз сообщил Питер Дэниелу, прекрасно осознавая, как этот любопытный факт подействует на младшего брата. Одной мысли о том, как паук с колючими ногами и смертельными клыками пробирается между его губ, влекомый тихим сонным дыханием, было достаточно, чтобы Дэниел совершенно лишился сна.

А потом, душным летним днем, Дэниел столкнулся со своим страхом лицом к лицу. Причиной стал друг Питера, Кенни. Этот костлявый рыжий урод жил по соседству (то есть в полутора милях, если напрямик). Кожа Кенни Милберна была усеяна бесчисленными веснушками, а там, где не было веснушек, торчали прыщи, и лицо его, бледное и рыхлое, напоминало гниющее яблоко.

В тот день после долгих слезных упрашиваний мать велела Питеру взять Дэниела в игру. Требование было не особо обременительное – старший брат и его недобрый приятель собирались всего лишь покидать мяч во дворе, – но они все равно разозлились. И когда Кенни забросил в подпол под домом драгоценный бейсбольный мяч Питера, якобы принадлежавший раньше самому Микки Мэнтлу (с фальшивым автографом), именно этот придурок настоял, чтобы Дэниел туда полез.

Дэниел посмотрел на вход в темный подпол, потом на брата – он не хотел распускать нюни, как малое дитя, но надеялся, что Питер заметит страх в его глазах и вызовется ползть сам.

Но Питер молчал, а Кенни подначивал все громче и громче. Дэниел сам не понял, как это произошло, но вот он уже медленно пробирался на четвереньках через границу, отделяющую безопасное царство солнечного света от сумрачного подземного мира, *подпольного царства*.

Внизу было сыро. Землю снаружи высушило солнце, но под домом она сохраняла влагу недавних дождей. Дэниел чувствовал эту влагу коленями, сквозь джинсы. Он понимал, что мама не обрадуется, обнаружив в корзине для грязного белья заляпанные штаны. Ноздри наполнили затхлый запах застоявшейся воды и густая вонь, испускаемая плесенью. Дэниел задерживал дыхание, пока перед глазами не принимались плясать черные точки, а потом быстро, судорожно глотал воздух. Спина царапнулась о балку, и Дэниел поморщился: на рубашке наверняка останется кровавое пятно. Он снова подумал о маме: она просто взбесится, когда увидит, что он сделал со своей одеждой.

И тут он его увидел – белый шарик, сверкающий, точно жемчужина во влажном чреве устрицы. Еще ярд-другой – и мяч у него в руках.

Но... перед глазами висели черные точки. Дэниел вдохнул поглубже, но точки все никак не пропадали. Он не сомневался, что сейчас потеряет сознание. И вот ведь странное дело: голова ни капли не кружилась.

Вдруг одна из точек спустилась ниже на тонкой, с волосок, шелковистой ниточке и повернулась, показав кроваво-красное пятно в форме песочных часов на брюшке; такое же пятно наверняка

проступило на рубашке Дэниела. Черные точки не были предвестниками приближающегося обморока. Они были живые. Они были повсюду. И это были черные вдовы.

И тут же ужас пронзил пухлое тело Дэниела тысячей ледяных иголок. На одну невыносимую секунду ему показалось, что смертоносные пауки решили укусить его одновременно. Не раздумывая, он потянулся за мячом, схватил его... и беспомощно заскулил, пытаясь развернуться. В подполе было слишком тесно, и, как Дэниел ни изворачивался, он не мог расположиться лицом к выходу, к мучительно далекому квадрату света, обозначающему конец этого кошмара.

Он запаниковал. Его взгляд метнулся от земли под ногами к шершавым доскам над его головой, от досок – к бетонным опорам дома и остановился на белом сгустке справа, у самого его плеча. Сгусток состоял из странного вещества, наподобие сладкой ваты, только не розовой, а белой. Из его середины проворно выбежала черная фигурка, прощупала воздух передними лапками и отпрянула, словно испуганная лошадь. Похоже, паучиха почувствовала, что Дэниел близко, совсем близко, и ее охватило желание коснуться его кожи, проникнуть к нему под одежду, туда, откуда он не сможет ее достать, туда, где она займется тем, для чего рождена: кусать, убивать.

Бросив быстрый взгляд вниз и убедившись, что там пауков нет, Дэниел прижал левую ладонь к земле – в правой руке он так и сжимал бейсбольный мяч – и со всей силы оттолкнулся, направляя свое тело к выходу. Он понимал, что неукушенным отсюда не выберется. Он никогда и не думал, что вправду столкнется с черной вдовой. А здесь их были десятки, сотни... В голове прозвучало отцовское предупреждение: достаточно одного укуса.

Что-то щекотнуло кожу. Один из пауков упал Дэниелу на руку и проворно карабкался вверх. Еще секунда – и он исчезнет в его рукаве.

Дэниел услышал собственный жуткий визг, а потом глубоко вдохнул и дунул на паука. Струя воздуха сбросила его как раз в тот момент, когда тот запускал свои тонкие черные ножки под ткань рукава. Но пару секунд спустя на Дэниела упала другая черная вдова. А за ней – еще одна. И еще.

Ему предстояло умереть в этом подполе.

И тогда юный Дэниел Манниакерсон прибег к единственному известному ему средству спасения в подобных ситуациях – к молитве. Он молился изо всех сил, крепко зажмурив глаза, слова срывались с его трясущихся губ так быстро, что сливались в одно:

Господи, услышь меня сейчас, посвящая тебе всю свою жизнь.

Чем быстрее Дэниел бормотал, тем быстрее он продвигался к выходу.

Колено наткнулось на острый камень, и он поморщился, чувствуя, как грязные джинсы пропитываются теплой кровавой влагой, однако молитву не прекратил:

Господи, услышь меня сейчас, посвящая тебе всю свою жизнь.

Он уже представлял, как его тело кишит чудовищными арахнидами. Он воображал их яростные укусы, жар от яда, растекающегося по венам. Его левая ладонь и мяч, зажатый в правой руке, взрывали землю, оставляя в ней глубокие несимметричные борозды, похожие на волны в кильватере корабля.

И тут случилось невероятное, случилось то, чего Дэниел ожидал меньше всего. Он ощутил тепло солнца. Оттолкнулся в последний раз и выбрался из подпола наружу. Порыв ветра подхватил и унес пауков. Дэниел принялся кататься по траве в надежде раздавить тех смертоносных созданий, что могли остаться под тонкой хлопковой тканью рубашки.

– Чего это с ним за хрень? – тупо спросил Кенни.

Дэниел открыл глаза и тут же сощурился от лучей летнего солнца. Питер и Кенни стояли над ним – черные безликие силуэты на фоне неба с облаками.

Черные силуэты.

Вскочив, Дэниел сорвал с себя рубашку и стал торопливо ощупывать свое рыхлое тело.

– На мне их нет? – Голос его дрожал от ужаса.

– Кого «их»? – озадаченно спросил Питер.

Глядя, как болтаются туда-сюда жировые складки Дэниела, Кенни согнулся пополам, еле набирая в легкие воздуха, чтобы подпитывать свое лошадиное ржание.

– На мне их нет? – Дэниел уже кричал во весь голос.

Питер быстро оглядел спину брата в поисках непонятно чего, полагая, что сумеет распознать это непонятно что, если увидит.

Наконец он помотал головой:

– Не-а. Ни фига там нет.

– Ни фига? Точно?

– Ни фига, – повторил Питер.

– Алло! – сказал Дэниелу Кенни. Его лошадиное ржание уже утихло, превратившись в тихое хихиканье. Он сложил руки ковшиком, словно ловя что-то. – Мяч давай, придурок.

Дэниел опустил взгляд на свою правую руку – он все еще сжимал драгоценный мяч Питера. Даже в приступе безумной паники он не выронил его.

Питер смотрел на младшего братишку, наклонив голову набок, нахмутив брови:

– Что там внизу было, Дэнни?

Дэниел не ответил сразу. Сначала он подробно изучил свою спину в растрескавшемся зеркале в ванной в поисках следов от укусов.

И ничего не нашел. Следов не было.

Вечером Дэниел, Питер, Мэри Кей и мама смотрели с другого конца двора, как отец, выдернув чеку, закидывает в подпол «бомбу» с инсектицидом, точно гранату во вражеский окоп. Когда из-под дома, как будто из-под готовящейся к запуску хлипкой квадратной ракеты, повалил ядовитый белый дым, Дэниел осознал две неоспоримые истины.

Кенни Милберн – первостатейный мудила.

А Бог есть любовь.

По другую сторону колодца тропинка заросла сильнее, но все же ясно просматривалась среди растительности. Дэниел пошел по ней, не спуская глаз с ползучих растений, которые так и норовили зацепить его шипами.

Даже осенью в этом лесу было сумрачно. Высохшие листья дубов и вязов никак не желали опадать с ветвей, так что свет почти не проникал сквозь древесные кроны.

Дэниел пролез под упавшей веткой и оказался наверху склона. Растопырив руки, хватаясь для равновесия за торчащие из земли корни, он неуклюже преодолел спуск и вскоре стоял посередине того, что, судя по всему, было пересохшим руслом ручья. С одной стороны оно резко заворачивало в направлении дома, и Дэниел решил, что где-

то здесь находится мост, по которому они проезжали сегодня. С другой стороны русло шло прямо и выглядело как овраг.

Так вот, значит, какой он, Кровавый ручей. Точнее, то, что от него осталось. Если не считать неглубокие лужицы здесь и там, можно было подумать, что воды здесь не было уже много лет. Кучи опавших листьев образовывали причудливые, рукотворного вида курганы, напоминавшие древние захоронения. Похоже, благоденствовали в ручье только ползучие растения – толстые узловатые побеги змеились по лесной подстилке, спускались по склону, покрывали русло хитросплетенным узором. Но даже ползучие растения, похоже, отчаянно нуждались в воде. Они были необычно крупными, толщиной с мужскую руку, но при этом болезненно бурыми, стебли покрывала жесткая, похожая на волосы щетина.

Дэниел сделал шаг и чуть не упал: носок туфли уткнулся под один из толстых стеблей.

Странное дело.

Он не помнил, как перешагивал через этот стебель раньше, но должен же он был перешагнуть. Не заметил бы такой здоровенный стебель – точно споткнулся бы об него.

Попытался вытащить туфлю из-под вьюнка и обнаружил, что второй вьюнок, чуть потоньше, протянулся прямо у него за пяткой.

«Как же я ухитрился засунуть сюда ногу, сам того не заметив?» – изумился Дэниел. Он с силой дернул ступней и высвободил ее, но туфля так и осталась в объятиях вьюнков. Высвобождение произошло неожиданно легко, и Дэниел грохнулся задом о землю. Он готов был поклясться, что, падая, увидел, как стебли сжали его туфлю, точно змея, хватаящая добычу.

Пораженный, он сидел, не сводя с туфли глаз. Вьюнки, конечно же, не шевелились, и, выждав минуту, Дэниел осторожно просунул между ними руку и вытащил свой кожаный лофер. Нервно хихикнув, натянул его на ногу, развернулся к склону и ухватился покрепче за пожелтевшую траву, готовясь карабкаться вверх. Это было непростое испытание для его бедных рук, но в конце концов он одолел подъем и побрел по тропинке к дому. Дойдя до колодца, он опустил на колени и, как мог, пристроил рассыпающиеся доски на место.

– Я ведь, кажется, говорил не ходить сюда.

Дэниел вскрикнул от неожиданности. И обернулся.

Это был Уэйнрайт – он стоял на мощеной дорожке.

– А... д-да, верно, – пробормотал, запинаясь, Дэниел, сердце его колотилось. – Я просто...

Уэйнрайт не дал ему закончить свою мысль.

– Пошли в дом. Нечего вам здесь делать, – сказал он, развернулся и зашагал по дорожке.

Дэниел потащился следом. Он раздвинул низко висящие ветви молодых деревьев и снова оказался перед домом.

С тех пор как он ушел, небо прояснилось, и дом теперь купался в теплом солнечном свете. Красный кирпич казался еще краснее. Окна сверкали.

Особняк сестер Финч звал Дэниела Манниака домой.

Глава 13

16:14

Кейт затаила дыхание.

Крепко держа в руках идеально выровненную и отцентрированную камеру, она медленно шла по коридору второго этажа. Уэйнрайт постоянно твердил, чтобы она купила штатив, но Кейт гордилась своей операторской сноровкой. К чему громоздкое оборудование, если руки растут откуда надо и на кнопки жать умеешь?

Уже почти в самом конце коридора, у ниши с витражным окном, Кейт зацепилась за что-то носком туфли. Камера чуть дрогнула.

«Ну вот! Правильно он говорил. Надо было со штативом», – с досадой подумала она. Остановила запись и стала просматривать отснятое. Большая часть вполне годилась для оформления сюжета. Хороший длинный кадр с прохождением по коридору пригодится для создания атмосферы при монтаже расширенной версии фильма.

Зайдя в нишу, Кейт почувствовала, как правая нога уперлась в край ступеньки. Здесь начиналась лестница, ведущая на третий этаж. Но наверху вместо двери была кирпичная стена.

Спальня Ребекки Финч.

Она читала о комнате Ребекки в книге Адьюдела. Те несколько раз, что Уэйнрайт упоминал о кирпичной стене, он говорил с каким-то странным благоговением, вполголоса, будто опасаясь, что кто-то его подслушивает. Он специально не включил ее в экскурсию по дому. Он хотел, чтобы писатели сами ее обнаружили. Хотел, чтобы дом вывел их к ней.

Расцвеченный витражными стеклами свет разливался по первой ступеньке, но не дальше. Лестница тонула в тени.

Кейт быстро настроила диафрагму и выдержку. Повернула ЖК-экран, чтобы лучше все видеть. Сфокусировалась на разноцветных пятнах света на полу и первой ступеньке и начала снимать.

Задержала дыхание.

Изображение на экране было безупречным. Кейт плавно подняла камеру – яркий свет сменился полумраком. Ступеньки вели все выше и выше. Она аккуратно расширила кадр, чтобы вместить кирпичную стену.

Стена пропала.

– Что за... – пробормотала Кейт, резко выдохнув.

И отпрянула назад. Кадр был испорчен... плевать! Она видела...

Что за хрень я видела?

Она подняла глаза, хотя каждая клеточка ее тела умоляла не делать этого.

Уходи. Беги. Не смотри туда снова!

Стена была на месте, там же, где и раньше, где и должна была быть.

Липким от пота пальцем Кейт нащупала кнопку, чтобы просмотреть в записи то, что она успела снять.

Камера изящно поднялась по ступеням, прямо к стене, закрывающей дверь в спальню. Стена никуда не пропадала. Так почему же ей показалось, будто она видела...

Женщину, поняла Кейт. Исчезнувшее зрелище снова встало перед ее глазами. *Стены не было, но была женщина с черными волосами, и она... она...*

Кейт крепко зажмурилась, пытаясь заставить разум осмыслить воспоминание.

– Она скребла воздух, – сказала вслух.

В этом не было никаких сомнений.

Женщина скрюченными пальцами скребла воздух, царапала ногтями пространство перед собой, словно стена до сих пор была там.

Кейт поежилась.

Та женщина... Она была в ловушке. И хотела выбраться.

Как и остальная часть дома, гостиная производила впечатление музея, в котором убрали красные заградительные шнуры, чтобы Сэм мог свободно побродить.

«Это из-за тишины», – подумал он.

И отчасти был прав. Царящее в особняке безмолвие и впрямь побуждало к почтительности. Но кроме того, каждая комната являла взгляду потрясающее мастерство строителя. От одной мысли о том, что кто-то в одиночку не только построил дом, но и украсил его самым

затейливым образом, захватывало дух. Облицованный камнем камин. Лепные листья и вьюнки под потолком. Казалось, даже древесные волокна на досках пола складываются в прихотливый узор.

Сэм прошел по комнате и оказался у окна, что выходило на передний двор. Было видно, как снаружи ветер покачивает туда-сюда высокие травы. Грунтовка пересекала территорию и за деревянным мостом пропадала в густом лесу. Над деревьями серая пелена кое-где прорывалась, обнажая куски голубого неба.

За окном стояла женщина.

Сэм охнул.

Женщина возникла из ниоткуда, она стояла у перил веранды и смотрела во двор. Черная одежда плотно облегла упругое тело, заплетенные в косу волосы змеились по спине.

Мор. Узнав ее, Сэм немедленно почувствовал себя идиотом.

Сквозь арочный проход он вышел в переднюю. Слева был лифт. Дверь-гармошка была закрыта. В углах залегли густые тени. За лифтом виднелась лестница на второй этаж. Сэм открыл входную дверь и шагнул на веранду.

Там никого не было.

Сэм захлопнул за собой дверь. Огляделся, прислушался.

Ничего, лишь тихий посвист ветра да шелест травы.

Он позвал:

– Мор?

Ответа не последовало.

«Осторожнее, – напомнил он себе. – Это могут быть штучки Уэйнрайта. Вдруг он хочет специально подловить тебя, напугать и выставить дураком перед камерой?»

Или хуже. Он мог приготовить нам кое-что помрачнее.

Сэм отогнал эту мысль. Старые доски закрипели под ногами, когда он прошел по тому самому месту, где стояла Мор. Положил руки на перила так же, как она. Посмотрел во двор.

Перед ним криво изогнулся бук. Похоже, ветер не имел над ним власти. Ветви не шевелились, немногие оставшиеся листья застыли в неподвижности.

– Ее повесили на одной из этих веток, – произнес голос рядом.

Мор стояла на веранде неподалеку, прислонившись к стене дома. Голову она склонила набок, и Сэм невольно глянул прямо в

деформированный зрачок:

– Они вытащили сюда тело любовницы Гудмана и вздернули его на дерево. Во имя чего?

– Они были налетчиками-конфедератами.

– Мразями они были.

– Ну, это одно и то же.

Несколько секунд Мор молча глядела на Сэма, потом отлепилась от стены и неспешно подошла к нему. Посмотрела на дерево. Налетел ветер, однако ветви не шевельнулись.

– Надеюсь, в свой смертный час они увидели ее распухшее лицо, увидели, как она смотрит на них с этого дерева, и поняли, что она ждет их на той стороне. – Она помолчала, смакуя эту мысль. Потом тонкая злая усмешка на ее губах растаяла.

«Она не верит в это, – догадался Сэм. – Не верит в справедливость».

Он прислушался к тихому шуму ветра между ними. Мор, похоже, погрузилась в тяжелые раздумья.

– Я читал ваши книги. – Сэм попытался немного разрядить обстановку.

– Да ну?

– Это кошмар в лучшем смысле слова.

Мор рассмеялась – искренним смехом, таким, какой может вырваться только невольно. Она расслабилась, совсем чуть-чуть.

– Я вас тоже читала, – сказала она.

О господи, сейчас начнется.

– И?

– И пишете вы осторожно. – Мор повернулась к Сэму. Вгляделась в него своими асимметричными глазами. – Как будто чего-то опасаетесь. Как будто скрываете что-то.

Струя дыма скользнула Сэму в горло, завихрилась, пытаясь закрепиться на захваченной позиции.

– А вы, – с трудом проговорил он, – вы пишете так, словно рветесь в драку. А с вами что, Мор? С кем вы воюете?

Она оперлась спиной о перила, обдумывая вопрос.

– Полагаю, как раз с тем, от чего вы убегаете. Жить – значит биться или бежать. Я выбираю битву.

Она поглядела на покрытую шрамами руку Сэма. Но ничего не добавила.

Теперь, когда Мор в кои-то веки не прикрывала лицо темными очками, Сэм мог во всех подробностях разглядеть ее поврежденный зрачок. Он знал, что в большинстве случаев подобная деформация является следствием физической травмы. Увидев ее глаз впервые, он испытал отвращение. Стыдно, но что было, то было. Теперь он смотрел по-другому. Как на вечное напоминание о какой-то боли прошлого.

«У нас обоих есть свои секреты», – подумал он.

Мор улыбнулась и прищурилась, глаза ее сверкнули. Она знала, что он разглядывает ее, и ей это нравилось.

– Ну так что вы думаете об Уэйнрайте? – спросила она.

«Осторожнее. Не изображай из себя психа. Хотя ты и есть псих», – предупредил внутренний голос.

– Я ему не доверяю, – выдавил Сэм.

– А о доме что скажете?

Сэм на секунду задумался.

– Пока я не видел никаких доказательств того, что истории, которые о нем рассказывают, правда.

– Как бы вы о нем написали, если бы решили посвятить ему книгу?

Теперь настала очередь Сэма улыбнуться:

– Ох, ну не знаю...

– Зато я знаю, – уверенно заявила Мор. Она отпустила перила и принялась рассказывать, описывая вокруг Дэниела неспешные круги, вынуждая его вертеть головой, следя за ней. – Вы начнете с главного героя, который живет в идеальном на первый взгляд маленьком городке и очень похож на вас. Такой, знаете, немножко рохля.

Сэм фыркнул:

– Пока неплохо.

– А дом будет не в сельской местности, он будет стоять прямо посреди этого городка, чтобы вы могли напихать в книгу дикое количество персонажей и примет среднезападного быта. Без обид.

Она остановилась спиной к дому. Сложила руки на груди, склонила голову в карикатурной задумчивости.

– Там будет мальчик – такой невыносимо милый малец, – одержимый домом. Может быть, он что-то видел, когда развозил на велосипеде газеты – да-да, в вашей книге мальчишки все еще развозят на велосипедах газеты, – что-то загадочное, но ему никто не верит. А потом дом начнет заражать жителей городка злом. Их нездоровые стремления и темные фантазии, которые до этого момента существовали лишь в их головах, начнут заставлять их совершать немыслимое. Овладевшее городом зло начнет расшатывать устои сообщества, пока в городе не наступит полная анархия. И в конце концов окажется, что только маленький мальчик может положить этому конец... – Она прищурилась в поисках финального штриха. – И... этот пацан еще умеет делать какую-нибудь паранормальную срань или что-то в этом духе. – Мор взглянула на Сэма. Игриво усмехнулась: – Ну как? Хорошо получилось?

«Она тебя сделала», – заметил внутренний голос.

Сэм изобразил, будто ищет что-то в карманах джинсов:

– Какая жалость, и ручки-то с собой нет. Вы не пришлете мне все это по электронке? Вы просто хренов гений.

Мор рассмеялась, временно выходя из оборонительного режима:

– А я?

Сэм склонил голову набок:

– Простите?

– Как я написала бы про этот дом?

– Дайте подумать... – Он почесал колючий затылок. – Для начала дом будет в большом городе.

– Хорошо.

– В каком-нибудь омерзительном упадочном районе, где люди закидываются наркотиками в практически бессмысленных комбинациях и придают сексуальным утехам, от которых вообще непонятно как можно получать удовольствие.

– Хм... (Было видно, что челюсть у Мор чуть напряглась.)

Роли поменялись. Похоже, это для нее нелегко.

– Там будет куча отменно неприятных персонажей, просто гаже некуда. Но один персонаж будет приятный. Молодая женщина, приезжая. Возможно, из богатой семьи. Или рано вышла замуж и теперь мучается в оковах домашнего быта.

– Кем она работает? – спросила Мор и сделала шаг к Сэму.

– Она полицейская. Нет, погодите. Она работает в охранной фирме. Она единственная женщина в штате фирмы, и это означает, что она постоянно находится среди жирных заносчивых мужиков с фальшивыми полицейскими значками и электрошокерами на поясе. Агентство недвижимости нанимает охранников, чтобы те гоняли торчков, самовольно заселяющихся в пустые дома. Так наша героиня знакомится с прочими персонажами, когда пытается выдворить их из дома, подозрительно напоминающего этот. – Сэм махнул рукой на деревянные стены и тайны, скрывающиеся за ними. – Вместе они обнаруживают, что таящаяся в доме сила способна дать им желанное освобождение. Но, разумеется, не безвозмездно.

– Разумеется, – тихо повторила Мор.

Сэм и не заметил, как она сделала еще один шаг к нему. Теперь их разделяло не больше четырех футов. Пока Сэм разглагольствовал, Мор не сводила с него глаз.

А ведь у нее очень красивые глаза. Не вопреки ущербному зрачку. Благодаря ему.

Он продолжил:

– Некая сущность, старше самого времени и не способная испытывать ничего, даже отдаленно напоминающего человеческие чувства, использует героев, чтобы проникнуть в наш мир. И все идет по плану. Герои впадают в зависимость от силы, которая дает им кайф, не сравнимый ни с какими наркотиками и ни с каким сексом.

Мор, нахмурившись, пристально глядела на Сэма. Казалось, ее деформированный зрачок расширяется, в то время как другой остается прежним.

– Пока что я не вижу в этой сделке ничего плохого. Звучит весело.

– Ну, смотря что понимать под весельем. Видите ли, эта сущность требует жертв. Вначале – сексуальных. Я вас порадую: будет пролито много семени и невообразимое количество прочих жидкостей.

– Превосходно.

Она совсем рядом. Когда она успела ко мне подобраться?

– Но потом начнутся эмоциональные жертвы: герои начнут разрушать собственные жизни и причинять несчастье своим близким. И наконец придет время жертв физических: члены группы будут позволять жестоко убивать себя, пока в живых не останутся лишь

наша героиня и подонок, с которым она трахается, а звать его будут как-нибудь вычурно асоциально – Мусор или Поганый Бобби.

– Вот это уже отстой.

Сэм поднял руки, защищаясь:

– Слушайте, это же вы написали.

Мор приняла вызов:

– Что ж, думаю, мы неплохо друг друга подкололи.

Поднялся ветер, он пронесся по веранде, закружился между ними, но волосы Мор не шевельнулись, коса так и лежала на спине. В уголках ее губ играла опасная улыбка. Зрачок правого глаза был словно бездонный черный колодец, приглашающий Сэма упасть в него.

«Нельзя ей доверять», – сказал он себе. Но сам он не был в этом уверен. Он хотел доверять ей. Он хотел доверять *хоть кому-то*. Было в ней что-то такое... настоящее.

Звук открывающейся входной двери разрушил чары.

За спиной Мор нарисовалась грузная фигура Дэниела. Доски застонали под его весом.

– Вот вы двое где, – объявил он.

Мор поджала губы:

– Дэниел Манниак. Так вот кого мне не хватало.

– Серьезно?

Не говоря больше ни слова, Мор прошла мимо него и исчезла в доме.

– А... я понял, – сказал Дэниел Сэму. – Опять она вредничает.

– Она вас испытывает.

– И я, кажется, испытания не выдерживаю. – Дэниел вдруг прищелкнул пальцами, что-то вспомнив: – Ах да, если пойдете за дом, будьте осторожнее. Колодец прикрыт совсем ненадежно. Я туда чуть не свалился. И телефон уронил прямо внутрь этой заразы.

Внимание Сэма привлек шорох листвы.

Ветви бука качались, листья на них трепетали.

Только на этот раз ветра не было.

Мор кралась сквозь тени.

Она слышала тихие голоса, которые становились тем громче, чем ближе она подбиралась.

Ей нравилось быть в темноте, ощущать ее холодные объятия. Невидимой она поднялась по лестнице. Остановилась наверху и заглянула за угол.

Кейт и Уэйнрайт стояли в узкой нише в главном коридоре второго этажа. Сквозь витражное окно слева от них, расцветившая сумрак, падали последние лучи солнца. На свету фигуры Кейт и Уэйнрайта превратились в темные силуэты.

Они были далеко и говорили слишком тихо, чтобы разобрать, о чем именно идет речь, но по тому, как Уэйнрайт держал Кейт за плечи, Мор заключила, что с девчонкой что-то случилось. Уэйнрайт наклонился, пытаясь заглянуть ей в глаза, но она отвернулась.

– Что это было? – взволнованно спросил силуэт Уэйнрайта. – Что ты видела?

Кейт покачала головой, не в силах облечь ответ в слова. Уэйнрайт притянул ее к себе, побуждая обнять его, за талию. Он что-то прошептал ей в ухо.

Мор напрягла слух.

– Попытайся вспомнить, – долетело до нее.

– Это было прямо там. – Кейт показала куда-то за спину Уэйнрайту, вглубь ниши. – Кажется... Черт, я не знаю, может, это была просто игра света.

Мор закатила глаза. Выговор у Кейт был как у последней южной деревенщины. Как Уэйнрайт вообще мог принимать всерьез то, что она говорит?

Уэйнрайт посмотрел туда, куда показывала Кейт:

– На что это было похоже?

– Это было... – Она запнулась, словно пытаясь воссоздать в голове образ увиденного. – Неважно. Извини.

– Но ты ведь что-то видела, верно? – Это был не столько вопрос, сколько констатация факта.

– Может быть.

Уэйнрайт поразмышлял над этим ответом, постукивая тупфлей по полу. Потом кивнул:

– Ладно. Ладно. Давай это останется между нами. Остальным не говори.

Мор нахмурилась. В голове раздался голос Сэма: «Я ему не доверяю».

Кейт тихо, простодушно засмеялась:

– Мой папа-проповедник с катушек бы слетел, если б узнал, где ночует его славная дочурка.

– Да уж, и еще больше он бы расстроился, если б узнал, что ты спишь со своим начальником.

– Нет, из-за начальника он бы не расстроился, – игриво ответила Кейт, – а вот из-за того, что ты белый...

– Точно. Но уж с этим-то я ничего поделать не могу.

Кейт улыбнулась. Уэйнрайт провел ладонью по ее щеке к затылку и поцеловал ее. Кейт зарыла пальцы в его густые волосы и ответила на поцелуй.

Что-то в их нежностях насторожило Мор. «Эта девчонка позволит ему развести себя на что угодно», – подумала она.

Она смотрела, как два силуэта сливаются в один – большой, причудливый.

Наконец они разъединились, отошли от окна, и Мор снова смогла увидеть их лица.

Уэйнрайт взял Кейт за руку, и вместе они исчезли в своей спальне.

Пора выяснить, что же там такое интересное.

Покинув свое укрытие, Мор тихо приблизилась к нише, где стояли Уэйнрайт и Кейт. Взглянула туда, куда Кейт показывала.

– Что за черт? – прошептала она.

Кому и зачем вздумалось поставить кирпичную стену наверху лестницы?

Глава 14

18:25

«Тут есть еще один коридор. Как мы ухитрились его проглядеть?»
– удивился Сэм.

На кухне, если встать лицом к застекленной террасе и задней двери, справа располагался узкий проход, по которому можно было попасть в переднюю, а из нее – в гостиную. Но если бы кто-нибудь из них удосужился поглядеть налево, то увидел бы второй проход, шире первого, но гораздо темнее, поскольку там не было окон. На первой экскурсии Уэйнрайт не сказал о нем ни слова: то ли забыл, то ли умолчал специально.

Теперь же он жестом пригласил писателей в темный коридор и сообщил:

– Ужинать будем в столовой.

На кухонном островке Уэйнрайт и Кейт организовали скромный шведский стол. Рядом с контейнерами с готовой едой лежали пластиковые столовые приборы и стояла стопка пластиковых тарелок.

В неожиданно приподнятом настроении писатели от души наложили себе еды – традиционных среднезападных угощений для пикника. Здесь были курица, индейка, ростбиф, зеленая фасоль, тушеная фасоль, кукуруза, салат с макаронами и картофельный салат. Себастьян сосредоточился на сыре и фруктах, Мор выбрала ростбиф самой слабой прожарки, Сэм – индейку без гарнира и сэндвич с сыром, а Дэниел взял всего понемногу, а точнее, помногу. Напитки нашлись для каждого: Себастьян налил себе бокал бордо, Сэм достал из холодильника бутылку пива, Мор предпочла неразбавленный виски без льда, а Дэниел – благопристойный холодный чай. Уэйнрайт и Кейт взяли тарелки и стаканы последними, предоставив писателям возможность идти в столовую вместе. Выходя из кухни, Сэм заметил, что на стойке рядом с островком примостились потрепанные «Фантомы прерии».

«Книга Уэйнрайта», – догадался Сэм. С тех пор как они приехали, Уэйнрайт не выпускал ее из рук. А теперь забыл на кухне. Отметив это про себя, Сэм двинулся за остальными.

Просто поразительно, как они могли не заметить, что в доме есть столовая. Это была просторная комната, явно самая большая из всех. Широкие окна позволяли наслаждаться угасающим вечерним светом и прекрасным видом на лес. В центре комнаты стоял длинный деревянный стол, накрытый красной скатертью. Спинки стульев были обтянуты красной кожей, закрепленной грубыми гвоздями. Стульев было десять: по четыре с каждой стороны стола и по одному с концов. Над столом висела двухъярусная люстра. Горели три поставленные на равном расстоянии друг от друга канделябра. На небольшом камине напротив окон мерцали свечи.

Писатели занялись тем, чем всегда занимаются писатели, собравшись вместе: принялись жаловаться на своих издателей.

– От меня требуют завести твиттер, – со смехом сообщил устроившийся во главе стола Себастьян. – Я им объяснил, что дома у меня до сих пор дисковый телефон, а романы я печатаю на машинке.

– Господи, ну вы и динозавр, – сказала Мор.

Себастьян вздохнул:

– В старом стиле есть нечто восхитительно простое и в то же время элегантное. Первая глава в «Нью-Йоркере» или «Плейбое». Реклама на всю полосу в главных национальных газетах. Несколько грамотно освещенных прессой презентаций в книжных магазинах – «Стрэнд» или «Сити Лайтс». Продажи, которые зависят от качества твоей книги, а не от количества твоих фолловеров в Интернете.

Мор запила кусок ростбифа виски:

– Извините, ребята, но вы все избаловались. Привыкли, что у вас под рукой издатели, агенты, менеджеры, рекламщики. Когда семь лет назад я издавала свою первую книгу, «Укус», я всех друзей лично умоляла ее прочесть, оплатила оформление обложки из собственного кармана и продвигала все это дело тоже сама. Не было у Ти-Кэй Мор ни «грамотно освещенных прессой презентаций в книжных магазинах», ни публикаций в задротских журнальчиках. Весь пиар пришлось осуществлять своими словами из своего рта, и рот надо было разевать широко, шире некуда.

– Почему-то мне кажется, что это не составило для вас проблемы, – с язвительной улыбкой заметил Себастьян.

– Идите в пень, дедуля, – усмехнулась в ответ Мор.

Сэм окинул столовую взглядом. Здесь не хватало двоих. «Где Уэйнрайт и Кейт? – задумался он. – Почему Уэйнрайт упускает возможность заснять все это?»

– Я сделала из «Укуса» мегахит исключительно собственными силами и выручила семьдесят процентов чистой прибыли, – продолжала Мор. – Издатели приползли ко мне на карачках, умоляя заключить с ними договор, чтобы они продавали мою книгу по всему миру. Я согласилась – и что я немедленно получила? Новую выхолощенную обложку для ханжей в юбках ниже колена. А что я получила потом? Моя выручка упала до паршивых двадцати процентов.

Дэниел откинулся на спинку стула, тот скрипнул.

– Но теперь-то вам уже нет нужды суетиться. Вы – бренд. Ваши книги – бестселлеры. Вы продали права на экранизацию.

– Продалась я, а не продала.

– Чтобы расширить аудиторию. Чтобы обеспечить своему творчеству долгую жизнь.

– Аминь. – Себастьян поднял свой бокал с вином.

Сэм скрестил руки на груди. Отсутствие Уэйнрайта его тревожило. Он бросил взгляд на остальных.

Они даже не замечают. Им, похоже, все равно.

«А почему тогда тебе не все равно?» – спросил он себя.

Потому что я не знаю, зачем он нас сюда привез.

Он привез нас сюда, потому что он нас обожает.

Правая рука Сэма скользнула вниз, нащупала переплетение шрамов.

Как может кто-то обожать меня?

Мор снова откусила от ростбифа, обдумывая последнюю реплику Дэниела.

– Мои книги имеют успех потому, что они разрушают границы. Именно этого ждут от меня читатели. Но маркетинг у моих книг говенный. Мои книги яркие, а маркетинг – нет, потому что занимается им корпорация. Ну да, за моей спиной теперь стоит команда специалистов, и я могу спокойно сидеть в своем офигенном доме в

Голливуд-Хиллз и писать, а они позаботятся обо всем остальном. Но какой в этом смысл? Я стремлюсь добраться до самых темных, самых гнусных глубин своего сознания, чтобы довести до совершенства мой новый роман, а издатели что? Молятся белому Иисусу о хвалебной рецензии в «Паблишер Уикли»?

– Вы хотите, чтобы маркетинг был таким же экстремальным, как ваши книги? – спросил Дэниел, вконец озадаченный позицией Мор.

– Да! – выкрикнула она. – Да, вашу мать! Нерон спалил Рим, чтобы перестроить его так, как ему хотелось. Да, если я рвусь на кровавые лоскуты, чтобы написать книгу, то издатели должны порваться на кровавые лоскуты, чтобы ее продвинуть.

– Мне бы ваши заботы. – Дэниел зажал между пальцами скрученный ломтик прошутто. – Вас хотя бы кто-то хочет издавать.

– Вы о чем вообще плачетесь, Манниак? Вы же где-то с миллиард книжек выпустили, – сказала Мор.

Дэниел вздохнул, словно внезапно пожалев о вырвавшихся словах. Но было поздно. Все выжидающе смотрели на него.

– Думаю, мой издатель скоро меня бросит, – объявил он.

Эта реплика отвлекла Сэма от его мыслей. Он растерянно глядел на толстяка:

– Зачем ему вас бросать? Он же наверняка делает на вас огромный доход.

Дэниел пожал плечами:

– Мои читатели-христиане уже, как бы это сказать, не так *восприимчивы* к моим книгам, как раньше. Может, у меня просто паранойя, не знаю. Просто... Заказы на тираж все меньше и меньше. У меня такое ощущение... что издатель теряет веру в меня. – Он покосился на Мор: – Сейчас, конечно, будет ехидная шуточка про веру, или религию, или...

– Нет, – ответила Мор. – Не будет.

Дэниел благодарно кивнул.

– А вы, Сэм? – спросил Себастьян с чрезвычайно подходящего ему места во главе стола.

– А что я?

– Какая у вас издательская страшилка?

Мор повертела в руке пластиковый нож:

– Вы разве не заметили? Сэм не любит откровенничать. Он любит слушать, что другие говорят. Верно, Сэм?

«Потому что так безопаснее», – подумал он.

Сэм кожей ощущал пристальный взгляд Мор.

– Не знаю, можно ли это назвать страшилкой, – сказал он. – От меня требуют по книге в год. Неважно о чем. Им просто нужно что-то с моим именем на обложке.

– Ну так и дайте им это, – пожала плечами Мор.

– Я хочу давать им что-то хорошее.

– Ну так напишите что-то хорошее, – сказала она. – Вы же Сэм Мак-Гарвер.

Это было самое лестное из всего, что Сэм до сих пор слышал от Мор.

Он посмотрел на нее поверх мерцающего пламени свечей в канделябре. В окно за ее спиной было видно, как поднимается над деревьями оранжевая луна.

– Для вас это легко? Вы просто каждый раз садитесь и выдаете шедевр?

– Да, – ответила Мор.

– И сейчас вы тоже работаете?

– Да, работаю. Я начала новую книгу и думаю, это будет мой лучший роман.

– Еще больше пододеяльных приключений с эротическими демонами, как я полагаю, – вставил Дэниел.

Мор смерила его ледяным взглядом:

– Я, по-вашему, фигня на палочке? Типа, недостойна сидеть за одним столом с вами, *мастерами хоррора*?

– Я не говорил...

– Нет, говорили.

Дэниел уставился в свою тарелку. Вид у него внезапно стал пристыженный, как у маленького ребенка, нагрубившего взрослому.

Себастьян кашлянул – он снова решил попробовать разрядить обстановку. Он поднял свой бокал:

– Ну что же, я думаю, самое время для тоста.

Сэм тоже поднял свое пиво. Дэниел и Мор неохотно последовали его примеру.

– За эклектичную компанию чертовски талантливых авторов. Для меня честь переживать это приключение вместе с вами. Я любому из вас доверил бы подделывать мои книги после моей смерти.

Сэм и Дэниел расхохотались от неожиданности. Даже Мор еле сдержала улыбку.

– Никто не будет подделывать ваши книги, Себастьян, – сказал Сэм.

– Еще как будут. Мой издатель отыщет мой хладный труп, как Роберта Ладлэма, почившего в две тысячи первом.

Смех стал еще громче.

– Утешает лишь то, что литературные поденщики выполняют всю работу, но их имена напечатывают меленьким шрифтом под моим. – Себастьян изобразил рукой в воздухе надпись на обложке: «Встречайте новую книгу Покойника в соавторстве с Каким-то Хреном».

Стол уже трясся от писательского хохота.

– Ваше здоровье, – заключил Себастьян.

«Господи, спасибо тебе за этого человека», – подумал Сэм.

Все звонко чокнулись и выпили в тишине. Мерцали свечи.

Что-то шевельнулось в темном коридоре. Только Сэм это заметил. Он резко перестал смеяться и вгляделся в сумрак.

Там что-то двигалось. Двигалось к ним.

Сэм успел подумать лишь: «Это дом».

И тут из тени вынырнул Уэйнрайт с двумя тарелками еды. Кейт шла следом. Она несла напитки: пиво для себя и водку со льдом для Уэйнрайта. С плеча ее, как всегда, свисала камера с микрофоном-пушкой.

– Что я пропустил? – спросил Уэйнрайт.

Сэм перевел взгляд с камеры Кейт на его странное, маскоподобное лицо:

– Долго вы там стояли?

Уэйнрайт поставил тарелки на свободные места рядом с Мор:

– Вы о чем, Сэм?

– В коридоре. Долго вы там стояли, прежде чем войти?

– Я не... я вообще не понимаю, о чем вы, дружище.

Еще как, мать твою, понимаешь.

Уэйнрайт и Кейт сели за стол. Кейт подняла свою бутылку:

– Тост?

Она растерянно уставилась на писателей, разразившихся от этого предложения новым приступом веселого смеха.

Но Сэм не смеялся. Он смотрел на Уэйнрайта.

Следующие полчаса они ели и болтали, а лес за окном погружался в темноту. Их голоса неслись по полутемному коридору, сквозь ярко освещенную кухню в переднюю и вверх по лестнице, разносились эхом по пустым комнатам, пока наконец их не поглощали стены.

Сэм первым встал из-за стола.

Пока остальные беседовали, он аккуратно, но быстро допил свое пиво. И помахал в воздухе пустой бутылкой:

– Я пойду подзаправлюсь. Кому-нибудь что-нибудь нужно?

Уэйнрайт погремел льдом в стакане:

– Мне бы не помешала вторая порция. Схожу с вами.

Он собрался встать, но Сэм подошел к нему:

– Не надо, я вам принесу.

– Спасибо, дружище. – Уэйнрайт передал Сэму стакан.

Сэм чувствовал спиной взгляд Уэйнрайта, входя в сумрачный коридор. А потом столовая осталась позади, и он оказался в светлой кухне.

Уэйнрайтовы «Фантомы прерии» все еще лежали на стойке.

Сэм торопливо схватил книгу. Поставил стакан Уэйнрайта рядом с бутылками со спиртным, повернулся спиной к коридору и открыл «Фантомы».

Похоже на учебник. Он не читал эту книгу – он ее изучал.

Уэйнрайт обращался с «Фантомами» так же, как обращались с книгами студенты Сэма: загибал уголки страниц, подчеркивал или выделял желтым слова и предложения, писал заметки на полях.

Сэм пролистал книгу. На середине он наткнулся на нечто твердое – загадочный предмет выпал на пол.

Сэм нагнулся и подобрал его.

Это оказалась фотография. Судя по виду, оригинал. Блеклая, немного пожелтевшая. На ней были запечатлены две сидящие рядом женщины: одна – на кушетке, похоже довольно неудобной, другая – в инвалидном кресле. У обеих были черные волосы, но та, что сидела в инвалидном кресле, стянула их в тугий пучок, а у другой они падали свободно, обрамляя лицо. Рукой Уэйнрайта на фотографии были

подписаны имена: «Ребекка» над женщиной в инвалидном кресле и «Рейчел» над женщиной на кушетке.

Сестры Финч.

Рейчел смотрела прямо в камеру, темные глаза резко выделялись на чрезвычайно бледном лице. Ребекка же глядела куда-то левее, за пределы кадра. На ее губах играла еле заметная таинственная улыбка.

Что-то знакомое было в их облике. Сэм слышал истории о сестрах, но никогда раньше их не видел. Их лица чем-то зацепили его, и он не мог понять чем.

Кожа. Их кожа кажется слишком гладкой. Искусственной. Как будто это глина или резина.

Как...

– Как у Уэйнрайта.

От звука собственного голоса у Сэма на секунду замерло сердце.

Сунул фотографию в задний карман и вернул книгу на место. Он откручивал крышку с бутылки водки, когда услышал за спиной шаги.

Уэйнрайт стоял на границе света, не выходя из сумрачного коридора:

– Все в порядке, Сэм?

Сэм натянул на лицо улыбку и кивнул, надеясь, что получится не слишком наигранно:

– Да. Все в норме. Как раз водки вам наливаю.

Уэйнрайт кивнул:

– Думаю, мы готовы перебираться в гостиную. Скоро начнем интервью.

Сэм наполнил стакан Уэйнрайта до середины и протянул ему.

– Спасибо, дружище.

– Не за что, – ответил Сэм, но стакан не выпустил.

Уэйнрайт удивленно склонил голову набок:

– Что-то не так?

Его лицо. Совсем как у них.

– Нет. – Сэм разжал пальцы. – Все хорошо.

Перед ужином Уэйнрайт изрядно потрудился, готовя гостиную к интервью и стратегически расставляя мебель, чтобы обстановка способствовала беседе. Заодно он разжег большой, облицованный камнем камин. Огонь разгорелся ярко, а сумерки меж тем обволакивали мир за пределами дома темно-багровой пеленой.

Кто-то коснулся локтя Сэма. К нему незаметно подошла Мор.

– Зацените, – сказала она, показывая на кофейный столик.

Посередине стоял черный железный канделябр. К его подсвечникам были прикреплены беспроводные камеры, так что канделябр превратился в причудливое металлическое насекомое с пятью глазами, каждый из которых был направлен на одного из участников беседы. Сверху на длинном изогнутом штативе свешивался микрофон. Провод тянулся от стола в заднюю часть комнаты, там располагалась походная аппаратная с внешними жесткими дисками и ноутбуком.

Сэм смотрел, как остальные занимают свои места.

Себастьян лениво покачал в ладони бокал с вином:

– Мистер Уэйнрайт, так когда начнется наша небольшая передача?

Уэйнрайт сверился с часами:

– Через десять минут. В семь тридцать ровно.

– А до того?

– Просто расслабляйтесь. Пейте. Устраивайтесь поудобнее...

– ...перед расстрельной командой, – пробормотала Мор, не сводя взгляда с многоглазого чудовища на кофейном столике.

«Спроси его о фотографии», – велел себе Сэм.

Еще рано. Надо подождать.

– Хотите что-то сказать, Сэм? – поинтересовался Уэйнрайт.

Сэм и сам не заметил, что уставился на него. Он потряс головой:

– Нет. Собираюсь с мыслями, вот и все.

Кейт заняла позицию рядом с аппаратурой, никого, однако, не выпуская из виду. Она прислонилась спиной к стене и сосредоточилась на своей камере.

Уэйнрайт вытащил из кучи справа от камина два толстых полена и аккуратно сунул в огонь. Языки пламени взвились вверх, жадно поглощая сухое дерево. Вся комната замерцала от их обжорства. Писатели вжалась в спинки кресел и приложились к своим бокалам и бутылкам. Их охватило тяжелое чувство неизбежности.

Себастьян взглянул на часы:

– Почти пора.

– Сначала прокрутим вступление, – пояснил Уэйнрайт. – Потом я задам несколько вопросов, чтобы задать темп беседе. Будет идеально,

если получится один большой разговор и все будут в нем участвовать, все будут откровенны.

«Все, кроме тебя», – подумал Сэм.

Встав спиной к огню, Уэйнрайт превратился в темную тень.

– Мне неинтересно кормить зрителей старыми байками. Я хочу знать, почему вы пишете, что вами движет, что вас страшит, что отличает вас друг от друга, что объединяет. Что вас бесит? Что не дает вашему вдохновению угаснуть? Я хочу копнуть глубже. Иначе, друзья мои, какой в этом смысл?

Из камина внезапно раздался треск. Одно из поленьев «дохнуло»: огонь нашел в нем полость.

– Это будет прямой эфир. Онлайн. Для всего мира. – Уэйнрайт устроился в кресле с высокой спинкой чуть поодаль от писателей. – Давайте, черт возьми, постараемся. Мне бы ужасно не хотелось, чтобы мы все зря потратили время.

Сэм посмотрел на часы в своем телефоне: 19:29.

– Пора.

Дэниел глубоко вдохнул и неловко сложил руки на коленях.

– Вы отлично выступите, – заверил его Себастьян. А потом подмигнул Сэму.

Сэм кивнул в ответ, но его правая рука уже стиснула покалеченную левую. Он бросил взгляд на Уэйнрайта, тот быстро постукивал ногой по полу, было видно, что его переполняет энергия.

«Он волнуется. Это важный момент. Важный для него, – предупредил себя Сэм. – Следи за ним. И будь готов ко всему».

Кейт, озаренная зеленоватым светом экрана, нажала на кнопку.

Сэм стал слушать записанное вступление. Звук еле долетал из крохотных динамиков ноутбука, но по пафосным интонациям Уэйнрайта, читающего закадровый текст, и по зловещему скрежету, сопровождающему смену кадра, было понятно, что ролик выдержан в том же стиле, что и запись, которую им показали в библиотеке в Канзас-Сити. Зрителям сообщили полезные факты: краткие биографии всех четырех авторов, также они услышали несколько хвалебных слов об их самых значимых книгах и выдержанное в должном зловещем духе описание уникального места проведения интервью. Дом, в конце концов, был *приманкой*.

«Он знал, что мы все приедем», – понял Сэм. Если бы кто-то выбыл, видео можно было бы перемонтировать, но Уэйнрайт включил туда всех. Он знал, что никто не сможет отказаться от предоставленной возможности.

Он привез нас туда, куда хотел. Но зачем? Что конкретно он задумал?

Сэм сунул руку в задний карман и нащупал краешек лежащей там фотографии.

Вступительный ролик завершился на немелодичной ноте.

Кейт коснулась сенсорной панели и подала знак Уэйнрайту.

В комнате замигали красные огоньки – включились камеры.

Огоньки пламени танцевали в глазах Уэйнрайта, когда он устремил взгляд в камеру перед собой.

– Веселого Хэллоуина и добро пожаловать в дом на Кровавом ручье. С вами «Страх в эфире», и у меня для вас обалденное праздничное угощение. Потому что здесь, в этом доме, в одном из самых знаменитых паранормальных домов в мире, я собрал великолепную четверку, лучших из ныне живущих мастеров хоррора: Сэма Мак-Гарвера, Дэниела Манниака, Ти-Кэй Мор и легендарного Себастьяна Коула.

Сэм неловко кивнул в объектив, то же сделали и остальные. Было жутковато сидеть перед горящим в сумраке красным глазом камеры, сигнализирующим о том, что его изображение сейчас транслируется миллионам зрителей по всему миру. Итак, Сэм оказался в старом темном доме где-то посреди канзасской сельской глуши, и ему предстояло вести светскую беседу с четырьмя новыми знакомыми. Тишину нарушали лишь звон льда в стаканах и потрескивание огня. Если в доме сестер Финч и водились духи, они наверняка были поражены чудесами современных технологий.

Уэйнрайт взял с кованой подставки рядом с камином кочергу, наклонился в кресле вперед и поворошил поленья, чтобы горели лучше. Если бы не огонь, участникам трансляции пришлось бы сидеть практически во тьме.

– Вы все – невероятно разные авторы и люди, но кое-что вас объединяет. – Уэйнрайт повернулся к тонкому силуэту Себастьяна. Половина лица магната погрузилась в тень. – Мистер Коул, вы первый: почему из всех жанров вы выбрали хоррор?

Несколько мгновений Себастьян обдумывал вопрос. А потом заговорил ровным, уверенным голосом:

– Целью литературы всегда было объяснить человеку то, что кажется необъяснимым. Мы пишем книги, чтобы понять мир, но, что гораздо важнее, мы пишем книги еще и для того, чтобы понять свое место в нем. Я никогда не планировал становиться фантастом, я просто осознал вселенскую дихотомию. Добро не может существовать без зла. Свет – без тьмы. Просто так сложилось, что, когда я впервые сел за старую «Ремингтон-5» – мою самую первую печатную машинку, – меня больше всего занимала тьма. Все случилось само собой. «Едва заметная тень» возникла из простого видения: мальчик бродит в одиночестве по полю в Новой Англии. Он находит череп – на первый взгляд кажется, что коровий, но, рассмотрев его внимательнее, мальчик замечает нечто странное: выступы там, где их быть не должно, зубы, предназначенные для поглощения скорее мяса, чем травы.

– Однако, – перебил Уэйнрайт, – ничего более конкретного в повествовании не будет. Это классическая мистико-психологическая история, а не брутальный ужастик о бешеных монстрах-людоедах.

Себастьян поднес к груди сцепленные ладони. Любопытный жест: писатель, похоже, сам его не заметил, однако смысл был предельно ясен. Это был порыв отца, защищающего свое дитя, прижимающего его к себе, уберегающего историю от нежданной опасности. В каком-то смысле Себастьян пытался спасти загадку своей любимой книги от клыкастой пасти однозначной интерпретации.

– Когда я пишу, я думаю только об одном, – продолжил Себастьян. – «Древнейшее и сильнейшее из известных человеческому роду чувств – страх, а древнейший и сильнейший страх – страх перед неведомым», – это сказал Лавкрафт, и сказал не без причины. Когда будущее неясно, разум естественным образом воображает худший из возможных сценариев. Знающему свое дело писателю – или писательнице – нет нужды щекотать читательские нервы фетишистским кровопусканием.

Сэм заметил, что Мор подняла бровь. *Думает, что это камешек в ее огороде.* Сэм подозревал, что догадка Мор верна.

– Взять хотя бы этот обнаруженный мальчиком череп. Повертев свою находку в руках, он понимает, что череп не мог принадлежать

земной твари. Породившая такое создание сила не могла исходить от милосердной сущности, которую мы именуем *Богом*. Лишь проведя пальцем по множественным рядам усеивающих челюсти зазубренных зубов, мальчик догадывается, что их омерзительный обладатель был способен на немислимое. И читатель догадывается, что на этой земле – на земле, куда только что перебралась семья мальчика, на земле, где таинственное зло дало жизнь монстру, – пришельцев ждет страшная участь. – Он постучал пальцем по своей голове, чуть ниже нескольких тонких прядей седых волос, безуспешно противостоящих течению времени. – Все происходит в мозгу читателя. Читатель домысливает все сам.

Живой классик замолчал, и в комнате повисла благоговейная тишина.

«Вот поэтому он и легенда, – подумал Сэм. – Он во всем нас превосходит».

Широким жестом Уэйнрайт указал на Мор:

– А на другом конце шкалы мы видим Ти-Кэй Мор, автора, которому, не побоюсь сказать, незнакомо понятие деликатности.

– Для меня это комплимент, солнышко, – сказала Мор. Слова слетали с ее губ, как дым.

– Вы начинали с эротического самиздата, но с каждой новой книгой все больше склонялись к темной стороне. Ваш фирменный хоррор вращается вокруг одержимостей, извращений и фетишей, слишком экстремальных для хрупкого человеческого организма. Нет ничего удивительного в том, что из романиста вы переквалифицировались в сценариста – ваши произведения почти мучительно визуальны, они ровным счетом ничего не оставляют читательскому воображению. А еще они неизменно раскалывают читателей на два лагеря. Люди либо обожают книги Ти-Кэй Мор, либо ненавидят.

От этой фразы Мор напряглась.

– Я бы сформулировала иначе: люди либо врубаются, либо нет. Люди ненавидят то, чего не понимают.

– Вы хотите сказать, человеку, утверждающему, что он не любит ваши книги, просто не хватает ума понять их?

– Да, – без промедления ответила Мор. – Именно это я хочу сказать.

Дэниел фыркнул и покачал головой. Мор на это не купилась, но посмотрела искоса.

– Итак, – продолжил Уэйнрайт. – Как вы воспринимаете подход Себастьяна к хоррору?

– Обычно я не воспринимаю что-то. Я что-то *предпринимаю*. Себастьян пишет элегантно. Самобытно. Полагаю, что из всех нас он ближе всего подобрался к подлинной литературе. Но, без обид, времена мороженого *Good Humor*, сериала про Бобра Кливера и Рузвельта с его «Нам нечего бояться, кроме самого страха» прошли. Их отымили, убили и закопали. Сегодня бояться стоит *всего*. Незнакомцев. Соседей. Друзей. Семьи. Себя. Вы считаете, что мои книги лишены деликатности? Ну так посмотрите на мир, в котором все мы – кроме, пожалуй, Себастьяна – живем. Хотите посмотреть, как тела жертв геноцида гниют в братских могилах? Включите вечерние новости. Хотите посмотреть, как девка отсасывает у зебры? Залезайте в Интернет. Хотите, чтобы к вам приехала жесткая сучка в черной коже и стала мочиться вам на лицо, пока вы будете спускаться в трусики, которые сперли в ближайшей прачечной? Ну так просто позвоните ей или напишите в личку. Деликатности пришел конец.

– Мать честная, – пробормотал Дэниел.

На этот раз Мор повернулась к нему. Она была на взводе – кровь прилила к лицу, зубы скрежетали.

– Для вас это слишком, мистер Манниак? Прекрасно. Добро пожаловать в реальный мир. – Она подалась вперед, уставилась прямо в камеру и обратилась к невидимой, фантомной аудитории, которую пообещал писателям Уэйнрайт: – Хоррор больше не рыскает в ночи. Хоррор прячет трупы убитых шлюх у себя в подполе, а потом едет в больницу на двенадцатичасовую смену, ухаживать за вашей больной матерью. Хоррор сидит в своем офисном загончике и представляет, как будет сосать большие пальцы на ногах школьницы из группы поддержки, которую он планирует задушить после работы. Хоррор не спит всю ночь, придумывая, как причинить зло вам, вашей семье, вашим домашним питомцам и всем, кто вам дорог. Хоррор – это извращение.

– И зачем это восхвалять? – спросил Дэниел.

Уэйнрайт откинулся на спинку кресла, густые волосы падали ему на глаза. Кочергу он держал на коленях, стиснув ручку, словно готов

был в любой момент замахнуться ею.

Сэм наблюдал за ним – встревоженно, напряженно.

– Восхвалять? – хохотнула Мор. – Вы что, правда такая святая простота? Пока вы смотрите в небеса и распеваете гимны про «кто же сдвинет камень прочь», я сворачиваю валуны, чтобы показать извивающихся белых червей под ними. Они там, Манниак, вы просто не желаете этого признавать.

Мор помолчала, собираясь, медленно водя ногтем мизинца вверх-вниз по волевому изгибу своей челюсти. Когда она заговорила снова, голос ее был ровным и спокойным. Парадоксальным образом, но от этого она казалась еще более ожесточенной.

– А прикол вот в чем: мы все в той или иной мере больные извращенцы. Даже праведный Дэниел Манниак. Наши постыднейшие желания стары как мир, хоть ностальгия Себастьяна и религия Дэниела и обеляют те времена, когда черные не могли даже отлить рядом с белыми, а миллионы евреев уничтожали в лагерях смерти. И это, возможно, главное наше извращение – не замечать ужас, даже когда он творится у нас перед глазами.

Уэйнрайт не торопился прерывать неприятную паузу, он позволил тяжелому молчанию разлиться по гостиной. А потом резко подался вперед. Внезапное движение застало Сэма врасплох, руки его сжались в кулаки. Но Уэйнрайт не пошел дальше. Невозмутимо и непринужденно он сообщил:

– Это из «Вашингтон Пост»: «Одиозные псевдороманы вроде „Надреза“ во всей красе являют нам морду литературы».

Мор повернулась к нему так стремительно, что Сэм испугался, как бы ее голова не слетела с шеи.

– Детка, мои конкуренты – самые талантливые писатели мира. А ты борешься за аудиторию с котиком, играющим на пианино.

Уэйнрайт выдержал ее взгляд. Даже зрелище деформированного зрачка его не смутило. Он принялся постукивать пальцем по ноге, готовясь нанести следующий удар.

– А это из рецензии на вашу предыдущую книгу «Поход плоти»: «Мор снова лезет из кожи вон, шокируя всех и вся в достойной восхищения, но бессмысленной попытке доказать, что женщина способна писать мерзости не хуже мужчины».

От звука, с которым Мор опустила свой стакан на кофейный столик, Дэниел вздрогнул.

– Если бы эту книгу написал Баркер или Паланик, если бы Кроненберг снял об этом фильм, никто бы и не вякнул.

– Значит, вы думаете, что хоррор – это мужской клуб?

– Я думаю, мне единственной из сидящих в этой комнате предлагали издательский договор в обмен на минет.

– А вы согласились?

– Иди в жопу, Уэйнрайт. – Голос Мор едва заметно дрогнул.

Она была в опасной близости от того, чтобы потерять свою всегдашнюю железобетонную выдержку.

– А ну-ка, хватит! – вмешался Себастьян. – Давайте вести себя цивилизованно.

Уэйнрайт убрал кочергу с коленей и поставил ее как трость, уперев кончик в деревянный пол, а ладонь устроив на металлической ручке. Тишину в гостиной нарушало лишь потрескивание огня.

– Сэм, вы так тихо сидите, – внезапно сказал Уэйнрайт. – В этом ведь ваша суть, верно? Выжидать. Сливаться с пейзажем.

«Началось, – подумал Сэм. – Моя очередь». Он потянулся к бутылке – к несчастью, та оказалась пуста.

– Просто не хочу лезть в зону боевых действий.

– Простите, дружище. – Уэйнрайт ухмыльнулся и поудобнее устроился в кресле, не снимая руки с кочерги, словно король на троне. В резком свете камина его лицо казалось еще более искусственным, чем раньше, словно другой человек натянул маску Уэйнрайта. – Нельзя прятаться вечно.

И снова Сэма посетило неприятное ощущение, будто этот парень способен читать его мысли.

– Можно смело утверждать, что вы находитесь где-то между Себастьяном Коулом и Ти-Кэй Мор.

– Наверное.

– Вы представитель мейнстрима. Вы пишете хоррор для *широкой публики*.

– Мне повезло найти своего читателя.

– Как вы думаете, почему стольким людям импонирует ваша манера письма?

Красный огонек горел над объективом направленной на Сэма камеры, как будто одноглазая крыса изучала его, выискивала в нем слабинку.

Сэм сказал себе: «Это не допрос. Это то же самое, что твои лекции. Соблюдай безопасную дистанцию. Он не зайдет дальше обозначенных тобой границ».

Он расправил плечи и представил себя за кафедрой в Будиг-холле, представил, как огромное готическое окно нависает над ним золотой стрелой:

– Я считаю, что, перед тем как втягивать читателя во что-то необычное, нужно вначале прочно утвердиться в обыденном. Поэтому я начинаю с описания повседневности, а затем медленно, но верно наполняю ее сверхъестественным. Не знаю... Может быть, именно за это люди любят мои книги. В персонажах и обстановке они узнают себя и свою жизнь. Я с пониманием и уважением отношусь к иным взглядам на хоррор. Этот жанр, так же как научная фантастика и фэнтези, может и должен поощрять авторов свободно экспериментировать, искать свои уникальные пути. Мой путь заключается в том, чтобы начать с чего-то совершенно обыкновенного, приземленного, а потом постепенно расширять трещины в фасаде, впуская тьму. Я стараюсь отдавать должное тем, кто вдохновлял меня, и никто не вдохновлял меня больше, чем Себастьян Коул.

– Спасибо, Сэм, – сказал Себастьян.

Не будь в гостиной так темно, все присутствующие заметили бы, как Сэм покраснел – больше от досады, чем от смущения. Он до сих пор не понимал, как выразить свое восхищение Себастьяном, не показавшись при этом подхалимом.

– Однако, – продолжил Сэм, – как и Мор, я не хочу отворачиваться от того ущерба, что способно нанести зло. Зло растлевает. Зло поражает, подобно инфекции. А инфекция – штука неприглядная. Начинается она медленно, но если ее не лечить, в итоге будет много боли, гноя и всякой неприятной дряни, от которой уже не спрячешься. Вот что такое хоррор для меня – когда что-то скверное прячут...

– Под ковер? – Уэйнрайт не смог удержаться от отсылки к первому роману Сэма.

Сэм сдержанно улыбнулся:

– Верно. Если замести что-то скверное под ковер, оно не исчезнет. Оно начнет там гнить. Принцип «с глаз долой – из сердца вон» в хорроре не работает. Тьма вернется и овладеет твоей жизнью. В этом корень всех страхов – в потере контроля. В неспособности остановить зло.

– Как когда Джошуа Гудман смотрел, как его любимую убивают прямо в его доме.

– Да.

– Или как когда разваливается ваш собственный брак.

– Простите?

– Вы ведь разошлись с женой?

Поленья в камине громко затрещали, языки пламени взвились выше.

– Я не понимаю, какое отношение...

– Вы же собираетесь отобразить это в своем новом романе? Как я понимаю, сейчас вы над ним работаете?

Видение лекционной аудитории в Лоуренсе исчезло. Сэм был в доме на Кровавом ручье, во власти Уэйнрайта.

– Разумеется, сейчас я работаю над новым романом.

– Я спрашиваю лишь потому – и пожалуйста, не поймите меня неправильно, – что с тех пор, как вышел «Под ковром», ваши романы стали менее... личными. Вы, похоже, вжились в роль автора бестселлеров. Вы придерживаетесь принципа «и нашим и вашим»: даете ровно столько сюжета и персонажей, сколько нужно для удовлетворения взыскательных читателей, и ровно столько крови, сколько нужно для обеспечения продаж.

– К чему вы клоните? – Сэм понимал, что голос у него раздраженный. И ему было плевать.

Уэйнрайт поднял руки, и его черная кожаная куртка скрипнула.

– Вы кажетесь таким славным, приличным парнем со Среднего Запада. Я, конечно, сейчас рублю сплеча, но создается впечатление, что вы *хотите* таким казаться. Славным парнем, который пишет «легкоперевариваемые» узкожанровые книжки. Но должна же быть причина, по которой вы пишете то, что пишете.

Сэм хотел сглотнуть, но не мог. Что-то застряло в горле. Что-то со вкусом дыма.

– Ваша мать погибла во время пожара в доме, когда вы были ребенком?

Сэм почувствовал, как дым проникает в легкие, заполняет их. Остальные уставились на него. Сэм старался не смотреть им в глаза, чтобы не видеть жалости, не видеть жадного любопытства.

Не давайся ему.

– Мне не хотелось бы говорить об этом, – сказал Сэм.

Уэйнрайт взмахнул рукой, точно дирижерской палочкой:

– Но вам знакома боль. Вы узнали трагедию. Вы говорили, что страх – это потеря контроля. Я не могу представить большей беспомощности, чем беспомощность маленького мальчика, который смотрит, как горит его дом, и понимает, что его мать внутри. Здесь берут начало ваши истории?

Не давайся ему.

– Нет.

– Нет? Вы не пытаетесь запечатлеть в своих произведениях эту боль? Эти страдания?

Не. Давайся. Ему.

– Нет.

– Так поэтому ваши книги становятся все более и более поверхностными?

Сэм изумленно смотрел на Уэйнрайта.

«Чтоб ты сдох! – мысленно завопил он. – Чтоб ты сдох, хорек поганый! Сраный мажоришка!»

Но кричать он не стал. Голосом, напряженным, как сжатый кулак, он произнес:

– Я не считаю, что мои книги становятся поверхностными.

– А критики считают.

Сэм открыл рот, чтобы возразить, но не смог вымолвить ни слова. Он не мог дышать. Бросил короткий – не дольше доли секунды – взгляд на Мор.

Она вмешалась немедленно.

– Критики – это несчастные детишки, которых в школе никогда не брали в футбольную команду, – заявила она с таким видом, словно планировала эту остроту с самого начала интервью.

Теперь, когда всеобщее внимание больше не было приковано к Сэму, он смог набрать в легкие воздуха. Сердце колотилось в груди, но

с каждым новым вдохом тело ощутимо расслаблялось. Сэм кивнул Мор, и та кивнула в ответ.

– Дэниел Манниак, – провозгласил Уэйнрайт, круто меняя курс, – вы написали сколько – около пятидесяти успешных книг для молодежи? На первый взгляд у вас с Ти-Кэй Мор не может быть ничего общего. Однако, несмотря на то что ваша аудитория, несомненно, гораздо младше ее, насилие в ваших романах показано весьма наглядно.

Дэниел поерзал перед камерой, словно пытаюсь усесться в кресле поудобнее:

– Ну, да, наверное, можно так сказать...

– Но вы ревностный христианин.

– Так точно.

– Вначале ваши книги были тепло приняты верующими, которые сочли, что для достижения цели и кровавые средства хороши. Что угодно сгодится, лишь бы читатель пришел к Иисусу, не так ли? Но потом ситуация изменилась. Многие христиане недовольны вашей тематикой.

– Ну...

– Но вы человек религиозный, правильно?

Сэм смотрел на Уэйнрайта с нарастающим чувством ужаса. *Он задумал это с самого начала. Он хочет ранить нас. Хочет, чтобы мы истекали кровью перед его зрителями. Не до смерти. О нет, если он будет слишком агрессивен, то выставит себя знатным говнюком. Он режет аккуратно, чтобы зрители лишь почувствовали вкус крови. Каждому он наносит удар в самое болезненное место.*

– Вы религиозный человек? – повторил Уэйнрайт.

– Ко... конечно, – ответил Дэниел. Но без уверенности в голосе. – То есть, смотрите, я христианин, который – так уж получилось – пишет ужастики, но в моих книгах есть четкий посыл. Тех, кто творит зло, ждет наказание. В финале торжествуют лишь чистые душой герои. Зло в моих романах не побеждает никогда. А добро побеждает, потому что добро – от Бога.

– И вы искренне считаете, что детишки, читающие ваши книги, улавливают этот посыл?

– У меня, на секундочку, дочь-подросток. Я давно понял, что на проповеди детишки не реагируют. Они даже в церкви, если получится

их туда затащить, будут мечтать о том, как пойдут на танцы, или о мальчишке, которой позвал на свидание, или о том, какую машину они хотят на шестнадцать лет. – Дэниел смахнул со лба каплю пота. – Мои книги действуют на читателей именно потому, что я не читаю мораль. Все и так ясно: добро побеждает, зло проигрывает. Осознают ли ребята связь между нравственностью и высшей силой – кто знает? Но мне кажется, что осознают. Мне кажется, они все понимают.

– Но как насчет ваших критиков? Среди них все больше христиан, утверждающих, что вы попросту наживаетесь на дико прибыльном сегменте рынка.

– Я... Я пишу...

– Как насчет тех, кто утверждает, что ваши книги не подходят для детей?

– Они для *подростков*, – поправил Дэниел. Сейчас он напоминал громадную мышь, с которой забавляется злой кот. – Мои читатели знают, что жизнь готова предложить им и хорошее, и плохое. Я не говорю им ничего такого, чего они и так бы не знали.

– Так что же такое хоррор, Дэниел?

– Я не знаю... как на это ответить...

– Что такое хоррор? – повторил Уэйнрайт.

– Наверное... я бы сказал... самое страшное – это лишиться того, что ты любишь.

– И это...

– Семья. Вера. Бо...

– Пламя в камине чуть потускнело, словно дом медленно выдохнул. – Мы все... все грешны. – Дэниел снова стал запинаться. – Мы... Хоррор рассказывает о страхе, о чувстве вины, о грехах, которые мы пытаемся спрятать глубоко внутри себя, во мраке, и долг писателя... как бы вынести это на свет, понимаете... это...

«Бедный Дэниел, – подумал Сэм. – Совсем увяз».

«Так помоги ему», – велел внутренний голос.

В темноте горели красные огоньки камер.

Сэм застыл.

Не могу.

Дэниела спас Себастьян.

– Настоящий хоррор для каждого человека свой, мистер Уэйнрайт, – вмешался старик. – И, как писатели, мы должны найти

способ установить связь с каким-то количеством людей. Не со всеми. На такое никто не способен. Именно поэтому у всех нас свои подходы к ремеслу. Разные, но одинаково имеющие право на существование.

И снова в доме воцарилась тишина. Казалось, даже огонь притих, пока властные слова Себастьяна разносились из гостиной по другим комнатам.

– Однако вот важный нюанс: мне кажется, *есть* кое-что, объединяющее все виды хоррора. Если я заведу вас в темную комнату и кто-нибудь выскочит на вас и закричит: «Бу!» – вы невольно вздрогнете и, может быть, даже испугаетесь. Но тут же придете в себя. – Голос Себастьяна плыл вверх по лестнице. Он эхом отдавался в темном коридоре, проникал сквозь щели под дверями, в пустые спальни. – Но что, если по пути к двери я расскажу вам, что в этой комнате встретила свой конец очень злая старуха и каждую ночь, когда часы бьют двенадцать, она возвращается сюда и бродит, вытянув перед собой руки со скрюченными артритом пальцами, пытаюсь нащупать то, чего не видят ее затуманенные катарактой мертвые глаза? Что, если, закончив рассказ, я заведу вас в темную комнату и запру, и вы будете сидеть там всю ночь, не зная покоя, думая лишь о том, что может скрываться во мраке, что может коснуться вас мертвенно-холодными руками?

Голос Себастьяна достиг ниши, пронесся мимо темнеющего в ночи витражного окна, вверх по узким, крутым ступеням, ведущим к кирпичной стене. И даже там они просочились сквозь щели незамеченными.

– Вот в чем главный секрет хоррора, – уверенно сказал Себастьян, и никто не посмел ему возразить, – то, во что ты *веришь*, существует.

Двадцать минут спустя Кейт коснулась сенсорной панели ноутбука. Красные огоньки на камерах погасли.

Интервью было окончено.

– Ну что ж, это было потрясающе, честное слово, – объявил сияющий Уэйнрайт, собираясь встать из кресла. – Огромное вам всем спасибо за участие.

Сэм коснулся рукой края фотографии в заднем кармане.

– Вы нас подставили, – прорычал он.

Уэйнрайт пожал плечами:

– По правде говоря, я думаю, что вообще-то вел себя довольно сдержанно. Я мог бы копнуть глубже. В том смысле, что я мог бы вытащить из ваших шкафов на свет божий скелеты посерьезнее...

Прежде чем кто-либо успел понять, что происходит, Сэм подскочил к Уэйнрайту и сгреб его за лацканы куртки.

– Ах ты, сукин сын! – взревел он. – Тебе это смешным кажется?

Дэниел и Себастьян в ужасе отпрянули, но Мор кинулась к Сэму и моментально оттащила его прочь.

Уэйнрайт поднялся, поправил помятую куртку:

– Господи, дружище, я всего лишь задал пару вопросов! Вы никаких запретных тем не обозначали.

– Зачем мы здесь на самом деле? – спросил Сэм.

Уэйнрайт взглянул на него в совершенной растерянности:

– Как зачем? Для интервью...

– Но почему в этом доме? Почему вы привезли нас *сюда*?

– Сэм, я, честное слово, не понимаю, к чему вы ведете.

Сэм вытащил из кармана ветхую фотографию сестер Финч и ткнул потрясенному Уэйнрайту в лицо:

– Почему вы так на них похожи?

Уэйнрайт пытался осмыслить увиденное.

– Вы... вы взяли это из моей книги?

– Отвечайте мне! – завопил Сэм. – Почему вы так на них похожи?

– Я на них не похож! Я не понимаю, о чем вы!

Сэм развернулся и продемонстрировал фотографию остальным.

– Видите? – спросил он. – Поглядите на их лица!

Писатели подались вперед, чтобы лучше рассмотреть снимок.

Дэниел заговорил первым:

– Извините, Сэм. Я не вижу сходства.

– Но... – Сэм повернул фотографию.

Дэниел прав, понял он. В лицах сестер Финч не было маскоподобности, как у Уэйнрайта.

Уэйнрайт выхватил у Сэма снимок.

– Это просто фотография. Я купил ее на *eBay*, – пояснил он. – Вы совсем рехнулись.

Грудь Сэма вздымалась и опадала, ходила ходуном.

– Ну-ка, успокойтесь, – шепнул Себастьян ему на ухо. – Почему бы вам не выйти подышать свежим воздухом? Боюсь, этот дом плохо

на вас действует.

Сэм не шевелился.

– Послушайте Себастьяна, – сказала Мор.

Следующие несколько мгновений никто не мог угадать, что предпримет Сэм, даже застывший с задранной подбородком Уэйнрайт.

Себастьян похлопал Сэма по плечу:

– Давайте идите.

По пути к двери Сэм бросил взгляд на Кейт. Она была испугана.

Из-за тебя, чокнутого урода.

Входная дверь открылась, а потом захлопнулась.

Сэм вышел.

Пламя в камине в последний раз взметнулось вверх и опало, затаилось, тихо мерцая, в терпеливом ожидании среди полубоглоданных поленьев.

Глава 15

20:15

Сэм скатился с крыльца. Промчался по грунтовке мимо нелепого микроавтобуса. Впереди, в темноте, был мост через Кровавый ручей. В какой-то момент он решил, что просто продолжит идти через мост и по дороге к шоссе.

Он остановился в пятидесяти ярдах от дома.

Успокойся. Дыши. Просто дыши.

После захода солнца температура воздуха резко упала. Налетел ветер. Сэм поежился, но холоду не поддался. Он будет стоять здесь столько, сколько понадобится, главное – удержаться от того, чтобы вернуться в дом и придушить Уэйнрайта голыми руками.

«Но ты ошибся, – сказал внутренний голос. – У Уэйнрайта не было никакого зловещего плана. И никакой inferнальной связи с домом у него нет. Он просто пустил нам кровь перед фолловерами».

Что же, по крайней мере, он сумел сохранить спокойствие перед камерой. Если бы он набросился на Уэйнрайта на глазах у всего мира, это была бы катастрофа. Видео мгновенно стало бы вирусным, чего Уэйнрайт и добивался.

Не вини его за это желание. Мы все хотим, чтобы это видео стало вирусным. Только мы хотим хорошо на нем выглядеть.

Сэм сделал долгий, медленный выдох, унимая сердцебиение. Да, за этим они сюда и приехали. Они все надеялись, что сотни тысяч, если не миллионы людей посмотрят это интервью. У каждого из их четверки были свои причины хотеть, чтобы все прошло успешно.

Для Сэма этот проект означал быстрые деньги и шанс не кануть в забвение, а это, в свою очередь, даст ему время закончить наконец чертову книгу.

В смысле начать эту чертову книгу.

Он закрыл глаза, прислушиваясь к своему дыханию – оно становилось все медленнее, все спокойнее. Вскоре гнев на Уэйнрайта испарился с его кожи, как дождевая вода под солнцем.

Но фотография... Сэм готов был поклясться, что сестры Финч выглядели точь-в-точь как Уэйнрайт. Не выдумал же он это?

Конечно же, выдумал. У тебя крыша едет. И дом этот тут ни при чем. Крыша у тебя поехала давно. Поэтому Эрин и ушла. Поэтому ты и отказался дать ей то, чего она хотела. Ребенка. Потому что он вырос бы точно таким же психом, как ты.

Вокруг было тихо. Странно тихо, будто в камере сенсорной депривации.

Сэм открыл глаза. Над его головой сияло бесчисленными звездами ночное небо. По обе стороны подъездной дорожки неподвижно застыла высокая, по пояс, трава.

Сэм пошел дальше от дома и вскоре услышал впереди негромкий звук.

Стрекотание.

В нем улавливался четкий ритм.

Он различил проступающий из сумрака силуэт деревянного моста, словно материализовавшееся видение.

Протянул руку, коснулся края перил. Они были шершавые, растрескавшиеся.

Звук шел с другой стороны моста. Точнее, он шел отовсюду на другом берегу: от моста, от дороги, от поросшей травой обочины, от тонущих в тени деревьев, растущих на берегу ручья.

Стрекотание стало громче.

Насекомые. Торопливая мелодия сверчков, неспешные трели цикад.

Через пару недель они зароются под камни и коряги, чтобы переждать зиму, но пока они еще тут, еще поют свои песни звездам.

Но там, где стоял Сэм, никто не стрекотал. Мысль была совершенно абсурдная, но отделаться от нее Сэм не мог.

Насекомые не хотят перебираться через ручей. Не хотят на эту сторону.

Впереди мягко пульсировала звуками ночь. Позади царила всепоглощающая тишина.

Сэм медленно попятился от моста. Развернулся и быстрым шагом направился обратно к дому. Стрекотание насекомых постепенно стихло.

Проходя мимо бука, Сэм внезапно уловил краем глаза свет наверху. Он поднял голову.

Горело окно третьего этажа, словно фонарь в темной башне. А потом свет пропал так же внезапно, как появился.

Все еще глядя на окно, Сэм прошел под ветками.

Блестящая черная туфля ударила его по лицу.

С воплем Сэм отскочил назад, споткнулся и упал на спину. Он усталился на дерево.

Над ним медленно покачивались ноги женщины. На ней были темное платье и длинные белые чулки. Кровь прилила к ее бледным пальцам так, что они стали похожи на разбухшие сардельки. Над изгибом груди Сэм разглядел белое, как снег, лицо, выпученные глаза смотрели прямо на него.

Это была Рейчел Финч.

Сэм задом наперед отполз от дерева на безопасное расстояние и вскочил на ноги. Сердце колотилось, грудь ходила ходуном.

Он ошибся.

Это была не Рейчел Финч. Уже не Рейчел Финч.

Мертвое тело преобразилось. Теперь это была грузная женщина лет сорока. Точнее, то, что от нее осталось. Она обгорела дочерна, кожа слезала с плоти, как кора с гнилого дерева. Жалкие остатки волос, похоже, приплавились к скальпу, похожему на испещренную кратерами поверхность Луны. Глаза от жара лопнули в глазницах, и блестящая вязкая жижа чудовищными слезами стекала по щекам. Из-за тяжести туловища шея в петле вытянулась так, что казалось, сейчас разорвется.

– Господи, нет, – простонал Сэм.

Мама.

Тело качалось не только от ветра.

Пальцы женщины подергивались.

Сэм смотрел, как она медленно поднимает руку. Как направляет на него обгорелый обрубок, когда-то бывший пальцем. Ее рот распахнулся, остатки губ зашевелились, обнажая сохранившие белизну зубы, пытаясь произнести слово, неспособное вылететь из безъязыкого рта. В воздухе повисло облако серого дыма.

Сэм закрыл лицо руками.

Нет. Нет! Это не она! Это не она!

Он прижал ладони к глазам с такой силой, что увидел в темноте золотые искры.

Ее здесь нет. Это не взаправду. Все это не взаправду. Это все у тебя в голове.

Потому что с головой у тебя совсем плохо. Ты сошел с ума.

Эта мысль была самой страшной.

Наконец он отнял от лица руки. Открыл глаза.

Мертвого тела на дереве не было.

Ветки лениво покачивались на ветру.

Когда Сэм вошел в дом, Кейт была в передней, сидела у подножия лестницы. Она торопливо встала, запахнула оливково-зеленую армейскую куртку, спасаясь от холодного воздуха из двери.

– Все в порядке? – спросила Кейт.

«Это из-за моего лица, – догадался Сэм, – я выгляжу так, словно увидел...»

Он не смог даже закончить мысль, до того она была нелепой.

– Все хорошо, – сказал Сэм.

Он не ждал, что Кейт ему поверит. Он и сам не особо в это верил.

Кейт огляделась вокруг, удостоверившись, что они одни.

– Я бы хотела с вами поговорить о том, что случилось. Об интервью, – произнесла она вполголоса. От этого ее сильный южный выговор смягчился.

– Это было не интервью, Кейт, это была подстава. Он устроил представление для своих фолловеров.

Злость не утихла, но слететь с катушек Сэму уже не грозило. Он до сих пор не оправился после увиденного во дворе.

«После того, что тебе померещилось во дворе», – поправил он себя.

Кейт прикусила нижнюю губу и опустила глаза:

– Знаю, он иногда увлекается. Страстная натура. Но он, понимаете, еще и боится, что все развалится. Боится потерять то, что построил. Ему кажется, что он должен все время кому-то что-то доказывать.

– Ну, он вообще-то не один такой.

– Пожалуйста. Он хороший человек. – Кейт умоляюще посмотрела на Сэма. – Он очень поддержал меня, когда я нуждалась в помощи. И он действительно вас уважает.

«Интересным же способом он это демонстрирует», – подумал Сэм, но говорить вслух не стал – какой смысл? Вместо этого он кивнул.

– Я уже поговорила с остальными, – сказала Кейт.

– И?

– Себастьян и Дэниел, кажется, готовы забыть о, скажем так, агрессивных моментах в интервью.

– А Мор?

– Спросила, имеет ли меня Уэйнрайт так же жестко, как отымел сегодня вас всех.

Ну, разумеется, Мор в своем репертуаре.

– И что вы ответили? – поинтересовался Сэм.

На губах Кейт заиграла озорная ухмылка.

– Я ответила, что, если бы он отымел вас так же жестко, как имеет меня, ваша тонкая душевная организация неделю бы враскоряку ходила.

Сэм чуть улыбнулся, но ничего не сказал.

Ухмылка Кейт поблекла.

– Простите, – сказала она. – Сегодня больше никаких фокусов не будет. По чесноку. Обещаю.

Когда Сэм и Кейт вошли на кухню, разговор шел о стене.

Увидев Сэма, все выжидающе замолчали, пытаясь понять, остыл он или нет. Уэйнрайт стоял в своей обычной позе: руки в карманах, нога за ногу. Но впервые на памяти Сэма он выглядел откровенно смущенным, чуть ли не пристыженным из-за того, что устроил на интервью.

Несколько долгих мгновений – присутствующим они показались часами – Сэм стоял, ничего не говоря.

«Просто забудь, – велел он себе. – Все это было у тебя в голове. Уэйнрайт не несет ответственности за твои шарики и ролики».

Наконец он спросил как ни в чем не бывало:

– А что со стеной?

На кухне собрались все. И все, кроме Дэниела, наполнили бокалы жизненно необходимым алкоголем (к счастью, в доме его имелось предостаточно). Сэм быстро заметил две горящие красными огоньками камеры, установленные в противоположных концах помещения. Перерыв закончился. Шоу продолжалось.

Кейт наклонилась к его уху:

– Это не прямой эфир. Потом я буду монтировать запись.

– Смонтируйте меня покрасивее, – шепнул Сэм в ответ.

Уэйнрайт зажег сигарету, как следует затянулся и лишь потом объяснил:

– Стена наверху, на третьем этаже.

– Там есть лестница, ведущая в кирпичную стену, – добавила Кейт.

Сэм нахмурился:

– В кирпичную стену?

– Ну да. Мне показалось... – Кейт запнулась.

Уэйнрайт выдохнул облачко дыма и бросил на нее суровый взгляд:

– Ей показалось, что она что-то видела наверху лестницы.

Дэниел подался вперед, внезапно заинтригованный:

– А что вы видели?

– Это была игра света, – пояснила Кейт, явно стесняясь такого внимания к своей персоне. – Просто... просто какая-то фигура или вроде того.

– Куда ведет лестница? – спросил Сэм.

– В спальню, – ответил Уэйнрайт. – Когда сестры Финч поселились в доме, в этой комнате устроили спальню Ребекки. Кнопка «три» в лифте нужна как раз для того, чтобы туда попасть. Точнее, была нужна. Если вы нажмете на нее сейчас, двери лифта откроются в кирпичную стену, как на лестнице.

Дэниел заинтересовался тарелкой с мясной нарезкой. Он навис над ней, точно стервятник над остатками звериной туши.

– Зачем закладывать кирпичами спальню?

Уэйнрайт снова затянулся, обдумывая вопрос.

– Понятия не имею, – наконец заявил он. – Рейчел Финч сделала это после смерти сестры.

– Вероятно, бабка повредила умом, – сказала Мор, проводя пальцами по спадающим с плеча черным волосам.

– Там есть свет, – сообщил Сэм.

Уэйнрайт покачал головой:

– Нет. Это невозможно.

– Я только что видел. Со двора. Свет был.

Светильники на кухне неожиданно стали гореть вполнакала. Потом, так же внезапно, засветили как положено и снова притухли. Но на этот раз уже не оправились.

Дэниел уронил ломтик ростбифа:

– Что случилось?

– Может быть, дом пробуждается, – поддразнил Себастьян.

Дэниел включился в игру:

– В этих домах всегда так. Веселье начинается ночью. Днем все нормально. А как стемнеет – бабах!

– Единственный «бабах» здесь – от колбасы, падающей вам в глотку, – сказала Мор.

Светильники затрещали и стали гореть еще хуже.

Сэм покосился на Уэйнрайта. «По чесноку, – подумал он. – Тогда что же происходит?»

Уэйнрайт был абсолютно спокоен.

– Это генератор. В подвале, – объяснил он писателям.

Затем вышел из кухни и тут же вернулся с большим черным фонарем. Включил его. К тусклому свету лампочек на потолке добавился ослепительный луч.

– Надо сходить посмотреть, что там.

– Я пойду с вами, – заявил Себастьян, уже направляясь к двери в подвал.

Сэм тронул его за плечо:

– Стойте.

– Сэм, я старый, но не настолько. Ничего со мной не случится.

Себастьян открыл дверь, и петли злобно взвизгнули.

– Кейт, могу я тебя попросить? – Уэйнрайт указал на камеру.

Кейт кивнула. Нажала на кнопку, и наверху камеры загорелся ослепительно-белый огонек.

– Остальным сидеть и не дергаться, – велел Уэйнрайт. – Дело на пару секунд.

И тут Кейт внезапно лишилась камеры – ее отобрала Мор.

– Не надо мне говорить, как сидеть, – заявила Мор, глядя на Уэйнрайта через глазок.

– Мор... – сердито начал он, но Кейт махнула рукой.

– Все нормально, – сказала она. – Если хочет, пусть и она идет. – И добавила, обращаясь к Мор: – Только технику берегите.

Мор уверенно вошла в дверь подвала. Уэйнрайт и Себастьян последовали за ней и исчезли в темноте.

В подвале царил жуткий холод.

Мор шла за фонарем Уэйнрайта, вместе с фонариком на камере получился круг света радиусом около десяти футов. Они добрались до нижней ступеньки и двинулись по ледяному полу. Уэйнрайт медленно водил фонарем туда-сюда, точно поисковым прожектором. Бетонный потолок нависал неуютно низко, в каких-то семи футах. Словно дом наверху хотел медленно раздавить их.

За пределами светового круга разглядеть что-либо было невозможно. По мере того как они шли вперед, из тьмы выплывали разные предметы. Несколько погнутых ржавых гвоздей. Осколки камня. Череп давно почившей крысы.

Слабое гудение хворого генератора отражалось от стен, и они пытались идти на звук. Понять планировку помещения было невозможно. Могло быть и так, что они шли в неверном направлении, прочь от генератора, к...

«К чему?» – задумалась Мор.

Этого она не знала. К чему-то, что ждало их в подвале, в темноте.

Световой круг полз по полу.

Мы слишком далеко зашли. Не может подвал быть таким большим.

Голос в ее голове не был голосом взрослого. Говорила девочка.

Мор почувствовала, как по затылку и коже головы побежали мурашки. Она резко, так что ноздри раздулись, вдохнула через нос.

«Соберись, тряпка». – Голос, приказавший это, был старше, сильнее.

Их ноги шаркали по бетону. Свет фонаря выхватил из темноты старый, пожелтевший сигаретный окурочок. Вокруг фильтра виднелись следы красной помады.

– Где эта штукавина? – спросил Себастьян.

Нервное пыхтение генератора стало громче, но понять, где он находится, по-прежнему не получалось. Мор посветила камерой вбок. Темнота отступила, и сердце Мор забило сильнее: она понятия не имела, что сейчас увидит. Но фонарик осветил пустоту. Мор повернула камеру влево – темнота отпрянула от света, но ментально заняла покинутое место. Мор снова посветила. На полу лежало

металлическое колесо. Расходящиеся из центра спицы были погнуты и поломаны. Резиновая шина местами прогнила.

«Это от инвалидной коляски», – догадалась она.

Внезапно тени впереди начали таять. Из мрака выступили очертания приземистого металлического механизма.

– Вот он, – сказал Уэйнрайт.

– Что с ним случилось? – спросил Себастьян.

– Не знаю. В лучшем случае просто недостаток топлива. В худшем – поломка.

– И что, если это худший случай?

– Будем сидеть в долбаных потемках до утра.

Мор вздрогнула – отчасти от холода, отчасти от перспективы провести хоть сколько-то времени в доме без электричества. Она выровняла камеру, прежде чем мужчины заметили ее замешательство. Меньше всего на свете Мор было нужно, чтобы они вообразили, будто дом ее пугает.

Круг света охватывал генератор и несколько футов пространства по бокам от него. Остальное тонуло во мраке. Под потолком Мор увидела вентиляционное отверстие, к которому были присоединены отводная труба генератора и еще несколько труб, торчащих из стены, словно стальные корни. Пыльный пол покрывали расходящиеся трещины, отчего он напоминал готовую расколоться льдину.

Мор больно резанула невольная мысль: «Под нами ничего нет. Если пол проломится и мы провалимся, то будем падать вечно. Веки вечные...»

– С вами все хорошо, милая? – спросил ее Себастьян.

Любому другому человеку Мор голову бы оторвала за «милую», но из уст Себастьяна это звучало ласково. Не покровительственно. Старик и вправду о ней волновался.

Отвечать на его вопрос Мор не стала.

– Итак, – начал Уэйнрайт, опускаясь на колени, чтобы осмотреть механизм; тени словно обвивали его, пытаясь поглотить. Отражаясь от стен, пола и потолка, звучный голос магната становился еще громче. Он словно шел отовсюду. – Итак, мы здесь. Два поколения авторов романов ужасов. В подвале дома с привидениями. – Он кивнул в непроглядную темноту. – Как думаете, что там?

– Что вы имеете в виду? – спросил Себастьян.

– Я имею в виду, что мы увидим, когда зажжется свет?

Мор прищурилась, пытаясь различить что-нибудь за пределами оберегающего их круга света, но ничего не увидела. Подвал казался огромным сгустком пустоты.

– А почему вы нам не скажете, что мы увидим? – сердито поинтересовалась она. – Вы у нас эксперт по этому дому.

– Да ладно. Вы же писатели. Черт, Мор, я даже слышал, что вы в этом деле хороши.

«Не нравится мне это», – сказала себе Мор, но легкий страх лишь разозлил ее.

– Пожалуйста! Для фанатов! – попросил Уэйнрайт.

Себастьян вздохнул:

– Ну... Полагаю, что бы ни обитало в доме, сейчас оно, конечно же, таится в темноте. Оно было здесь, когда мы пришли. И сейчас наблюдает за нами.

Он показал в кромешную тьму. Казалось, тьма не имеет конца и края.

– Это таинственное нечто должно быть как-то связано с домом. Может, это Гудман? – Себастьян повернулся к Мор.

Вначале она помедлила. Потом покачала головой и шепнула:

– Нет. Он слишком трагическая фигура. Это должен быть кто-то более злой, извращенно-порочный.

– Точно, – поддакнул Уэйнрайт. В его голосе звучал азарт.

Мор и Себастьян вглядывались в бездну. Мор пыталась представить, что за создания могли скрываться под покровом тьмы.

– Сестры Финч, – приглушенным голосом сказал Себастьян. – Да-да, вот кто здесь. Они смотрели, как мы спускаемся по ступеням. Они следовали за нами. Они прятались от лучей фонаря, чтобы мы их не заметили. Но они наблюдают за нами... – Он удивленно склонил голову набок. – Постойте-ка. Вы видели?

– Что? – спросила Мор.

– Там, – Себастьян показал в темноту, – я и вправду их вижу. Одна сидит в кресле-каталке...

– Ребекка, – вставил Уэйнрайт.

– А рядом стоит ее сестра...

– Рейчел.

– Верно. Они глядят на нас. – Себастьян наклонился вперед, к границе светового круга. Его лицо грозило исчезнуть во тьме. – Они знают, что мы их видим. О... а вот теперь они зашевелились. Они приближаются к нам. Слышите? Это инвалидная коляска. Левое колесо при повороте тихо поскрипывает, звук все ближе и ближе...

Мор прислушалась. И не услышала ничего, кроме шума генератора и своего размеренного дыхания.

Разумеется, потому что ничего там нет.

Она втянула носом воздух и поморщилась. Подвал, как и полагается, пах сыростью и плесенью, но Мор чувствовала и что-то еще. Вонь от чего-то гниющего.

Мертвое животное. Какая-то бедная тварь свалилась сюда и не сумела выбраться.

Запах, однако, становился сильнее, как будто то, что его испускало, приближалось.

Мор показалось, что она услышала тонкий взвизг резко затормозившего колеса.

– Они совсем рядом, там, где кончается свет, – прошептал Себастьян. Он протянул Мор обращенную кверху ладонь: – Дайте мне свою руку.

– Зачем?

– Просто дайте.

Мор нахмурилась. Она чувствовала, как колотится в груди сердце. И надеялась, что Себастьян не заметит, как вспотела ее ладонь.

– Только не вообразите себе лишнего, дедуля. То, что я стою тут с вами в потемках, не повод проявлять разного рода инициативы.

– Ах, лапочка, на этот счет вы можете не волноваться, – шепнул Себастьян так, чтобы Уэйнрайт не услышал.

Камера чуть качнулась в руке Мор: она на секунду забыла про нее, когда поняла, на что намекает Себастьян.

– Я... я не знала...

– Но вы же сами говорили, Мор. Я из другой эпохи. А в ту эпоху такие подробности личной жизни лучше было держать в тайне. Мне помогало то, что я был немного скромница.

– Это... – Мор осеклась. Она начала фразу, не зная толком, что хочет сказать, такое случалось с ней редко.

Себастьян взглянул на нее:

– Что, милая?

«Просто говори, – подумала она. – Нет нужды умничать».

– Грустно, – призналась она ему.

Себастьян кивнул, обдумывая услышанное:

– Да, полагаю, в какой-то мере так оно и было. Но я не был совсем одинок. Я встретил свою половинку.

Необычно мягким голосом Мор спросила:

– Вы двое все еще?...

Себастьян покачал головой:

– Он умер почти четыре года назад. Рак. Он, собственно, был моим издателем. Его звали Ричард.

Мор услышала звук отворачиваемой крышки. В ноздри ударил резкий запах бензина. Она поглядела вниз.

Уэйнрайт стоял на четвереньках, верхняя часть его туловища скрылась в тени генератора.

– У меня хорошая новость, – объявил он. – Это просто недостаток топлива.

Он поднялся на ноги, отряхнул колени и осветил фонарем вокруг. Свет упал на красную пятигаллонную канистру. Уэйнрайт поднял ее и потряс. Внутри заплескалась жидкость. Магнат быстро открутил крышку канистры, перевернул – с другой стороны у нее был носик – и опустил носик в бак генератора. Бензин забулькал, устремляясь в чрево машины.

– Они все еще здесь? – спросила Мор Себастьяна, возвращаясь к игре.

Себастьян снова протянул ей ладонь. На этот раз Мор взяла ее без колебаний.

– Да, – сказал Себастьян.

Крепко держась за руки, писатели шагнули к краю светового круга. За его пределами мир заканчивался.

– Рейчел сейчас тянется к нам. – Голос Себастьяна был едва слышен.

– Теперь и я их вижу, – сказала Мор. – Ребекка улыбается.

– У нее ужасная улыбка. Злобная. Она смотрит на сестру снизу вверх и ухмыляется. Плоть так туго обтягивает ее череп, что видна кость. И эти глаза...

Кончики их пальцев дотянулись до границы света, и Себастьян вдруг замолчал.

– Вы это слышите? – наконец спросил он.

Мор прислушалась. И уловила нечто похожее на звук бегущей воды.

– Это бензин течет в бак, – предположила она. Прислушалась снова. Звук шел откуда-то из непроглядной тьмы. – Это ручей? Такое возможно?

Себастьян не отвечал.

Мор бросила на него взгляд. Лицо старика внезапно обмякло, широко раскрытые глаза уставились в пустоту.

– Себастьян? – шепнула Мор.

Она заметила, что челюсть у него отвисла так, что рот раскрылся. В уголках губ заблестела слюна.

– Себастьян.

Глаза старика были пусты. Его рука в ее руке сделалась тяжелой и вялой.

Это не игра. С ним что-то неладно.

– Себастьян, – шепнула Мор громче.

Кончики их пальцев зависали на границе света и тьмы.

– Это ты? – вдруг спросил Себастьян.

Мор проследила за его взглядом. И ничего не различила во мраке.

С кем он говорит?

Мор снова посмотрела на Себастьяна. Его глаза подергивались в глазницах.

Это потому, что он что-то видит. Он что-то видит там!

Внезапно он выпустил ладонь Мор. Рука его безвольно повисла. Пошатываясь, Себастьян сделал шаг, другой. Он направлялся в темноту.

– Себастьян!

Тень перерезала его лицо. Он словно растворялся во мраке.

Мор схватила его за плечо.

Старик неожиданно охнул, содрогнулся всем телом. И отшатнулся от чего-то.

От чего-то в темноте! От чего-то прямо перед нами!

Мор чуть повернула камеру и протянула руку во тьму.

Пальцы коснулись гладкого металла. Ручки. Мор толкнула загадочный предмет, и он плавно откатился.

Кресло-каталка. Ты трогаешь кресло-каталку.

Мор лихорадочно всматривалась в темноту. В голове вспыхнуло имя: *Ребекка Финч.*

Что-то нежно коснулось тыльной стороны ее руки. Что-то холодное и рыхлое, как...

Мертвая плоть.

Рука стиснула ее ладонь, и тут из мрака раздался рев.

С воплем Мор бросилась прочь от звука, свет фонарика на камере стремительно заплясал по грязным стенам подвала.

– Это генератор! – закричал Уэйнрайт. Рев превратился в ровный гул. – Все хорошо. Это просто генератор.

В темной бездне появился желтый шар, за ним еще один и еще. Они мигнули раз, другой, а потом с неожиданно громким треском разгорелись в полную силу.

Три голые шестидесятиваттные лампочки свисали с потолка, отбрасывая конусы яркого света.

Перед ними ничего не было. Ни Рейчел Финч, тянущей к ним руки. Ни Ребекки Финч, зловеще ухмыляющейся из кресла-каталки. Лишь недоделанный подвал, голый бетонный куб, куда меньше, чем вообразила Мор.

Она повернулась к Себастьяну. Он обводил пустое помещение осмысленным, но совершенно растерянным взглядом.

– Я видел... – Он посмотрел на Мор, и растерянность исчезла. Себастьян пришел в себя. – Мор? Что такое? Что случилось?

Она не знала, что ответить.

Уэйнрайт выключил фонарь. В нем больше не было нужды.

– Нам пора наверх, – сказал он.

Глава 16

22:08

Огонь в гостиной почти погас. Почерневшие поленья тлели среди горячей золы, тонкая струйка дыма утекала в дымоход, словно темный дух, уносящийся в небо.

Сэм бросил в камин еще одно полено – в воздух поднялось облачко пепла. Сухая кора занялась, и вверх взвился язык пламени. Огонь стал разрастаться, пожирая свежее топливо. Вскоре он охватил полено. Воздух подпитал огонь, и камин загудел.

Отодвигаясь от пламени, Сэм сделал шаг назад. Пламя осветило гостиную, но также наполнило ее скользящими, дрожащими по углам тенями.

«Всего лишь тени, – напомнил себе Сэм. – И ничего больше».

Он сделал глубокий вдох и попытался расслабиться. Кейт поднялась наверх, зачехлив камеру на ночь. Уэйнрайт пошел с ней – пожелать спокойной ночи. Дэниел и Мор тоже отправились в свои комнаты. Дэниел одолжил у Сэма телефон – хотел попробовать еще раз дозвониться до жены и дочери, а Мор собиралась работать над новой книгой. Она ясно дала понять, что ее не увидят до утра, «когда этот паршивый балаган закончится».

В гостиной – на кушетке напротив Сэма – остался лишь Себастьян. Старик сидел тихо, не сводя глаз с танцующего пламени, забыв свой стакан на кофейном столике. Сэм прекрасно понимал, как хрупко здоровье человека, разменявшего восьмой десяток. Но сейчас наводнившие гостиную тени обтесали Себастьяна, отсекали от его тела последние остатки плоти и превратили в живой скелет. Казалось, от малейшего усилия он с хрустом переломится пополам.

– О чем вы думаете? – спросил наконец Сэм.

Себастьян попытался изобразить беспечную улыбку. Получилось неубедительно.

– Даже не знаю. Так, мысли бродят.

Сэм смотрел на старика, наблюдающего за танцем огня и тени.

Несколько долгих мгновений они сидели в молчании. Наверху в доме что-то скрипнуло. Сэм насторожился, прислушался. Подождал. Он разобрал шорох. Звук шагов.

Кто-то ходит у себя в комнате. Вот и все.

Шаги замолкли, словно догадались, что их слышали.

Но был и другой звук. Едва заметный.

Что это? Сэм пытался понять.

Движение воздуха. Мягкие выдохи. Медленные, размеренные, терпеливые. Сэм повернулся и посмотрел в темный арочный проход, что вел в переднюю. Он почти ощущал, как воздух проносится мимо него, сквозь переднюю, вверх по лестнице, вглубь дома. А потом возвращается, чтобы повторить все снова.

Дышит. Дом как будто дышит. Но тихо. Словно бы он расслаблен. Доволен.

«Чем он доволен?» – спросил себя Сэм.

Тем, что мы здесь. Что он может нас слушать.

Сэм тряхнул головой, прогоняя мысли прочь.

Хватит.

Но...

Хватит! Прекращай искать то, чего нет. Прекращай делать все еще хуже для себя.

В камине громко затрещало полено. Сэм вздрогнул. Пламя взметнулось выше.

Не надо было ничего подкладывать в камин. Пусть бы огонь потух.

Кожа левой руки сжалась вокруг мышц и кости, точно питон.

– Вы мне нравитесь, Сэм, – неожиданно сказал Себастьян.

Это заявление выдернуло его из задумчивости. Смущенный, он повернулся к Себастьяну.

– Дэниела я нахожу достаточно приятным человеком, – продолжал тот. – Мор при первом знакомстве не показалась мне особо симпатичной, но, хотите – верьте, хотите – нет, я начинаю проникаться к ней расположением. Кейт очаровательна, а Уэйнрайт... ну что же, думаю, сейчас он ни у кого из нас не значится в горячей десятке. Но вы, Сэм, вы мне по-настоящему нравитесь.

– И это взаимно, – заверил Сэм.

– У меня всегда была отличная память. – Себастьян все еще замороженно глядел в огонь. Говорил он прямо в пекло. – Я помню события своего раннего детства так отчетливо, словно они происходили пять минут назад. Я помню, что на мне было надето, когда меня впервые повели в детский сад. Помню, какой гордостью светилось лицо моего отца, когда я научился кататься на велосипеде. Помню, как плакала моя мать, узнав, что ее отец – мой дедушка – умер от сердечного приступа. Я помню, какое лицо было у Ричарда за день до того, как он узнал о своей болезни, в наш с ним последний идеальный день.

Сэм проследил за взглядом Себастьяна, надеясь понять, что старик видит в камине. Огонь оживленно потрескивал. Кончики языков пламени почти достигали верха топки.

Он почувствовал запах дыма, и желудок скрутило.

– Скажите, Сэм, какое у вас самое яркое воспоминание?

Такого вопроса Сэм ожидал меньше всего.

– Не понимаю...

– Расскажите.

Перед глазами Сэма возник образ – беззвучный, но яркий. Он попытался прогнать его.

– М-м... Я не знаю, Себастьян...

Себастьян покачал головой:

– Нет. Вы о чем-то подумали, когда я спросил вас. О чем?

Дом в огне. Брат держит его. Он вырывается из рук Джека. Запускает руку в горящие обломки. Пламя пожирает его плоть. Чугунная сковорода в запекшейся крови. Его трясущаяся ладонь стискивает ручку.

Он отогнал эти образы – должно найтись что-то получше.

– Сэм?

– День моей свадьбы, – соврал он. В отчаянии он уцепился за это воспоминание и быстро взял себя в руки. – Я подумал о дне своей свадьбы. Жена улыбалась, когда шла к алтарю. Банально, знаю. Но я вижу ее, как вас сейчас. Чувствую запах цветов. Это были белые розы. Сотни белых роз. – Сэм и сам не заметил, как воспоминание заставило его улыбнуться.

– И как вы думаете, почему воспоминание об улыбке вашей жены в день вашей свадьбы так отчетливо сохранилось в вашей памяти?

– Это был важный день в моей жизни...

– Кроме этого?

– Не знаю, – совершенно искренне ответил Сэм. И тут его осенило. – Потому, наверное, что этот миг был идеальным. И наша жизнь была идеальной.

– И что случилось с этой идеальной жизнью?

Сэм пристальнее взгляделся в камин, посылая свои слова в огонь:

– Я все просрал. Я расстался с женой.

– Почему?

– Потому что я ее не заслуживал.

– Почему?

– Она слишком хорошая, – резко ответил Сэм. Он размышлял об этом бесчисленное количество раз, но никогда не произносил этого вслух. – Она хороший человек, а я...

Плохой. Потому что я сделал то, что сделал.

Он покачал головой:

– Не важно, что случилось. Она ушла.

– А вы помните тот момент, когда осознали, что потеряли ее навсегда?

Заплаканная Эрин стояла в дверях их дома. Она умоляла его попросить ее остаться. А он... он сидел на ступенях лестницы, абсолютно безучастный. Он не желал дать ей то, чего она хотела больше всего на свете: дать семью, дать ребенка. Эрин смирилась с его вспыльчивым характером, она любила его, даже когда он стал все больше и больше от нее отдаляться. Но это была последняя капля. Он отказался дать ей счастье, потому что испугался.

– Да. Я помню.

– Два совершенно разных, но при этом одинаково ярких воспоминания, – сказал Себастьян. – Одно – счастливое. Другое – мучительное. Однако оба они важны. В них ваша суть.

– Себастьян, о чем вы?

Себастьян вздохнул, скрестил лодыжки, устроил сцепленные ладони на коленях:

– Я раньше тревожился о многом. Тревожился о том, что мои книги не воспримут всерьез. Тревожился о том, что не сумею сделать карьеру в литературе. Тревожился о том, что жена узнает о моем

гомосексуализме, а когда она узнала, стал тревожиться о том, что об этом узнает общественность.

Сэм поднял на Себастьяна глаза, но тот не ответил на его взгляд. Об этой детали биографии своего кумира он не подозревал.

Не дав ему ничего вставить, старик продолжал:

– А когда несколько лет назад у Ричарда, моего любимого мужчины, диагностировали рак, я тревожился о том, справится ли он. Он не справился.

– Мои соболезнования, – пробормотал Сэм и сам устыдился этих жалких слов.

Себастьян взял с кофейного столика свой виски, но пить не стал. Лишь покачал янтарную жидкость в стакане.

– Я боялся всего этого, но в итоге все это сделало меня тем, кто я есть. – Он пригубил виски и поморщился от обжигающего вкуса. – Держитесь за эти воспоминания, Сэм. За хорошие и за плохие. – Он поглядел на напиток в стакане. – Потому что однажды, гораздо раньше, чем вы думаете, они начнут покидать вас. Начнут уходить одно за другим. Хуже всего будет с воспоминаниями о любви. Любовь согревает нас. Она как греческий огонь: сколько ни туши, разгорается все сильнее. Я хочу помнить любовь, Сэм. Хочу помнить ее вечно. Потому что сама мысль о том, что я лишусь этих воспоминаний... ничего страшнее и вообразить нельзя. Даже в этой древней развалюхе...

В дымоход ворвался порыв ветра, и пламя замигало.

Себастьян посмотрел на часы и поднялся с кресла:

– Почти половина одиннадцатого. Боюсь, этому старому мешку с костями пора отправляться в постель.

Он осторожно прошаркал мимо огня. По пути чуть коснулся рукой плеча Сэма.

Он уже выходил из гостиной, когда Сэм сказал:

– Спокойной ночи, Себастьян.

Помолчав, Себастьян улыбнулся:

– Спокойной ночи, Сэм. – Развернулся и исчез в темноте.

Сэм проводил старика взглядом.

Уэйнрайт наливал себе на кухне водку со льдом. Глотнув из стакана, он открыл в телефоне «Страх в эфире». Для тех, кто не

смотрел прямой эфир, на домашней странице была выложена запись. Уэйнрайт поглядел на количество просмотров и поперхнулся водкой.

Четыре миллиона. И цифра растет.

– Твою мать, – прошептал магнат. – Твою же мать.

Четыре миллиона просмотров, меньше чем за четыре часа. Завтра будет около десяти. Вот это да! Дурацкая хэллоуинская затея себя окупала.

Он не особо верил в успех этого мероприятия. Он был уверен, что все его кинут. Или что дом окажется непригодным для ночевки. Это была потрясающая удача. Для сельского дома, простоявшего без жильцов почти двадцать лет, особняк был в необычайно хорошем состоянии. Конечно, уборщики постарались, да и сестры Финч изрядно подремонтировали здание в семидесятых и восьмидесятых, но дом сохранился не их усилиями. Нет, главная заслуга принадлежала Джошуа Гудману, человеку, его построившему. Он, несомненно, знал свое дело. На первый взгляд особняк казался обманчиво непритязательным. Но стоило внимательно изучить мелкие детали – потолочную резьбу в каждой комнате, цветные стекла в окнах террасы, солидно-увесистые двери, казалось, целиком вырезанные из сердцевины дерева-гиганта, – и становилось ясно, что время над этим домом не властно. Уэйнрайт ничего подобного не создал.

Разумеется, у него была карьера, и она стабильно шла вверх. Несмотря на растущую беспорядочность сетевой экосистемы, ему удалось некоторым образом возвести маргинальный жанр в ранг искусства. Но началось все с денег, которые дал ему отец – Дональд Уэйнрайт, издатель третьесортных таблоидов, засорявших газетные киоски по всей Америке. Успех Уэйнрайта-младшего, в сущности, ему не принадлежал. По большому счету он был просто иждивенцем, мальчиком, тратящим папины средства, чтобы встречаться со своими любимчиками.

И эксплуатировать их.

Да, это, к сожалению, стало необходимой составляющей процесса. Для того чтобы «Страх в эфире» продолжал свое существование, необходимо было создать шумиху, пусть даже ценой нескольких сожженных мостов.

Но без четверти десять приключения в доме на Кровавом ручье, казалось, подошли к концу, по крайней мере, до утра. Уэйнрайт,

сказать по правде, был немного разочарован. При всей своей любви к хоррору в привидения он не верил, хотя полностью существование сверхъестественных сил не отрицал. Но все же он надеялся, что произойдет что-то впечатляющее. Может быть, мебель начнет левитировать. Из воздуха выделится эктоплазма. Демонические голоса прикажут им убираться прочь. Кейт могла и впрямь увидеть что-то, но этого было *мало*. Адьудел своей книгой задал высокую планку, но сейчас Уэйнрайт стоял на кухне и культурно выпивал, пока остальные чистили зубы и укладывались в постель. Он приехал сюда, думая открыть адские врата, а вместо этого пришлось выполнять обязанности гостиничного администратора.

Прикончив водку, Уэйнрайт выудил пригоршню кубиков льда из ведерка в морозильнике и налил себе еще стакан. Он уже чувствовал, как голова гудит и затуманивается от алкоголя.

Держа стакан в руке, он шагнул в узкий коридор, проходящий вдоль задней части дома, подобно позвоночнику. Коридор был устрашающе узкий, больше нигде в доме не было так тесно, если не считать лестницы, ведущей к спальне третьего этажа. Уэйнрайта это удивляло: почему сестры Финч не расширили проход, хотя бы для кресла-каталки Ребекки? Она могла попасть на кухню через кабинет, но это был неудобный обходной путь. Если уж дамы озаботились установкой лифта, что мешало раздвинуть стены этого коридора, где дышать нечем, на два фута с каждой стороны?

Интересно, завидовала ли Ребекка здоровым ногам сестры, ее способности свободно перемещаться по дому, наслаждаться простыми радостями: взбегать по лестнице, срезать путь через задний коридор?

Мысли Уэйнрайта блуждали. Ноги сами понесли его дальше по коридору.

Свободной рукой он прокрутил в телефоне комментарии под видео с Кровавого ручья. Их было уже более сотни. Большинство – от не в меру рьяных фанатов, пытающихся привлечь внимание писателей страстными дифирамбами. Многие восхищались тем, каким жестким и откровенным вышло интервью. Но была в этой бочке меда и ложка дегтя – комментарии, к которым Уэйнрайт уже начал привыкать, и это его тревожило.

«Уэйнрайт – говнюк».

«Сранный позер».

«Этот уродец Уэйнрайт корчит из себя звезду».

«Они просто тролли, – напомнил он себе. – Жалкие лузеры, у которых жизнь не удалась, вот они и пытаются тебя уничтожить».

Но эта тактика начинает работать.

Было ужасно признаваться себе в этом, но это была правда. С каждым новым хейтерским комментарием он чувствовал себя все более затравленным, хоть его империя и росла.

Все ополчатся против тебя. Ты останешься один.

– Нет, – сказал он вслух. – У меня есть Кейт.

Эта мысль согревала. Уэйнрайт сделал еще глоток.

В дальнем конце коридора кто-то стоял. Сквозь донышко стакана Уэйнрайт различил искаженный силуэт.

Женщина с черными волосами.

Он быстро опустил стакан.

В коридоре никого не было.

Соберись, дружище. Ты слишком заиклился на этом доме.

Лампочка в настенном светильнике рядом с ним погасла, точно свечка. Секундой позже загадочным образом потух и следующий светильник в ряду.

На глазах у Уэйнрайта светильники начали гаснуть один за другим, темнота заглатывала коридор двухфутовыми кусками. Вскоре она овладела им полностью.

– Какого черта...

Первой мыслью было: в генераторе снова заканчивается бензин. Как автомобиль, он еще несколько минут попыхтит, перед тем как отдать концы, но этого должно хватить, чтобы лампочки горели вполсилы. Уэйнрайт оглянулся на кухню. Там свет горел ярко.

Дело не в генераторе. Иначе свет стал бы гаснуть по всему дому. Тогда в чем проблема? Может, в плохой проводке. Дом старый. Но свет горит с четырех часов дня. Почему до этого все было в порядке?

Откуда-то из обступившей его темноты раздался скрежещущий звук, будто когти царапали камень.

Уэйнрайт торопливо отпрянул, но пятка наткнулась на что-то. Потеряв равновесие, он рухнул на пол.

Рядом мерцал бледный свет.

Мой мобильник.

Уэйнрайт так и держал его. Он вытянул руку и осветил экраном в то место, где споткнулся.

Там была черная женская туфля. Длинный белый чулок обтягивал уходящую в темноту ногу.

Они стоят прямо над тобой!

Паника пронзила Уэйнрайта миллионом ледяных игл.

Жалко взвизгнув, он вскочил на ноги. И помчался сквозь тьму. Он ничего не видел перед собой. Бежал вслепую.

Стакан. Он все еще сжимал его в руке. Он выпустил его и услышал, как стекло звякнуло о твердую древесину пола.

Уэйнрайт мчался к горящему на кухне свету, и когда уже почти достиг цели, его правое колено подогнулось.

Он упал. Упал прямо в свет.

Грохнулся на пол, проскользил по нему и врезался в кухонный островок.

Он снова был на кухне, в безопасности, под ярко горящими светильниками. Сердце билось в груди как бешеное, легкие судорожно втягивали воздух.

Он сел, развернулся. Посмотрел в коридор.

Лампочки там снова зажглись. Все до единой. Уэйнрайт видел арочный проход в переднюю, а за ним – дверь в гостиную.

На полу что-то блестело.

Это был брошенный им стакан, разлетевшийся на множество острых клыков-осколков.

Мор стояла внизу лестницы, полупустая бутылка виски болталась в ее руке. Она смотрела на спальню третьего этажа, точнее, на скрывающие ее кирпичи. Остальные, надо полагать, уже спали: с тех пор как Сэм с Себастьяном поднялись наверх, из комнат не доносилось ни звука.

Мор поглядела на часы. Одиннадцать ровно. Хорошо бы лечь, провалиться в глубокое забытие и проснуться в своей постели. Однако вместо этого она одиноко торчала у лестницы, и сна не было ни в одном глазу.

Прищурившись, взгляделась в кирпичную стену. На своем веку Мор повидала немало чокнутых баб, но никому из них не приходило в голову замуровывать спальню своей покойной сестры.

Поставила бутылку на нижнюю ступеньку и стала осторожно, держась за перила, подниматься. Добравшись до верха, села у стены на корточки и провела пальцем по раствору между кирпичами. Положили его на редкость неровно, да и сами кирпичи накидали как попало. Определенно здесь работал непрофессионал.

Рейчел Финч сама построила стену?

Ногтем мизинца Мор поскребла раствор под кирпичом посередине, ожидая, что он начнет крошиться от старости. Но он не стал крошиться.

Да пошло оно все. Ей нужно поработать. Она может успеть набросать в блокноте несколько сцен для новой книги до того, как уснет, или до того, как взойдет солнце, смотря что случится раньше.

Мор уперлась руками в верхнюю ступеньку, чтобы подняться на ноги. Один палец скользнул куда-то между кирпичом и деревянной половицей.

Она бросила взгляд вниз. В стене была крошечная дырочка, как раз такой ширины, чтобы пролез ее тонкий палец.

Слегка изогнув, Мор просунула палец глубже и вскоре почувствовала кончиком воздух.

Верхняя спальня.

Она представила, каково это – стоять в кромешной тьме там, по другую сторону стены. Представила, как кончик ее пальца вылезает из дыры, словно голова бледного червя.

От этой фантазии ей сделалось не по себе. А если в комнате что-то есть? Что, если это «что-то» увидит ее палец и схватит? И не отпустит?

«Прекрати», – оборвала она себя. Она и так злилась из-за того, что позволила воображению разыгаться в подвале, нечего накручивать себя еще больше.

Мор хотела вытащить палец из дыры в стене, но не смогла.

Палец застрял.

– Да что за...

Она дернула сильнее, покрутила рукой, но стена держала крепко.

На другой стороне что-то поскребло по кирпичу.

«Там кто-то есть!» – мелькнуло в голове у Мор, и сердце отчаянно забилося.

«Не дергайся, дуреха, – велел голос разума. – Никого там нет. Просто вытащи палец».

Мор глубоко вдохнула и стала медленно вытягивать палец из дыры. Несколько секунд спустя она его высвободила. От ногтя до костяшки палец был покрыт серой известковой пылью.

Мор пригнулась к полу и заглянула в дыру. Что бы ни скрывалось за стеной, темнота не позволяла ничего увидеть. Она придвинулась ближе, ее глаз оказался в дюйме от отверстия. Трепещущие ресницы касались раствора между кирпичами.

В темноте что-то шевельнулось.

– Все в порядке? – спросил голос сзади.

Застигнутая врасплох, Мор резко развернулась и прижалась спиной к кирпичам.

У подножия лестницы стоял Дэниел, его грузное тело по ширине не уступало узкому проходу.

– Вы не староваты для хэллоуинских розыгрышей, Манниак? – рывкнула Мор, скатываясь вниз и опираясь для надежности о стены.

– Простите, – сказал Дэниел. – Я не хотел вас напугать.

– Вы меня и не напугали, – заверила Мор, добравшись до нижней ступеньки.

Подхватив свою бутылку с виски, она протиснулась мимо Манниака в коридор.

Он показал на самый верх лестницы. Из-под кирпичей виднелась лишь половина последней ступеньки.

– Как думаете, зачем Рейчел Финч заложила дверь?

– Какая разница? – отрезала Мор.

– Чтобы не пускать кого-то? Или, может быть... чтобы не выпускать?

Мор была уже в середине коридора.

– Придумайте что хотите, Манниак. Может, хоть раз нафантазируете что-то, способное напугать взрослого человека.

– Спокойной ночи, – саркастически сказал Дэниел.

Мор молча скользнула в свою спальню и захлопнула дверь.

Дэниел в последний раз взглянул на кирпичную стену и уже хотел отправиться в свою комнату.

Что-то скрипнуло, как будто развернулись на полу металлические колеса.

Дэниел посмотрел в коридор и впервые заметил, что лифт так и стоит на втором этаже. И дверь-гармошка открыта.

Скрип раздался снова, уже ближе.

Впереди ничего не было – ничего, способного издать этот звук.

Дэниел сделал шаг вперед.

Скрип раздался еще ближе.

Он сделал еще шаг, до двери его спальни оставалась пара футов.

Скрип раздался, стоило ему двинуться, и остановился словно бы напротив двери.

Под ребрами, под слоями жира и мышц, сердце Дэниела тяжело застучало.

Три быстрых шага, насколько позволяла его тучность.

Три быстрых скрипа – колеса остановились прямо на пороге спальни.

Липкой от пота рукой Дэниел повернул ручку и испустил вздох облегчения, когда задвижка щелкнула. Несколько секунд он медлил, чуть подавшись вперед, вглядываясь в пространство перед собой.

В спальне никого не было, и в коридоре тоже.

Никого.

И все же звук остановился *прямо здесь*.

Он распахнул дверь и ввалился в спальню.

Когда он закрывал дверь, ему показалось, будто он слышит тихое, ровное поскрипывание колес, удаляющихся по коридору.

Глава 17

01:00

Ничто не нарушало тишины. Даже осенний ветер утихомирился и не завывал, лишь мягко покачивал голые верхушки деревьев. Огромная светлая луна озаряла призрачной бледностью проплывающие под ней клочки облаков. Их фантомные формы возникали из небытия лишь для того, чтобы раствориться в эфире несколько мгновений спустя.

Ночные обитатели леса предавались своим обычным предутренним занятиям. Енот брел вдоль впадины, когда-то бывшей Кровавым ручьем, у него остались лишь смутные воспоминания о том, как он мыл лапы в прохладной воде ныне исчезнувшего потока. Мама-опоссум ковыляла вразвалку между деревьями, а детишки крепко держались за ее грубую серую шерсть. Сова расправила свои огромные крылья, ловя воздух, чтобы броситься с высоты на ни о чем не подозревающую полевую мышь, когти впились в испуганно пискнувшую жертву, и в следующий миг темнота поглотила птицу и зверька, словно они никогда не существовали.

Однако никто не смел нарушать обозначенную Кровавым ручьем границу. Сова на мягких крыльях унеслась по ветру на четверть мили к востоку, чтобы, устроившись на ветке, в безопасности позавтракать. Мама-опоссум втиснула свою толстенькую тушку в дупло трухлявого вяза на дальнем конце пятидесятиакрового леса. Енот, почувствовав, как корни под его лапами зашевелились, точно клубок змей, удрал прочь от ручья и вскарабкался на огромный дуб. Оглянувшись на громадный темный силуэт дома, енот растерянно взвизгнул и полез по стволу быстрее.

Сверчки выводили последние ноты своей ночной песни. Но Кровавый ручей окружал дом, подобно крепостному рву, и в его пределах, во владениях тишины, ничто не шевелилось. Лишь высокие травы шумели, даже когда не было ветра, их сухие, шершавые стебли топорщились, точно хвост потревоженной гремучей змеи.

В доме единственным звуком было тиканье часов. Механизм работал отлаженно, стрелки прилежно ползли по кругу, перенося мир вперед, в будущее. Дом словно бы тоже спал, набираясь сил для неких будущих важных дел.

Но нет, это было не совсем так. Дом задремал, однако не забыл о сборище безмозглых пришельцев. И когда стрелки часов показали восемь минут второго, дом проснулся, внезапно и ясно осознав: время пришло.

Он достаточно ждал.

Пора поиграть.

Тупой карандаш мчался по желтой бумаге, выводя буйные, изгибистые строки.

Ти-Кэй Мор держала бутылку с виски в одной руке, а карандаш – в другой. Она сидела на полу, прислонившись спиной к кровати, пристроив блокнот на согнутых коленях. Волосы Мор распустила. Они закрывали ее склоненное над страницей лицо.

Она с головой погрузилась в свой роман, в женщину, которую назвала Сид, в картину, которую Сид старательно высвобождала, начиная с глаза – с широко раскрытого глаза, прячущегося под слоем краски. Мор знала, кому принадлежит глаз – шумерской царице Кубабе. Однако вскоре Сид предстояло выяснить, что изображение, обнаруженное ею под красочным слоем другой картины, было создано за много веков до Кубабы, создано адептами культа, поклонявшегося еще нерожденной женщине.

«Не женщине, – осенило Мор. – Силе. Неподвластной времени силе, которой суждено было превратить хозяйку трактира в одну из могущественнейших правительниц мира. Силе, которая в наши дни готовится явить себя выпускнице факультета искусствоведения, молодой музейной работнице по имени Сид».

Карандаш внезапно замер, графитовый кончик вдавился в желтую бумагу.

Мор посетило откровение, словно все слова втянулись сами в себя, как коллапсирующая черная звезда.

Культ был посвящен вовсе не Кубабе. Он был посвящен Сид. Три тысячи лет назад люди поклонялись сущности, которой предстояло воплотиться в женщине XXI века. Той, что несет возмездие. Той, что искореняет немощь. Той, что возрождает могущество.

Мор поднесла бутылку к губам и сделала глоток. Потом отложила карандаш на узорчатый коврик, на котором сидела, и принялась перелистывать написанное. Поля были исчерканы разрозненными примечаниями. Вернувшись в свою спальню, Мор ухитрилась одолеть пятнадцать страниц. Она все еще была охвачена творческим жаром, однако понимала, что на сегодня хватит. Интрига романа была почти разработана, глубина замысла раскрыта. Но Мор знала, когда нужно поднажать, а когда – дать истории отдохнуть.

«Пока ты спишь, ты растешь», – однажды сказали ей. С книгами было так же. На ночь она оставит историю в покое, даст ей лучше сформироваться в ее сознании. А в самолете, по пути домой, ринется в атаку на роман со свежими силами.

Положив блокнот на сумку, Мор стянула с себя рубашку, вылезла из джинсов и прошла по комнате в одном белье. Бледная кожа составляла резкий контраст черным трусикам и бюстгальтеру – все оттого, что Мор слишком много времени проводила в четырех стенах, хоть и жила в одном из самых солнечных городов мира.

Она подняла бутылку к глазам и покрутила. На доньшке заплескалась бурая жидкость – еще на один глоток хватит. Мор прикончила виски.

Она подозревала, что за исключением потраченного на работу последнего часа эта поездка окажется абсолютной потерей времени. Что она пыталась доказать? Что достойна тусоваться с музейным экспонатом, попсовым писакой и спецом по христианской хреномути?

Ей было нечего им доказывать. Она писала книги, по их стандартам непричесанные, но искренние. Натуральные. А этот новый роман... он стал для нее полной неожиданностью. Зрелый, мощный, эпический по размаху и в то же время обладающий всеми чертами беспардонной брутальной прозы Ти-Кэй Мор.

С этой книгой всем придется считаться – в этом она не сомневалась.

Комната заплясала перед ее глазами.

Виски. Она выпила почти всю бутылку одна.

– Пора в постель, подруга, – сказала себе Мор.

Забралась в кровать, легла на живот, свесила руку. Бутылка грозила вот-вот выскользнуть из еле держащих ее пальцев.

Мор слышала свое медленное, ровное дыхание.

Глаза начали слипаться.

Позади кровати скрипнула половица.

– Здравствуй, Тереза...

Мор успела повернуться, чтобы увидеть кулак, летящий прямо ей в лицо. Кулак ударил в глаз, и она рухнула обратно на кровать, позорно распластавшись, как брошенная тряпка.

Бутылка упала на пол, разбившись на мелкие осколки.

Чудовище взгромоздилось на нее. От его дыхания несло дешевым пивом – этот запах лишил Мор дара речи. Кулак чудовища врезался в ее лицо снова, и снова, и снова, пока глаз не перестал открываться.

– Думаешь, ты такая умная, сучка? – прорычал мужчина.

Мор видела, как шевелятся его губы, но слова долетали словно с опозданием в полсекунды. Как будто голос на самом деле шел не от него, хотя Мор слышала его более чем ясно.

– Ты когда научишься не разевать свой сучий рот?

Кулак опустил в нее, и ее зрачок не выдержал тяжести. Мор услышала треск ломающейся скуловой кости.

– Пожалуйста! – завопила она. – Не надо! НЕ НАДО!

Кулак врезался ей в живот. Она сложила пополам, в легких не осталось воздуха. Она хотела закричать: *не надо не надо*, – но ей нечем было подкрепить свои слова.

Рука обвилась вокруг ее шеи. Душить ее было бессмысленно: она и так уже не дышала. В ее теле ничего не осталось.

Не мучай меня!

Рука сжала сильнее. Мор услышала, как сухожилия на шее начинают лопаться, словно слишком туго натянутые струны гитары.

– Что надо сказать, чтобы я перестал? – Слова исходили не от него, хотя его рот и двигался. Он был подобием куклы чревовещателя. Кто-то говорил через него, виртуозно имитируя голос. – Что надо сказать?

Перед глазами Мор начало сгущаться черное облако. Она теряла сознание. Она чувствовала, как глаза вылезают из орбит, она не хотела быть в этой комнате, в этом мире.

– Говори!

Он ослабил хватку лишь настолько, чтобы дать Мор сделать мучительный глоток воздуха.

– Что надо сказать, чтобы он перестал?

Он?

– Сучка, ты сдохнуть хочешь? – это был уже не его голос, а другой – низкий, нечеловеческий. – Говори!

– Я – пустое место! – с трудом сумела выдавить Мор.

– Повтори!

– Я – пустое место! Я – говна кусок! А ты – бог! Я тебя недостойна! Я – *пустое место!*

Руки отпустили ее шею.

Мор открыла глаза.

Он пропал.

Она упала на постель. Рука метнулась к глазу. Перелома не было. Отека тоже.

Мор вскочила на ноги, бросилась к богато украшенному овальному зеркалу на стене. Стала судорожно искать на лице хоть какие-то следы повреждений. Ничего. Она была цела. Все было хорошо.

Она повернулась в профиль, изучая свое отражение.

У кровати, склонив голову набок, стояла женщина, серые глаза пристально смотрели на Мор из-под распущенных черных волос.

Мор развернулась.

Но у кровати уже никого не было.

Она огляделась вокруг. Комната была пуста. На полу валялась бутылка из-под виски – неразбитая!

Мор почувствовала, что ноги у нее подгибаются. Она еле успела добраться до кровати.

Мор схватила подушку, прижала к груди. И начала плакать.

Она была одна. Совершенно одна.

Мало-помалу слезы иссякли. Глаза закрылись. Мор погрузилась в сон, словно ничего и не произошло.

Что-то двинулось в изножье его кровати.

Себастьяна вытянули из пропасти, такой темной и глубокой, что казалось, он будет лететь вниз, вниз, вниз вечно... и на его мольбу о конце падения не ответит никто и никогда.

Он открыл глаза. Проникавший сквозь окно лунный свет освещал комнату ровно настолько, чтобы Себастьян мог ощутить ее размеры и удостовериться, что он больше не узник бесконечной пустоты.

Но в комнате кто-то был, кто-то стоял в тени, за пределами лунного луча, в нескольких футах от изножья кровати. Себастьян слышал его дыхание. Частое, хриплое.

Он вжался в подушку, глядя в темноту, ожидая, когда пришелец шевельнется.

«Это не человек, – строго сказал он себе. – Это просто тень. Ты заставляешь себя видеть то, чего нет».

Моргнул, чтобы усталые глаза на сухом осеннем воздухе не пересохли совсем.

Человек-тень начал обретать объем. Из темноты проступили его черты.

Бледное лицо. Губы, изогнутые в улыбке. Широко раскрытые неподвижные глаза.

Женщина.

Себастьян задохнулся от страха. Сердце изо всей силы заколотилось в груди.

Но когда он моргнул снова, видение изменилось.

Темная фигура выросла. Приобрела очертания широкоплечего мужчины.

Себастьян приподнялся в постели, резьба изголовья впиалась в спину. Он прищурился, пытаясь взглянуть в темноту, понять, кто – *или что* – стоит перед ним.

Темная фигура двинулась вперед, шагнула неловко, словно с огромным усилием. В мертвенно-бледном сиянии луны стали видны загорелая кожа, копна густых каштановых волос и ласковые карие глаза.

Себастьян не сразу поверил в реальность происходящего. Что-то в глубине сознания настаивало: этого не может быть, это наваждение.

Однако вот же оно, прямо перед ним. Если оно протянет руку, то дотронется до него.

«Он, – поправил себя Себастьян. – Он стоит передо мной. Ричард».

– Себастьян, – тихо сказал человек.

Это он. Господом клянусь, это его голос.

Нет, что-то здесь было не то. Себастьян не мог разобрать что.

Человек улыбнулся:

– Это я. Я пришел.

Его губы. Он раскрывал рот, но губы почти не двигались. Они не выговаривали слова. Говорил не он.

Человек шагнул ближе. Казалось, он излучает лунный свет.

– Это я, милый. Это правда я.

По лицу Себастьяна заструились горячие слезы. Ему было неважно, как и почему это происходило. Неважно, пусть даже здесь что-то неладно, пусть даже это иллюзия, мираж или фокус деградирующего рассудка. Он хотел лишь остаться в этом мгновении, в этой самой комнате, в этом доме.

– Ричард? – Губы Себастьяна задрожали.

– Давай поговорим, – выплывали слова из открытого рта прищельца. – Если хочешь, можем говорить всю ночь. Я никуда не уйду.

Себастьян подался вперед, вытянул трясущуюся руку в отчаянной попытке сократить расстояние между ними. А человек-тень потянулся к нему.

Сэму снился сон.

Он был на вечеринке. Кто ее устраивал, он не знал. В комнате яблоку негде было упасть, гости нацепили разноцветные бумажные шляпы. То и дело кто-то пронзительно дудел в дудку, и все хохотали от неожиданности. Одеты гости были странно старомодно: мужчины – в костюмах-тройках и цилиндрах, женщины – в громоздких платьях и кринолинах. Все это походило на какой-то праздник – может быть, канун Нового года, – хотя Сэм не помнил, чтобы его когда-нибудь звали на подобное мероприятие.

Он смотрел на стоящую на другом конце комнаты Эрин, она покатывалась со смеху от похабных анекдотов, которыми развлекали ее мужчины. Они так и расстилались перед ней, одолеваемые похотью. Но взгляд Эрин был прикован к Сэму, даже когда мужчины принялись ее целовать – сперва в щеку, потом в губы. Эрин никак не сопротивлялась их ласкам, а они грубо тискали ее груди, терли затвердевшие соски, запускали пальцы под ее короткое платье. Мужчины целовали ее шею, ее ноги, ее обнаженную грудь, но она так и смотрела на Сэма, и чем больше вольностей позволяли себе мужчины, тем громче она смеялась.

Он крикнул:

– Эрин!

Он жаждал ее. Нуждался в ней. Мысль о том, что кто-то другой может обладать ей, была невыносима.

Нельзя было ее отпускать. Он совершил ошибку. Он должен был остановить ее.

Почему я просто не сказал ей правду?

Он попытался снова позвать Эрин, но ее имя застряло в горле, охваченном чудовищным жаром. Горло Сэма горело огнем. Густой серый дым наполнил легкие.

Он задыхался. Он умирал. Он сгорал заживо.

Сэм опустил глаза и увидел, что в руках у него старая чугунная сковорода. Шершавый, выдавший виды металл был покрыт темной кровью. Капли срывались с краев, падали на землю.

Он моргнул – и оказался у себя дома. Эрин плакала. Вокруг было пусто: ни мебели, ни книг, ничего, что напоминало бы о прежней жизни.

«Прежняя жизнь, – подумал он. – Вот как это следует называть. Навсегда ушедшая жизнь».

Но нет. Эрин говорила, что все хорошо, что она простила его. Возможно, во всем этом кошмаре была толика ее вины. Она уделяла ему мало внимания. Позволила ему отдалиться.

Сэм покачал головой. Все было не так. Виноват был он один. Это он слишком много пил, затевал ссоры, это он замыкался в себе, пока Эрин не осталось ничего другого, кроме как уйти. Это он не захотел дать ей семью, о которой она всегда мечтала.

Эрин взяла его за руку.

Но ее рука была уже не ее.

Это была рука, принесенная в жертву огню, плоть обгорела, обнажив белые кости.

Это была рука его матери.

Сэм зажмурился и закричал. *Нет! Нет! Нет!*

Дым наполнил его распахнутый рот, удушая его, поглощая его.

Внезапно Сэм очнулся. Подробности сна мгновенно испарились из памяти.

Сэм был уверен, что пробудился от какого-то звука. Он замер в постели, пытаясь расслышать что-то помимо лихорадочного биения собственного сердца.

Вот оно.

Звук был слабый, но Сэму он не мерещился. Приподнявшись на локтях, он повернул голову туда, откуда шел шум.

Напряг слух.

Скрежет. Словно кто-то скребся по ту сторону стены...

В дверь спальни постучали, Сэм вздрогнул.

– Господи, – буркнул он сам себе.

Прислушался. Скребущий звук затих.

Сэм осторожно выбрался из постели и подошел к двери. Пол охлаждал босые ноги. Придвинулся к двери почти вплотную и опять прислушался. В коридоре кто-то стоял. Сэм различал тихое дыхание.

– Сэм?

Голос застал его врасплох.

– Сэм, вы не спите?

Он поспешно распахнул дверь. За ней, завернувшись в толстое лоскутное одеяло, стояла Мор.

– Простите. Я не хотела вас беспокоить.

– Что-то случилось? – спросил Сэм.

Края туго обтягивающего Мор одеяла еле заметно шевелились.

«У нее дрожат руки», – догадался Сэм.

– Можно я войду? – Голос звучал на удивление жалко.

Сэм посторонился, и Мор юркнула в комнату. Сэм закрыл дверь на задвижку:

– Черт возьми, Мор, в чем дело?

– Мне показалось, что в мою комнату кто-то забрался, – ответила она, отвернувшись от Сэма, глядя на его смятую постель.

– Кто?

Мор молчала.

– Простите, – наконец сказала она, шагнув к двери. – Мне показалось. Увидимся утром.

Сэм протянул руку, тронул ее за плечо:

– Мор, что случилось?

Она выдержала паузу. Медленно выдохнула:

– Я в полном раздрае, Сэм.

– Мы все в полном раздрае, Мор.

– Нет, – покачала она головой, все еще отворачиваясь от Сэма. Ее длинная черная грива хлестнула по одеялу. – Я хотела сказать... – Она запнулась, собираясь с мыслями. – С вами никогда не случалось такого

окончательного и бесповоротного трындеца? Как будто вся жизнь полетела к хренам и уже ничего не исправить?

Сэм ощутил на корне языка привкус дыма.

– С вами такого никогда не случилось? – снова спросила Мор.

Он кивнул:

– Случалось.

– Что это было?

Сэм не видел лица Мор, и ее голос звучал как-то странно, словно шел не от нее, а отовсюду.

– Мор, вы к чему это все? Что-то случилось?

Она медленно выдохнула и с трудом произнесла:

– Я не хочу сейчас оставаться одна.

Сэм осторожно заглянул Мор в лицо. Она отвела глаза. Такой он ее еще не видел.

Она казалась...

Испуганной, понял Сэм. Она была испугана.

– Что случилось?

Мор тряхнула головой:

– Ничего не случилось, о'кей? Я хожу во сне, Сэм. Вот и все. Прямо сейчас у меня приступ лунатизма, такие дела, просто забудьте об этом. Договорились?

Зрение вдруг сыграло с Сэмом шутку: ему показалось, будто губы Мор шевелятся не в такт ее словам. Он зажмурился, пытаясь прогнать сонную одурь.

– Я бы к вам не пришла, но... – Мор замолкла.

Сэм коснулся кончиков ее пальцев, державших одеяло:

– Если хотите, давайте поговорим.

Мор не ответила, но сверкнула на Сэма глазами. Ее страх вернулся. Мор обхватила его пальцы своими.

– Я не могу вернуться к себе в комнату, – еле слышно прошептала она.

– Почему?

– Я просто... Можно я останусь тут? – попросила она.

Сэм глубже вложил свою ладонь в ладонь Мор.

– Можно я останусь тут с вами? – Она придвинулась к нему вплотную, потянула его руку под одеяло, в темноту.

Пальцы Сэма коснулись ее плоти. Мор прижала его ладонь к своему теплему телу.

– Мор...

Сэм почувствовал, как она подводит его руку к изгибу своей груди. Его пальцы задели затвердевший сосок, и Мор порывисто вздохнула.

Одеяло скользнуло вниз, обнажая голое плечо. Мор разжала пальцы другой руки, и одеяло упало на пол.

Мор стояла перед Сэмом обнаженная. Ее кожа сияла в лунном свете.

Время словно остановилось. Сэм застыл на месте, он не смог бы пошевелиться, даже если бы захотел.

Но он не хотел шевелиться. Он хотел быть здесь, с ней.

Губы легко коснулись его шеи, его плоть оживала с каждым новым вдохом. Мор принялась целовать его, нетерпеливый язык проник в рот. Мор прикусила его нижнюю губу и дернула.

Время возобновило свой ход быстрее прежнего.

Она направила его руку вниз, по упругому бледному животу и дальше, в ложбину между ногами.

Сэм моргнул – и вот они уже были в постели, а его футболка и фланелевые пижамные штаны валялись на полу. Когда она стягивала с него трусы, ее груди задели эрегированный пенис, и электрический заряд заставил Сэма содрогнуться с головы до ног. Он чувствовал, как биение сердца отдается во всем его теле.

Мор оседлала его и вобрала его плоть в себя.

Они двигались как одно целое, обхватив друг друга руками в безумном порыве добиться еще большей близости.

Острые клинки серебристых ногтей Мор вонзились в спину Сэма, и он почувствовал, как по коже потекло что-то теплое. Плевать. Пусть хоть мясо сдирает с его костей, он все равно будет ее трахать. Ни пожар, ни боль, ни смерть не помешают ему трахать ее. Хоть бы этот миг длился вечно.

Сэм потянулся к струящейся по спине Мор черной гриве, намотал ее на левую руку, крепко сжал в кулаке. Мор застонала, спрятала лицо в сгибе его локтя, отыскала губами его шрамы, провела языком по загрубевшей коже.

Он представил, как Мор запускает в его искалеченную руку зубы, как срывает с мышц татуированную кожу и сплевывает окровавленные ошметки в темноту.

Он проник в нее глубоко – невозможно глубоко.

Сэм моргнул.

Мор смотрела прямо на него. Зрачок ее правого глаза зиял черной, беззвездной вселенной. Он был прекрасен. Сэм падал в бездну. Больше никуда ему не хотелось.

Губы Мор не двигались, но Сэм слышал ее голос... или голос, похожий на ее. Чужой и странный. Слова наслаивались друг на друга.

– Расскажи мне, – попросила она.

Волосы струились по ее выбритому виску точно ночной водопад. Каждая прядь заканчивалась щупальцем, и щупальца тянулись к Сэму.

– Расскажи мне, что с тобой случилось.

Волосы туго обвилились вокруг шеи Сэма. Он чувствовал, как они стискивают его, подобно змеям, чуть ниже адамова яблока. Волосы притянули Сэма к Мор, его губы нащупали темную впадину ее уха.

– Расскажи мне все.

И Сэм начал рассказывать.

Когда он открыл глаза, рядом никого не было.

Растерянный Сэм сел в постели. Все так же стояла глубокая ночь, на нем были футболка и пижамные штаны. Сэм пощупал свою спину. Следов от ногтей не было. Крови тоже.

– Твою мать, – выдохнул он. Голос дрожал.

Это был сон. *Что еще* это могло быть?

От ночного холода его внезапно охватил озноб. Он машинально стянул с кровати плед и соорудил из него подобие кокона. Казалось, целую вечность он сидел в постели, всецело сосредоточившись на тихом шелесте собственного дыхания.

Немного придя в себя, Сэм начал различать голос. Звучал он глухо – вначале улавливался лишь смутный низкий гул, – но это определенно был человеческий голос.

Обернув плед вокруг талии, Сэм поковылял туда, откуда шел звук, – к стене, отделявшей его комнату от комнаты Себастьяна. Он прижал к стене ухо, почувствовал щекой жесткие обои.

Голос – мягкий, спокойный – принадлежал Себастьяну. Сперва Сэм подумал, что тот разговаривает во сне, но ритм речи был как при

беседе, слова перемежались внезапными, но явно намеренными паузами. Часто Себастьян заканчивал фразу на повышенной интонации. Вопросы. Он задавал вопросы. Но кому?

Возможно, он говорил по мобильному. Нет, невозможно – связь пропала у всех еще вчера вечером. Выходит, стационарный телефон? Может быть, такой телефон есть у Себастьяна в комнате и он звонит кому-то? Но это тоже невозможно. Дом долгие годы стоял пустым. Телефоны в нем не могли до сих пор работать.

Сэм сложил одну руку чашечкой над ухом, а другую плотнее прижал к стене. Без толку. Разобрать слова не получалось. Он долго сидел у стены, не замечая течения времени.

Наконец он сдался и забрался обратно в постель, решив расспросить Себастьяна утром. Сон не шел. Сэм лежал, уставившись в обветшавший потолок, взгляд его скользил по трещинам, точно плывущая по реке лодка путешественника, задавшегося целью проследить течение каждого притока до его неизбежного конца.

Он все еще слышал бормотание Себастьяна, когда наконец провалился в забытие.

На этот раз ему ничего не приснилось.

Глава 18

09:15

Сумки были собраны и аккуратным рядком выстроились у двери. Солнечный свет лился в окна по обе стороны парадного входа. В его лучах кружились пылинки.

Сэм проснулся ровно в восемь. Ясных воспоминаний о происходившем в спальне у него не осталось, и он решил, что большую часть ночи спокойно проспал. Однако все утренние процедуры – почистить зубы, причесаться, натянуть выуженную из сумки чистую одежду – он совершал словно в тумане. Двигался Сэм медленнее обычного, как будто на него давила какая-то неведомая ноша.

«Тяжелые сны, – сказал он себе. – Ничего больше».

В гостиной он встретился с остальными.

Одного за другим Уэйнрайт вызывал писателей для финального интервью. Это был шанс рассказать о своих свежих проектах. Это была истинная причина, по которой они согласились провести ночь в доме на Кровавом ручье. Это была их работа. Но сейчас душа к ней ни у кого не лежала.

Наконец с интервью было покончено. Камеры, кроме одной, отправились в чемодан Кейт. Компьютеры уже ждали в микроавтобусе.

«Вот и все», – мелькнуло в голове у Сэма.

В передней четверо писателей стояли молча, пока Кейт снимала общий план. Сэм бросил взгляд на Мор, прячущую глаза за стеклами темных очков. Он наморщил лоб, пытаясь восстановить в памяти смутный образ.

Мор, закутанная в одеяло.

Но потом образ пропал. Сэм помнил лишь ощущение, будто тонкие щупальца сжимают его шею.

Уэйнрайт присоединился к ним последним, убедившись, что на втором этаже не осталось никаких забытых ценных вещей.

– Ну что же, – сказал он, спустившись с лестницы, – похоже, нам пора.

– Вот так просто? – спросил Дэниел. В его голосе послышалась грусть, словно он собирался скучать по дому сестер Финч.

– Вот так просто, – ответил Уэйнрайт.

Сэм взял свой багаж. Уэйнрайт закинул свою сумку через плечо, а в каждую руку взял по чемодану Кейт и быстро кивнул ей, давая понять, что все под контролем.

– Следовало бы поблагодарить вас, – сказала Мор Уэйнрайту, – но, честно говоря, вы только отняли у меня на хрен время.

– Посмотрим, кто из вас будет все еще недоволен, когда о ваших грядущих проектах начнут кричать вчетверо громче.

Мор что-то пробурчала себе под нос, но, похоже, такой прогноз ей понравился.

Сэм взялся за дверную ручку, повернул ее. Щелкнула задвижка. Дверь распахнулась.

– Одна из главных мировых точек паранормальной активности. Как-то не впечатляет, верно? – Он придержал дверь, чтобы остальные вышли.

– Сколько мне еще повторять? – сказала Мор. – Вся эта тема говна не стоит.

Дэниел покидал дом молча. Половицы тихо скрипнули, когда он стал осторожно спускаться по ступеням крыльца. На подъездной дорожке он оглянулся.

– Что там? – спросил Сэм.

– Окна, – ответил Дэниел.

Сэм поднял глаза на третий этаж. В памяти мелькнуло воспоминание: там горел яркий свет. Но такого быть не могло. Окна были наглухо заколочены досками.

Дэниел нахмурился:

– Я готов поклясться, что вчера этих досок не было. Но выходит, что были. Вот они, окна забиты изнутри.

«Изнутри, – подумал Сэм, – чтобы удержать что-то в доме».

Себастьян шагнул из двери на крыльцо.

– До чего же жаль, что интерес людей к этому дому гаснет, – сказал он.

Крепко держась за перила, осторожно переставляя ноги, старик спустился по ступенькам.

– Кто-то должен его купить, – заявил Дэниел, – чтобы радость сюда вернулась.

Он отвернулся от дома и побрел по грунтовке.

Сэм стоял в дверях и ждал, когда выйдет Уэйнрайт. Но тот медлил – застыл в нескольких футах, спиной к Сэму, пристально глядя на самый верх лестницы.

– Уэйнрайт? – позвал Сэм.

– Я подумал...

Голос Уэйнрайта заглушил внезапный шум опускающегося лифта. В шахте, наматываясь на древний шкив, закрежетал трос. Было слышно, как лифт дернулся, прибыв на первый этаж.

Все, кто уже вышел во двор, замерли, глядя в дверной проем.

– Что там еще? Последняя пугалка на прощание? – с нескрываемым сарказмом крикнула Мор.

Уэйнрайт махнул рукой на лифт:

– А это, черт побери, что такое было?

Теперь настала очередь Сэма недоуменно пожимать плечами.

Опустив чемоданы и сумку на пол, Уэйнрайт направился к лифту.

– погоди, – вдруг попросила Кейт. Голос ее дрогнул. – Не надо.

Уэйнрайт не обратил на нее внимания. Он подошел к лифту и отодвинул дверь-гармошку, лязгнув металл. Уэйнрайт заглянул в кабину, пытаясь понять, что привело ее в движение.

– Что там? – спросил Сэм. И с изумлением обнаружил, что ему трудно дышать.

Уэйнрайт сделал еще два шага и исчез в лифте. Кейт беспомощно всхлипнула.

Сэм подумал: «Он оттуда не выйдет. Мы больше никогда его не увидим. Он попал в иной, темный мир, в царство мрака, который поглотит его целиком».

Разумеется, он ошибся. Уэйнрайт высунулся из лифта со смущенной усмешкой на лице:

– Там ничего нет. Видимо, какой-то сбой механизма.

– Сэм, с вами все хорошо? – Это был Себастьян. Одну руку он держал на перилах, одной ногой стоял на крыльце.

Сэм, Кейт и Уэйнрайт разразились невольным смехом облегчения.

– Пойдемте. – Сэм махнул рукой на дверь. – Давайте убираться отсюда, пока ни с кем не приключился сердечный приступ.

Кейт не надо было повторять дважды. Она поспешила прочь из дома, на ходу виновато улыбнувшись Сэму.

Уэйнрайт направился следом за ней:

– От этого дома реально шарики за ролики заходят, да?

Сэм вышел на крыльцо и собрался запереть дверь. Сам не зная почему, он ожидал, что она будет сопротивляться, попытается не дать себя закрыть. Но получилось наоборот: надавив на дверь, Сэм с грохотом ее захлопнул.

Уэйнрайт подпрыгнул на месте и вскрикнул:

– Господи!

– Извините, – сказал Сэм.

Он по привычке проверил замок. Заперто. Сэм не помнил, чтобы они запирали эту дверь изнутри, но какая разница? Пусть лучше дом стоит надежно закрытый, чтобы никакие хэллоуинские гуляки его не разорили. Прошел по скрипящим доскам крыльца, спустился по ступеням. Остальные ушли вперед. Во главе процессии шли Мор и Дэниел, Кейт и Уэйнрайт проворно обогнали Себастьяна – тот едва переставлял ноги, но это было скорее следствием преклонного возраста, чем нежелания торопиться. Сэм быстро с ним поравнялся:

– Себастьян?

– Да, Сэм?

– Я хотел кое о чем вас спросить. – Сэм задумался, подыскивая подходящие слова. Вопрос был странный, но Сэм чувствовал, что задать его необходимо. – Ночью я, кажется, слышал, как вы разговаривали у себя в спальне.

– В котором часу?

– Где-то в начале второго.

Себастьян поджал губы, напрягая память.

– Не думаю, что я разговаривал, Сэм. Я всю ночь проспал.

– Но я слышал ваш голос. Вы как будто к кому-то обращались. Задавали вопросы.

Себастьян покачал головой:

– Если только я не разговаривал во сне, боюсь, ваш разум сыграл с вами шутку.

Сэм ничего не ответил. Возможно, старик был прав.

– Великолепно, а вот и кавалерия прибыла, – сказал Себастьян, когда они дошли до края двора.

На дороге впереди стояла полицейская машина. Рядом с ней тихо переговаривались двое офицеров: один здоровенный, как медведь, другой такой тощий, будто его поедает собственная форма. Лица у обоих были мрачные, тощий коп, казалось, только и мечтал запрыгнуть в тачку и уехать от этого дома побыстрее и подальше.

Дэниел и Мор подошли к полицейским первыми. Мор что-то буркнула здоровяку – наверняка что-то неуместно саркастическое, – но тот, не обратив на нее никакого внимания, взял под руку Дэниела и повел в сторонку. Мор накинулась с язвительными вопросами на другого копа – Сэм прочел у него на значке «Помощник шерифа Д. Рэди», – но тот лишь вежливо попросил ее «угомониться».

Сэм и Себастьян встали позади Уэйнрайта и Кейт, которая тоже принялась наседать на помощника шерифа.

– Что происходит? – спросил Сэм.

– Это я и пытаюсь выяснить, – ответила Мор.

– Успокойтесь все, – велел коп с техасским выговором. – Моему напарнику надо поговорить минуточку с мистером Манниаком.

Кейт машинально подняла камеру.

– О чем они разговаривают? – спросила она из-за объектива.

Рэди с усилием сглотнул, он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Боюсь, не могу вам сказать, мэм. Это личное.

Коп-здоровяк – на вид под пятьдесят, на значке написано «Шериф Б. Монтгомери» – схватил Дэниела под руку. Он его не удерживал. Он поддерживал Дэниела, на случай, если у того подкосятся ноги.

Мор и Уэйнрайт торопливо, яростно засыпали Рэди вопросами. Уэйнрайт последовал примеру Кейт и не собирался упускать новый виток истории.

– Что-то плохое случилось, – шепнул Себастьян Сэму.

Он был прав. Шериф Монтгомери стоял как ни в чем не бывало, но лицо Дэниела уродливо сморщилось, словно морда мопса. Его нижняя губа задрожала. На глазах у Сэма Дэниел начал оседать на землю. По щекам его внезапно заструились потоки слез. Шериф Монтгомери попытался удержать его на ногах, но не справился с

весом. В итоге шериф опустился рядом с содрогающейся от рыданий громадой на одно колено.

Уэйнрайт и Мор прекратили свой допрос, все замерли в потрясенном молчании. Они понимали, что стали свидетелями запретного зрелища чужого безумного горя. Даже Мор, похоже, было не по себе перед лицом столь чудовищного страдания.

– Скажите нам, что случилось, – потребовал у Рэди Сэм.

Рэди открыл было рот, собираясь выдать вечное полицейское «не положено», но передумал. Он легко скинул маску полицейского и мгновенно превратился в воспитанного и услужливого деревенского мальчика.

– Его дочь погибла этим утром, – сказал полицейский, и слова его прозвучали шелестом старой, пожелтевшей газетной бумаги.

Новость была как удар под дых, на секунду все застыли.

– Как? – спросила Кейт тонким, жалким голосом.

– Дорожная авария. Девочка возвращалась домой с ночной хэллоуинской вечеринки, водитель другой машины потерял управление и вылетел на соседнюю полосу. Врезался прямо в бок ее машины. По крайней мере, так мы полагаем. Удар убил ее на месте.

Наступила ужасающая ясность. Больше сказать было нечего.

Дэниел выл, из горла его вырывались жуткие звуки. Это были крики пытаемого зверя, понимающего, что спасения для него нет.

«Я в жизни не слышал ничего кошмарнее», – подумал Сэм. Он с трудом поборол желание зажать руками уши.

Мор шагнула к Дэниелу, собираясь обнять его, но замерла на месте, внезапно задумавшись, какое утешение она может ему предложить. Она уронила руки, опустила взгляд, и в нем мелькнуло что-то страшно похожее на стыд.

Себастьян заметил, что Сэм смотрит на него. На подрагивающем лице старика отражались переполняющие его противоречивые чувства. В застывшем взгляде сквозило бессилие, желание провалиться под землю.

Сэму пришлось отвести глаза: их защипало от слез. Он повернулся к дому и, прикусив губу, попытался справиться с эмоциями. Вот он, дом на Кровавом ручье, дом сестер Финч, старое, одряхлевшее чудище, герой детских кошмаров и зловещих рассказней. До чего же он омерзителен – выдумка, байка, фальшивка. Они провели

ночь в чреве этой мерзости, и ничто из испытанного ими не могло сравниться с тем ужасом, свидетелями которого они стали сейчас.

Кровь стучала у Сэма в ушах, им овладевала ярость. Он хотел уничтожить дом, сжечь дотла. Хотел, чтобы дом страдал так, как страдал Дэниел. Потому что дочь Дэниела умерла не в истории о привидениях. Не в детской страшилке. Она умерла по-настоящему. И нельзя было просто включить свет, чтобы кошмар ушел.

Первая слеза потекла по щеке, и сдержать остальные Сэм не смог. В тени дома сестер Финч он закрыл лицо ладонями и заплакал, не понимая, почему его охватило чувство полной беспомощности.

Скоро он поймет. Спустя несколько месяцев Сэм осознает, что ошибался по двум пунктам.

Это была история о привидениях. С самого начала.

И ему следовало разнести эту мерзость до основания, до последней доски, когда была возможность.

Часть 3

Едва заметная тень

Весна

Даже сейчас, когда я сижу в сотнях миль от того одинокого осколка забытой Америки, я чувствую зов дома. Он является мне в самых мрачных снах, его пустота поглощает меня, его тайны соблазняют меня знанием, не предназначенным ни для кого из смертных. Я не в силах забыть дом. Потому что дом меня не забыл.

Д-р Малкольм Адьудел, «Фантомы прерии»

Глава 19

Вторник, 18 апреля

Принтер сердито пискнул. Кончилась бумага. Опять.

Сэм не глядя вытянул новую пачку из грозящей обрушиться бумажной башни. Рванул обертку, словно лев, потрошащий добычу. Вытащил из пачки стопку листов в дюйм толщиной и швырнул в приемный лоток. Это действие уже стало рефлексивным. Он совершал его на автомате так часто, что даже не замечал.

Несколько секунд ничего не происходило – принтер настраивался. А потом страницы снова поползли из него, одна за другой, пока дюйм бумажной белизны не превратился в плотную стопку слов.

Сэм почти не отрывал пальцев от клавиатуры. Его лихорадило, лицо горело румянцем, от кожи шел жар. Он чувствовал, как из-под рубашки ползет затхлый запах пота. Он не был в душе уже много дней. Даже одежду не менял. Плевать. Сейчас важно одно – книга, закончить книгу, выжать из себя блестящий завершающий абзац и насладиться моментом, когда последние страницы присоединятся к своим товаркам. К огромному сонму товарок. К бесчисленным стопкам. Они высились по всей комнате, точно бумажные небоскребы, возведенные беспечным строителем, и обрушить их ничего не стоило.

Все началось шесть месяцев назад, со вспышки вдохновения. Сэм снова стоял в лекционной аудитории, битком набитой студентами, жаждущими услышать, как их преподаватель провел ночь на Кровавом ручье. Большинство из них уже посмотрели главное интервью на «Страхе в эфире» и дополнительные видео, которые Уэйнрайт вывесил пару дней спустя. Также студенты прочли о смерти юной дочери Дэниела Манниака, и трагедия теперь казалась зловещим розыгрышем, как будто духи Кровавого ручья решили повеселиться напоследок.

Студенты начали задавать вопросы, но Сэм это пресек. Он не хотел говорить о Кровавом ручье. Стоило закрыть глаза, и он снова видел, как нечеловеческая мука скручивает лицо Дэниела в нечто невообразимое. Сэм ясно дал аудитории понять, что они будут

следовать учебной программе, а не обсуждать то, что можно спокойно посмотреть в Интернете.

Посреди рассказа о роли Сатаны в восприятии ужасного – от суда над салемами ведьмами до Сатанинской паники 1980-х – в голове у Сэма внезапно вспыхнула простая, невинная фраза:

«Дом позвал его, и он ответил».

Он пытался отогнать непрошеную строчку, но та не уходила.

Взял с кафедры маленький блокнот, записал фразу и продолжил лекцию. Но тут из пустоты возникла новая строка, а за ней еще, и еще. Каждый раз Сэм бросался к кафедре и все записывал, но в конце концов слова помчались так стремительно, что он просто забросил лекцию. Взмахом руки Сэм отпустил студентов: он не хотел прерывать поток мыслей и образов, изливающийся из кончика его авторучки.

Из аудитории Сэм отправился напрямик домой, ткнул пальцем в кнопку «пробел», пробудил компьютер от сна и с головой нырнул в новый роман. Когда он поднял глаза от моря слов на экране, уже миновала полночь – он писал десять часов. Сэм даже не стал включать свет. Его лицо озаряло лишь сияние монитора.

На следующий день слова полились вдвое быстрее. То и дело Сэм вскакивал с кресла и мерил шагами комнату, просто выпуская пар: печатающим пальцам не хватало проворства, чтобы снять переполняющее тело напряжение. С писательским блоком было официально покончено. Сэм пробил таинственную плотину, сдерживавшую течение мысли, и слова обрушились на него, словно мощный потоп.

Назавтра он отменил вечерние занятия и продолжил писать. Дом вокруг него будто начал таять, стены и потолок медленно растворялись в пространстве, пока Сэм не очутился посреди бесконечной тьмы.

День исчезал за днем, неделя – за неделей. Случайно выглянув в окно, Сэм с изумлением обнаружил, что двор покрыт толстым снежным ковром. Наступил декабрь, а он написал более четырехсот страниц.

Где-то в середине месяца зазвонил мобильный. Сэм перестал брать трубку после одного особенно неловкого разговора: декан Школы свободных искусств и наук сообщил, что руководство передало его группу доценту с кафедры кинематографии. Сэм сказал, что все

понимает, и нажал на отбой, не дав декану закончить фразу. Но на сей раз, увидев имя абонента, он вскочил с кресла и схватил телефон.

Звонила Эрин. Она говорила с ним мягко, медленно, словно с пугливым зверем:

– Сэм? Я уже несколько дней пытаюсь до тебя дозвониться. Все хорошо?

Они встретились в «Буржуазной свинье», кофейне на 9-й улице. Когда Сэм пришел туда, начался легкий снегопад. Эрин сидела за столиком у окна. Она всегда была красавицей, но сейчас выглядела еще чудеснее. Начать хотя бы с того, что она изменила прическу. Модная короткая стрижка пикси старой Эрин – *его* Эрин – исчезла, волосы стали длиннее, опустились на пару дюймов ниже ушей, их концы загибались, нежно касаясь края лица. Эрин была в облегающем зеленом свитере с высоким воротником, раньше Сэм его не видел. Новая прическа. Новая одежда. Новая Эрин.

Но когда она обняла его, все вернулось на круги своя. Его рука нащупала изгиб ее спины, ее подбородок уютно лег на его плечо. Они вновь стали одним целым, пусть даже лишь на мгновение.

Они сидели в тишине, не зная, что сказать друг другу. Наконец Эрин нарушила молчание.

Она хотела поговорить. Последнее время она много думала – о том, почему ушла, о том, как Сэм все больше и больше отдалялся от нее, о том, что она до сих пор его любит, но не может поделиться с ним этой любовью, как бы ни пыталась. Она хотела семью, хотела детей, но Сэм почему-то не разделял ее желания. Эрин сказала, что чувствует себя преданной из-за того, что он не сказал ей об этом, когда их отношения только начались. Сама она до свадьбы честно призналась ему, чего ждет от жизни.

– Ты как будто считаешь, что не заслуживаешь счастья, – без обиняков заявила она.

«Она пришла мириться, – осознал Сэм. – Она хочет выложить все карты на стол, чтобы понять, есть ли еще хоть крупица надежды, можно ли спасти бывшее счастье».

Но чем больше Эрин говорила, тем сильнее Сэма тянуло к книге, к героям, которых он оставил дома, на жестком диске компьютера. Он пытался слушать Эрин, но в голове гудели голоса персонажей. В

романе наступил критический момент, и они в исступлении вопили друг на друга, пытаясь понять, что за кошмар вторгся в их жизнь.

– Ты вообще меня слушаешь? – пробился сквозь эту какофонию голос Эрин.

Сэм старательно закивал:

– Да-да, извини. Просто... Я тут пишу кое-что новое. Думаю, это будет лучшая моя книга.

Он ударился в сумбурный пересказ сюжета, беспорядочно перескакивая от героя к герою, от эпизода к эпизоду, плетя путаную сеть полупродуманных рассуждений. Эрин смотрела на него, и в уголках ее глаз блестели готовые вот-вот пролиться слезы, а Сэм между тем совсем забылся от звуков собственного голоса. Он больше не говорил с Эрин, он вспоминал все, что успел написать с начала ноября – уже больше шестисот страниц. Новые идеи стремительно срывались с его губ. Сэм попросил у проходившей мимо официантки ручку, схватил салфетку, склонился над ней и принялся писать. Исчеркав салфетку с обеих сторон, он поднял глаза в поисках еще какой-нибудь подходящей поверхности для заметок.

Эрин исчезла.

Снег за окном повалил сильнее.

В середине января Сэм решил, что нужно сделать перерыв. Он написал почти тысячу страниц. Книга выходила слишком длинной – он понимал это. Сюжет грозил выйти из-под контроля. Необходимо было все перечитать и убедиться, что это не полная шизофрения. Поэтому он распечатал первые триста страниц, зажег газовый камин в гостиной и устроился в потертом кожаном кресле с красной ручкой наготове.

Языки пламени плясали между аккуратно разложенными керамическими поленьями.

Где-то на тридцатой странице Сэм вдруг осознал, что слышит потрескивание.

Подняв глаза от рукописи, он увидел, как огонь пожирает поленья – настоящие, деревянные – в огромном каменном камине, украшенном искусно вырезанными листьями и вьющимися стеблями. Арочный проход справа открывался в темный узкий коридор. Слева последние багровые лучи солнца лились сквозь панорамное окно, за которым виднелись ветхие перила крыльца и искривленный ствол бука.

Дерево висельников.

Страницы выпали у Сэма из рук и рассыпались по полу.

Он снова оказался в доме на Кровавом ручье.

Огонь ревел, его ослепительные языки отбрасывали на стены гостиной резкие тени. Дым не уходил в трубу, он валил в комнату. Сэм судорожно вдохнул и почувствовал этот едкий черный дым в гортани. Он закашлялся, пытаясь продышаться, но дым был повсюду, обжигал легкие, колол глаза. Сквозь завесу из дыма и слез Сэм увидел, как в камине что-то шевельнулось.

Это было не полено.

Это была рука. Почерневшая кожа слезала, обнажая окровавленную мышечную ткань. Обгоревшие пальцы скрючились, точно жуткие когти. Белые кости торчали из их кончиков. Пепел под рукой зашевелился – мерзкий кусок плоти подался вперед. А потом ладонь раскрылась, пальцы потянулись сквозь пламя, чтобы схватить Сэма, чтобы он горел так же, как горели они.

– Сэмми? – позвал женский голос из скрывавшейся за потрескивающим огнем темноты.

Сэм упал на пол, в ужасе пополз прочь от камина. На дом опустились сумерки, свет шел лишь от огня и от бледного мерцающего предмета в дальнем конце комнаты.

Это был его компьютер.

Курсор терпеливо мигал в конце последнего предложения.

Что-то подсказало Сэму, что если он вернется к роману, то спасется.

– Сэмми... – позвал голос.

Рука в огне снова пошевелилась, стал виден изгиб локтя. Рука не была сама по себе. Она соединялась с чем-то в глубине камина.

Во тьме позади огня пряталось лицо. Сэм видел, как языки пламени отражаются в плавящихся глазах.

Сэм вскочил и бросился к компьютеру. Добежав до него, он обернулся.

Он снова был в своей гостиной. Невысокие языки газового пламени неторопливо покачивались над фальшивыми поленьями.

Концом мизинца Сэм коснулся клавиатуры. История, которую он сочинял последние три месяца, вновь захватила его, а вместе с ней пришло чувство всепоглощающего покоя.

На следующий день он опять попытался прерваться. И дом снова начал меняться. И обугленное создание снова позвало его.

Он пил, но алкоголь не мог остановить его мысли, стремящиеся к старому дому в сельской глуши. Он удвоил дозу антидепрессантов, затем утроил ее, но голос продолжал звать сквозь огонь:

– Сэмми. Сэмми...

Был лишь один способ уберечься от этого безумия.

Ему ничего не грозило, пока он писал.

Это было в январе.

На дворе стоял апрель, а книга еще не была закончена.

Сэм колотил по клавишам с пулеметной скоростью, слова стремительно летели по мерцающему экрану. Он трудился над наиважнейшей сценой. Над кульминацией, которой предстояло оправдать его одержимость этой историей. Герои вот-вот должны были открыть дверь и наткнуться на то, что тайно ждало веками, готовясь снова ворваться в наш мир. Повествование текло на диво гладко. Как будто текст уже был готов в голове у Сэма, и оставалось лишь записать его.

Молоток был хороший, из скобяной лавки Баквуда на углу Ореховой и 6-й улиц, чуток на юг от лютеранской церкви, где преподобный Чарльз каких-то сорок пять минут назад произнес проповедь об опасностях прелюбодеяния. Зубы у преподобного Чарльза были заляпаны табаком, а на его полосатых рубашках с короткими рукавами вечно виднелись пятна пота. В легких у него был рак, на уме – рай, и, готовясь в четверть двенадцатого к поздней службе, он не подозревал о том, что в скобяной лавке за углом был куплен молоток – молоток, который сейчас разносил на куски небритую физиономию Роско Траута.

Вначале старина Роско отбивался, как это водится у простого народа. Сжал свою артритную клешню в кулак и пытался засветить Томми в хлебало. Но с каждым новым ударом молотка Роско все меньше хотелось махать руками. Теперь его заботило лишь одно: как бы сохранить во рту те зубы, что не успели сгнить и выпасть за долгие годы пренебрежения личной гигиеной.

Тут Томми ему ничего обещать не мог. Уж очень весело оказалось загонять гвоздодер в рожу старого алкаша. Томми

проделал в ней славное оконце, сквозь которое было видно челюсть и мерзкие багровые дырки от зубов.

Томми на Роско никакого зла не держал. Роско, конечно, был знатное трепло и самогонку жрал, что твой краснобрюхий уж – лягушек, но вообще в городе его считали мужиком безобидным.

Чего уж там, Томми и вовсе не стал бы трогать Роско, не взбреди тому в голову встать у стены.

Стена-то Томми и была нужна. Это ради нее он купил молоток.

Много кто был виноват в том, что Томми вляпался в это паршивое дело. В первую очередь тот, кто выстроил дом. И люди, которые въехали в дом после его смерти и придумали заложить дверь толстой кирпичной стеной. А больше всех, пожалуй, виновата была черноволосая девчонка, которая думала, что сможет сбить Томми со следа. Но нюх у Томми был, как у енотовой гончей. Если Томми брал след, сбить его не мог никто.

Молоток довольно быстро пробил голову Роско насквозь и стукнул о кирпич. От этого звука сердце у Томми затрепетало, точно стайка светлячков, выпущенных из банки. Он напоследок занес молоток и обрушил его на Роско – безжизненное тело сползло на доски пола, на стену брызнула кровь.

Плоский конец молотка ударил в стену, и первый кирпич выпал.

Внезапно поток слов иссяк. Сэм дернулся и замер – суставы свело, пальцы уродливо скрючились.

– Твою мать, – пробормотал он вслух. *Что случилось? Куда все пропало?*

Он перечитал написанное, пытаюсь нащупать тропинку, что приведет его к КОНЦУ. Без толку. В голове образовались непролазные заросли. Пробриться сквозь них было невозможно. Придется искать другой путь или...

Или что? Бросать нельзя. Он справится. Он *должен* справиться. Это его шедевр. От этой книги зависит его судьба. Он обязан ее закончить.

Словно зомби, Сэм побрел на кухню, не замечая гор мусора на полу. Он ничего не видел перед собой, погруженный в мысли, в поиски несуществующего выхода из тупика. Вытащил из охваченного

запустением холодильника бутылку пива и скovyрнул крышку. Холодная жидкость успокоила пересохшее горло, и только тут Сэм внезапно осознал, насколько сильно его мучила жажда.

Когда я в последний раз пил? И кстати, когда я в последний раз ел?

На кухонной стойке зажужжал мобильный. Еще один пропущенный звонок. Сэм вбил в телефон пароль и посмотрел историю вызовов. Сорок два неотвеченных. Быть такого не может. Он даже не замечал, чтобы телефон звонил. Однако получается, что он звонил. Сэм не помнил, когда в последний раз проверял голосовую почту.

Он ткнул пальцем в нужную иконку, нажал на «воспроизведение». Началась запись последнего звонка.

Сначала не было слышно ничего, кроме потрескивания на линии. Потом из звуковой пустыни раздался отчетливый женский голос:

– Сэмми?

Сэм застыл.

– Сэмми, я знаю, ты там.

Это был голос его матери. Язык у нее слегка заплетался. Алкоголь служил смазкой для ее ярости и обиды.

– Я тебя вижу, маленький говнюк.

Сэм нажал на паузу, но запись не остановилась:

– Я вижу, ты стоишь на кухне, как тупой баран. Да ты и есть тупой баран.

Сэм замолотил пальцами по экрану. Безуспешно. Телефон завис, однако запись не умолкала.

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

Голова Сэма дернулась вверх. Это был уже не просто голос в телефоне. Мать была здесь, прямо перед ним. Он знал это.

Его взгляд отчаянно заметался по пустой кухне.

– Жалкое ты ничтожество. Как я могла произвести на свет такую дрянь? Надо было утопить тебя и твоего никчемного братца в пруду, когда вы были мелкие. Засунуть вас в мешок, как поганых пискливых котят, и *зашвырнуть на самое дно*.

С губ Сэма сорвался мучительный стон, исполненный ужаса и отчаяния – чувств, которыми был наполнен каждый день его детства в сельском домишке неподалеку от канзасского городка из тех, про какие

говорят «С одного конца до другого доплюнуть можно». Сэм принялся вслепую шарить в поисках чего-то – чего угодно! – тяжелого, и рука наткнулась на металлическую ручку. Сжав ее, Сэм со всей силы опустил найденный предмет на телефон. Во все стороны полетела пластиковая и стеклянная шрапнель – телефон разбился на куски. Сэм молотил и молотил по нему своим орудием, пока не превратил в кучу обломков. Тяжело, с трудом дыша, он отступил на шаг. Посмотрел, что держит в руке, и только тут осознал, что это чугунная сковорода. В точности как та, что была на кухне у матери. Сэма перевернуло, ручка выскользнула из пальцев, сковорода с грохотом упала на пол, рядом с плитусом – прекрасным плитусом ручной работы, украшенным резными листьями и вьюнками.

Нет. Такого не было в его доме. Такое было в доме на Кровавом ручье. Резьба никак не могла оказаться тут.

Ты не тут. Ты снова там. Ты в том доме, потому что ты его И НЕ ПОКИДАЛ!

Сэм зажмурился.

Сверху, из глубины дома, донесся шепот голосов – они набегали друг на друга, словно пенящиеся волны кромешно-черного прилива.

– Чего ты хочешь? – завопил Сэм.

Он знал, чего хочет дом.

В его сознании повернулся ключ, щелкнул замок на двери, сдерживающей поток безумного ужаса. Надо продолжать писать, иначе эта тварь придет за ним. Каждый раз, когда он прерывал работу, она подбиралась ближе.

Сэм открыл глаза. Сковорода исчезла. Телефон лежал на кухонной стойке, в целостности и сохранности.

Из динамика раздался хриплый голос:

– Прости, Сэмми. Обними меня, Сэмми. Обними маму. Пожалуйста. Повернись ко мне, дай на тебя посмотреть.

Сэм не стал поворачиваться. Он бросился в гостиную, за стол, к компьютеру. Аккуратно положил пальцы на клавиатуру.

– Давай, – шепнул он самому себе. – Пиши.

Он напечатал несколько слов – ничего особенного, предложение, которое он и не собирался заканчивать. Волна вдохновения, на которой он мчался до сих пор, спала. Теперь Сэм был не более чем

мальчишкой, плещущимся в луже. Но он должен продолжать работу. Потому что работа защищала от твари.

Его надежда оправдалась: в доме воцарился покой. Потусторонний шум на время стих.

Сэм вздохнул. Его била дрожь. В голову пришла новая, ужасная мысль:

Ты сходишь с ума.

– Нет, – произнес он вслух. – Нет. Нет, нет, нет.

Голова раскалывалась от боли. Сэм спрятал лицо в ладонях, уперся локтями в клавиатуру – по экрану пополз поток буквенной бессмыслицы.

– Что со мной не так? – спросил он срывающимся голосом. Этого голоса он не слышал уже много недель. Это был его голос, ясный, разумный. Внезапно Сэм понял, что вот-вот расплачется. – Какого черта со мной происходит?

Новый звук заставил его вскочить на ноги.

Стук.

«Вот оно, – подумал Сэм. – Тварь наконец-то за мной пришла. Сейчас все закончится».

Спустя несколько мгновений он понял, в чем дело. Кто-то стучал во входную дверь.

Сквозь щель в занавесках Сэм посмотрел, кто стоит на крыльце. Лица визитера не было видно, но в нем было что-то мучительно знакомое. То, как он стоял, ссутулившись и засунув руки в карманы, безупречный костюм, то, как он чуть приподнялся на носках, словно пытаясь добавить пару дюймов к своему небольшому росту.

Неожиданно человек на крыльце склонил голову набок, и Сэм увидел его лицо.

– Илай?

Агент вздрогнул, когда Сэм распахнул дверь.

– Привет, Сэм.

На лице Илая появилась смущенная улыбка, словно он хотел сказать: «Надо мне завязывать с привычкой летать в Канзас, просто чтобы поболтать с тобой». Пару секунд спустя он пригляделся к Сэму, перестал улыбаться и нахмурился. Илай заметил нечесаную клочковатую бороду. Измятую запачканную одежду. Немытые сальные волосы. Налитые кровью глаза, безуспешно молящие о сне.

– Сэм, что случилось?

«Не говори ему», – остерег себя Сэм.

– Ничего.

– Да хрен там. Выглядишь ты...

– *Как я выгляжу?*

– Кошмарно выглядишь, – без обиняков заявил Илай.

Сэм изобразил удивление:

– Илай, что за придирки? Я пишу с утра до вечера. Пытаюсь закончить книгу. Ты радоваться должен.

– Ну да. Книга... Вообще-то о ней я и хотел поговорить. – Он с нетерпеливым видом притопнул ногой. – Могу я войти?

– Конечно. – Сэм раскрыл дверь пошире и посторонился.

Стой, что ты творишь? Не впускай его внутрь!

Сэм осознал свою ошибку, как только Илай уже вошел. Агент нахмурился еще сильнее. Во взгляде, которым он обвел комнату, в устрашающей пропорции смешались изумление и отвращение. Сэм был так поглощен романом, что совершенно не замечал, во что превратилось его жилище. Теперь он взглянул на него глазами Илая.

Полупустые стаканы с не поддающейся идентификации жидкостью громоздились на журнальных столиках, книжных полках, ступенях лестницы. Грязные тарелки с засохшими остатками еды стояли на полу, словно их оставили там для собаки, которой у Сэма не было. Одежда беспорядочно висела на лестничных перилах, на торшерах, валялась повсюду сырыми заплесневелыми кучами – братские могилы белья, так и не дождавшегося стирки. На полу среди хлама явственно прослеживалась тропинка, она вела из кухни к столу с компьютером, а от него, плавно изгибаясь, шла к лестнице. Сэм инстинктивно принялся подбирать мусор, понимая, что делает только хуже.

– Что за хрень у тебя тут творится, Сэм? – спросил Илай холодным, полным несомненного обвинения тоном. *Что с тобой не так?*

– Я же сказал, я писал.

– Похоже, это единственное, чем ты занимался. Ты хотя бы мылся в последнее время?

По коже у Сэма побежали мурашки от поднимающейся внутри дикой злости.

– Илай, какого черта тебе надо?

Илай чуть отпрянул. Он виновато улыбнулся, почувствовав, что почти довел Сэма до предела.

– Давай хлопнем пивка, – сказал он.

Сэм ничего не ответил.

– Да ладно тебе. – Илай кивнул в сторону кухни. – Притащи нам пива, какой-нибудь отравы местного производства. Сядем во дворе и поговорим спокойно.

Весенний воздух был прохладным и чуть влажным – верный признак того, что лето не за горами. Вместе с предвестием тепла легкий ветер нес с севера землистый запах реки Канзас, что текла в полумиле отсюда.

Сэм молча потягивал пиво, пытаясь сосредоточиться на беспредметном созерцании тихой улицы.

Илай вертел свою бутылку в руках. К пиву он еще не притронулся.

– Ты не отвечаешь на мои звонки. Ты не отвечаешь на электронные письма и сообщения. Сэм, я за тебя волнуюсь.

– А ты не волнуйся, – ответил Сэм, запуская пятерню в свои жирные волосы, без стрижки они превратились в четырехдюймовые патлы.

– Но ты на себя посмотри. Превратился черт знает во что. А дом твой превратился в зону катастрофы. Что с тобой делается, приятель?

На какое-то мгновение Сэму почудился шум. Шепот голосов. Скрежет ручки входной двери, которую дергают обуглившиеся руки со скрюченными пальцами.

«Уйди, – мысленно взмолился он. – Оставь меня в покое!»

И получил из глубины сознания неизбежный ответ: «Проблема в твоих мозгах. Ты наконец доигрался. Ты пошел вразнос, и ничего уже не исправить».

– Сэм?

– У меня все в порядке. Я просто хочу поскорее дописать книгу.

– Расскажи мне про книгу.

– Я же тебе прошлой осенью объяснял, Илай. Четкого плана нет. Книга просто как бы... вытекает из меня.

– Тогда расскажи, что готово на данный момент.

Рот Сэма раскрылся, губы изогнулись, готовясь придавать форму словам, но объяснение ускользнуло. Последние шесть месяцев прошли как в тумане, он помнил лишь, как шествовали по экрану слова, бездумно продвигаясь вперед, держа путь в неизведанные края. Он ни разу не пытался составить в голове хоть что-то, отдаленно напоминающее синопсис.

– Роман о доме, – наконец сказал Сэм. – О доме со странным и загадочным прошлым. Туда въезжает семья в надежде начать новую жизнь. Но дом начинает высасывать из людей энергию, манипулировать ими, толкать на рискованные, страшные поступки. Всех, кроме младшей дочери. Она чувствует присутствие зла и исследует прошлое дома, пытаясь найти способ остановить его. Наконец поиски приводят ее к спальне на третьем этаже. Есть лишь одна проблема...

Илай наклонился вперед и мгновенно продолжил:

– Она не может туда попасть. Потому что перед дверью стена. Кирпичная стена. И чем настойчивей она пытается разрушить стену, тем сильнее зло укореняется в ее близких.

Сэм уставился на Илая, уронив челюсть и растерянно склонив голову набок.

– Верно, – почти шепотом сказал он. – Как... как ты догадался?

Илай встал и прошелся по крыльцу, водя пальцем по горлышку пивной бутылки, пытаясь подобрать подходящие слова. Было очевидно: в этом и заключалась причина его неожиданного визита.

– Неделю назад я говорил с Дэйлом Соммерсом из «Кэньон»...

– Ты позвонил моему издателю?

– Нет, это он мне позвонил. «Кэньон» только что купил «Брют Форс Пресс». Возможно, ты бы знал об этом, если б хоть иногда отрывался от файла с рукописью. «Брют Форс» выпустило последние три романа Ти-Кэй Мор. Соммерс беспокоился насчет Мор. От нее уже несколько недель ничего не слышно. Она не отвечает на его звонки. И вообще ни на чьи звонки не отвечает. Поэтому он подумал, нельзя ли попросить тебя попробовать выйти с ней на связь. Я сказал ему, что у меня такая же проблема с тобой. Спросил Соммерса, над чем работает Мор, он немного поупирался, но потом зачитал мне небольшой синопсис, который она дала ему в ноябре. Ее роман сильно напоминает твой, Сэм.

– Насколько сильно? – спросил Сэм.

– Персонажи у вас, конечно, разные: у тебя семья из маленького городка, а у Мор главные герои молодые, brutальные, двадцати с чем-то лет, – но по большому счету вы пишете фактически об одном и том же.

«Этого не может быть!» – закричал голос в голове у Сэма.

– Как такое вообще возможно? – едва слышно спросил он.

Илай поставил свое пиво на перила крыльца и пожал плечами:

– Слушай, какой-то смысл в происходящем есть. Несомненно, вы оба вдохновились Кровавым ручьем. Дом. Мистическое прошлое. Заложённый кирпичами дверной проем. Степень сходства, конечно, удивляет, но в принципе нет ничего сверхъестественного в том, что вы выбрали один творческий путь. Меня беспокоит то, как работа отражается на тебе *лично*. А если Мор тоже пропала с радаров, можно предположить, что книга засосала ее так же, как тебя.

Сэм подумал о голосовой почте в своем телефоне, о пропущенных звонках. Подумал о потерянной университетской работе и о катастрофической встрече с Эрин.

Ужас ситуации взгромоздился ему на плечи жирной прожорливой птицей и вонзил свои черные когти в его плоть до самых костей. Перед мысленным взором Сэма возник ожидающий его в доме маленький бумажный город – башенки из страниц А4, неловко расставленные по всем комнатам.

Если Мор действительно пишет о том же, тогда вся его работа пропала впустую.

Сэм издал короткий безрадостный смешок. Сказать ему было нечего.

– Может, попытаешься сам связаться с Мор? – предложил Илай. – Вдруг с тобой она поговорит. У тебя есть ее номер?

Сэм кивнул и опустил глаза на свою бутылку с пивом. Уэйнрайт дал им всем контакты друг друга через несколько дней после возвращения с Кровавого ручья. Предлогом было «для поддержания связи», хотя Уэйнрайт намекнул, что, возможно, им стоит поддержать Дэниела. Сэм не стал ни звонить Дэниелу, ни писать по электронной почте. Он просто не знал, что ему сказать. Помочь Манниаку нельзя было ничем.

– Прости, Сэм, но сегодня вечером мне надо лететь обратно, – заявил Илай. Он присел на корточки, заглянул Сэму в глаза: – Я тебя очень прошу: отвлекись ненадолго от книги, прими душ, побрейся, приберись. И позвони Мор. Выясни, есть ли какой-то шанс спасти твою работу. Договорились?

– Угу, – ответил Сэм. – Договорились.

Илай похлопал его по колену:

– Береги себя, Сэм.

Сэм кивнул.

Илай спустился с крыльца на дорожку, Сэм проводил его взглядом. На полпути к припаркованной у тротуара прокатной машине агент повернулся и крикнул:

– И давай ты теперь будешь, черт тебя дерит, отвечать на телефон!

Ответа Илай дожидаться не стал. Залез в машину, завел мотор и уехал.

Сэм закрыл глаза и сжал голову руками. Прислушался к шуму вечернего ветерка в покрывающихся почками ветвях. Где-то вдалеке радостно завопил ребенок. Сэм сосредоточился на звуке своего дыхания, на том, как воздух медленно входит в легкие и выходит из них.

За его спиной задергалась дверная ручка. Стало тихо, а потом что-то медленно проскребло по внутренней стороне двери, будто по дереву провели ногтями.

Сэм судорожно вдохнул. Он чувствовал дым. Дым впивался ему в гортань. Сэм осторожно поднялся с кресла и приблизился к двери. Он взялся за ручку и вздрогнул, услышав щелканье задвижки. Резким движением Сэм толкнул дверь, в полной уверенности, что она ударит по бесформенной туше на другой стороне.

Дверь распахнулась мгновенно и легко, с размаху стукнувшись о стену. Никого. Лишь пустой дом и горы небрежно сложенных страниц – символы его отшельнической жизни.

Сэм свернул файл с рукописью и открыл браузер. Выскочили иконки его любимых сайтов. Он щелкнул на Фейсбук и стал искать Ти-Кэй Мор. Если у нее и была личная страничка, то по имени она не обнаруживалась. Зато нашлась ее официальная страница. Сэм зашел туда и просмотрел хронику. Картинки были в лучших традициях Мор: провокационная смесь секса и насилия. Последняя запись

датировалась ноябрем. Мор поделилась ссылкой на видео «Страха в эфире». Сэм отметил число просмотров: только на странице Мор их было больше шестисот тысяч.

– Господи, – пробормотал Сэм. Сам он видео смотреть вообще не стал.

После ссылки на «Страх в эфире» были еще посты – реклама прошлых романов Мор. Самый последний пост содержал таинственное сообщение для фанатов: «Работаю над новым проектом». Дальше ничего. Сэм открыл Инстаграм. Быстрый поиск привел его на страницу *РеальнаяТиКэйМор*. Здесь картина была похожая: жуткие мрачные фото вперемешку с художественными снимками книг Мор и селфи, на которых она демонстрировала свою крутизну и сексуальность. Точно так же, как и в фейсбуке, в первой половине ноября посты стали появляться все реже и реже. А потом исчезли.

В Твиттере было то же самое. Даже онлайн-перебранки с хейтерами, которые до октября, похоже, являлись любимым времяпрепровождением Мор, в середине ноября прекратились.

Сэм долго сидел за столом, размышляя, что предпринять дальше. Можно было написать Мор по электронной почте, но что-то подсказывало, что в ответ он получит то же, что ее агент, – безмолвие.

Палец Сэма потянулся к кнопке выключения компьютера и нерешительно замер.

Он посмотрел на экран. Внизу за иконкой свернутого документа скрывался его роман – более чем тысячестраничная громада. Можно развернуть файл и продолжить работу. Можно попробовать сдвинуться с мертвой точки.

А можно последовать совету Илая. Сделать перерыв.

«Ей это не понравится, – предупредил внутренний голос. – Она не оставит тебя в покое, пока ты не вернешься за компьютер».

– Нету никакой *ее*, – сказал Сэм в пустоту. – *Она* существует только в твоей голове, потому что ты спятил на хрен!

Если только...

Если только не окажется, что Илай прав и то же самое происходит с Мор.

Тогда получится, что я не сошел с ума. Тогда я вовсе не псих, верно? Это будет доказательство. Доказательство того...

«Доказательство чего?» – спросил внутренний голос. Сэм не знал. В глубине души он боялся это узнать.

Он нажал на кнопку выключения, компьютер укоризненно пискнул напоследок. Все оказалось куда легче, чем он ожидал. Механическое гудение стихло, экран погас – вот и все.

Сэм долго, с наслаждением мылся, подставляя изможденное тело под обжигающе горячие струи душа.

Когда он лег в постель, выключил лампу на ночном столике и темнота накрыла его, словно толстое черное одеяло, дневные тревоги мгновенно вернулись. Его книга – его главное дело, *единственное* дело, придававшее его жизни смысл, – грозила обратиться в ничто, не успев родиться.

Надо знать наверняка, поэтому завтра он бронирует билет на самолет в Лос-Анджелес. Он навестит Мор лично. Сэм знал лишь один способ унять свое беспокойство – собственными глазами увидеть рукопись Мор.

А если в ней будет то же, что у меня?

Сэм не знал, что будет делать в таком случае. Он слишком много вложил в свой роман. Он не мог просто выкинуть его. Возможно, найдется какой-то способ спасти то, что уже написано.

А пока надо прерваться. Сделать паузу. Не писать ничего. Ни строчки.

Стоило этой мысли мелькнуть в его голове, как спальню наполнила вонь горелой плоти.

По коже Сэма побежали мурашки. Он задержал дыхание, не желая узнавать этот запах. Несколько мгновений в комнате не было слышно ничего, кроме размеренного тиканья часов на стене.

А потом раздался этот звук, сиплый хрип. Хрип человека, которому трудно дышать. Которому больно.

«Она пришла за тобой! – завопил внутренний голос. – Потому что ты остановился. Потому что ты прекратил писать».

Сэм напрягся, вглядываясь во тьму в дверном проеме.

Темная сторбленная фигура ввалилась в спальню. В те короткие ужасные мгновения, когда на нее падал свет луны, Сэму казалось, будто он различает лицо, оскаленное в кровожадной усмешке, дикие, безумные глаза. А потом тьма захлестывала фигуру полуночной волной, и черты пропадали.

Что-то щелкнуло, будто сломался ноготь. Грузная фигура поползла к кровати.

Запах горелой плоти заполнил собой все вокруг.

«Это она, – сказал внутренний голос. – Это она. Она знает, что ты сделал».

– Мне это кажется, – прошептал Сэм.

Он подкатился к краю кровати, приподнялся на одной руке, а другой потянулся к лампе. Каждая клеточка его тела умоляла остановиться, не смотреть на то, что поджидало его в темноте, не озарять светом то, чего он уже не сможет забыть.

Тебе все это кажется. Тебе все это кажется.

Она НЕНАСТОЯЩАЯ.

Волна ночной тьмы снова отступила, и тварь уставилась на него, скрючившись на полу, склонив голову набок, притиснувшись запавшей щекой к боку матраса, ухмыляясь зубастым безгубым ртом.

Сэм включил лампу. Шестидесятиваттная лампочка мгновенно отогнала тьму, очертив кровать сияющим кругом.

Тварь не исчезла на свету. Она подняла к Сэму обгоревшее до неузнаваемости лицо. Сзади череп раскололся. Тварь направила на Сэма черный обуглившийся палец.

– Это ты сделал! Ты сделал это со мной! ЭТО ТЫ СДЕЛАЛ!

Сэм зажмурился:

– Нет! Не надо!

– ТЫ СДЕЛАЛ ЭТО СО МНОЙ!

– Нет нет нет нет НЕТ! ТЫ НЕНАСТОЯЩАЯ!

Сэм открыл глаза.

Рядом никого не было.

С губ сорвался жалкий вздох. Весь дрожа, он упал на подушку.

Около двух часов ночи он наконец провалился в сон. Когда в начале седьмого поднялось солнце, лампа на ночном столике все еще горела.

Глава 20

Среда, 19 апреля

У подножия лестницы Мор остановилась и глубоко вдохнула.

«Давай обратно за работу, – велела она себе. – Надо прорваться».

Негромко цокая каблуками туфель по лессированному бетону пола, она прошла сквозь высокий арочный проем на кухню. Здесь, как и везде в ее доме, царили гладкие, холодные поверхности, камень и металл.

Открыла шкафчик, скользнула взглядом по длинному ряду бутылок с элитным алкоголем и потянулась к *Balvenie* тридцатилетней выдержки.

Один глоток для прочистки мозгов – и в бой.

Едва ее рука коснулась горлышка бутылки, из соседней комнаты раздался шепот:

– Тереза...

Мор стремительно обернулась.

В арочном проеме никого не было. Полутемную комнату за ним озарял один-единственный луч света.

Несколько секунд Мор стояла неподвижно, прислушиваясь.

Ничто не нарушало тишину, кроме изредка доносящегося издали приглушенного жужжания пролетающего над городом полицейского вертолета.

Мор медленно подошла к проему.

Дыхание. Я слышу дыхание.

Там кто-то есть.

«Ты знаешь, кто там», – настойчиво произнес внутренний голос.

Страх пробежал по коже Мор, словно порыв ледяного зимнего ветра, и это привело ее в ярость.

Придерживаясь для надежности за стену проема, она направилась в комнату.

Солнечный свет ослепил ее. Мор поморщилась, заморгала, прикрыла глаза ладонью. И поспешно шагнула назад, из света в тень,

из середины комнаты к краю.

Он тут. В темноте.

Она сделала еще несколько быстрых шагов назад и врезалась во что-то. Кулаки Мор немедленно сжались, она мгновенно развернулась, готовая драться.

Это стена. Ты уткнулась в стену, трусишка ты позорная.

Мор разжала кулаки и наклонилась к стене, вглядываясь в тени. Постепенно глаза привыкли к потемкам.

Что-то здесь было не так.

Мор провела по стене рукой. Это была не гладкая оштукатуренная стена ее дома. Это были кирпичи, старые, уложенные как попало, будто в спешке.

Это была стена из дома сестер Финч.

Мор отдернула руку: она не желала трогать этот кирпич ни секунды больше.

На самом деле ты не там. Ты у себя, в Лос-Анджелесе. Ты не там!

По ту сторону стены что-то судорожно заскреблось. И начало кричать, в отчаянии просясь наружу. Звук был слабый, он эхом доносился издалека, словно за стеной был не Голливуд-Хиллз, а необъятное пустое пространство.

Мор медленно попятилась от стены, напрягая каждый мускул тела, чтобы не начать трястись.

– Уйди, – приказала она.

Крики стали громче. В них был ритм – причудливое, непредсказуемое чередование звуков и пауз. Крики раздавались уже не из-за стены. Они шли отовсюду.

– Уйди! – взревела Мор.

Она моргнула, и кирпичи исчезли, на их месте появилась оштукатуренная стена, которая была здесь всегда.

Но звук не исчез. Он шел откуда-то сверху.

Мор прислушалась, склонив голову набок.

Это лаяла собака.

Питбуль чуть не откусил Сэму лицо.

Сэм проворно вскарабкался на кирпичный постамент фонаря – такие стояли по всему двору. Пес щелкал мощными челюстями на

уровне его ботинок. Сэм понимал, что долго он на фонаре не продержится.

– Мор! – позвал он. – Это Сэм Мак-Гарвер! Писатель! Помните, мы встречались прошлой осенью в... – Он осекся. Почему-то казалось, что, произнеся это вслух, признав, что это дом связывает их, он окончательно превратит происходящее в реальность.

Пес истошно лаял в нескольких дюймах от его ног, брызгая на туфли густой белой слюной.

Пальцы у Сэма скользили. Еще минута – он свалится на землю, и его тело будет разорвано на теплые кровавые лоскуты.

Еще утром Сэму казалось, что перелет из Канзас-Сити в Лос-Анджелес окажется самой сложной частью его неожиданного приключения. Найти, где живет Мор, оказалось нетрудно – Илай без проблем добыл ее адрес. После того как из домофона у ворот никто не ответил, выяснилось, что перелезть через забор, окружающий участок – чудо ландшафтного дизайна, – тоже на удивление простое дело. Густые низкие кусты выдерживали вес Сэма достаточно долго, чтобы он успел дотянуться до верхней перекладины. Напряженный момент случился, когда Сэму показалось, что он вот-вот потеряет равновесие и напорется на усеивающие забор длинные черные шипы. На секунду он представил, как валяется на роскошной лужайке, стискивая руками окровавленную разорванную мошонку, и ждет, когда вдалеке зазвучит наконец сирена скорой помощи. А потом он перебрался на другую сторону, спрыгнул во двор и непринужденно зашагал по подъездной дорожке к парадному входу.

Тут-то из-за угла и появилась громадная белая зверюга, вынудив его спастись.

Сэм впился взглядом в крыльцо на другом краю лужайки. Набрал в легкие побольше воздуха и снова крикнул:

– Мор, просто позвольте мне войти. Я все объясню!

– Мак-Гарвер, какого черта вам надо? – Не узнать фирменный злобно-саркастический тон Ти-Кэй Мор было невозможно.

– Мне просто нужно поговорить с вами, – сказал Сэм.

– О чем?

– О вашей книге. – Сэм понимал, что этого для получения аудиенции у Мор недостаточно. Немного подумав, он добавил: – О книге, которую вы пишете о доме.

Последовавшая за этим пауза показалась Сэму вечностью, хотя никак не могла длиться больше пары минут. А затем раздался скрип дверных петель, свист и окрик:

– Лилит!

Питбулиха мгновенно повиновалась и убежала за дом.

Мор стояла в дверях, ее стройную фигуру облегалo блестящее шелковое кимоно. Спереди оно расходилось, еле прикрывая грудь. Мор похудела, превратилась из мускулистой в костлявую. В правой руке она держала пистолет.

– У вас есть десять минут, – объявила Мор на удивление равнодушно.

Затем повернулась и зашла в дом, оставив дверь открытой для Сэма.

Десяти минутам суждено было превратиться в без малого две недели. Но, разумеется, ни Мор, ни Сэм тогда этого не знали. Дом Мор оказался в точности таким, как Сэм представлял: холодным, суровым, нарочито неуютным и негостеприимным. Впечатление от этой бетонно-стеклянной коробки смягчал лишь открывающийся из нее потрясающий вид на город.

Положив револьвер на ближайшую бетонную столешницу, она прошла в гостиную, в другой руке у нее был стакан с виски.

Сэм заметил, что беспорядка нигде не видно: здесь было не как у него.

Я ошибся. Не следовало сюда приезжать. Она поднимет меня на смех, а потом пошлет далеко и надолго.

Однако смеяться Мор не стала. Она даже не стала приносить извинений – ни искренних, ни неискренних – за то, что Сэма чуть не искалечили у нее во дворе.

В гостиной был высокий, похожий на пещерный свод потолок, под ногами – темный дубовый паркет. Вдоль светло-серых стен висели металлические полки, за огромным панорамным окном расстилался окутанный смогом Лос-Анджелес. Мор подошла к кожаному креслу, но садиться не стала. Она пристально смотрела на Сэма. Выглядела она ужасно, под усталыми глазами полумесяцами висели темные мешки.

– Что вам надо, Мак-Гарвер? – спросила Мор.

Сэм нервно переминался с ноги на ногу, не зная, с чего начать.

– Расскажите мне о книге, которую вы пишете.

Мор громко фыркнула. Прозвучало это не грубо, а скорее страдальчески.

– Черта с два. Прочитаете вместе со всеми, когда я ее закончу.

– Какого она объема?

– Не знаю, – ответила Мор. – Она еще не закончена.

Сэм чуть сдал назад:

– Но как давно вы над ней работаете?

Мор растерянно поглядела на Сэма, не понимая, к чему он клонит. Затем попыталась пожать плечами настолько презрительно, насколько возможно:

– Ну ладно, признаю, книга немного... вышла из-под контроля.

– Как давно вы спали? – спросил Сэм.

Мор испустила долгий хриплый вздох, словно грудь ее была набита опавшими листьями и воздух шуршал ими, вылетая из легких.

– Вы серьезно прилетели в Лос-Анджелес, чтобы узнать, как у меня со сном?

– Вы знаете, почему я здесь.

– Я как раз собиралась выпить, – сказала Мор. – Вам не нужно выпить?

– Мор, пожалуйста.

Она направилась к винтовой лестнице, ведущей в подвал, но остановилась на полпути.

– Что случилось? – спросил Сэм.

Мор тряхнула головой, не отрывая глаз от лестницы:

– Ничего. Сейчас вернусь.

Она исчезла в недрах своего дома.

Сэм тихо, осторожно поднялся со своего кресла. Быстро прошел по узкому коридору, увешанному черно-белыми фотографиями в рамках. Все это были снимки мужчин и женщин крупным планом, как и в соцсетях, – смесь секса и насилия: разбитая нижняя губа, penis, зажатый в кулаке, а сам кулак обмотан колючей проволокой, нож, лежащий на идеальном треугольнике лобковых волос.

В конце коридора была дверь. Сэм взялся за ручку, осторожно повернул. Сердце подпрыгнуло в груди – дверь щелкнула и открылась.

От вида комнаты у Сэма перехватило дыхание.

Так и есть. Бардак.

В отличие от остального дома, кабинет Мор был, точно разрозненными деталями пазла, завален листами бумаги и блокнотами. Посреди этого стихийного бедствия возвышался стол, а на столе лежал ноутбук с до абсурда жуткой картинкой на экране: ребенок растерянно смотрит на дуло винтовки.

В принтере Сэм увидел несколько распечатанных страниц. Он взял две последние.

Под мостом на Ореховой улице или в битком набитом подвале дома на Шестой она называла его Красавчик или Красавчик Том, но когда они оставались вдвоем, она звала его Томми, а он ее – Чарли. Моя Чарли. Единственная и неповторимая.

Она знала, что он врет как дышит. Он вечно трахался на стороне. Но эта его двухдневная щетина, царапавшая ее щеку до крови, это его дурацкое кольцо в брови – с бирюзовым камешком, – эта его вечно грязная футболка в пятнах пота... Но когда он называл ее «Чарли», ее сердце таяло, а ее киска делала обратное сальто.

Сегодня он звал ее «преподобная Чарли». Ваше святейшество. Она сказала ему, что это не смешно. Он сказал, что и не шутил. Она теперь стала чем-то большим. Она теперь больше, ярче и грандиозней, чем гребаные звезды. Он поцеловал ее взасос; зубы у него были пожелтевшие от табака, их языки обвивались друг вокруг друга, точно спаривающиеся змеи.

– Сделай это, детка. Он хочет, чтобы ты это сделала.

В руке у Чарли был молоток. «Плотницкий топор-молоток», – сказал Баквуд, когда одалживал им эту штуку. Молоток с одного конца, топор – с другого.

Ногти у Чарли были выкрашены в черный, как та дверь в песне Rolling Stones. Она улыбнулась.

– Ну что, Эр-Ти, готов нам чуток помочь? Помнишь, ты нам должен за ту шмаль, халявщик сраный.

Эр-Ти кивнул, но, с другой стороны, что ему оставалось? Его запястья и лодыжки были связаны. Он был совершенно голый. Он стоял спиной к стене.

– Поиграй с моим перцем, пока будешь все делать, – попросил он.

Томми сказал:

– Ничего, зая. Я не против.

И он правда был не против – он был надежный парень с работой, машиной и любящим сердцем.

Чарли сжала несчастный маленький член Эр-Ти и стала водить рукой вверх-вниз.

Ее черные ногти царапали его мошонку. Его член уже горел огнем. Ему недолго оставалось.

– Давай, – простонал Эр-Ти. – Давай, прямо когда я кончу.

Он прижался затылком к стене.

Томми прошептал:

– Это же должно сработать, верно?

Одной рукой Чарли подняла полумолоток – лезвием вниз. Ладонью другой руки она ощутила первый мокрый поцелуй члена Эр-Ти.

Пора!

Тело Эр-Ти содрогнулось, когда Чарли всадила лезвие в его череп. Она не знала, было это от удара или от оргазма. Эр-Ти превратился в липкую трясущуюся дрянь – с головы до стрючка.

– Сработало. – Томми обнял ее за талию и притянул к себе. – Сработало!

Стена раскрывалась. Первый кирпич выпал.

– Какого хрена вы творите? – завопила Мор, вбегая в кабинет. Она грохнула два стакана с виски на стол так, что спиртное плеснуло через край. И вырвала страницы из рук Сэма.

– Я прошу прощения, я...

– Еще бы вы, мать вашу, не просили прощения! – Она толкнула его, сильно, и его рука задела клавиатуру ноутбука.

Экран ожил, на нем высветился текстовый документ. В верхней части страницы виднелись несколько скудных абзацев, курсор мигал на середине. В точности как у Сэма. Мигал, мигал, мигал. Ждал потока слов.

– Почему вы остановились? – спросил Сэм после нескольких секунд молчания.

– Что?

– Почему вы остановились?

Мор сделала глубокий вдох, успокаивая сердцебиение, утихомиривая свой гнев.

– Потому что один мудака залез ко мне во двор, – сказала она. Прозвучало это не особо убедительно.

– Но почему вы остановились до того?

Нижняя губа у Мор задрожала. Вот он, момент истины. То, чего она боялась все эти шесть месяцев. Она прикусила трясущуюся губу.

– Мак-Гарвер, не надо.

– Вы начали писать сразу же по возвращении оттуда, верно? Как будто вы *должны были*? Как будто что-то заставляло вас писать?

Что-то сверкнуло в темных глазах Мор, озарило деформированный зрачок, словно радуга пробежала по нефтяному пятну на воде.

Сэма охватило чувство облегчения. *Ты не спятил. Это взаправду. Это происходит взаправду.*

А потом облегчение сменилось ужасом. *Ты не спятил. Это происходит взаправду.*

– Расскажите, что у вас случилось, – попросил он.

Мор обхватила себя руками, словно защищаясь. Она молчала.

– Когда я переставал писать, – мягко, доверительно начал Сэм, – мне начинало казаться, что я снова в том доме.

Мор быстро подняла на него глаза. Никаких сомнений – Сэм попал в яблочко.

Он продолжил:

– Я думал, что схожу с ума. Я забывал принимать свои лекарства, антидепрессанты, и сначала я решил, что так проявляется синдром отмены. Я снова стал пить таблетки, но это не помогло. Я даже купил датчик угарного газа – я читал, что утечка может вызвать галлюцинации. Но теперь я понимаю, что это были не галлюцинации и не сумасшествие. Потому что это происходит и с вами.

Мор стиснула зубы. Она боролась с подступающими слезами. Сэм еще никогда не видел ее такой уязвимой.

Это зрелище напугало его.

– Это происходит и с вами, – повторил он. – Так?

Мор пристально на него посмотрела. А потом быстро кивнула.

Сэм показал на мигающий курсор на экране:

– Но вы остановились.

Мор вздохнула и взяла пару листов из стопки:

– Все текло само собой, пока...

– Пока вы не дошли до того места, где один из героев пытается пробить стену. Стену, за которой скрываются тайны дома.

Мор резко повернулась к Сэму, уставилась на него своим жутким глазом. Только тут он заметил, что выбритые участки на ее голове заросли. Стильная грива исчезла. Теперь прическа Мор напоминала длиннющий маллет.

– Как вы догадались?

– Я сам остановился именно там, – сказал Сэм. – В своей книге. В книге, которую я пишу последние шесть месяцев.

Мор прищурилась.

– О чем она, эта ваша книга? – спросила она.

И вот в кабинете Мор, в бетонной коробке на вершине холма в Голливуде, штат Калифорния, Сэм поведал о том, чего не знал даже его издатель. Он рассказал Мор сюжет своего нового романа. Не просто обозначил основные сюжетные линии, как обычно делал, когда его спрашивали о новых проектах, а выложил все от начала до конца, с деталями и подробностями, которые критики обычно предувещивают тревожным предупреждением: **ОСТОРОЖНО – СПОЙЛЕРЫ!**

Он не утаил ничего.

– Начинается все с дома. Это не готический особняк, а самый обычный дом, стоящий посреди маленького канзасского городка. Туда въезжает семья. Муж, жена, двое детей: дочь Алекс, пятнадцати лет, и сын Джейк, десяти лет. Сначала все идет отлично. У папы новая работа. Мама вступает в местный школьный родительский комитет. Но кое-что тут неладно. Алекс начинает что-то подозревать, но быстро прогоняет тревожные мысли. А Джейк не может от них отделаться. Ночью из стены в конце коридора третьего этажа доносятся звуки, они идут оттуда, где как раз заканчивается единственная комната на этаже – комната для шитья.

Дальше начинаются неприятности. У папы на работе есть симпатичная молодая секретарша, и он не может прогнать из головы мысли о том, как бы ее трахнуть, хотя семьей он дорожит больше всего на свете. Он хочет не просто переспать с ней, а именно *трахнуть* ее, пусть даже против ее воли. Маму, убежденную пацифистку, начинают посещать чудовищно яркие фантазии о том, как она жестоко убивает мать одноклассника Джейка – горластую богатую стерву. А Алекс, некогда отличница-медалистка, спортсменка и во всех смыслах

выдающаяся девочка, замыкается в себе, превращается в эдакого юного Рэнфилда, собирает мертвых насекомых и птиц, а потом прячет кое-что гораздо, гораздо хуже под кучей листьев в подвале.

Джейк чувствует, что перемены происходят не только с его близкими, но и с ним самим. Ему десять, и он впервые сталкивается с тем brutальным социальным дарвинизмом, которым печально известна средняя и старшая школа. Он начинает получать удовольствие от издевательств над более слабыми ребятами, наслаждаться одобрением «крутой» компании. Однажды он засовывает палку в колесо велосипеда одноклассника. Бедный парнишка летит кувыркком и ломает ногу. А Джейк на глазах у «крутых» наклоняется к лежащему на земле мальчику и слегка выкручивает его раненую голень, просто чтобы услышать скрежет костей. Джейка ужасает даже не то, что все это ему нравится, а другое: он понимает, что поступает просто чудовищно, но все равно продолжает делать, что делал, словно находится вне своего тела и наблюдает, как другой мальчишка по имени Джейк, чужак с его лицом, мучает других.

За окном как будто туча набежала на солнце, хотя, когда Сэм приехал, небо до самого горизонта было ясным и чистым. Мор переминалась на месте, заводя одну босую ступню за другую, словно в любой момент готова была пуститься в бегство. Она плотнее запахнула полы своего кимоно. За спиной у нее поднималась тьма. В дом проник холод.

– Итак, Джейк начинает подозревать, что во всем виноват дом, – продолжал Сэм. – Он изучает его историю и обнаруживает то, что вначале кажется чередой никак не связанных между собой несчастий, происходивших с предыдущими владельцами. А потом начинает вырисовываться закономерность. Все жильцы проводили в доме лишь год, а затем с ними случалось что-то ужасное и необъяснимое. Один мужчина босиком прошел милою по снегу, чтобы застрелить соседа. Мальчик запер свою младшую сестренку в выброшенном холодильнике и бросил – девочка умерла, задыхаясь и зовя маму. А началась вся эта цепь смертей с одного конкретного человека, которого убили грабители, и с его девушки, которую они повесили на дереве во дворе.

Сэм помолчал, глядя, как на лице Мор проступает понимание.

– Знаю, – сказал он. – Звучит знакомо.

Мор лишь кивнула. Возможно, впервые в жизни у нее не нашлось слов.

Сэм набрал воздуха и продолжил:

– В общем, чем усерднее Джейк исследует дом и чем сильнее сопротивляется его воздействию, тем громче становятся звуки за стеной на третьем этаже. Как будто что-то пытается выбраться оттуда. Но никто, кроме Джейка, этого не слышит.

Однажды, стоя во дворе, мальчик делает удивительное открытие. Похоже на то, что дом на добрых восемь футов длиннее коридора третьего этажа. Джейк задумывается: а что, если за той стеной есть комната? И вот, пока обитающее в доме зло разрушает его семью, Джейк мало-помалу разбирает стену, пытаясь добраться до комнаты, в которой он надеется обнаружить разгадку всепоглощающего кошмара.

И тут появляется Томми.

– Томми, – еле слышно повторила Мор.

– Он знает, какие силы скрываются за стеной. И хочет забрать их себе.

Мор словно бы перестала дышать. Она застыла в полной неподвижности. Сэм еще никогда не видел ее такой бледной – в оттененном черными, как ночь, волосами лице не было ни кровинки.

– Кульминация наступает, когда они прожили в доме уже почти год, в ту ночь, когда папа насилует и чуть не убивает свою секретаршу, в ту ночь, когда мама едет к богатой стерве с твердым намерением вышибить ей накачанные ботоксом мозги, в ту ночь, когда Алекс заманивает одноклассника в подвал, чтобы показать ему сюрприз, гниющий под грудой сухих листьев. В эту ночь Томми – в моем романе он городской разнорабочий – прокрадывается в дом и проламывает стену, чтобы встретиться с абсолютной тьмой по ту сторону.

Здесь рассказ Сэма оборвался. Вначале Мор просто глядела на него, изумленно моргая, ожидая продолжения. Когда продолжения не последовало, она прокашлялась, готовясь сказать что-то впервые за четверть часа.

– Что он находит? – спросила она шепотом.

– Я не знаю, – ответил Сэм. – Именно в этом месте у меня случился первый за все время работы над книгой писательский блок, вдохновение словно нажало на тормоза, и роман встал как

вкопанный. – Он ткнул пальцем в экран ноутбука, в то самое место, где мигал курсор. – И я подозреваю, что вы остановились там же.

Мор с трудом втянула воздух.

С ним это тоже происходит.

Впервые за шесть месяцев она могла поговорить с кем-то, способным понять, что она испытывает.

Она посмотрела Сэму в глаза и сказала:

– Я тоже это чувствую – как будто я снова там. В доме. Иногда мне кажется, что я его и не покидала.

Сэм коснулся ее руки. Мор не отпрянула.

– Я понимаю, – сказал Сэм, – Я понимаю.

«Просто расскажи ему», – произнес голос в голове у Мор.

«Но я не знаю, можно ли ему доверять», – возразил другой голос. Голос юной Мор. Девушки, которую все называли Терезой.

У тебя, мать твою, сейчас не особо богатый выбор, не находишь?

Мор сглотнула слюну и начала пересказывать свой роман.

Некоторых персонажей звали по-другому, их прошлое и их взаимоотношения были не такими «семейными», их зловещие метаморфозы – более мрачными и сексуально-извращенными, но, изложив свою историю от момента, когда герои обнаруживают дом, до сцены, в которой они раскаивают молотком (в случае Мор – топором-молотком) череп одного из персонажей в надежде, что это поможет проникнуть за стену третьего этажа, Мор поняла: Сэм сказал правду.

Они писали об одном и том же.

Пожалуй, даже больше, чем самому этому открытию, Мор поразила своей реакции. Она не сомневалась, что сейчас с ней случится ее фирменная истерика с трехэтажной руганью и швырянием предметов по всей замусоренной комнате. Но вместо этого у нее вырвался медленный глубокий вздох, плечи опустились, и все мышцы тела расслабились – впервые за долгое время!

«Взрослеешь, девочка», – мрачно подумала Мор.

– Я написала почти полтора миллиона слов, – сказала она после долгого, но необходимого ей молчания. – Три тысячи страниц. Просто не могла остановиться. Не отвечала ни на телефон, ни на звонки в дверь. Прерывалась, только чтобы поесть и пописать. Я даже забросила книгу, над которой работала до поездки в дом. Пока я не оказалась на

Кровавом ручье, я была просто одержима той книгой, а потом... мне просто стало на нее наплевать. Все утратило смысл, кроме этого романа.

– Я дошел до тысячи двухсот страниц, – признался Сэм, злясь на себя за то, что в глубине души завидует работоспособности Мор. – Я прекрасно понимал, что меня капитально занесло, но пока я писал... – Он осекся.

– Это какой-то бред, – внезапно сказала Мор, скрестив руки на груди, оглядывая комнату, словно надеясь найти в ней разгадку тайны. – Ну да, мы съездили на Кровавый ручей. Вдохновились им. И теперь пишем о нем, вот и все. Это и объясняет то, что с нами происходит.

Сэм покачал головой:

– Я так не думаю.

– Это не настоящее. Это не может быть по-настоящему. Это галлюцинация.

– Одинаковая галлюцинация у двух людей, находящихся почти в двух тысячах миль друг от друга?

– В этом нет ничего из ряда вон выходящего, – торопливо заговорила Мор, стремясь отыскать рациональное объяснение. – На протяжении истории мы встречаем бесчисленные примеры массовой истерии. Средневековые монашки, которые внезапно принялись вопить по-кошачьи. Танцевальная чума в начале пятнадцатого века. Салемская охота на ведьм. Очевидцы появления Человека-мотылька в Западной Вирджинии. Люди считали, что нечто толкает их на безумные поступки. Верили в то, чего на самом деле не было. Эти люди были никак не связаны друг с другом. Галлюцинации распространялись подобно болезни.

Мор заметила, что Сэм закипает.

– Это не галлюцинация! – выкрикнул он. – Это происходит на самом деле. Это – настоящее.

– Нет. Нет, я не могу это принять.

– Вам не надо это принимать, – сказал Сэм. – Это *уже происходит*. С вами. Со мной.

Мор поразила внезапная мысль. Она взглянула на Сэма с новой надеждой:

– А что остальные? Вдруг с ними все нормально? Вдруг это только с нами такое?

Сэм задумался на секунду, а потом вытащил свой телефон.

– Что вы собираетесь сделать? – спросила Мор.

– Позвонить Дэниелу. – Сэм открыл контакты и нашел букву М. Вот он, номер, который дал ему Уэйнрайт в прошлом году.

Он нажал на номер, а затем на «позвонить». Поднес телефон к уху.

На том конце раздались гудки.

Глава 21

Вторник, 20 апреля

Дэниел сидел, прижав ладони к закрытым глазам, отдавшись царящей в кабинете тишине. Его сотовый телефон, бешено трезвонивший чуть ли не весь день, наконец-то замолк. Дэниел был рад этому. Он не хотел брать трубку. Не хотел, чтобы кто-либо втягивал его в светские беседы.

Он слышал тихий шорох шагов жены в коридоре. Она хочет, чтобы он вышел – Дэниел знал это, – и он выйдет, но не сейчас. Не раньше, чем разберется с этой нежданной преградой, этим курсором, мигающим на экране в том самом месте, где нить повествования ускользнула от него.

Пока Дэниел не мог писать, он позволял мыслям бродить, воображал, что будет с издателем, когда тот прочтет его новый труд. Печатать его не будут. Книга слишком мрачная, совсем не похожа на тот лицемерный вздор, к которому приучена его христианская аудитория. Это не тоненькое изданище, наполненное адаптированными для подростков кровавыми ужасами средней прожарки с хрустящей корочкой из нравоучения и душеспасения. Это глубокий роман, погружающий читателя в темные бездны человеческой души, нравственно неоднозначный и без малейшего намека на свет в конце тоннеля. Настоящая книга. Книга о подлинной жизни.

Годом ранее Дэниел посмеялся бы таким пессимистическим мыслям. До того как у него отняли Клэр. А когда это случилось, когда он стоял с шерифом перед домом на Кровавом ручье и прозвучала фраза: *Ваша дочь, она попала в аварию...* тогда Дэниел ощутил, как что-то у него внутри сломалось, в буквальном смысле, как высохшая ветка больного дерева, и вся благодать, весь тот богоданный покой, что наполнял его сердце, вытекли в образовавшуюся брешь.

Однажды, много лет назад, Дэниел и Сабрина вышли на прогулку, толкая перед собой коляску, в которой, укутанная в одеяло, лежала их

новорожденная дочь, и увидели охваченный пожаром дом. Это был старый шестиэтажный многоквартирный дом в северо-восточном углу перекрестка. Черные клубы дыма вырывались из окон верхних этажей. Пожарные, похоже, справлялись с бедствием, мощные струи из их шлангов уничтожали пламя.

Жильцы скупились на краю тротуара. Было очевидно, что в свои квартиры они вернуться не смогут. Огонь причинил дому слишком большой ущерб. Кто-то кашлял, кто-то стоял молча, большинство наблюдали за страшным зрелищем со слезами на глазах. У края толпы стояла мать с сыном. Она не плакала. Она нежно улыбалась мальчику, тихонько ероша рукой его волосы.

– Чему вы улыбаетесь? – не выдержал Дэниел. – Вы же потеряли все.

– Я ничего не потеряла, – мягко ответила женщина. – Мой сын для меня – все, и Господь его пощадил. Господь пощадил нас обоих. Я ни в чем больше не нуждаюсь.

Это был судьбоносный момент. Вместе с совершенным в детстве благополучным прохождением сквозь паучий туннель слова этой смиренной женщины осветили прометеевым огнем темную дорогу его жизни.

Но больше огня не было: теплый свет погас. Спасение из дара превратилось в злую бессмысленную шутку вроде вечно ускользающей долларовой бумажки на веревочке.

Дэниел снова услышал скрип половиц – жена приблизилась к двери кабинета. На этот раз она не ушла. Пару секунд спустя раздался тихий стук.

– Дэниел? – робко позвала Сабрина.

– Я работаю.

– Можно я открою дверь?

– Я работаю, – повторил он громче.

За дверью повисло молчание, но звука удаляющихся шагов не последовало. Наконец Сабрина заговорила снова:

– Здесь преподобный Чарли.

Дэниел издал раздраженный вздох. Сабрина не раз грозила пригласить священника домой. И выполнила свою угрозу. Почему она просто не оставит его в покое?

– Дэниел? – за дверью раздался мужской голос, низкий, успокаивающий. – Дэниел, почему бы вам не открыть дверь, чтобы мы могли побеседовать?

– А о чем нам беседовать?

– Вот вы мне и скажите, – был ответ.

Руки у Сабрины дрожали, пока она разливала кофе, носик кофейника громко звякал о хрупкую фарфоровую чашку.

Преподобный Чарльз Норланд устроился на краю дивана и чинно сложил ладони на коленях, словно готовясь к молитве. Внушительным видом он не отличался. Темный костюм висел на его тощей фигуре мешком, верхняя пуговица сорочки вечно была расстегнута, открывая взгляду лезущие наружу тонкие черные волоски. Преподобный легко загорал, даже притом, что большую часть времени он проводил в стенах Первой лютеранской церкви на углу Шестой и Ореховой улиц, его кожа блестела бронзой, как летом. Ему было сорок два года, и волосы его наконец начали редеть, обнажая «вдовый мысок» на лбу. При порядочном росте в шесть футов весил преподобный не больше ста шестидесяти фунтов. Говорил он неспешно, но уверенно. Сдержанно, но властно. Его голос, точно вода, что просачивается в трещины несокрушимой на вид скалы, постепенно проникал человеку в самое нутро, и вот человек уже раскрывал преподобному всю свою подноготную.

Дэниел подождал, пока преподобный Чарли осторожно пригубит обжигающий кофе. Он посмотрел на Сабрину, та поспешно отвела взгляд.

Преподобный проглотил кофе и спросил:

– Ну, как ваши дела, Дэниел?

– Никак. Работаю над новой книгой.

– А вы всегда запираетесь в кабинете на несколько дней, когда работаете над книгой?

Дэниел покачал головой:

– Нет. Но эта... эта книга не такая, как другие.

Преподобный Чарли медленно вдохнул, воздух засвистел у него в ноздрях.

– Вы давно не были в церкви, Дэниел.

– Не принимайте на свой счет.

На губах Дэниела заиграла ухмылка. Раньше он не ухмылялся. Никогда.

Преподобный чуть сдал назад и следующие пять минут рассказывал унылые новости из жизни прихода о том, как Минни Конрад слегка взбаламутила церковный хор, выбрав для своего соло поп-песню («Рык» Кэти Перри), как шестнадцатилетняя Шелли Эллерман прервала воскресную проповедь в честь Дня поминовения бурным приступом рвоты во втором ряду (похоже, Шелли мучилась первым в жизни похмельем), как церковь наконец-то накопила средства на реставрацию старейшего витража часовни, изображающего прибытие Христа в Иерусалим (все должны доделать к концу сентября).

Дэниел чувствовал, как спокойный, размеренный голос священника вытягивает из него все жилы. Он тайком оглядел комнату в поисках возможного предмета для отвлечения, на котором можно было бы сосредоточиться и попробовать избавиться от гипноза. Кофейный столик со стопками благопристойно толстых книг. Черные туфли Чарли, недавно начищенные до блеска, однако с кусками грубой кожи там, где преподобный проглядел. Бугор его собственного живота, куда меньше, чем шесть месяцев назад, мерно вздымающийся и опадающий в такт его дыханию.

– А я его скоро поборю, – внезапно прервал Дэниел изливания гостя.

Преподобный Чарли растерянно замолчал:

– Что?

– Мой «синдром невидимых ног». – Дэниел ткнул пальцем вниз. – Когда твоих ног *не видно* из-за пуза.

Он хохотнул, радуясь собственному остроумию.

Сабрина положила руку мужу на плечо:

– Дэниел, пожалуйста.

Дэниел взглянул в ее лицо – страдальческое, испуганное. Через пару месяцев ей должно было исполниться тридцать восемь. Еще молодая женщина. В ней до сих пор проглядывала та милая скромница, по которой Дэниел сходил с ума в старших классах. Но ее глаза постарели, их окружала паутина тонких морщинок. Сабрина выглядела усталой.

Дэниел и Сабрина познакомились совсем юными, поженились вскоре после школы, когда обоим было всего по восемнадцать. Тогда они не знали, что Сабрина уже беременна. Они этого не планировали, оба были к такому не готовы, и поначалу им пришлось тяжело. Вопрос об аборте даже не обсуждался. Их страх и тревога не могли служить оправданием убийству. И не успели они опомниться, как весенним днем на свет появилась их дочь, чудесная, невозможно восхитительная кроха. Они назвали ее Клэр в честь любимейшего музыкального произведения матери Сабрины – «Клэр де люн» Дебюсси. Дэниел надеялся, что девочка пойдет в Сабрину, и был потрясен, обнаружив в ее ангельском личике свои черты.

А потом случилось странное. Сабрина больше не беременела. Они пытались, Господь свидетель, но судьба просто распорядилась иначе. Клэр была их чудом, капризом мироздания, который не должен был повториться. Поэтому Дэниел и Сабрина вложили всю любовь в свое единственное дитя, в эту безупречную комбинацию двух их душ.

Невозможно описать словами, что чувствует человек, секунду назад бывший родителем, а теперь переставший им быть. Если бы им удалось родить больше детей, возможно, справиться с утратой было бы легче, скорбящая семья приняла бы боль на свои плечи. Но они больше не были семьей. Они снова были парой, как в старших классах, и парой им предстояло остаться до смерти. Новое поколение не унаследует их род. Никто не останется свидетелем слияния их сердец.

Это погрузило Сабрину в глубокую печаль, и неудивительно. Но Дэниел чувствовал нечто такое, чего по-настоящему не ощущал никогда раньше. Его наполняла ярость.

– Что? – резко спросил он жену.

Сабрина отпрянула, встревоженная его тоном:

– Ничего, Дэниел. Я просто...

Преподобный Чарли, догадавшись, что ситуация грозит выйти из-под контроля, откинулся на спинку дивана и объявил:

– Сабрина рассказала мне... о том, что вы кое с чем столкнулись.

И снова Дэниел бросил на жену суровый взгляд. Сабрина отвела глаза, опустила голову и принялась тереть ниточку, выбившуюся из шва на блузке.

– Дэниел, – продолжил преподобный Чарли, – что бы ни случилось, вы можете поговорить со мной. Вы это знаете.

– Ничего не случилось, – возразил Дэниел. Ему было плевать, насколько правдоподобно это прозвучало.

– Выходит, вы не слышали шумов? – спросил священник. – Вы не замечали в доме ничего странного в последние месяцы? Вам не казалось, будто в доме что-то есть?

– Нет. Ничего такого. Мы в доме совершенно одни.

– Так вы это чувствуете? Одиночество?

Ответа не последовало.

– Вы молились?

– К чему мне молиться? – холодно спросил Дэниел.

На лице преподобного явственно проступила тревога. Он не привык слышать столь мрачные слова от прежде жизнерадостного Дэниела.

– Потому что вы страдаете, – подсказал преподобный Чарли. – Потому что вы переживаете страшную потерю.

– И чем тут поможет Бог? – спросил Дэниел. Его ладони начали потеть. Он вытер их о брюки и подался вперед на своем стуле. – Он вернет ее обратно? Он склеит череп моей дочери? Срастит ее кости? Соберет кусочки ее прекрасного лица и сошьет их вместе, как чертово лоскутное одеяло?

Сабрина издала тихий, тоненький, жалкий всхлип, и этот звук привел Дэниел в бешенство. Его бледное одутловатое лицо стало румяным от прихлынувшей горячей крови.

Он повернулся к жене:

– А что такого? Я должен скорбеть, как ты? Я должен засунуть свое горе куда подальше и притворяться, будто ничего не случилось?

– Я не притворяюсь, будто ничего не случилось! – взвизгнула Сабрина.

Дэниел не обратил на это внимания. Он повернулся к пораженному священнику:

– Ну так вот, я не могу прятать свои чувства. Хватит с меня. Я зол. Я *в ярости!* Я много чего хочу, преподобный. Я хочу получать уважение, как другие авторы. Я хочу бестселлер. Я, черт подери, хочу издание в твердой обложке. Я *жажду* всего этого. Это грех, да?

Преподобный Чарли тупо кивнул.

– Я хочу нового ребенка. Я хочу жену, которая сможет дать мне другого ребенка.

Сабрина пронзительно вскрикнула:

– О господи, Дэниел! Остановись!

Но Дэниел не остановился:

– Но больше всего я хочу одного – вернуть свою дочь! ПОЧЕМУ БОГ НЕ ВЕРНЕТ МНЕ МОЮ ДОЧЬ?

Преподобный Чарли сделал вдох, пытаясь сохранять спокойствие:

– Господь забрал Клэр не для того, чтобы причинить вам боль, Дэниел. Господь милосерден. Он разделяет ваши страдания и страдания Сабрины.

– Бред собачий, – взревел Дэниел. – Откуда Господу знать о моих страданиях?

– Оттуда, что Он тоже потерял свое дитя, – пояснил преподобный Чарли. – Он принес в жертву Своего единственного сына во имя нашего спасения.

Дэниел кивнул с несколько преувеличенным энтузиазмом, его голова дернулась, будто крепилась к телу на пружинке.

– Верно. Верно, Он *принес в жертву* Своего сына. Он сам дал добро. Он на это подписался. – Дэниел ткнул пальцем себе в грудь: – Но я на это не подписывался. Я не организовывал смерть своей дочери. Я не давал отмашку водителю машины, которая в нее врезалась. Он это сделал! Это сделал Бог! И на хер такого Бога!

– Дэниел! – Сабрина застыла с раскрытым ртом, забыв даже дышать.

Дэниел стремительно развернулся к ней с безумным взглядом:

– Что?

Из глаз Сабрины покатались крупные слезы. Они струились по ее щекам, словно дождь, смывая черную тушь. Сабрина попятилась от Дэниела, выставив перед собой дрожащую руку, будто ожидая, что муж на нее накинется. Каблук ее левой туфли зарылся в густой ворс бежевого ковра, и Сабрина медленно крутанулась на нем, позволив инерции развернуть ее лицом к коридору. Мгновение спустя она уже бежала по лестнице на второй этаж, больше не в силах сдерживать рыдания.

Преподобный Чарли так и сидел на диване, потрясенный совершенно неожиданным выражением ненависти на лице Дэниела.

Больше говорить было не о чем.

Внезапно комнату наполнил запах. Повеяло разложением – чем-то гниющим в темноте.

Колодцем.

Дэниел поморщился и посмотрел на преподобного Чарли. Священник с вытянувшимся лицом устремил взгляд на свои сложенные руки, погружившись в безмолвную молитву. Похоже, смрада он не замечал.

Запах заставил Дэниела вспомнить еще кое о чем.

О том, как он стоял над открытой могилой дочери и смотрел, как гроб опускают в землю. Тогда он тоже заметил этот запах, хотя горе помешало его распознать. Теперь он осознал: когда он стоял на краю той ямы, из глубины необъяснимым образом поднялся воздух и вместе с ним омерзительная гнилостная вонь. Дэниел помнил, что видел в яме тени. Сейчас они снова возникли перед его мысленным взором. Но на этот раз они шевелились, покачивались, как морские анемоны. Это были машущие руки, они жаждали поприветствовать его дочь, нисходящую во тьму.

– Она в аду, – прошептал Дэниел.

С верхнего этажа раздался тихий взвизг, похожий на скрип колеса.

Слеза сорвалась с ресниц Дэниела, покатила по щеке.

– Мне нужно идти, – сказал он.

Преподобный Чарли встал в луче света, солнце падало на него сверху, наполняя глазницы черными тенями.

– Прошу вас, нам надо поговорить об этом. – Священник протянул руку.

Дэниел беспомощно всхлипнул и помчался вверх по лестнице.

Сэм нажал на отбой. Он оставил Дэниелу девять сообщений, и на десятой попытке механический голос сообщил, что голосовая почта переполнена.

– Может, телефон не при нем? – предположил Сэм.

– А может, он просто не отвечает, – бросила Мор. Она стояла к нему спиной, глядя в огромное окно своей гостиной. За окном бугристые зеленые холмы сверкали в идеально ровных лучах калифорнийского солнца. Изящный, резкий силуэт Мор чернел на их фоне.

– Может, он уехал из города, путешествует? Может, он вне зоны действия сети? – предположил Сэм.

Мор покачала головой:

– Сколько раз вы уезжали из города после того, как вернулись с Кровавого ручья? А если еще точнее, сколько раз вы выходили из дома?

Сэм понимающе кивнул:

– Сейчас – первый.

– Вот-вот. Нет, Манниак дома. Он просто не отвечает на гребаные звонки.

Сэм заночевал у Мор, завалился спать в скудно обставленной гостевой комнате. Багаж его состоял из одной спортивной сумки с двумя сменами одежды и самыми необходимыми туалетными принадлежностями – к продолжительной поездке он был не готов. Только теперь он начал осознавать, насколько спонтанное путешествие предпринял. Он даже не задумывался о том, что будет, если визит к Мор растянется больше чем на день.

Сэм помылся в экстравагантной ванной на первом этаже, постоял под душем, как под дождем. Выйдя из кабинки в обмотанном вокруг пояса полотенце, он обнаружил, что Мор занята ответственным делом. Она водила по бокам головы электромашинкой для стрижки волос. Короткие черные пряди падали в раковину. Когда Мор закончила, Сэм протянул руку. Ни слова не говоря, Мор дала ему машинку. Наладив насадку, Сэм стал подстригать свои отросшие волосы. Затем он снял насадку и принялся сбривать бороду, что захватила всю нижнюю часть лица и шею. Через несколько минут дело было сделано. Он провел рукой по черепу, наслаждаясь тем, как короткая щетина покалывает ладонь.

Ночь прошла без инцидентов. Никаких странных шумов. Никаких скребущих звуков с потолка. Один раз ему показалось, что Мор бродит по дому, но шаги в коридоре быстро удалились и пропали.

Он снова попытался дозвониться до Дэниела, впрочем уже понимая: если они хотят узнать, что с ним, придется придумать новую стратегию.

Сэм развалился на дизайнерском кожаном диване, взял с кофейного столика маленькую статуэтку из слоновой кости и стал рассматривать ее невообразимо громадный торчащий фаллос. Классический декор в стиле Мор.

– Ну, – спросил он, – что теперь?

– Поедем к нему, – был ответ.

– В Чикаго?

– А почему нет? Вы же приехали сюда, чтобы посмотреть, не творится ли со мной то же, что с вами.

– Я приехал сюда, чтобы убедиться, что я не сошел с ума.

– А я до сих пор не уверена, что мы оба не сошли с ума, – заявила Мор, поворачиваясь к Сэму от окна. – Может, мы оба спятили, а Дэниел Манниак просто ленится проверять голосовую почту. Есть только один способ узнать наверняка.

– Поехать к нему, – вздохнул Сэм.

Где-то в небе, в тысячах миль над ними, прогудел самолет.

Глава 22

Пятница, 21 апреля

Первые лучи рассвета уже начали пробиваться сквозь перекошенные жалюзи, но Кейт этой ночью не спала ни минуты. Налитыми кровью глазами она смотрела на мутную солнечную дымку, тени от жалюзи расчертили ее лицо черной тюремной решеткой. Обычно – то есть раньше, когда она еще могла распоряжаться своей жизнью, – бессонные ночи выводили ее из себя. Она с ужасом ожидала звонка будильника и перспективы вылезти из постели и с невидимыми гириями на ногах тащиться в душ.

Сейчас такой сценарий казался райским блаженством, долгожданной передышкой в ее нынешнем состоянии, которое даже в самых общих чертах нельзя было описать словом «переутомление». День и ночь слились для Кейт воедино, и лишь в эти минуты – глядя на разгорающийся рассвет – она вспоминала, в чем различие.

В первые несколько недель после начала безумия друзья и заботливые соседи без спросу приходили к ее двери, стучали и кричали: «Кейт? Ты там? У тебя все хорошо?» Она отвечала, что у нее грипп, а когда отмазка потеряла всякий смысл, стала просто говорить всем, чтобы уходили прочь. Уэйнрайт был упорнее остальных, приходил каждый день в семь вечера, после работы. Но она сумела отвадить даже его, и вскоре в дверь перестали стучать – Кейт осталась в абсолютной тишине своей тесной, как склеп, квартиры-студии.

Она лежала на кровати (точнее сказать, на матрасе, а скомканые простыни кучей валялись на полу), чуть повернув голову на измятой подушке, с ничего не выражающим лицом. На улице, вдалеке, зазвучали церковные колокола. Они вызванивали свою механическую мелодию с прилежностью швейцарских часов, наполняя воздух звуками искусственной радости.

Кейт посетило смутное чувство, что она опаздывает, что надо выбираться из постели, собираться, одеваться, но это ощущение быстро прошло. Ей никуда не надо было идти. У нее не было работы.

Не было друзей. Не было жизни. Осталось только это. Только душное затворничество за запертой дверью.

Откуда-то снаружи, словно эхо из параллельной вселенной, долетал шум пробуждающейся жизни. Загудела машина. Залаяла собака. Мужчина разразился ни к кому конкретно не обращенной бранью. Кейт узнавала каждый из этих звуков, но отклика в душе они больше не находили. Это были звуки из прошлого, доносящиеся сквозь разрыв во временной ткани.

За двадцать минут солнечный луч добрался из верхнего угла комнаты до середины стены, осветив на своем привычном пути коллаж из фотографий. Снимки были размером пять на семь: одни цветные, другие черно-белые, большинство – распечатанные на принтере Кейт, *Hewlett Packard PhotoSmart*. Они представляли собой мозаику случайных кадров из разных видео. На некоторых были знаменитости, снятые в студии или в повседневной обстановке. На остальных – портреты, уличные сценки, жизнь, которой когда-то жила Кейт. Эти фотографии она добавила совсем недавно – результат мрачного эксперимента, который она предприняла, желая удостовериться, что все это происходит на самом деле.

Теперь она удостоверилась. Никаких сомнений не осталось.

Вначале она думала, что это случайность. Оптический обман. Неполадка камеры. Первые аномалии обнаружались в видео с Кровавого ручья. Большинство зрителей их не замечали – длились они не дольше одной тридцатой секунды. Но Кейт замечала. Она отслеживала их, кадр за кадром. Тень, возникшая, казалось, прямо на свету. Белый всполох в углу темной комнаты. Потом они начали обретать форму. Туловище. Голова. Лицо, глядящее из сумрака.

Первой мыслью Кейт было: видео испорчено микропланами, браком при монтаже. Но стоило показать материал Уэйнрайту, как все дефекты – световые пятна, человекоподобные фигуры – исчезли без следа. Когда ее коллега снова поставил запись, теперь уже навеки ставшую достоянием «Страха в эфире» и *YouTube*, Кейт с изумлением увидела, что изображение безупречно.

Она пыталась воссоздать в памяти то мгновение, когда в коридоре второго этажа ей показалось, будто она что-то увидела на экране.

На долю секунды стена исчезла, вспомнила она. И появилась старуха. Не Ребекка Финч в инвалидном кресле. Та женщина стояла.

Ее черные волосы развевались. Она отчаянно царапала воздух по другую сторону невидимой стены.

Но Кейт не позволила этому образу укорениться в своем сознании. Тени и белые всполохи на видео были случайными помехами, решила она. Ее файлы что-то повредило. Никто не видел на записи той ночи тех изъянов, на которых она помешалась.

Потом она снимала многообещающую инди-группу, будущих звезд сцены из штата Айова – четверых суровых белых парней в грязных джинсах и винтажных рок-н-рольных футболках. В офис «Страха в эфире» она вернулась поздно. Солнце садилось, расчерчивая золотыми полосами величественные темные силуэты нижнего Манхэттена. Кейт подсоединила один конец USB-кабеля к камере, другой – к своему ноутбуку. Видео загрузилось мгновенно. Кейт стала его прокручивать, останавливаясь, когда глаз улавливал что-то странное.

Аномалия вернулась.

Кейт могла проследить ее трансформацию от кадра к кадру, как в цифровом кинеографе. Мутно-бледное облако на первой минуте. Вертикальный овал в середине видео. К концу съемки объект принял человеческий облик, словно в группе появился призрачный пятый участник. Пустые черные глаза существа уставились на Кейт, рот приоткрылся, как будто готовясь издать крик, темные волосы колыхались в воздухе, в порывах фантомного ветра. Парни изо всех сил старались казаться отстраненными и пялились в пространство, изображая глубокую задумчивость, но эта отвратительная тварь смотрела прямо в объектив. Скрюченные пальцы впивались в воздух. Тварь хотела выбраться. Тварь хотела *наружу*. К Кейт.

Надо было рассказать Уэйнрайту. Ему можно было доверять. Он должен был подтвердить, что ей это не мерещится, что она не сошла с ума.

Кейт нервно постукивала ногой по полу, пока Уэйнрайт просматривал распечатки скриншотов. Она вглядывалась в его лицо, но угадать, о чем он думает, не могла. А потом он просто пожал плечами и протянул ей распечатки.

– Я ничего не вижу, детка, – сказал Уэйнрайт. – Прости.

Она смотрела на листы в его руке. Она не хотела брать их. Она боялась того, что могла увидеть.

Вечером, когда Кейт была у себя дома, за надежно запертой дверью, тварь вернулась. Не только в видео с музыкантами, но и в видео с Кровавого ручья. Кейт бросилась к компьютеру, поспешно открыла архив. На экране возникло гигантское окно со всей ее видеобиблиотекой – тысячами файлов. Кейт принялась их просматривать. Потные пальцы оставляли на мышке мокрые пятна. Тварь была там. Парила рядом со знаменитостями. Нависла над входом в метро. Пряталась за спинами ее родных, сидящих за праздничным обедом на День благодарения.

Бледная женщина с пустыми глазами в шаге от ее счастливой, ни о чем не подозревающей семьи.

Кейт принялась распечатывать изображения, одно за другим. Она развесила их на стене неровными рядами, прикрепляя всем, что попадалось под руку: кнопками, скотчем, клеем, резиновой замазкой, жвачкой, гвоздями, шурупами. Закончила она поздним утром следующего дня, когда город за окном уже заливал яркий свет солнца.

На стене перед ней раскинулась мозаика разрозненных изображений, грубо скомпонованная коллекция ее находок. Несколько мгновений Кейт просто смотрела на распечатки, не дыша, приоткрыв рот. А потом забилась в угол, мотая головой, не в силах унять сотрясающую тело дрожь.

Нет, нет, нет...

Вместе призрачные силуэты на скриншотах сложились в одно чудовищное лицо, растянувшееся от стены до стены, от пола до потолка. Его бледные очертания мерцали, словно готовая перегореть лампочка, но лицо было реальным, оно нависало над Кейт, смотрело ей прямо в душу пустыми глазницами. Это было лицо той женщины с развевающимися черными волосами.

Почти два месяца спустя Кейт лежала, свернувшись на покрытом пятнами пота матрасе, прижав колени к груди, а солнце расцветивало ее квартиру рассветными красками. Взгляд Кейт бродил по комнате, перескакивал с одной фотографии на другую. Сейчас казалось, будто незваная призрачная гостья покинула изображения, но Кейт знала: это лишь уловка. Она вернется. Она всегда возвращалась.

Изо рта Кейт вырвалось тоненькое жуткое хихиканье – здоровый смысл выходил из нее, как воздух из проколотого шарика.

На глаза Кейт попалась деревянная ручка, выглядывавшая из-за края кухонной столешницы. Ах да. Теперь она вспомнила, о чем думала прошлой ночью. В темноте это представлялось таким страшным, жестоким, но сейчас... сейчас она была готова это сделать.

Кейт подтянулась к краю матраса, скатилась на пол. Полированный деревянный паркет холодил колени, поскрипывал под ними, пока она ползла к кухонной стойке.

Из коридора донесся скрип, словно от колеса, которое давно надо смазать. Звук медленно двигался к ее двери.

Кейт изо всех сил старалась не обращать на скрип внимания. Она слышала его раньше, поздно ночью, перед тем как провалиться в беспокойный сон. Обычно он доносился издалека – совсем слабый, почти неразличимый.

Теперь он подбирался ближе.

Кейт не отрывала глаз от дальней стены – если бы только она могла посмотреть сквозь нее! Она следила за тем, как звук медленно ползет по коридору.

Он остановился прямо у ее двери.

Пальцы Кейт коснулись нижнего кухонного шкафчика. Поползли вверх, к столешнице, шаря наугад. Наткнулись на деревянную рукоятку ножа. Кейт прижала находку к груди. Удивительно, но она совсем не боялась. В сущности, даже наоборот. Она уже несколько месяцев не ощущала такой уверенности.

За дверью было тихо. А потом кто-то начал поворачивать дверную ручку. Медленно, проверяя. Дверь была заперта.

Кейт ощущала кожей груди холодное лезвие ножа.

– День добрый! – раздался голос. Женский голос, тонкий, надтреснутый, похожий на шорох старой бумаги. – Я знаю, что ты там, – сказала женщина.

«Это никакая не женщина, – закричал внутренний голос Кейт. – Эта тварь хочет, чтобы ты приняла ее за женщину, она обманывает тебя».

Кейт знала, что существо за дверью специально повышает свой низкий голос, чтобы походить на старушку.

– Почему бы тебе не отпереть замок, милая?

Стиснув в ладони деревянную рукоять, Кейт прижала кончик ножа к запястью.

Дверная ручка бешено задергалась: существо за дверью пыталось пробиться внутрь. А потом снова отпустило ручку. Снова воцарилась тишина.

– Мы лишь хотим поговорить с тобой, Кейти, – произнес голос.

Кейт содрогнулась, услышав из уст твари свое имя.

– Я вас не впускаю, – прорычала она сквозь сжатые зубы.

Тварь за дверью хрипло захихикала:

– Ах, дорогуша, ты уже наспустила.

Новый звук привлек внимание Кейт. Он шел от фотоколлажа на стене.

Разве она не сорвала все эти картинки? Она почти не сомневалась, что сорвала. Она помнила, как сдергивала их со стены в приступе паники, в отчаянной попытке избавиться от того пустоглазого лица.

Однако они никуда не делись. И что-то было за ними, что-то скребло стену с той стороны, словно пытаюсь процарапать ее насквозь.

Из фотографии высунулся палец. Бледный, суставчатый, он выбрался на свет и задергался, как извлеченный из земли червяк.

Кейт крепко держала нож. Его кончик слегка покалывал кожу. Дрожа всем телом, Кейт судорожно втянула в себя воздух.

– Это моя сестра, – сказала женщина за дверью. – Она хочет удостовериться, что ты нам поможешь.

– Я ни за что не буду вам помогать, – всхлипнула Кейт.

– Будешь, – заверил голос из-за двери.

Сквозь фотографию прорвался еще один палец. Снимки начали шурша, падать на пол – из стены высунулась рука, а за ней край плеча.

– Кейти Энн. Тебя ведь так зовут? Кейти Энн? – спросила тварь, притворявшаяся женщиной. Жутким монотонным голосом она принялась повторять нараспев: – Кейти Энн. Кейти Энн. Кейти Энн.

Кейт закрыла глаза.

Фотоколлаж осыпался со стены – бледное существо проникло в комнату. Мелькнув в лучах утреннего солнца, оно неуклюже свалилось на пол всего в нескольких футах от того места, где сидела Кейт, съежившись, прижимая к запястью нож.

Бледное существо дернуло головой, откинув в сторону черные волосы и явив еле обтягивающее череп гниющее лицо. Пустые глазницы уставились на нее.

И тогда Кейт всем весом налегла на нож и надавила так, что конец лезвия вышел с другой стороны руки. Из ее раскрытого рта вырвался испуганный вздох. Какой омерзительный звук. Звук страха, сожаления и слабости. Однако другого выбора не было.

– Ке-е-ейти Энн... – пропел голос по ту сторону двери.

Кейт даже не осознала, как дернула лезвие вверх, к локтю, а потом, миновав его изгиб, выше, к плотной мышце бицепса. Она ничего не почувствовала, когда повернула нож и повела его обратно, вниз. Длинный кусок плоти оторвался от руки и повис, словно мясо свежуемой дичи.

Темнота начала затуманивать когда-то красивые, а теперь жутко вытаращенные глаза Кейт.

Что-то теплое стремительно потекло по ее запястью, на ноги. А потом начало бить фонтаном. Теплые брызги добрались до основания шеи.

Кейт смотрела прямо перед собой, в пустые глаза сестры Финч.

«Я тебя обставила», – мелькнуло в ее помутившемся разуме.

Бледное существо загадочно улыбнулось, как бы давая понять: Кейт ошибается.

Глава 23

Суббота, 22 апреля

«Мы приехали сюда попусту», – подумала Мор.

Машина остановилась у тротуара, и она оглядела пригородный дом. Старомодный, двухэтажный, в колониальном стиле, белый с черными ставнями, он стоял на элегантной изгибистой улице Северного побережья. На востоке глаз радовали ряды престижных домов с идеально ухоженными двориками. Там, где кончались затейливые повороты и тупики, мир тонул в черной бездне озера Мичиган. На юге мигали огнями и упирались в низко висящие облака небоскребы центральных кварталов.

– Люди реально так живут? – спросила Мор.

– Некоторым людям вид из окна неважен, – сказал Сэм.

Мор вышла из такси. Сэм последовал за ней. Они нерешительно приблизились к входной двери. Мор потянулась к звонку, но ее рука замерла в воздухе на полпути.

– Что мы скажем? – спросила она.

Сэм не ответил.

Мор нажала на кнопку.

В доме раздался приятный трезвон.

Никто не вышел.

Мор громко постучала в дверь кулаком:

– Манниак! Открывайте!

Тишина.

«Ну же, – подумала она. – Давай ты окажешься дома. Нам нужно понять, что происходит. Нужно удостовериться».

По телу ее вдруг пробежала дрожь. Мор внезапно захотелось, чтобы никто так и не подошел к двери. Чтобы она могла уехать.

Если уедешь сейчас, никогда не узнаешь правду.

Они услышали, как кто-то в доме взялся за ручку, а затем дверь распахнулась. Перед Сэмом и Мор стояла невзрачная женщина с печальными глазами.

«Жена Дэниела, – догадалась Мор. – Как ее зовут? Сабрина. Это Сабрина».

Ей, скорее всего, еще не было и сорока, но жизнь неизмеримо ее состарила.

В голове у Мор мелькнуло: «Горе пожирает юность».

– Да? Чем я могу вам помочь? – Сабрина изобразила любезность, отчаянно пытаясь соблюсти видимость приличий, которым ее когда-то обучали.

Сэм сделал усилие и улыбнулся:

– Дэниел дома?

– А вы...

– Сэм Мак-Гарвер. А это Ти-Кэй Мор. Мы...

Сабрина помрачнела.

– Я знаю, кто вы такие, – сказала она.

– Нам нужно поговорить с Дэниелом. Это важно.

Несколько мгновений Сабрина стояла неподвижно, переводя взгляд с Сэма на Мор. Наконец она посторонилась, пропуская их в дом:

– Заходите.

Сэм шагнул вперед, но Мор опередила его и вошла первой.

Они остановились на выложенном бежевой плиткой полу прихожей. Сабрина закрыла дверь.

– Он здесь? – спросил Сэм.

– О да, он здесь. – Сабрина подняла глаза к потолку. – Он там... наверху. Он там всегда.

Мор бросила на Сэма быстрый взгляд. Она знала, что означает «там»: в кабинете. Дэниел сидит, прилипнув к компьютеру, точно так же, как полгода сидели они.

– Так что, мы можем с ним поговорить? – Мор начинала терять терпение. Она проделала долгий путь не для того, чтобы отступить перед психованной домохозяйкой.

Сверху донеслись звуки шагов, словно кто-то прошел через комнату.

Затем в доме вновь повисла тишина.

– Понимаете, он теперь не такой, как раньше, – сказала Сабрина. Обращалась она скорее даже не к гостям, а ко Вселенной в целом и той сущности, что, возможно, ей управляет.

Пиши. Просто пиши.

Раньше ведь все получалось. Било из его пальцев, как электрический ток. А теперь ушло. Пропало. Погасло, как свеча с отгоревшим фитилем.

Ты можешь все вернуть. Ты должен.

Ты должен писать дальше.

Дэниел вытер потные руки о джинсы и положил пальцы на клавиатуру. Он начал с последнего предложения:

Первый кирпич выпал.

Нажал на клавишу указательным пальцем правой руки. Ногти стали совсем длинные. Обычно он подстригал их, когда отрастали: терпеть не мог этого ощущения, когда длинные ногти касаются клавиш.

Курсор мигал в конце предложения, умолял продвинуть его вперед.

Первый кирпич выпал.

Темная фигура за спиной у Дэниела шевельнулась, теперь он мог видеть ее краем глаза.

Он услышал сиплое дыхание.

Дэниел не знал, чего боится больше: того, что тварь исчезнет, как она исчезала каждый раз, стоило ему обернуться, или того, что она останется там, где есть, предстанет перед ним.

Тварь со свистом втягивала воздух своими мокрыми легкими.

Перед мысленным взором Дэниела внезапно возник образ: существо, родившееся раньше срока, покачивается на тоненьких ногах-стебельках, скользкая плацента блестит на его студенистой коже, тонкие, как бумага, легкие грозят порваться при каждом сиплом вдохе.

У нее нет глаз. У нее нет глаз, но она видит.

Клавиши под его неподвижными пальцами начали щелкать сами по себе.

По экрану побежали буквы.

Она у нас.

Невидимая рука проникла Дэниелу в грудь, схватила его сердце, вырвала и швырнула вниз, вниз, в адские глубины.

Он должен был сразу догадаться, как выглядит тварь за его спиной: вывернутые конечности, светлые волосы, прикрывающие разбитый череп, залитый густой темной кровью.

– Ты принес это в наш дом! – завопила она, когда Дэниел прошел и мимо нее тоже. Голос был полон злобы, вырвавшийся на волю гнев не оставил и следа от покорности последних месяцев. – Ты сделал это с нами! Я говорила тебе не ездить! Я говорила тебе не ездить!

Дэниел распахнул входную дверь, и влажный чикагский воздух стиснул его в своих душных объятиях.

Писатели встретились во дворе. Дэниел дышал старательно и тяжело.

– Простите. Простите за все это. – Он понурился и покачал головой, словно человек, извиняющийся за непослушную собаку или невоспитанных детей.

– Что случилось, Дэниел? – спросил Сэм.

Одежда на Дэниеле болталась, и Сэм подумал, что за последний год он потерял пугающее количество килограммов.

– Там была... – начал Дэниел и замолчал.

Сэм и Мор ждали.

Несколько мгновений спустя Дэниел продолжил:

– Наверху, у меня в кабинете... Там была девочка.

В голове у Сэма вспыхнуло воспоминание. Обгоревшая женщина. Тварь, что кралась по пустым коридорам его дома.

Последний луч надежды на то, что он сходит с ума, погас.

Это не следствие детской вины. Это не психическая болезнь и не галлюцинация.

Тварь приходит и к Дэниелу. Но в ином обличье. Предназначенном специально для него.

Сэм подошел ближе к Манниаку, встал на ступени крыльца:

– Как выглядела девочка?

– Я не знаю.

– Дэниел! Как она выглядела?

Дэниел молчал.

На другой стороне улицы парочка средних лет вышла из дома и остановилась, не дойдя до своего стоящего на дорожке джипа. Соседи растерянно уставились на Дэниела.

– Идите, мать вашу, куда шли! – рявкнула Мор.

Соседи поспешили к машине, забрались внутрь и укатили на максимальной скорости.

Сэм положил руку Дэниелу на плечо:

– Как выглядела девочка, Дэниел?

Он издал стонущий вздох:

– Это была девочка-подросток. Она... выглядела совсем как наша Клэр, только...

– Только что?

Дэниел с усилием сглотнул:

– Только у нее не было глаз. У нее не было...

Дэниел рухнул на густую зеленую траву, по щекам его полились обжигающие слезы.

– Что это такое? – спросил он у Сэма и Мор. – Что вообще происходит?

– Не знаю, но это происходит и с нами, – сказала Мор. В ее голосе не было злости. В сущности, в нем звучало что-то очень похожее на сострадание.

Дэниел поднял на Сэма и Мор глаза. Он выглядел обессиленным, побежденным, лишенным того почти буддийского умиротворения, которым когда-то лучился. Его потерянный взгляд производил чрезвычайно гнетущее впечатление.

Похоже, Дэниел заметил проступившую на лице Сэма тревогу и невероятным усилием попытался взять себя в руки.

– Что вы с Мор здесь делаете, Сэм?

– Нам нужно поговорить.

– А потом?

– А потом мы придумаем, как это прекратить, – сказал Сэм.

Глава 24

Суббота, 22 апреля

Официантка, длинная и скрюченная, словно поломанная сигарета, одну за другой наполнила их чашки кофе – черным, как речной ил. Они вежливо улыбнулись, подождали, пока официантка уйдет к другим столикам, и лишь тогда начали разговор.

– Ну, так какова ситуация? – спросил Дэниел.

Он заказал огромную порцию подгорелого бекона, яичницу и картофельные оладьи с кетчупом – просто чтобы показать, что с ним все хорошо, он ест и беспокоиться не о чем. Но, взяв бекон, откусил всего раз и положил обратно.

«Да что же с нами творится? – подумал Сэм. – Мы перестали спать. Перестали есть. Я сейчас вешу меньше, чем в старших классах. А Мор сама на себя не похожа. Выглядит совершенно истощенной. Но Дэниел... он просто тает. Что-то пожирает его изнутри».

Сэм смотрел, как Дэниел гоняет оладьи вилкой по тарелке.

Люди наверняка думают, что он нездоров, что у него какая-то страшная болезнь.

В общем-то, Дэниел и был болен. Они все были больны.

– Ну? – Дэниел начинал терять терпение.

Мор повернулась к Сэму, подняла бровь:

– Вы ему расскажете или я?

– Я расскажу, – вызвался Сэм.

Он глубоко вдохнул.

Начни с начала.

Сэм поведал Дэниелу обо всем, что произошло с ним после поездки на Кровавый ручей. О неутолимой потребности писать, которая довела его до грани безумия, о вдохновении, превратившемся в проклятие, о том, как стоило ему отойти от компьютера, и его начинало охватывать чувство, будто он снова в доме сестер Финч, о том, как его навестил Илай и раскрыл кое-какие подробности о новом

произведении Мор, и, наконец, о том, как он приехал к Мор в Лос-Анджелес и обнаружил, что их книги похожи до невозможности.

Пока Сэм говорил, Дэниел все сильнее вжимался в спинку стула. Впервые в своей жизни он не желал – отчаянно не желал – с головой погружаться в историю.

Дэниел бросил взгляд на Мор, и его посетила неожиданная мысль.

– Вы ни разу не оскорбили меня с тех пор, как сюда явились.

– Ну, извините, – сказала Мор.

– Тревожно это. Есть отчего встревожиться, если даже вам задницу припекло. – Дэниел отодвинул от себя тарелку с едой.

– Как я понимаю, вы тоже работаете над новой книгой, – сказал Сэм.

– Ну да.

– Она похожа на другие ваши книги?

– Ни капли не похожа.

– Опишите в общих чертах.

Дэниел описал. Сюжет Сэм узнал сразу. Детали – имена и мотивы персонажей, место действия – отличались, но основная структура была в точности такой же, как у него и у Мор, вплоть до момента, когда из стены выпадал первый кирпич.

– Сколько страниц вы написали? – спросил Сэм.

Дэниел позагнул пальцы, подсчитывая в уме:

– Две тысячи как минимум. Может, больше.

– А междустрочный интервал двойной или обычный?

– Обычный.

– Драть-колотить без смазки, – хрипло выдохнула Мор. – Это не роман. Это чудище какое-то.

Тонкой бумажной салфеткой Дэниел вытер выступившие на лбу капли пота:

– Это же совпадение, верно? Ведь невозможно, чтобы у троих людей получились такие похожие книги.

– А они не похожие, – сказал Мор. – Они одинаковые. Абсолютно одинаковые. Близнецы.

За столом повисла тишина. Вокруг шумела закусовая: стучали по тарелкам вилки и ножи, булькал кофе, гудели голоса. Час был поздний, день уже рассеялся без следа. Для всех остальных посетителей это был просто обычный чикагский вечер.

Но для нас...

– В мой дом что-то проникло, – сказал Сэм.

– Что? – спросил Дэниел.

Не надо им знать. Пока рано.

Сэм пожал плечами:

– Не знаю. Я ощущал чье-то присутствие.

– Я тоже ощущала, – призналась Мор. Говорила она тихо, словно боялась, что кто-то их подслушает. – Когда я прекращала писать, оно звало меня. Называло по имени.

Сэм грустно улыбнулся ей:

– Все еще полагаете, что это лишь массовая галлюцинация?

Секунду подумав, Мор покачала головой.

Дэниел потер лоб с таким усердием, что на коже остались красные полосы:

– Не надо было нам приезжать в тот дом. Ничего этого не было бы, если б мы не поехали... – Тут он широко раскрыл глаза, потрясенный внезапной мыслью: – А как же Себастьян?

– Мы с ним не говорили, – ответил Сэм.

Дэниел просветлел:

– Так надо поговорить. Может, с ним ничего не происходит. Может, у него все в порядке.

– И что? Допустим, у него все в порядке. Что это докажет? – спросила Мор.

– Ничего, – признал Дэниел. – Но тогда хотя бы будет понятно, что дальше нас все это, чем бы это ни было, не пошло. Будет понятно, что эта дрянь изолирована.

Изолирована.

Это слово неприятно царапнуло Сэма. Воображение немедленно нарисовало картину эпидемии: врачи в защитных костюмах из последних сил пытаются спасти обреченных больных, а у тех кровь льется темными реками из всех отверстий. Из-за этого слова Сэму стало казаться, что он, Мор и Дэниел заразились чем-то неизвестным и потому неизлечимым. Еще три тела, подлежащих сожжению.

– Надо съездить к Себастьяну, – стоял на своем Дэниел. – Надо проверить, как у него дела. Все ли хорошо.

Мор провела по лицу рукой с облупившимися ногтями и издала тихий злобный рык:

– Просто фантастика. Всего одну ночь провели в этом доме, и вот мы уже охотники за, мать их, привидениями.

Дэниел покачал головой:

– Но ведь очевидно, что само собой оно не исчезнет. Надо что-то с этим делать.

– Да знаю я, что надо что-то с этим делать! Дайте мне гребаную минуточку, чтобы выразить свои долбаные чувства!

Мор резко отодвинула в сторону свой кофе – чашка звякнула, немного коричневой жидкости выплеснулось на блюдец.

На лице Дэниела мелькнула довольная улыбка.

– Вот теперь я узнаю Ти-Кэй Мор.

Но потом улыбка пропала – так же быстро, как и появилась, – и лицо Дэниела вновь стало безучастным. Метаморфоза произошла чересчур легко – похоже, Дэниел позволил себе улыбнуться впервые за очень долгое время.

Три писателя сидели за столом в молчании, Мор постукивала ногтем по ободку чашки, Дэниел с отвращением ковырялся в своем завтраке.

– Мои соболезнования по поводу вашей дочери, – внезапно сказал Сэм. – Кажется, я этого вам так и не сказал.

Дэниел помолчал, не поднимая глаз от красных следов кетчупа, избородивших море жира на его тарелке.

– Да... ну, что ж... в жизни всякое бывает.

Сэм ожидал услышать «пути Господни неисповедимы» или «ничего не случается без причины», но никак не «в жизни всякое бывает». Речь, в конце концов, шла о смерти единственной дочери Дэниела, плоти от плоти его, не о сдувшейся шине, не о пятне на свежестиранной рубашке. Такое просто нельзя было описать фразой «в жизни всякое бывает».

Подошла официантка, подогрела их чашки свежей порцией обжигающего кофе.

Их столик стоял у окна. Сэм бросил взгляд наружу. Вдалеке наверняка раскинулась парковка с аккуратными рядами автомобилей, выстроившихся между белыми линиями. На обочине дороги, разумеется, возвышался указатель с названием закусочной – «У Бэйли», – и неоновая стрелка указывала изголодавшимся путешественникам путь к уютной забегаловке. По шоссе, скорее всего,

тихо катились машины, их безымянные водители боролись со сном, стремясь достигнуть своих неизвестных пунктов назначения. Все так. Все так и должно было быть.

Но ничего из этого Сэм не видел. Он смотрел в окно, и там была лишь тьма.

Глава 25

Воскресенье, 23 апреля

Они собирались лететь в Итаку, проведать Себастьяна. Оставался шанс, что случившееся с ними старика по какой-то причине миновало. Но верилось в это с трудом. Они ожидали, что его постигла та же участь.

К несчастью, Себастьян Коул был своего рода отшельником. В Интернете его домашнего адреса найти не удалось. Официального сайта у Коула не имелось – веб-страницами, посвященными литературной легенде, управляли исключительно фанаты, и в разделе «Контакты» они любезно сообщали, что вся корреспонденция Коулу идет через его агента.

Агент сидел в Нью-Йорке. Он оказался грубым засранцем и адреса Коула тоже не дал, заявив: «Вся корреспонденция должна проходить через меня». В отчаянии они стали обзванивать книжные магазины – тоже безрезультатно. «Мистер Коул – человек замкнутый, – сказал владелец одного из магазинов. – Я время от времени вижу его в „Закусочной Пэт“, но где конкретно он живет, не представляю, слышал только, что где-то неподалеку от Ридж Роуд. Или в районе парка Тоганнок? Я точно знаю, что где-то рядом с озером...»

Они обдумывали следующий шаг, и тут у Сэма зазвонил мобильный.

– Она умерла.

Голос был знакомый. Сэм пытался сообразить, кому он принадлежит.

– Кто умер? – растерянно спросил он. – Кто это говорит?

– Это Джастин.

Имя ничего Сэму не сказало.

Абонент, похоже, это понял и быстро добавил:

– Уэйнрайт. Это Уэйнрайт.

Джастин Уэйнрайт.

То, что у юного чудака есть имя, казалось удивительным.

Когда он позвонил, было почти восемь утра. За кофе и разговором они просидели в круглосуточной закусочной до рассвета. Позвонив спозаранку агенту Себастьяна, Сэм и Мор отправились с Дэниелом к нему домой, чтобы помочь собрать вещи. К счастью, его жена ушла в церковь, и неприятной сцены удалось избежать.

Когда телефон зазвонил, Сэм вышел на задний двор, на бетонный полукруг, служивший семейству Манниака верандой. С одной стороны стоял стальной гриль на пять конфорок, с другой – плетеная кушетка и два садовых кресла.

– Кто умер? – повторил Сэм.

Осторожнее. Это Уэйнрайт. Кто знает, что у него на уме.

Уэйнрайт прокашлялся.

– Кейт. Ну, вы знаете, моя... моя...

Я знаю, о ком ты, идиот. Но... умерла? Кейт умерла?

У Сэма подкосились ноги. Он рухнул в одно из кресел. Взгляд его метался туда-сюда, но ни за что не мог уцепиться.

– Как? – наконец хрипло выдохнул он.

– Она *убила* себя. – Уэйнрайт почти выкрикнул это. Он снова прокашлялся, пытаясь справиться с чувствами. – Она перерезала себе вены, Сэм. Нет, «перерезала» – неподходящее слово. Она себя раскромсала. Разодрала свою чертову руку на лоскуты. В четверг. Она лежала у себя в квартире на полу, ее там нашел домовладелец. Господи Боже! Зачем она это *сделала*?

«Какого хрена люди постоянно задают мне эти вопросы, как будто я понимаю, что за хрень тут происходит?» – изумился про себя Сэм.

Наконец Уэйнрайт признался, что Кейт за последние месяцы изменилась. У нее развилась паранойя, и эта паранойя становилась все сильнее и сильнее. Вначале Кейт утверждала, что кто-то тайком портит ее видеоматериалы. Она стала опаздывать на съемки, потом перестала приходить вовсе.

Одновременно начали ухудшаться их отношения. Кейт не отвечала на звонки Уэйнрайта. Перестала оставаться у него на ночь. Вначале он думал, что она хочет порвать с ним, что она от него устала. Но Кейт всегда была такой доброй и понимающей. Ей было плевать на его деньги, на его жалкие попытки доказать всему миру свою значимость. Она от всей души любила его таким, как есть.

– Меня мало кто любит, Сэм, – признался Уэйнрайт.

«Да что ты говоришь», – подумал Сэм.

В конечном счете Уэйнрайту ничего не осталось, кроме как отпустить Кейт – и в смысле личных отношений, и как сотрудника.

Какое-то время спустя, в конце марта, он увидел ее вечером на пешеходном переходе в Манхэттене, в Сохо. Выглядела Кейт чудовищно: ничего не выражающее лицо, круги под глазами, грязная одежда, невымытые волосы. Уэйнрайт окликнул ее, но Кейт ускорила шаг и исчезла в толпе. Неделю спустя он приехал к ней домой и постучал в дверь. Он не сомневался, что она в квартире – он слышал внутри шорох, – но Кейт не открыла.

А теперь ее больше нет.

– Сэм? – робко позвал Уэйнрайт. – Вы тут?

– Я тут, – заверил Сэм.

Уэйнрайт понизил голос, словно боясь, что кто-то может подслушивать:

– Слушайте, я знаю, что вы меня считаете говнюком. Во время того интервью в прошлом году я вел себя не совсем честно. Я все понимаю, это моя вина. Но клянусь, я хотел, чтобы мы все от этого выиграли. Я не хотел... того, что вышло. Того, что началось, когда мы вернулись из Канзаса.

Мир поплыл вокруг Сэма, он словно оказался в невесомости.

– Что вы имеете в виду?

В трубке раздался свистящий вздох.

– Что с вами происходит? – спросил Сэм.

– Ничего.

– Вот врать не надо.

– Это, вероятно, просто мое воображение, но...

– Что «но», Уэйнрайт? Выкладывайте, черт вас дери!

Уэйнрайт снова замолчал. Но потом заговорил:

– Я кое-что видел. Обычно оно от меня ускользало, ну, вы понимаете... Иногда оно появлялось ночью, шевелилось в темноте. Сначала я думал, что это обман зрения, но потом... Это было после того, как я узнал о Кейт, я был дома один, и я плакал, и... я услышал смех. Прямо у меня за спиной. Такое... такое, знаете, коротенькое «хе-хе». Скрипучее. Как будто смеется старуха. Эта тварь стояла прямо позади меня и потешалась над моим горем.

Сэм представил это – и почувствовал хребтом ледяные пальцы озноба, по коже побежали мурашки.

– Я не мог обернуться, – продолжал Уэйнрайт. – Я хотел, но меня одолел страх, Сэм. Какой-то голос внутри сказал: что бы там ни пряталось у меня за спиной, не нужно мне это видеть. Тварь снова засмеялась, а потом тронула меня за плечо. Одним пальцем тронула, легонько. Она просила меня обернуться. Я закрыл глаза и стал что-то бормотать шепотом.

– Что именно?

– Молитву, наверное. Не знаю... я хотел прогнать тварь. Я знал, что если обернусь, если посмотрю на нее, то сойду с ума. Я знал, что увижу нечто такое, чего не должно существовать. Нечто... противоестественное. Я так стоял, думаю, по меньшей мере минут десять. – Уэйнрайт заговорил медленнее, увереннее. – Наконец я понял, что больше не вынесу. Поэтому я как следует вдохнул и развернулся. И ничего не увидел. Вообще ничего. Я был в квартире один, так же, как весь день до этого. – Уэйнрайт издал смущенный смешок. – Господи, как же глупо это звучит, если рассказать. Вы, дружище, наверняка уже подумали, что у меня крыша съехала.

«Он не разыгрывает тебя, – сказал себе Сэм. – Он напуган. Всерьез напуган».

Сэм откинулся на спинку садового кресла. Дом Дэниела словно нависал над ним, пустые окна, отражающие небо и солнце, смотрели, будто множество глаз, как у паука, неподвижных, угадывающих идеальный момент для прыжка. Сэм только сейчас заметил, что в доме была мансарда – одно-единственное окно, слегка возвышающееся над остальными, создавая иллюзию третьего этажа.

– Сэм? – позвал находящийся почти в тысяче миль отсюда Уэйнрайт. – Сэм, вы тут?

Уэйнрайт встретил их в аэропорту Ла-Гуардия. И старательно изобразил улыбку.

– Я рад вас видеть, – сказал он.

Сэм знал, что это правда.

Лицо Уэйнрайта все еще выглядело зловеще резиновым, но волосы стали грязными и обвисли. Лиловые искры, сверкавшие в его глазах во время их первой встречи, исчезли.

До города они добрались в час дня. Слепящие лучи пробивались между темных башен небоскребов. Был еще только апрель, но в Нью-Йорке уже стояло пекло, жар мощными волнами шел от асфальта. Город источал мускусную звериную вонь, даже тротуары покрывались испариной от безжалостного солнца.

Полчаса они в молчании пробирались сквозь пробки, затем въехали на крытую парковку в Верхнем Ист-Сайде. То, что Уэйнрайт именовал своей квартирой, занимало целый этаж – верхний, пятнадцатый, с видом на Манхэттен. Внутренние стены снесли, чтобы получился просторный лофт с окнами от пола до потолка. Вдалеке солнце играло на поверхности озера Центрального парка. Холостяцкая берлога была как раз под стать Уэйнрайту: паркет, выкрашенный в черный, бытовая техника из нержавеющей стали, однотонная мебель. Единственными – немногочисленными – цветовыми пятнами здесь были картины неизвестных художников и винтажные афиши дешевых ужастиков и боевиков. Лофт разделяли на зоны стеллажи, забитые виниловыми пластинками, истрепанными книгами в мягких обложках и бесчисленными дисками *Blu-ray* с мрачным узкожанровым кино.

Не говоря ни слова, Уэйнрайт поспешил на кухню. Встав на цыпочки, он выудил из шкафчика над холодильником бутылку виски. Бросил в стакан лед. Открутил крышку и плеснул себе на три пальца. Сделал длинный, мучительный глоток.

Сэм оглядел безупречно чистое помещение, столь не похожее на его дом и кабинеты Мор и Дэниела: здесь не было ни грязных тарелок, ни пустых бутылок, ни стопок бумаги, ничего из того хлама, который Сэм за последние несколько месяцев почти полюбил.

Как будто угадав его мысли, Уэйнрайт обвел комнату рукой со стаканом:

– Уборщица. Приходит дважды в неделю. – Он залпом прикончил виски, высосав спиртное из кубиков льда. И поднял стакан: – Кто-нибудь хочет?

Мор подняла свою тонкую руку.

«А, да какого черта», – подумал Сэм и присоединился к ней.

Дэниел молча рухнул в белое кожаное кресло. Вытер потные ладони о брюки. Даже похудев в сравнении с прошлым годом, жару он все еще переносил плохо. Сэм внимательно его разглядывал. Новый, отощавший Дэниел являл собой тревожное зрелище: кожа на скулах

обвисла, плечи опустились, чересчур просторная одежда болталась на нем. Как будто скелет Дэниела выедал его тело, как будто внутри у него поселилось какое-то крайне примитивное, но злое создание. И оно стремилось освободиться от лишнего груза.

Налив себе, Сэму и Мор виски, Уэйнрайт оперся о гранитную кухонную стойку и окинул гостей испытующим взглядом:

– Что-то происходит, ведь так?

Молчание писателей подтвердило его предположение.

Уэйнрайт пронзительно свистнул поверх своего стакана, осушил его одним махом и тут же налил еще новую порцию.

– Я так и знал. Я так и знал, черт подери, – пробормотал он. – Оно нас преследует. Что бы ни было в том доме, оно преследует всех нас.

– Вы только не волнуйтесь. – Сэм пригубил виски.

Пить ему не особо хотелось – он слишком мало ел и спал в последние несколько дней. Однако он был рад той краткой передышке, что сулил алкоголь. Он просто хотел немного приглушить эмоции.

– Не волноваться? *Не волноваться?* – Уэйнрайт вышел из-за стойки. – Почему, черт возьми, мне не волноваться?

– Потому что оно, что бы это ни было, никого из нас не тронуло, – сказала Мор уверенным, но при этом на удивление мягким тоном. Еще никто не видел, чтобы она обращалась с Уэйнрайтом столь деликатно. – Оно лезет к нам в голову, но ничего больше.

Рот Уэйнрайта скривился в гримасе отвращения.

– Не тронуло?... А как насчет Кейт? Господи боже, она мертва!

– Кейт убила себя, – пояснила Мор. – Сама. Эта тварь ее не убивала.

– Но она ее заставила!

– Хорошо, хорошо, – примирительно заговорил Сэм. – Мы просто имеем в виду, что, если бы эта тварь хотела сбросить нас с лестницы, или толкнуть под автобус, или просто переломать нам все кости, она бы это сделала. Но она этого не сделала. Она нас не тронула.

Карие глаза Уэйнрайта покраснели от слез.

– Я мог ей помочь, – произнес он внезапно охрипшим голосом.

Его начала бить дрожь. Лед зазвенел в его стакане. По щекам Уэйнрайта, ко всеобщему изумлению, потоком хлынули слезы. Он с громким стуком опустил стакан на стойку, спрятал лицо в руках и всхлипнул.

Сэм подошел к Уэйнрайту и крепко его обнял. Уэйнрайт уткнулся головой ему в плечо и зарыдал.

– Я любил ее, – пробормотал он приглушенным дрожащим голосом.

– Знаю.

– Она этого не заслужила, – прошептал Уэйнрайт.

– Никто из нас этого не заслужил.

Все повернулись на эту реплику. Говорил Дэниел. Теперь он сидел на краешке кресла, сложив руки на коленях.

– Никто из нас этого не заслужил, – повторил он.

Уэйнрайт вытер лицо ладонями. Похоже, ему было неловко за эту демонстрацию чувств. Он принялся глубоко дышать, с каждым вдохом все глубже погружаясь в себя.

Он снова держал ситуацию под контролем.

– Сэм, как вы думаете, что это? – спросил он уже ровным голосом.

Он больше не эксперт по Кровавому ручью. Он блуждает в потемках так же, как и мы. От этой мысли Сэм ощутил себя еще беспомощнее, чем раньше.

– Не знаю, – пожал он плечами. – Я знаю лишь, что оно было на Кровавом ручье, когда мы приехали, но не осталось там, когда мы уехали.

Он поднес к губам стакан, приподнял его, но виски на языке не ощутил. Стакан был пуст. Сэм осушил его, сам того не заметив.

– Мы собираемся найти Себастьяна, – спокойно, уверенно пояснил он. – Если это происходит с нами, то должно происходить и с ним тоже.

– И что тогда? – спросил Уэйнрайт. Задумчиво, словно оценивая Сэма по какому-то загадочному критерию.

– Убедимся, что Себастьян цел, и начнем думать над планом действий. Вместе.

– Не выйдет.

– Это почему же?

– Вы же сами сказали. Мы не знаем, с чем имеем дело, – сказал Уэйнрайт.

Он подошел к одному из стеллажей, пробежал пальцем по корешкам стоящих там книг, остановился на одной из них, посередине. Снял книгу с полки и бросил Сэму.

Страницы затрепетали, точно крылья раненой птицы. Сэм вытянул руку и поймал книгу. Взглянул на обложку, провел по ней большим пальцем. Книга была ему знакома: Уэйнрайтов экземпляр «Фантомов прерии» доктора Малкольма Адьюдела.

– Мы все в курсе, что там написано, – напомнил Сэм Уэйнрайту. – Ничего даже отдаленно похожего на то, что мы испытали.

Уэйнрайт показал пальцем:

– Посмотрите последнюю страницу. С авторской биографией.

Сэм послушался. Он залез пальцем под заднюю обложку, открыл последнюю страницу и прочел вслух:

Об авторе

Малкольм Адьюдел – доктор парапсихологии Университета Южной Калифорнии. Один из ведущих мировых экспертов в области парапсихологических исследований и автор более сорока книг о сверхъестественном.

В настоящее время проживает в Нью-Йорке.

Сэм опустил скверно переплетенную книгу:

– Адьюдел живет здесь. В Нью-Йорке.

– Верно, – подтвердил Уэйнрайт. Он достал из кармана свернутый клочок бумаги. – И я знаю, где именно.

Дом был прямо за рекой, в Бруклине. Уэйнрайт нашел на Вашингтон-авеню место, чтобы припарковаться, и четверка выбралась из машины под пронзительный гудок городского автобуса, затормозившего в половине квартала к северу. Они побрели по забитому людьми тротуару мимо пестрой мешанины из магазинов и ресторанов и добрались до острого угла, обозначавшего улицу Адьюдела. Прошли в тишине вдоль шеренги краснокирпичных многоквартирных и особняков – все здания знавали лучшие дни. Дома отбрасывали огромные тени, пучки бурых сорняков пробивались сквозь трещины в бугристом асфальте.

У дальнего перекрестка на ступенях крыльца сидела кучка детей – самому старшему было не больше четырнадцати, – их голоса сливались в причудливый неразборчивый гул. Увидев приближающихся взрослых, ребята замолчали и уставились на чужаков с подозрением.

Сэм кивнул мальчишкам, но те лишь пялились на него. Сэм оглянулся на остальных, замедлил шаг, чтобы никто не отстал. Мор и

Уэйнрайт шли сразу за ним, Дэниел, как обычно, тащился позади в одиночестве. «Какой же он тихий», – внезапно подумал Сэм. Весь полет до Нью-Йорка Дэниел просидел молча, с каменным лицом.

Когда они дошли до центра квартала, Сэм спросил Уэйнрайта:

– Так какой адрес?

Уэйнрайт развернул бумажку с цифрами:

– Двадцать шесть сорок шесть.

Сэм приложил руку козырьком к лицу, защищаясь от яркого света, и поискал глазами металлические таблички с номерами.

– Вот он, – указал на здание в двух домах от них.

На табличке над звонком значилось: «ДеЛьюад»

Мор решила головоломку за несколько секунд.

– Это анаграмма, – сообщила она остальным, – анаграмма «Адьюдел».

Сэм кивнул и нажал на кнопку. Откуда-то сверху донесся слабый звук звонка. Сэм оглянулся на перекресток позади. Мальчишки исчезли со ступенек. Улица была пугающе пустой.

Голос из помятого домофона прохрипел:

– Да?

Сэм нагнулся к микрофону и громко спросил:

– Доктор Адьюдел?

Ответа не было, из динамика доносился лишь треск статики.

– Нам нужно с вами поговорить.

Снова молчание.

Мор решительно оттолкнула Сэма в сторону. Она почти прижалась губами к микрофону, словно хотела, чтобы Адьюдел на другом конце провода почувствовал ее горячее дыхание.

– Это насчет Кровавого ручья, – нетерпеливо заявила она. – Открывайте, мать вашу.

Повисла долгая пауза, четверка визитеров у входа нервно переминалась на крыльце. Затем раздалось громкое жужжание – дверь открылась. Даже Мор вздрогнула от этого звука.

Короткий коридор привел их к новым ступеням. Они покричали, но ответа не дождались. Сверху на лестницу падали лучи из светового люка, придавая восхождению научно-фантастический оттенок – свет словно поднимал гостей из тьмы. Откуда-то донеслась резкая атональная музыка, причудливая смесь инструментов – там-там,

синтезатор, труба. Это напоминало зловещие приветственные фанфары.

«Черт, во что мы ввязались? – подумала Мор. – Мы ничего не знаем об этом человеке. И заявились к нему домой».

Преодолев лестницу, они увидели новый коридор. Понизу его стены были отделаны роскошными панелями из ореха, поверху – ярко-красной тканью. На другом конце этого похожего на кокон туннеля неожиданно открылась сияющая солнцем комната. Даже издалека Мор могла различить ослепительно-белые стены, увешанные бесчисленными черно-белыми фотографиями в рамках из эбенового дерева.

– Доктор Адьюдел? – позвал Сэм и сделал несколько осторожных шагов по коридору.

Мор подошла к нему, тронула за руку.

– Не нравится мне это, – сказала она, не заботясь о том, что прозвучало это не круто. Это была правда.

– Мне тоже не нравится, – ответил Сэм.

– Добрый день! – донеслось из белой комнаты. – Проходите, пожалуйста. Я вас жду в конце коридора, да?

В голосе чувствовался еле заметный акцент, что-то восточноевропейское.

Мор пошла следом за Сэмом. За ней пошли остальные. Они медленно продвигались по коридору, и свет в его конце становился все ярче.

Войдя в белую комнату, все четверо зажмурились – на несколько мгновений безжалостное солнце ослепило их. У дальней стены Мор различила силуэт сидящего человека. Она поморгала, и смутная фигура обрела черты. Это был мужчина под семьдесят, на голове у него осталось лишь несколько прядей серебристых волос. Одет он был в отглаженные рыжевато-коричневые брюки с бурым кожаным ремнем и клетчатую рубашку. Маленькие глаза прятались за огромными, чрезвычайно толстыми стеклами очков – их обладатель словно глядел на мир со дна обманчиво глубокого пруда. К его креслу была прислонена деревянная трость с серебряной рукояткой в виде львиной головы. Старик улыбнулся странной, кривой улыбкой, но не поздоровался, лишь выжидающе приоткрыл рот.

– Доктор Адьюдел? – сказал Сэм.

Человек в кресле коротко кивнул, но продолжал молчать. Одного за другим он рассматривал гостей так, словно его взору предстали давно потерянные друзья.

Уэйнрайт шагнул вперед:

– Простите, что мы вот так к вам вломились. В смысле, без предупреждения.

– Ничего страшного, – сказал Адьюдел. Он мелко, приветственно закивал. Чем-то он напоминал петуха, клюющего воздух в предвкушении кормежки.

Мор быстрым взглядом окинула фотографии на стенах. На большинстве из них были запечатлены кругосветные путешествия Адьюдела в поисках неведомого. В молодости он был счастливым обладателем роскошной шевелюры, однако даже тогда предпочитал нелепые очки, похожие на пару увеличительных стекол. Вот Адьюдел на спиритическом сеансе, из пальцев медиума исходило нечто похожее на эктоплазму; Адьюдел в древнем каменном подземелье, окруженный загадочными, порхающими, точно феи, шарами; Адьюдел с индейцами в амазонской деревне, переполненный гордостью оттого, как отважно он стоит рядом с так называемыми дикарями; Адьюдел, ведущий группу студентов в заброшенную комнату пустого дома, в одной руке трость, другая приподнята в жесте, предупреждающем местных духов о его мирных намерениях; Адьюдел рядом с Рейчел Финч у входа в дом на Кровавом ручье, волосы Рейчел собраны в тугий пучок; Адьюдел стоит перед домом сестер Финч один, совсем крошечный в сравнении с нависающим над ним строением, грозным даже на расстоянии.

Этот снимок приковал внимание Мор. Она подалась вперед, чтобы разглядеть его во всех подробностях. Что-то тревожное было в фотографии. Несколько мгновений спустя Мор поняла, что именно: сам Адьюдел. Охотник за паранормальными явлениями не улыбался. В его осанке не было той уверенности, что сквозила на остальных снимках. Совсем наоборот. Адьюдел выглядел напуганным, потрясенным до глубины души.

«Потому что все это взаправду, – подумала Мор. – Это не галлюцинации. Это не совпадение. Даже Адьюдел понимал: на Кровавом ручье что-то есть. И теперь оно охотится за нами».

Доктор взялся за львиную голову и с силой стукнул концом трости по деревянному полу. Это возымело желаемый эффект – все гости мгновенно повернулись к нему.

– До чего же любопытная неожиданность, – заявил парапсихолог.

Говорил он в странной, отрывистой манере, растягивая последнее слово каждой фразы. Его глаза-бусинки перебежали с гостя на гостя. Казалось, они вообще не моргали, оставались вечно открытыми за толстыми линзами.

Сэм шагнул вперед и протянул руку:

– Спасибо, что согласились с нами увидеться. Я...

– О, я знаю, кто вы такой.

Адьюдел сжал руку Сэма, но не так, как это обычно делают при знакомстве, он обхватил его ладонь спереди, вынудив Сэма переплестись с ним пальцами.

– Да, я вас всех знаю. – Он пристально посмотрел на каждого из четверки, называя гостей по именам: – Сэм Мак-Гарвер. Ти-Кэй Мор. Дэниел Манниак. – Он так и держал руку Сэма в своей, не выпуская. Его пальцы подергивались от волнения. – Я всеми вами восхищаюсь. Авторитетом, которого вам удалось добиться, силой воздействия ваших слов на читателя. Это, наверное, потрясающее ощущение – знать, что обладаешь таким талантом, да? Я за последние месяцы сделался своего рода специалистом по вашему творчеству. Прочел все, что каждый из вас написал.

– Да хрена лысого вы все прочли!

Сэм повернулся к Дэниелу, удивленный тем, что выругался он, а не Мор.

Кривая улыбка Адьюдела стала шире.

– О нет, мистер Манниак, очень даже прочел. Даже все ваши книги, а их там сколько? Больше сорока? Тоненькие, но все равно впечатляющее литературное собрание. И да, мистер Уэйнрайт, я, можно сказать, *большой* поклонник «Страха в эфире». Ваши безграничные возможности... то, как вы приучаете людей к самым что ни на есть темным образцам искусства... Это очень, очень впечатляет.

«Не встречались ли они раньше?» – задумался Сэм. Адьюдел глядел на Уэйнрайта так, словно видел его не впервые. Как-то непринужденно он держал себя с ним – это настораживало Сэма.

Лицо Уэйнрайта не выражало ничего. В этой залитой солнцем белой комнате он еще больше напоминал куклу, человекоподобную машину.

– В таком случае вы видели мой осенний проект, – сказал он. – И вы знаете, зачем мы пришли.

Раздвинутые в перекошенной улыбке губы Адьюдела начали подергиваться, почти как пальцы, которыми он до сих пор сжимал ладонь Сэма. Старик не хотел прежде времени заканчивать светскую болтовню. Он всецело наслаждался моментом.

– Вы пришли... Ну что же, вы пришли, поскольку полагаете, что я знаю об этом доме нечто такое, чего не знают другие, да?

«Да, – подумал Сэм. – Да! Да, черт побери, хорошо бы так и было».

Адьюдел крепче стиснул его руку, тихо закричал и поднялся из кресла. Его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от лица Сэма.

– Полагаю, я могу внести ясность в сложившуюся ситуацию, – сказал старик. – Но сперва выпьем чаю.

Он подал каждому расписанную вручную чашку с горячим улуном. И не сводил с гостей своих крошечных немигающих глаз, совершенно не глядя ни на чашки, ни на чайник в руке.

Сэм пригубил янтарную жидкость, на языке заиграл насыщенный привкус дыма и древесины.

– Итак? – спросил он, намеренно оставив это слово висеть в воздухе.

Держа свою чашку обеими руками, Адьюдел слегка подул на чай, прежде чем сделать осторожный глоток. Пар устремился вверх и за клубился у его лица, словно дым.

– Дом, – начал он, – был домом – и ничем более! Простите, что разочаровываю вас.

«Он это серьезно? – мелькнуло в голове у Сэма. – Мы проделали весь наш путь зря?»

Он посмотрел на остальных – все обменивались растерянными взглядами – и высказался за всех:

– Тогда как вы объясните...

– Явления? – Адьюдел усмехнулся в свою чашку. – Наверное, я должен растолковать, да?

– Да, мать вашу, да. Уж растолкуйте! – рыкнула Мор. Ее щеки заливал гневный румянец.

Адьюдел сощурил свои глаза-бусинки за стеклами-блюдцами. Он потянулся за тростью, оперся на нее:

– В начале... великие истории всегда так начинаются, да? Первая строка Евангелия от Иоанна гласит: «В начале было Слово». В нашем случае слово было потом, поскольку наша история начинается так: «В начале был дом». Могу я поинтересоваться... вы читали мою книгу?

Все присутствующие кивнули.

– Тогда общий сюжет вам известен. – Адьюдел отпил из чашки. – Джошуа Гудман обосновался на Кровавом ручье в середине девятнадцатого века, выстроил там дом своей мечты, до процветающего Лоуренса было рукой подать, с ним была его тайная любовь Альма Рид, и они намеревались прожить остаток своих дней в мире и спокойствии. Единственная проблема: Альма была черной. Бывшей рабыней. При жизни Гудмана было не лучшее время для цветных женщин, но когда, спрашивается, в истории нашей нации для них *было* хорошее время? Когда люди Квантрилла взяли штурмом и подожгли Лоуренс, пятеро его головорезов отправились во владения Гудмана, выстрелили ему в живот и выволокли Альму из дома. Так вот, если вы прочли достаточно дешевых детективов, то знаете, что выстрел в живот не убивает мгновенно. Это медленная, ужасная смерть. Движимый потребностью защитить свою любимую, Гудман, вероятно, смог выбраться во двор и вступить с бандитами в бой, поэтому они и прострелили ему оба колена. Итак, Джошуа Гудман лежит на земле и видит, как головорезы Уильяма Квантрилла сначала насилуют его ненаглядную Альму, а потом вешают ее на ветке старого кривого бука. Вообразите себе это зрелище: ее ноги дергаются в безнадежной попытке опереться о воздух, а потные мерзавцы стоят вокруг, ржут как кони и хлопают друг друга по волосатым спинам: хорошая работа, Энид, хорошая работа, Клайд, прикончили еще одного раба, да здравствует Ли, да здравствует Юг... и прочее в таком же мерзопакостном духе.

– Я думал, ее повесили уже мертвой. – Это сказал Дэниел.

– Ну да, такова история. Но правда не такова.

Адьюдел сделал новый глоток. Все молчали, терпеливо ожидая, когда он продолжит рассказ. Причудливые интонации старика

завораживали, взгляд его крохотных глазок гипнотизировал. Вся четверка подпала под его чары.

– Как вы, может быть, помните, тела Джошуа Гудмана и Альмы Рид обнаружили лишь спустя несколько дней. А если точнее, то спустя целую неделю. Представьте себе ужас одинокого всадника, который доскакал до Кровавого ручья и обнаружил темное раздувшееся тело Альмы Рид, качающееся на ветру, эту висящую в воздухе жуткую смесь запахов жимолости и гниющей плоти. Даже в те дни слухи разносились быстро, и вскоре к дому съехались соседи со всей округи. Они увидели Альму, ее сняли с дерева, но петля так и осталась на распухшей шее. Они увидели Гудмана, лежащего лицом вниз в луже собственной крови с раздробленными коленями и зияющей дырой в животе. Как вы наверняка знаете по долгу профессии, есть две разновидности историй о привидениях: истории о мести и истории о погубленной любви. Здесь они в некотором роде соединились. Посему дом Гудмана был обречен стать местной легендой – дом, где случилась безжалостная резня, во время которой две несчастные души встретили страшную гибель. Подробности рассказывали шепотом при свете камина, сначала – обеспокоенным взрослым, затем – дрожащим детям. Подлинные убийства быстро превратились в пищу для выдумок. Вначале был дом. Но дальше мы, как и славные герои Нового Завета, встречаем... слово. Молва, друзья мои. Вся глубинка говорила о печальной судьбе Гудмана, *молва* распространялась. Прошло совсем немного времени, и молва стала зловещей. Дом стоял, одинокий и покинутый, на берегу Кровавого ручья, и проезжавшие мимо впечатлительные путники начали рассказывать, что видели в окнах таинственные огни, слышали, как кто-то стонет там по ночам, замечали крадущиеся тени и фигуру повешенной женщины на ветке старого бука...

– Так это были лишь байки, – перебил Уэйнрайт. В падающих сквозь световой люк лучах солнца его гладкая кожа, казалось, мерцала.

– Поначалу да. – Адьудел сильнее оперся на трость. Дерево тихо, угрожающе скрипнуло под его весом. – Однако у молвы есть занятное свойство превращаться в правду. Казалось, у всех и каждого было что рассказать о призраках дома Гудмана. И очень скоро люди начали верить. Лоуренс отстроили заново, но имение Гудмана восстанавливать не стали. Оно впало в запустение – всеми брошенный

кочок земли на избегаемом путешественниками объезде по дороге к Канзас-Сити. Конечно же, дом не мог стоять пустым вечно. В конце концов какого-то простака подговорили его купить. Но что-то со зданием было неладно. В нем было холодно. Не по-домашнему. А потом начались явления. Ночные фантомы. Белые силуэты, бродящие по коридорам.

Сэм склонил голову набок, наморщил лоб, пытаясь угадать, к чему клонит странный старик.

– Так в доме все же были духи?

С коротким смешком Адьюдел поставил пустую чашку на кухонную стойку. Он постучал тростью по краю нижнего шкафчика, выбивая идеальный ритм.

– Позвольте мне сделать небольшое отступление, – сказал Адьюдел, собираясь с мыслями.

Сэм услышал за спиной долгий вздох Мор. Желчная писательница начинала терять терпение. Сэм поднял палец, прося Мор продержаться еще чуть-чуть.

Прошла целая минута, прежде чем ритмичный стук трости смолк и Адьюдел заговорил снова:

– Много лет назад один мой хороший друг, мой юрист, если начистоту, был счастливо женат и всю строил карьеру в уважаемой манхэттенской фирме. В один прекрасный день его помощник ушел на пенсию, и мой друг стал искать человека на его место. После нескольких недель собеседований он остановился на хорошенькой девушке, только-только окончившей юридический колледж. Я не хочу сказать, что ее внешность не сыграла никакой роли – он ведь все-таки был живой человек, да?

Мор подняла бровь:

– В смысле живой *мужчина*?

– Он был порядочный мужчина, – заверил Адьюдел, – и я уверен, что дурных намерений он не имел. Но это не мешало его коллегам чесать языками, особенно после того, как он стал засиживаться со своей молодой хорошенькой помощницей в офисе допоздна. По фирме пополз слух, что он с ней спит. Мой друг категорически это отрицал. Он говорил правду: никакого разврата между ними не было. Но тут заволновалась его жена: начала придирается к нему, если он приходил с работы на полчаса позже обычного, устраивать допросы, следить за

каждым его шагом. И угадайте, чем все кончилось? Он переспал со своей молодой хорошенькой помощницей. «Какого черта? – сказал он мне. – Все говорят, что я этим занимаюсь, так почему бы мне этим не заняться?» С женой он развелся, молодая хорошенькая помощница устроилась на другую работу, на том все и закончилось. – Адьюдел снял очки, натянул на кулак рукав рубашки и старательно протер громадные линзы. – Вы понимаете, о чем я?

– Ни черта мы не понимаем, – отрезала Мор.

– Вы хотите сказать, что в доме на Кровавом ручье не было привидений, пока люди не начали верить, что они там есть? – Это сказал Дэниел отрешенным, безучастным голосом, словно выполняя обязанность.

Адьюдел снова нацепил очки и устремил на Манниака костлявый палец:

– Именно!

– Так, послушайте, – вмешался Сэм. Он видел, что славный доктор раздражает его друзей все больше и больше. Но Адьюдел был в том доме. Он общался с Рейчел Финч. Он написал об этом бестселлер. Он был, возможно, единственным человеком на планете, способным оказать им хоть какую-то помощь. – Хватит ерунды, давайте к делу. С нами что-то происходит.

Адьюдел ничего не сказал, лишь заинтересованно улыбнулся.

– Я понимаю, – сказал Сэм. – Вы этим живете. Это ваша профессия. Но мы... мы лишь пишем об этом. Для нас это не реальность. Для нас это литература. Было литературой до недавнего времени.

– Аминь, – припечатала Мор.

Доктор Адьюдел снова издал гортанный хохоток – ситуация веселила его чрезвычайно.

– Что смешного?

От этих двух произнесенных Дэниелом слов по спине у Сэма пробежал холодок. В них металлом звучала смутная угроза. Сейчас Дэниел ничем не походил на того человека, с которым он познакомился в октябре.

Адьюдел тряхнул головой, сдерживая откровенную ухмылку:

– Просто... моя книга «Фантомы прерии»... – Уголки его губ вновь весело поползли вверх. – Это ведь тоже литература.

Вначале эта фраза показалась им бессмысленной. А потом их с размаху резануло ее невероятной простотой.

«Я так и знала. Невероятно, как я могла на секунду поверить, что этот уродец нам поможет?» – подумала Мор.

– Я же вам говорила, что дело тухлое, – сказала она вслух. – Он просто выделяется перед нами. Отнимает у нас время.

– Мор... – начал Сэм.

Она не дала ему продолжить:

– Все. Все, нам здесь больше делать нечего. Уходим. – Она поглядела на Адьюдела, даже не пытаясь скрыть своего отвращения: – Для вас это, может, и игра, но для нас – нет. Для нас это реальность.

Мор направилась к коридору, но никто за ней не последовал.

– Пошли, – скомандовала она.

Остальные продолжали растерянно глядеть на Адьюдела.

Дэниел наклонился к парапсихологу:

– Какая «литература»? Вы это написали. Вы сами это пережили. У вас прямо на обложке написано «подлинная история». Зачем вы наврали? Как вы могли *наврать*?

Уэйнрайт медленно качал головой. Глядя на него, Мор поняла, что сама вела себя точно так же с того самого дня, как вернулась с Кровавого ручья. Как бы ни ослепляло ее вдохновение от нового романа, в глубине души она качала головой и думала: «Такого не может быть. Такого *не должно быть*».

– Почему я наврал? – повторил Адьюдел вопрос Дэниела. – Это, пожалуй, самое важное из того, что вы спросили за все то время, что провели у меня. И именно это, кстати, спросил ваш коллега, когда я впервые сообщил ему правду.

Мор нахмурилась. *Коллега? Что несет этот полоумный говнюк?*

За ее спиной послышались звуки приближающихся шагов.

Сэм охнул.

Первой мыслью Мор было: «Адьюдел. Опять пудрит нам мозги. Это какой-то новый фокус».

Она развернулась.

Это был не фокус. Это был не оптический обман и не галлюцинация.

Себастьян Коул радушно улыбнулся.

– Здравствуйте, друзья мои, – сказал он.

Казалось, немая сцена будет длиться вечно.

– Что... – начал Сэм, не в силах осмыслить происходящее.

«С ним все в порядке», – от этой мысли его захлестнуло волной облегчения.

Сэм бросился к Себастьяну и обнял его. Старик осторожно обнял его в ответ, а затем молча отстранился.

– Что случилось? – спросил Сэм, растерянно наморщив лоб.

Себастьян хотел ответить, но Адьюдел его опередил:

– Он связался со мной несколько недель назад и спросил, можем ли мы побеседовать о доме на Кровавом ручье. Дом внезапно сделался злободневной темой.

Адьюдел приподнялся и слегка покачался на носках, охваченный волнением. И снова устремил на Уэйнрайта выжидающий взгляд своих похожих на речную гальку глаз, выискивая в его лице свидетельство некоего понимания. Он повернулся к Себастьяну.

– Мистер Коул приехал сюда, чтобы увидеться *со мной*, – пояснил Адьюдел.

Слова «со мной» он подчеркнул с явной гордостью.

Сэм посмотрел на Себастьяна – *внимательно* посмотрел. Кожа старика, когда-то мертвенно-бледная, теперь светилась здоровьем. Себастьян был одет в костюм-тройку, чисто выбрит, седые волосы зачесаны назад. Взгляд был ясный и бодрый. Казалось, с осени Себастьян помолодел на двадцать лет.

«Он был здесь все это время? – задумался Сэм. – Почему он не вышел, когда услышал нас?»

«Возможно, потому, что хотел выяснить, зачем мы сюда явились», – предположил внутренний голос.

Эта мысль Сэма встревожила.

Уэйнрайт уставился на Себастьяна, словно подозревая, что перед ним оптическая иллюзия.

– Зачем вы сюда приехали, дружище?

– Разобраться, – одним-единственным словом пояснил Себастьян.

– Разобраться? – переспросил Сэм. – С чем?

Себастьян медлил, размышляя, что рассказать, а о чем умолчать.

И снова Адьюдел встрял, не дав ему раскрыть рта:

– С домом, разумеется, как и вы.

– И что он вам сообщил? – спросила Себастьяна Мор, кивнув на Адьюдела. В ее голосе явно слышалось подозрение.

– Мало чего. – Себастьян покраснел, словно ему было неловко в этом признаваться.

Адьюдел с силой стукнул тростью об пол:

– Но теперь мы все здесь. Вместе. Больше нет причин заставлять вас ждать.

Из кухни вел короткий коридор с тремя дверями: первая – в ванную, вторая – в маленькую спальню, а третья – в микроскопический кабинет, размером не больше кладовки. Внутри царил полный хаос: башни из книг, грозящие в любой момент обрушиться, груды исчерканных каракулями блокнотов на полу, а посредине этого безобразия стоял древний компьютер IBM. Адьюдел пригласил гостей войти. Первой в кабинет шагнула Мор, за ней Уэйнрайт, затем Сэм и Себастьян и, наконец, Дэниел. Все шестеро неловко столпились в тесной комнатухе.

За стопкой листов, примостившейся на поцарапанном металлическом картотечном шкафчике, пряталась фотография в пыльной деревянной рамке. Адьюдел вытащил ее и показал остальным. Как и фотографии в гостиной, она была черно-белая, однако запечатлены на ней были две пожилые женщины, лет шестидесяти, а может, и старше, та, что справа, высокая, худая, с рассыпанными по плечам прямыми черными волосами, другая – в инвалидном кресле, чуть сгорбленная, с тугим-претугим пучком. Кожа у обеих женщин была почти прозрачная, как будто они почти не бывали на солнце. Глаза – словно космические дыры, темные, бездонные. Безучастные лица женщин были точно вырезаны из камня, однако в их взгляде таился смутный намек на некое тайное знание, которое они не собирались открывать фотографу.

– Сестры Финч, – провозгласил Адьюдел. Длинным пожелтевшим ногтем он ткнул в стоящую женщину: – Рейчел. – Затем ткнул в сгорбившуюся женщину в кресле: – Ребекка.

– Вы знали их обеих? – растерянно спросил Уэйнрайт. – Я думал...

– Этот снимок дала мне Рейчел. Когда меня допустили в дом, Ребекка была... мертва.

Эта пауза перед словом «мертва» насторожила Сэма, но чем, он понять не мог.

Дэниел, неуклюже переминаясь с ноги на ногу, невольно заставил покачнуться всю сгрудившуюся в кабинете компанию. Он отступил назад, к двери, оперся о косяк. Выглядел Дэниел усталым, обессиленным.

Уэйнрайт взял фотографию у Адьюдела, чтобы рассмотреть женщин поближе. Судя по обоям за их спинами, они позировали в гостиной, в той самой комнате, где много месяцев назад писатели собрались у потрескивающего камина.

– Значит, вы все выдумали, – произнес он горько, словно жертва предательства. – Пока вы там были, ничего не происходило.

– О, ну я бы так не сказал, – ответил Адьюдел.

Прижав палец к своим высохшим, растрескавшимся губам, он окинул комнату взглядом, пытаясь вспомнить местонахождение чего-то давно забытого. Затем покопался в ящиках картотечного шкафчика и наконец отыскал то, что хотел: потрепанную записную книжку с обложкой, еле держащейся на черном корешке. Адьюдел протянул ее Уэйнрайту, словно искупительную жертву.

– Прочтите.

Сэм бросил взгляд на Себастьяна, тот стоял особняком, скрестив руки на груди.

«Он уже это видел?» – подумал Сэм и тут же ощутил укол стыда. Это же его кумир, человек, чьи книги спасли то, что осталось от детства Сэма. А теперь Сэм его в чем-то подозревает.

Но он был здесь. Он навещал Адьюдела. Что Себастьян знает такого, чего не знаем мы?

Уэйнрайт раскрыл записную книжку на первой странице, там было множество записок, написанных убористыми строчками, печатными буквами – в любимой манере Адьюдела.

Сверху стоял заголовок: *13 мая, 1983*. На полях справа значилось время записи. Уэйнрайт принялся читать с самого начала:

09:15 – Прибыл на Кровавый ручей. У дверей встретила Рейчел. Подождала, пока войду в дом, только потом заговорила. Странная. Не особо радушная, немногословная женщина.

«Мы рады вас здесь видеть». Так и сказала: «Мы».

10:43 – Только что совершил обход дома. Сестры много чего подновили. Не очень понимаю зачем – дом стоит у черта на куличках. Никаких странных явлений. ХП не ощущаются. ОА отсутствуют.

Уэйнрайт прервался.

– ХП? – спросил он.

– Холодные пятна, – пояснил Адьюдел. – Ну, а ОА – сокращение от «оптических аномалий». Термин моего изобретения. Все сверхъестественное, что можно увидеть. Шары, тени, призрачные огни.

– Ясно, – сказал Уэйнрайт и продолжил.

11:32 – Беседа в кабинете. Я спросил о Ребекке. Рейчел о ней говорит неохотно. Возникло ощущение, что она что-то скрывает. Возможно, просто оберегает ее? Сестринская любовь? Показала альбом, снимки ремонта дома, несколько детских фотографий Р атр;Р. Только на одном снимке они в доме вместе. Рейчел мне его подарила. Не понимаю. Это у нее единственный экземпляр. Зачем отдавать мне? Заметил, что Рейчел стянула волосы назад, как Ребекка. Спросил об этом. Сказала, что так она чтит память сестры.

13:14 – Обед. Рейчел сделала сэндвичи. Ели на веранде. Рейчел сказала, что позади дома есть колодец и тропинка к Кровавому ручью. Надо сходить проверить.

Все еще никаких необычных явлений. В доме холодновато, но день пасмурный.

15:05 – Кое-что было. Спросил Рейчел про заложенную кирпичом дверь в спальню третьего этажа. Она ответила: «Это вас не касается». Пока она была в ванной, прошмыгнул наверх, к спальне. Обследовал кирпичную стену. Работа непрофессионала. Не то качество, что везде в доме. Рейчел сама построила эту стену?

17:28 – Расспрашивал Рейчел о жизни в доме. Она охотно рассказывала о ремонте, но замкнулась, когда я затронул тему сверхъестественного. Почему она не хочет говорить? Может, в доме нет призраков? Афера?

19:30 – Зафиксировал первую ОА. После ужина решил обследовать подвал.

Вначале ничего. Темно. Грязно. Свет от одной лампочки плюс мой фонарик.

Когда шел обратно наверх, показалось, что одна из теней зашевелилась. Как будто шагнула вперед, отделилась от стены, потом опять ушла в темноту. ХП во время контакта не было.

21:00 – У Рейчел любопытная инициатива. За вином она предложила немного «приукрасить». Сначала я смутился. Если это действительно один из самых знаменитых американских домов с привидениями, к чему преувеличивать? На это Рейчел дала столь же загадочный ответ:

– Для силы.

Что это значит?

21:45 – Без особого желания обсудил мои предполагаемые «паранормальные контакты» в доме. Чувствую себя мошенником. Но Рейчел сделала заманчивое предложение. Слишком заманчивое, чтобы отказываться. Что такое одна книга? Предыстория достаточно достоверная для «документального романа», как сказал бы Капоте. Никто об этом не узнает. Неверящих и так достаточно. Если одна профессиональная фальсификация сможет помочь парапсихологии в целом, оно того стоит. Смогу пустить \$\$ P. на будущие исследования. Настоящие исследования. Неужели это так плохо?

01:00 – История готова. На душе уже полегче. Все почти так, как было в реальности. Только... живее, подробнее.

Может, я сам себя убедил. Но история правдоподобная. Рейчел настаивает, что так будет правильно.

02:30 – Услышал шаги в коридоре. Вышел посмотреть. Увидел, как Рейчел заворачивает за угол. Я осторожно, стараясь не быть замеченным, за ней последовал. Увидел, как она поднялась к стене перед спальней на третьем этаже. Она села у стены. Я мог ее слышать. Она говорила стене: «Прости. Ты же понимаешь. Ты же понимаешь». Клянусь, я различал ДВА голоса: Рейчел и чей-то еще. С кем она говорила? С Ребеккой? С живой Ребеккой? Или с ее духом? Может ли дух Ребекки до сих пор находиться в той комнате?

Уэйнрайт опустил записную книжку, посмотрел на Дэниела, затем на Мор, на Себастьяна, на Сэма и наконец на Адьюдела – на человека,

написавшего эти заметки больше двух десятилетий назад, на человека, превратившего свое скромное приключение в книгу-подделку, в лживый бестселлер.

– Заберите. – Уэйнрайт с отвращением протянул записную книжку Адьюделу.

Адьюдел взял книжку, бросил ее на стол. Солнечный свет, льющийся сквозь маленькое квадратное окошко наверху, начал меркнуть, в кабинете внезапно воцарились сумерки.

– Итак, теперь вы знаете то, что знаю я, и не такое уж это великое знание, да?

– У вас должны быть какие-то теории, – заявил Дэниел. Прозвучало это как обвинение.

Адьюдел в ответ лишь игриво усмехнулся. Он наслаждался моментом. Он пока что не готов был терять свою аудиторию.

Сэм повернулся к Себастьяну и спросил:

– Что он вам рассказал?

Себастьян неохотно взглянул ему в лицо и тихо ответил:

– Немного. Всякие пустяки.

– Но теперь вы все здесь, – заметил Адьюдел.

«Он как будто этого ждал», – внезапно осознал Сэм.

По крайней мере, он ни капли не был удивлен. Пожилой чудак был рад явившейся к нему делегации и рассматривал всех ее членов как части некоего целого – необходимое для него единство.

Адьюдел оперся на серебряную львиную голову, вновь привставая на цыпочки, – движение артиста, рвущегося продолжать шоу.

– Вот как, полагаю я, все было. Дом сталместищем сверхъестественной сущности, поскольку люди верили, что в нем обитают привидения. Не могу с уверенностью сказать, что это за сущность. Бесприютный дух, укоренившийся в доме, навряд ли. Возможно, концентрация психической энергии. Что бы это ни было, оно обитает там сейчас и обитало там более сотни лет. Но временами оно слабеет. Когда люди начинают его забывать, когда словосочетание «Кровавый ручей» выпадает из общественного сознания, сущность в доме теряет силу. Думаю, это и имела в виду Рейчел, когда я спросил ее, зачем нам заниматься выдумками. «Для силы», – ответила она. – Он посмотрел на Себастьяна и повторил: – Для силы.

Сэму показалось, что старик согласно кивнул, словно понимал нечто, недоступное остальной компании.

– Тогда о доме помнили только местные, – продолжал Адьюдел. – Рейчел нужно было как-то напомнить людям, что дома следует бояться. Я послужил этой цели. Моя книга дала дому силу.

– Но ваша книга перестала продаваться, – сказала Мор. Она не пыталась оскорбить Адьюдела. Она лишь констатировала факт.

Адьюдел кивнул, его кривая усмешка померкла.

– Да, в конце концов перестала. Люди потеряли-таки интерес. Полагаю, мы, писатели, все этого боимся – что читателям наскучат истории, которые мы призваны рассказывать. Книжные магазины перестали заказывать «Фантомы». Издательство перестало их допечатывать. Остались лишь книги из прошлых тиражей. И Кровавый ручей снова сделался забытой легендой. Его имя шепотом передавали друг другу любопытные студенты, и только. Обитающая в доме сущность, которую с таким странным рвением оберегали Рейчел и Ребекка, снова впала в спячку. Застыла в оцепенении. В ожидании.

– Пока не явились мы, – сказал Сэм.

Глаза Адьюдела черными отполированными камешками блеснули за толстыми стеклами очков.

– Что ж... произошло это не совсем случайно. Я не был с вами до конца честен. Видите ли, мистер Уэйнрайт не сам обнаружил мою книгу. Я ему ее послал.

Глаза присутствующих устремились на юного интернет-магната – в своем костюме с иголки и рубашке с расстегнутым воротом, он даже в тисках стресса выглядел элегантно.

Едва приоткрыв рот, Уэйнрайт выронил одно-единственное слово:

– Вы?

Парапсихолог гордо кивнул:

– Ваш экземпляр, в мягкой обложке. Вы ни разу не задумывались, откуда он?

– Люди мне постоянно что-то шлют. Книги. Кино. Музыка. – Уэйнрайт заметался, пытаясь оправдать себя.

– Так вот как вы выбрали этот дом? – бросила Мор. – Кто-то прислал вам книгу, и вы ни на одну гребаную секунду не задумались *зачем?*

Уэйнрайт растерянно покачал головой:

– Это была просто книга. Без письма. Без ничего.

Сэм повернулся к Адьюделу, чувствуя, как покрывается тонкой пленкой холодного пота.

– Зачем вы послали ему книгу?

– По той же причине, по которой вы согласились на это совершенно абсурдное интервью для «Страха в эфире», – ответил Адьюдел. В голосе его звучало непоколебимое спокойствие. – Потому что мистер Уэйнрайт – мастер возвращать утерянную популярность.

С губ Уэйнрайта сорвался мучительный стон.

– Я снова сделал дом знаменитым...

Блокноты и листы бумаги полетели со стола – их смела яростная рука Мор. В следующий миг она придвинулась к Адьюделу вплотную. Парапсихолог встретил ее взгляд, посмотрел в ее ущербный зрачок, и блаженная уверенность покинула его.

– Что нас преследует? – грозно спросила Мор. – С чем мы столкнулись?

– Я же об-бъяснил... – пробормотал Адьюдел.

– Но *что* это такое? Остаточная энергия? Рудимент?

– Не может это быть рудиментом, – встрял Сэм. – Оно просчитывает свои действия. Оно разумно.

Разумно. От одной мысли об этом дрожь охватывала его с головы до ног.

Мор повернулась к Дэниелу:

– Значит, что-то дьявольское? Такое возможно?

– Почему вы меня спрашиваете?

– Потому что это вы у нас эксперт по части христианства головного мозга! – рявкнула Мор.

Вмешался Адьюдел:

– Не думаю, что это дьявольское. По крайней мере, не в классическом понимании дьявола как древнего существа, как извращение Божьей любви.

– Значит, портал, какой-то проход в иной мир, – предположил Сэм.

И внезапно заметил, что все они обступили Адьюдела тесным, сужающимся полукругом. Все, кроме Себастьяна. Тот стоял, прислонившись спиной к стене, демонстративно отделившись от остальных.

«Он за все это время почти ничего не сказал, – подумал Сэм. – Почему он такой тихий?»

Адьюдел сделал шаг назад и едва не упал, зацепившись тростью за стопку старых томов в кожаных переплетах. Он хотел отстраниться от своих гостей.

– Возможно... возможно, это портал, но я не думаю, что он был там, когда Гудман только построил дом.

Мор ринулась вперед и схватила Адьюдела за плечи. Парапсихолог вскрикнул, как испуганный ребенок.

– Тогда откуда оно взялось?

– Я... я не знаю точно...

– Откуда оно взялось? – повторила Мор.

– Оно взялось из нас! Мы его создали, понимаете? Все мы. Мы создавали его с того самого дня, как убили Гудмана и Альму. Наша вера в то, что дом дурной, и вправду сделала его дурным.

Левую руку Сэма пронзила боль, и он заметил, что из всех сил сжимает и выкручивает покрытую шрамами кожу.

– Так вы написали книгу, чтобы подпитать дом? Чтобы сделать его сильнее? – спросила ошеломленная Мор.

Адьюдел еле слышно ответил:

– Оно этого хотело. Рейчел... она сказала, что я получу кое-что взамен. Она сказала, что таков уговор. Так и было! Я получил то, что хотел. Мою книгу, мою специальность, дело всей моей жизни приняли всерьез. *Меня* приняли всерьез!

Трость задрожала в нетвердой руке парапсихолога.

– Оно было тогда в доме, со мной. Я чувствовал, что оно наблюдает за тем, как я пишу. А потом книга вышла, и люди стали покупать ее, люди стали ее читать. И несколько лет все было так, как обещала Рейчел. Понимаете, дому требовался рассказчик.

Рассказчик. Сэм взглянул на Себастьяна. Тот отвел глаза. Сэму показалось, что губы старика тронула едва заметная гримаса.

Или это была улыбка?

– Дому нужен кто-то, способный нести слово о нем в мир, – продолжал Адьюдел, – но я не справился.

– Люди стали считать вас мошенником, – сказал Сэм.

Адьюдел горько вздохнул. Его глаза за стеклами огромных очков словно стали еще меньше.

– Дом воспользовался мной. Так же, как сейчас пользуется вами. А когда вы удовлетворите его потребность, он вас бросит. Он вас забудет. Это случилось с Рейчел Финч. Это случилось со мной.

– С нами этого не случится, – громыхнул в тесном кабинете голос Уэйнрайта.

– Случится, – заверил Адьюдел. Кривая улыбка разрезала его старческое лицо, словно трещина – землю. Он пытался сдержать ее, но десятилетия страха и стыда рвались наружу. – И вас тоже ждет забвение.

На улице почти стемнело, хотя небо еще светилось синевой, тут и там окрашенной розовыми отблесками заката. Дома по обе стороны улицы поднимались громадными черными стенами – они точно оказались на дне узкого ущелья, куда не доходили лучи солнца.

Сэм посмотрел на часы: четверть восьмого.

«Сколько же мы там пробыли?» – удивился он про себя.

На тротуар он ступил с ощущением, будто потерял несколько дней, а может, и неделю. Они никак не могли сидеть у Адьюдела дольше двух часов, однако теперь брели обратно к Вашингтон-авеню с пустыми, как у конченных торчков, головами, неспособные осмыслить полученную информацию. К компании присоединился жаждущий подышать свежим воздухом Себастьян.

Сэму следовало бы посмеяться над теорией парапсихолога, над этой жалкой, несуразной страшилкой.

Но он не стал смеяться. Не смог.

Именно Сэм рассказал Себастьяну о Кейт. Старик не хотел верить, отказывался допускать, что дом мог быть виновен. Чем больше Сэм настаивал, тем сильнее Себастьян сопротивлялся.

«Это естественная реакция. Мы все сначала искали разумное объяснение», – убеждал себя Сэм.

Но с Себастьяном что-то другое. Он не отказывается верить, ему просто не нравится слышать то, что я ему говорю. Он как будто... как будто защищает дом.

Эта мысль привела его в бешенство. Проклятый дом. Тварь, захватившая их жизни. Тварь, которая не остановится, пока не осуществит свой таинственный план или пока все они не...

Умрут.

Сэм хотел сглотнуть, но горло точно свело судорогой.

Что нам делать? Что, черт возьми, мы должны делать?

Внезапно в голове вспыхнул ответ.

– Нам нужно вернуться в дом, – объявил Сэм, стоя на бруклинском тротуаре в лучах заката, пожиравшего боро, словно голодная багровая тень.

Все обменялись растерянными взглядами.

– На Кровавый ручей? – спросила Мор.

Сэм кивнул.

– Зачем? – удивился Себастьян.

– Себастьян, что бы это ни было, оно преодолело тысячи миль, чтобы до нас добраться. Мы никогда не освободимся, если не найдем способ это остановить.

– Как? Что мы, по вашему мнению, можем предпринять, вернувшись в дом?

– Непонятно. – Сэм обернулся и увидел, что Мор стоит, засунув руки глубоко в карманы своего приталенного черного плаща, а ветер мотает ее длинные черные волосы туда-сюда, точно маятник. – Но Сэм прав. Надо ехать. И вы поедете с нами.

Старик усмехнулся:

– И зачем, скажите на милость, мне?...

– *И первый кирпич выпал*, – сказал Сэм.

Себастьян охнул:

– Откуда вам об этом известно?

– Вы на этом месте остановились, верно?

Себастьян молчал.

– Это у всех нас последняя строчка, – продолжал Сэм. – Мы все остановились у этой кирпичной стены, в точности такой, как на Кровавом ручье. Нам надо попасть в ту комнату, Себастьян.

– Зачем? Что там внутри?

Сэм покачал головой.

– Не знаю, – признался он, мечтая, чтобы у него нашелся ответ, хоть какой-нибудь.

– Вы же слышали, что сказал Адьюдел, – обратилась к Себастьяну Мор. – Дому требуется рассказчик. Вот чем дом занимался с прошлого ноября – заставлял нас писать его историю.

В голове Сэма вспыхнула догадка: «Дом проверяет нас, хочет выбрать кого-то одного». Он поглядел на Себастьяна, такого бодрого,

такого помолодевшего – и телом и душой, – и невольно задумался: что, если дом уже сделал свой выбор?

Мор взяла ладони Себастьяна в свои:

– Нельзя и дальше делать вид, что ничего не происходит, Себастьян. Это не у нас в головах. Нас что-то преследует.

Великий Себастьян Коул, легендарный автор сотен романов и рассказов, оказавший влияние на бесчисленное множество других писателей, опустил глаза на руку Ти-Кэй Мор и крепко ее сжал. Он провел большим пальцем по кончикам ее гладких пальцев.

– Какой кошмар у вас с ногтями, – сказал Себастьян.

Мор мило улыбнулась:

– Я много чего запустила в последнее время. Видели бы вы мою киску.

Приступ хохота застал компанию врасплох, но все обрадовались короткой передышке. На одно ускользящее мгновение можно было почувствовать себя свободными.

Не смеялся лишь Дэниел. Его руки сжались в кулаки.

– Хорошо, я поеду, – сказал Себастьян и послал Сэму странную, еле заметную улыбку.

Хитрую улыбку.

А потом он позволил Мор вести себя.

Они дошли до Вашингтон-авеню. Машины гудели, ревели моторами. На оживленной улице зажглись фонари. На перекрестке они дождались зеленого сигнала светофора и неровной цепочкой двинулись через дорогу, возглавляемые Уэйнрайтом.

Дэниел обогнал Сэма, оттеснил Себастьяна и Мор к краю зебры. Он сжимал и разжимал кулаки, снова и снова. Лицо его было краснее обычного, вдоль шеи, точно река, несущая поток ненависти, вздулась вена.

– Дэниел! – позвал Сэм.

Тот не ответил.

Уэйнрайт копался в кармане в поисках ключа от машины. Он понятия не имел, что его настигает Дэниел.

Сэм хотел предупредить его, но опоздал. Дэниел со всей силы огрел Уэйнрайта по спине. От удара тот полетел на землю, отчаянно размахивая руками в тщетной попытке восстановить равновесие. Он больно ударился о тротуар, врезавшись коленями в бугристый асфальт.

И, вывернув голову под неловким углом, уставился снизу вверх на нависающую над ним громаду.

– Это вы виноваты! – По щекам Дэниела струились слезы. – Вы нас туда притащили! Вы заставили нас разбудить эту тварь!

Уэйнрайт попытался возразить, но запнулся и издал лишь мешанину невнятных звуков.

– Она умерла! – вскричал Дэниел. – Она умерла из-за вас!

Уэйнрайт совладал наконец со своим языком и выдавил:

– Я знаю, что она умерла! Кейт была...

– Не Кейт! – Дэниел наклонился и завопил на Уэйнрайта что есть мочи: – Не Кейт! Клэр! Клэр, сукин вы сын!

Это имя ничего не говорило Уэйнрайту. Он застыл, глядя на Дэниела с перекошенным от изумления лицом.

Но Сэм все понял. Он бросил взгляд на Мор. Выражение ее лица подтвердило его опасения: *Манниак спятил*.

Дэниел занес кулак, готовясь ударить снова. И тут Сэм бросился к нему, обхватил своей татуированной рукой и дернул назад. Несмотря на то что Дэниел даже сейчас был на добрых семьдесят фунтов тяжелее, Сэм сумел стащить его, бормочущего что-то, с тротуара и без церемоний притиснуть к багажнику машины Уэйнрайта.

– Он не убивал вашу дочь, – сказал Сэм Дэниелу на ухо. – Это был несчастный случай.

Дэниела прорвало: потоки слез, сдерживаемых месяцами, хлынули из его глаз.

Сэм почувствовал, как кто-то оттесняет его в сторону. Это была Мор. Она вклинилась между Сэмом и Дэниелом, взяла широкое лицо Дэниела в свои ладони. Ее глаза заблестели, когда она встретила с ним взглядом.

Дэниел затрясся всем телом. Слезы ручьями текли по его щекам.

Но он не сводил глаз с Мор.

– Она в ловушке, – прошептал он. – Эта тварь ее поймала. Она не даст ей упокоиться.

Мор уже не так крепко сжимала его лицо. Потоки слез Дэниела изменили свое течение, огибая кончики ее пальцев.

Сэм отступил назад. Он протянул Уэйнрайту руку:

– Давайте помогу встать.

Однако тот лишь смотрел на него – глазами, тоже мокрыми от выступивших слез. Губы Уэйнрайта дрожали.

– Это Адьюдел?

Прищурившись, Себастьян глядел через дорогу. На краю тротуара, тяжело опираясь на деревянную трость, стоял человек.

Уэйнрайт поднялся на ноги, они с Дэниелом на миг забыли о своей ссоре.

– Что этому больному ублюдку надо? – спросила Мор.

Адьюдел что-то кричал, запрокинув голову, пытаюсь одолеть шум машин.

Сэм нахмурился:

– Что он говорит?

– Не знаю, – ответил Себастьян. Сложив руки рупором, он крикнул: – Мы вас не слышим!

Внезапно гудящий поток машин на обеих сторонах дороги иссяк, движение стихло. Ветер, несущий последние отголоски зимнего холода, закружился вокруг компании, а потом тоже замер.

До них долетели слова Адьюдела:

– Вы все теперь принадлежите дому!

Себастьян махнул рукой на другую сторону улицы.

– Мы сейчас перейдем обратно! – закричал он. – Стойте там. Мы к вам подойдем.

Адьюдел выпустил из рук серебряную львиную голову – трость упала на тротуар, точно подрубленное дерево, – и глубоко вдохнул, как будто готовясь нырнуть на глубину.

– Вы навеки принадлежите дому, – произнес он.

И сошел с тротуара.

– О господи! – ахнул Уэйнрайт.

Автобус врезался в Адьюдела на полной скорости. Секунду назад он стоял на дороге, глядя на них сквозь свои нелепые очки, и тут его швырнуло на асфальт и затянуло под передний бампер. Взвизгнули тормоза: водитель попытался остановиться, но слишком поздно. Изломанные останки Адьюдела вылетели из-под задних колес, руки и ноги беспомощно болтались, тело несколько раз кувыркнулось и замерло.

Адьюдел лежал на животе, прижав щеку к асфальту. Очки остались на лице, но одно стекло треснуло, другое вывалилось

целиком. Глаза были похожи на выбеленные камешки с черными крапинками посередине. На голове была огромная вмятина. Белые осколки черепа торчали сквозь волосы, залитые густой темной кровью. Правая рука выгнулась вверх под неестественным углом. Из плеча, точно бледный стебель, пробивалась кость. Пальцы сжались в вялый кулак, лишь один был вытянут.

Сэму показалось, что этот палец указывает прямо на них, словно дуло ружья.

Рядом кто-то закричал. Потом еще и еще. Вскоре на улице было не протолкнуться от затормозивших машин и перепуганных пешеходов.

Сэм замер на месте, не пошевелились ни Уэйнрайт, ни Мор, ни Себастьян, ни Дэниел. В ошеломленном молчании они смотрели, как искалеченное тело доктора Малкольма Адьюдела поглотила толпа.

С крыши наверху сорвалась стая голубей, и черные птичьи силуэты исчезли в расцветенном закатом небе.

Лети, умчись хоть на край земли – спасения нет.

Часть 4

Фантомная конечность

25 апреля

Как мне доказать вам, что силы, обитающие в этом доме, реальны? Я с радостью пошел бы на что угодно, лишь бы убедить вас, дорогой читатель, что все испытанное мной в этих стенах не игра моего воображения. Увы! Мне нечего предложить вам. Потому что сердцем я знаю, что все это правда. А если вы до сих пор отказываетесь верить в могущество дома на Кровавом ручье... что ж... могу лишь призвать вас посетить его самим. Как только вы прибудете туда, как только перешагнете через порог и пройдете по сумеречным коридорам, вы поверите. Вы поверите.

Д-р Малкольм Адьудел, «Фантомы прерии»

Глава 26

09:15

Сэм глядел в окно – мир напоминал лоскутное одеяло из дорог и полей, раскинувшееся до изогнутого горизонта.

Он закрыл глаза.

Здесь, наверху, я в безопасности.

Казалось, так оно и было. Несясь по небу на скорости пятьсот миль в час, в сорока пяти тысячах футов над землей, он не чувствовал зова дома. Дом был лишь точкой среди множества других точек далеко внизу.

Но в конце концов нам придется приземлиться. Мы не можем оставаться здесь вечно.

Сэм, как мог, гнал от себя мысль о приземлении.

Место трагедии в Бруклине они покинули никем не замеченными. На дороге в обоих направлениях уже образовались пробки длиной в несколько кварталов. Машины гудели сердитым нестройным хором. На улице толпились люди, кто-то успокаивал бледного, как простыня, водителя автобуса, остальные окружили искалеченное тело Адьюдела. Пассажиры автобуса приникли к задним окнам – море вытаращенных глаз и разинутых ртов. Вдалеке завывали сирены.

Мор сказала, что пора уходить.

Себастьян вначале отказывался.

– Мы должны остаться, – настаивал он. – Вдруг мы можем чем-то помочь? Сделать что-то...

Сирены приближались. Уэйнрайт и Дэниел уже забирались в машину. Сэм положил руку Себастьяну на плечо и сказал:

– Нам надо уходить.

Уэйнрайт крутанул руль направо. Сэм оглянулся и увидел мигалку подъезжающей полицейской машины, а потом Уэйнрайт быстро повернул налево, и ужасное зрелище пропало.

Минут десять они ехали молча. Интернет-магнат вел машину куда глаза глядят, движимый желанием убраться как можно дальше от

места, где случилось то, что случилось. Кажется, даже он сам удивился, когда они каким-то образом добрались до его квартиры. Там они решили провести ночь. И попробовать поспать.

Завтра предстоял серьезный разговор. Им нужен был план.

Частный самолет из Ла-Гуардии в Канзас-Сити стоил больше двадцати тысяч долларов, но в сложившейся ситуации никто из них даже помыслить был не в силах о полете в переполненном салоне на коммерческом рейсе. Уэйнрайт связался с компанией, услугами которой обычно пользовался, в основном для международных перелетов. Им повезло: срочный заказ приняли.

Впервые в жизни Сэм оказался в частном самолете. Ему всегда казалось, что в столь экстравагантной обстановке он неизбежно стушует, однако сейчас сидел в роскошном кожаном кресле, смотрел в маленький иллюминатор на далекую землю, и от всего этого ему было тошно.

Сэм покосился на Себастьяна, устроившегося в кресле напротив. Старик смотрел перед собой, но отнюдь не тем пустым взглядом, который Сэм замечал у него в октябре. Чуть нахмутив лоб, он сосредоточенно созерцал пространство. Писатель не блуждал в мысленном тумане – он был погружен в глубокие раздумья.

– Себастьян? – окликнул Сэм.

– Да, Сэм? – Тот попытался изобразить дружескую улыбку.

Сэм окинул взглядом салон. Дэниел и Уэйнрайт сидели впереди. Уэйнрайт уткнул голову в ладони и закрыл глаза, а Дэниел, вконец обессиленный постигшими его испытаниями, провалился в глубокий сон. Одолеваемый тяжелыми видениями, он мелко вздрагивал. В задней части салона было четыре кресла: два смотрели назад, а два напротив них – вперед. Сэм видел макушку Мор, гребень ее черных волос торчал над спинкой, словно плавник акулы.

Сэм наклонился к Себастьяну и, стараясь говорить тихо, спросил:

– Как вы думаете, что мы там найдем?

Вопрос, похоже, застал Себастьяна врасплох.

– В доме?

Сэм кивнул.

Себастьян помедлил, размышляя.

– Я и правда не знаю.

– Но вы беседовали с Адьюделом несколько раз. Должен же он был упомянуть что-то...

– Мне известно не больше, чем вам, – стоял на своем Себастьян.

Я хочу ему верить. Но не верю.

Стараясь не привлекать внимания остальных, Сэм тихо поднялся со своего кресла и присел перед Себастьяном на корточки. Теперь старик не мог от него отвернуться.

– Что вы от меня скрываете? – спросил Сэм.

Себастьян хотел было что-то сказать, но передумал. Немного поразмышляв, он начал заново:

– «И первый кирпич выпал». Вы сказали, что у всех вас роман застопорился на этом предложении.

– Верно.

– Точно такое же предложение есть и в моей книге, – признался Себастьян. – Я помню, как написал его.

– Потому что вы тоже на нем застряли?

Себастьян покачал головой:

– Оно словно взорвалось в моем мозгу, и энергия удара швырнула меня вперед.

Ошарашенный Сэм склонил голову набок. *Вперед?*

– В работе я всегда был немного копушей, – продолжал Себастьян. – Не могу сочинять, как Мор, в режиме «сунул, вынул и пошел». Но эта книга кардинально отличалась от всего, что я писал раньше. Начиная с ноября роман шел ни шатко ни валко.

Не в таких выражениях я бы описал свою литературную деятельность в последние несколько месяцев.

Себастьян выставил ладони вперед, изображая, как толкает некий невидимый объект.

– Но стоило написать это предложение, как что-то придало мне мощный импульс, и я галопом добрался до финиша, – закончил он.

– До финиша, – повторил Сэм. – Пойдите, вы... вы хотите сказать...

Старик не стал ждать, пока он закончит свою мысль.

– Моя книга готова, – сказал он. – Я дописал ее неделю назад.

«Как раз тогда, когда мой роман внезапно встал намертво. Когда мы все прекратили писать. Потому что это было больше не нужно, – осознал Сэм. – Он нас обогнал. Потому что дом выбрал его».

«Финиш», – сказанное Себастьяном слово эхом отдавалось у него в голове.

– Чем все заканчивается? – спросил Сэм. Его голос был едва слышен за мерным ревом самолетного двигателя.

– Не важно чем...

– Себастьян, чем все заканчивается? Чем заканчивается ваша книга?

В этот миг самолет описал в небе плавную дугу, и на лицо Себастьяна упал свет утреннего солнца.

– Зло побеждает, – сказал он, глядя в иллюминатор на раскинувшуюся внизу облачную равнину. – Герои не могут его остановить, и зло побеждает.

Кожаное кресло тихо скрипнуло под Сэмом.

Мор даже не потрудились поднять на него глаза и сухо бросила:

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Сэм взглянул на остальных. Никто не заметил, что он перебрался в заднюю часть салона.

«Хорошо. Не надо Дэниелу и Уэйнрайту это слышать, – сказал себе Сэм. – Пока рано».

Его лицо, видимо, выдало его мысли – Мор повернулась к Сэму, внезапно обеспокоенная.

– Что стряслось? – спросила она.

– Себастьян закончил книгу, – прошептал Сэм. В голове у него до сих пор стоял туман.

Мор выпрямилась в своем кресле:

– Что?

– Книга дописана. Он закончил ее в тот самый день, когда со всеми нами случилось... вот это. Писательский блок.

– А еще что-нибудь он сказал? Что происходит в книге? Что за стеной?

– Он не знает, – ответил Сэм.

Мор уставилась на него с открытым ртом:

– Не знает? Он же эту хрень написал.

– Он сказал, что стена обвалилась и то, что оказалось за ней, было настолько странным, настолько чужеродным, что главный герой не смог это осмыслить.

Раздраженно фыркнув, Мор отвернулась к иллюминатору:

– Классическое себастьянкоуловское инфернально-космическое говнище. Ну, я не удивлена. А еще что-нибудь он сказал?

– Только что зло... – Сэм запнулся, боясь произнести это вслух, обратить в реальность. – Скажем так, хорошие ребята в финале не то чтобы торжествуют.

Мор резко втянула ноздрями воздух.

«Ей страшно», – понял Сэм.

Ти-Кэй Мор было страшно. Шесть месяцев назад он бы не поверил, что такое возможно.

Самолет слегка развернулся, и солнечный свет ушел с лица Мор, по щеке ее пролегла темная тень.

– Я все думаю о той ночи в доме, – произнесла она неожиданно слабым голосом. – У меня такое чувство, будто что-то тогда случилось. Но я не могу толком вспомнить что.

Сэм внезапно ощутил, как Мор прижимается к нему всем телом, как его пальцы касаются ее кожи, а его губы – ее губ.

«Сон, – понял он. – Той ночью мне снился сон. О ней. О нас».

Воспоминания вернулись, водопадом обрушились на него из темноты. Вкус ее губ. Запах ее кожи. То, как скользили пальцы по ее покрытой испариной плоти, пока он все глубже и глубже проваливался в крошечную черноту ее зрачка.

И ты ей рассказал. Ты все ей рассказал. В том сне.

В доме.

Сердце заметалось в груди, точно дикий зверь в клетке.

– Каким оно было? – спросила Мор.

Сэм насторожился:

– Каким было что?

– Когда вы прекращали писать. Как оно выглядело? В смысле когда вы наконец его увидели.

Расскажи ей.

«Она не поймет», – остерег здравый смысл.

Нет, поймет. Ты же хочешь рассказать ей. Ты должен рассказать ей.

Сэм наклонился вперед, сложил ладони вместе. Сделал глубокий вдох, но промолчал.

Еще рано.

«Она поймет, – заверил он себя. – Потому что ей доводилось испытывать боль. Как и тебе».

Он опустил взгляд на свои ладони. Он складывал их так, когда молился, когда был маленьким мальчиком, когда в нем еще была вера.

Расскажи ей.

– Оно выглядело как моя мать.

Мор повернулась к нему от иллюминатора. Смерила пристальным взглядом:

– Как ваша мать? Она погибла во время пожара, верно?

Сэм не ответил сразу. Он медленно покачал головой.

– Верно. Пожар был, но... – Он с усилием сглотнул. – Погибла она не от огня.

– Что вы хотите сказать?

Десятилетний Сэмми Мак-Гарвер стоял перед пылающей преисподней, которая когда-то была простеньким сельским домом. Внутри было тело его матери, но убил ее не огонь. Она уже была мертва.

А рядом стоял Джек.

– Об этом нельзя рассказывать никому, – сказал он. – Даже папе.

Тогда Сэм вырвался из рук брата и бросился в огонь.

Сэм потерял обожженную кожу на левом предплечье:

– Мать ненавидела нас – меня и моего брата. Она винила нас во всех своих несчастьях. Она жалела, что родила нас, она не хотела семейной жизни и ощущала себя в западне. Поэтому она выпивала, орала на нас, оскорбляла. Называла нас никчемными. Называла нас мелкими неблагодарными говнюками. А когда этого оказывалось мало для поднятия настроения, она нас била.

Мор наклонилась к Сэму:

– А ваш отец?

– Он был слабый человек. Честно говоря, я думаю, он ее боялся. Он пытался ее успокаивать, урезонивать, но... – Сэм крепче сжал предплечье, потер большим пальцем сморщившуюся кожу. – Я знал, что папа нас защищать не будет. Я, кажется, с самых ранних лет понимал, что противостоять матери можем только мы с Джеком.

Сэм бросил взгляд на переднюю часть салона. Никто не обращал на них с Мор внимания. На расстоянии и сквозь шум двигателя их разговор никак нельзя было услышать. Однако Сэму казалось, что

подслушивают все: Себастьян, Дэниел, Уэйнрайт. И даже дом, далеко-далеко внизу, ловит каждое его слово.

«Стой. Не давайся им», – предупредил внутренний голос.

Мор, судя по всему, почувствовала его страх. Она перекинула свою черную косу через плечо и зажала ее конец в ладони, словно вытяжной трос парашюта, за который можно дернуть, если все станет слишком серьезно.

– Мне оно явилось в виде моего бывшего парня, – сказала тихо, доверительно, почти шепотом. – Его звали Бобби. Я была молодая, только-только школу закончила, и жила в поганой халупе в поганом пустынном городишке к северо-востоку от Лос-Анджелеса. Тогда я еще не была Ти-Кэй Мор. Я была просто порядочной девочкой-католичкой по имени Тереза Кэтрин, а Бобби был для меня всем. Пока не сделал это.

Она показала на свой деформированный зрачок.

Сэм невольно открыл рот, но понятия не имел, что сказать.

– Сочувствую, – наконец выговорил он.

– Сочувствовать мне не нужно, – ответила Мор. – Я привыкла, что Бобби меня колотит. Побои просто стали частью моей жизни. Но когда я впервые увидела в зеркале свой глаз, когда я увидела эту открывшуюся бездну, это было словно заглянуть в другую вселенную, во вселенную, где я больше не обязана быть хорошей, послушной Терезой. Поэтому однажды я просто от него ушла. Перебралась в Лос-Анджелес, и там на свет появилась Ти-Кэй Мор. А с Бобби я больше не встречалась.

– До прошлой осени, – сказал Сэм.

Мор кивнула:

– Я начала слышать, как он зовет меня откуда-то из глубины моего дома: «Тереза, Тереза...»

От того, как протяжно, напевно она произнесла это имя, по спине у Сэма побежали мурашки.

– Пока я писала, голос молчал. Но несколько раз я пыталась бросить роман – остановиться, поскольку я понимала, что книга завладела моей жизнью, – и вот тогда он меня настигал. – В уголках ее глаз блеснули слезы. – Все было как взаправду, Сэм. В точности как тогда. Боль. Ужас. Оно даже знало, что я должна была сказать, чтобы Бобби перестал. Я должна была признать, что я ничтожество. Чтобы

он мог почувствовать себя крутым. – Одна слеза сорвалась и покатилась по щеке Мор. Она сердито ее смахнула. – Меня заставляло писать даже не ощущение, что я снова на Кровавом ручье. Я писала, чтобы отогнать его...

Сэм взял Мор за руку. Ощущение ее пальцев в его ладони было странно знакомым.

Потому что это уже было. В доме сестер Финч. Во сне.

– Но ведь на самом деле это не Бобби, – сказала Мор. – Он жив. Я слышала, что он живет в Аризоне. Он мудак и абьюзер, но он, мать его, не привидение.

– Это не он, – ответил Сэм, – точно так же, как это не моя мать. Дом с помощью их образов пытается добраться до нас, сломить нас.

– Откуда он обо всем узнал?

Она ему рассказала. Как и я о своей матери. Когда говорил с Мор той ночью. Когда она пришла ко мне в комнату.

Только на самом деле она не приходила.

Это была не Мор. Это был дом.

Пол самолетного салона словно растворился. Сэм почувствовал, как, рассекая воздух, камнем летит вниз, к земле.

– Он подслушивал, – сказал он.

– О ком вы?

– О доме. Когда мы были там прошлой осенью, он подслушивал. Наши разговоры. Наши *мысли*. Мы сообщили ему все необходимое, чтобы он понял, как нас сломить.

– Это... этого не может быть, – возразила Мор, но в голосе ее звучало сомнение.

«Потому что она понимает, что я, возможно, прав», – подумал Сэм.

– Он притворился моим бывшим, потому что тот меня бил, и вашей матерью, потому что она, получается, ненавидела вас за то, что вы есть на белом свете?

Сэм вспомнил сон, виденный в доме, и облегчение, которое ощутил, прошептав те слова ей на ухо.

«Я могу ощутить это снова», – осознал он.

Нет. Прекращай болтать. В первый раз это было ошибкой.

Потому что тогда это был дом. А сейчас это Мор. Настоящая Мор.

Расскажи ей.

– Сэм? – встревоженно окликнула Мор.

– Есть и другая причина, – сказал Сэм.

Он с усилием сглотнул, набираясь отваги.

Давай!

– Сэм, вы не обязаны...

Нет. Ты обязан.

Расскажи ей.

– Я убил свою мать, – произнес он четыре самых тяжелых слова в своей жизни.

Ужас пробежал по лицу Мор, словно рябь по воде, глаза широко распахнулись, брови выгнулись, из приоткрывшегося рта вырвался вздох. А потом рябь исчезла, и Мор подалась вперед, словно влекомая силой тяжести совершенного Сэмом признания. Сэм ее не видел. Он погрузился в воспоминания.

– Она набросилась на моего брата. Она ударила его, свалила на пол, а потом схватила... схватила за горло. И стала душить. Он не мог дышать. Лицо у него стало красным, потом лиловым, а я стоял и смотрел, как он умирает. Я смотрел, как умирает мой брат. И я схватил чугунную сковороду и ударил ее, хотел остановить, и...

Мор дотронулась до его руки, коснулась шрамов.

Сэм взглянул ей в глаза:

– Она сгорела в том пожаре. Но умерла она не от огня.

Сэм смотрел, как по щекам Мор текут слезы, а потом слезы полились и из его глаз. Они срывались с подбородка и падали на изуродованную левую руку.

– И эта тварь все знает. Чем бы она ни была, она все знает.

Сэм подумал о неподвижном теле матери на полу кухни. Подумал о спасении, которое обрел в романе Себастьяна Коула – в дешевой книге, лежавшей третьей сверху в стопке на полке ломбарда. Подумал обо всем, что последовало за этим, о своей жизни, состоящей из историй и тайн, о том, как все это вынудило Эрин уйти, а он впал в такое отчаяние, что принял приглашение Уэйнрайта посетить дом на Кровавом ручье.

И внезапно Сэм понял: то, что происходит с ним сейчас, было неизбежно, predetermined.

Самолет резко нырнул вниз. Он начал готовиться к посадке.

Вскоре им предстояло снова ступить на землю.

Глава 27

11:32

Скобяная лавка располагалась на Кивира-роуд в Ленексе, штат Канзас, это был один из тех немногих семейных магазинчиков, что до сих пор не желали сдаваться под натиском многочисленных торговых сетей, заполонивших Канзас-Сити и его пригороды.

Вел их Сэм.

«Человек с важной миссией», – заметила про себя Мор, стараясь не отставать.

В конце концов, план принадлежал Сэму. Когда самолет стал заходить на посадку в международный аэропорт Канзас-Сити, он устроил маленькое совещание. Каждого из пишущих повествование привело к стене. К кирпичной стене. В точности такой, как та стена, что преграждала вход в спальню третьего этажа дома сестер Финч. Тому должна быть причина, настаивал Сэм. За стеной находится то, что поможет понять сущность дома и власти, которой он обладает. А если они все поймут, то, возможно, сумеют все остановить.

Уэйнрайт был настроен скептически и не побоялся в этом признаться.

– Дом заставляет вас писать эти романы. Может быть, он хочет, чтобы вы – чтобы *мы* – вернулись? Вдруг это ловушка?

– И что тогда нам делать? – спросил Сэм не только Уэйнрайта, но всю компанию. – Отправиться по домам? Сидеть и ждать, когда эта тварь сведет нас с ума? Или еще хуже? Мы знаем, что этот дом сотворил с Кейт. Мы *видели*, что он сотворил с Адьюделом. Обратиться нам не к кому. Кто нам поможет? Полиция? Церковь? Единственный человек, который знал тайны дома, шагнул к чертям собачьим под автобус.

Сэм замолчал, ожидая возражений. Никто не сказал ни слова.

– Если у кого-нибудь имеется предложение получше, поверьте, я буду счастлив его услышать.

Ответом ему был лишь взвизг колес самолетного шасси, коснувшихся посадочной полосы.

Поэтому Мор, вместе с Уэйнрайтом, Дэниелом и Себастьяном, шла вслед за Сэмом, толкавшим тележку по узким проходам между стеллажами скобяной лавки.

Похоже, приватный разговор в самолете освободил Сэма от груза, который он нес на протяжении всей жизни. Мор видела, что он наслаждается легкой передышкой от сокрушающей тяжести своей тайны. А сама она радовалась возможности движения. Шесть месяцев стазиса, вынужденной изоляции и ударного труда над нескончаемым романом заставили ее ощутить то, чего она не ощущала уже двадцать лет, – беспомощность. Теперь же они направлялись вперед.

Но что впереди?

Мор не знала. Никто не знал. Они понятия не имели, что произойдет, когда они явятся в дом.

Но Сэм прав. Отправляться по своим домам нельзя. Мы знаем, что нас там ждет.

В задней части магазина лежали молотки всевозможных размеров. Сэм взял самую тяжелую, двадцатифунтовую кувалду. Взвесил в руках и с явным удовлетворением аккуратно положил в тележку. Потом в тележку отправились кузнечный молот весом в шестьдесят четыре унции, безреактивный молоток весом в сорок восемь унций и обычный строительный молоток с гладкой ручкой из ореха. Наконец, Сэм нашел двенадцатидюймовое зубило для бетона и отправил в тележку и его тоже.

– Этого должно хватить, – сказал он.

– А нельзя просто взять в аренду пневматический молоток и на этом успокоиться? – спросила Мор.

Себастьян заглянул в тележку:

– Она дело говорит. Сэм, это старая стена из восьмидюймовых глиняных кирпичей. Мне кажется, одной кувалды будет достаточно.

Сэм ответил старику сухо и холодно:

– Я не собираюсь полагаться на удачу. Я хочу разрушить эту стену как можно быстрее.

Себастьян тихо кивнул и отвернулся со странно подавленным видом.

«Сэм ему не доверяет», – мелькнуло в голове у Мор.

Они пошли по другому проходу в переднюю часть магазина. Мор подобралась к Сэму и положила руку на тележку.

– Что мы надеемся обнаружить по ту сторону стены, Сэм? – спросила она.

– Спальню Ребекки, – ответил он, пожалуй, слишком поспешно. – Возможно, что-то, что позволит нам понять происходящее.

Мор мимоходом посматривала на других покупателей – людей, занятых своими делами, не подозревающих о том, какую пытку приходится терпеть ей и остальным.

– Я размышляла о том, что может оказаться в этой комнате, – тихо сказала Мор. – Призрак Ребекки Финч. Или Джошуа Гудмана. Или все то, что дом на нас наслал. – От этой мысли ее охватил озноб.

Сэм негромко вздохнул.

– А может, что-то еще, что-то такое, чего мир еще не видел, – предположил он.

«Или там просто комната, – подумала Мор, – а мы все спятили на хрен».

Они добрались до конца прохода. Впереди виднелась одна-единственная касса, длинная очередь двигалась медленно.

Мор наклонилась к Сэму и доверительно шепнула:

– Если мы разрушим стену и дух одной из сестер Финч вселится в кого-то из вас, я в ту же секунду возьму кувалду и сделаю из его мозгов яичницу. – Она растянула губы в дьявольской усмешке. – Очень плохо с моей стороны надеяться, что это окажется Уэйнрайт?

Мрачная серьезность на лице Сэма сменилась улыбкой.

«Вот и хорошо, – подумала Мор. – Почти как будто все снова в норме».

Улыбка Сэма растаяла так же быстро, как появилась.

Он встал в конец очереди, Себастьян тихо пристроился позади. За Себастьяном, засунув руки в карманы, плелся Дэниел. Между мужчинами не чувствовалось тепла и товарищества – от обоих веяло лишь тоской и недоверием.

Уэйнрайт встал рядом с Мор:

– Думаете, у нас получится? – Его некогда громовой голос стал тонким и слабым.

– Получится, – отрезала Мор.

«Должно получиться, – сказала она себе. – Будем долбить эту гребаную стену, пока не обрушится. И что бы ни приберег для нас дом...»

«То что тогда?» – спросил внутренний голос.

Разберемся. Будем импровизировать.

Даже в мыслях это звучало омерзительно – *импровизировать*. Это предполагало внезапную смену планов, отчаянную попытку вернуть контроль над ситуацией. Это означало, что все может пойти наперекосяк и им придется отражать атаку тьмы.

Оглушительно грохоча колесами, Сэм подкатил тележку к стоящему у тротуара прокатному внедорожнику. Уэйнрайт нажал кнопку на брелоке, и задняя дверь плавно поднялась, являя взгляду спешно собранные вещи и клочок свободного места для инструментов.

Себастьян расстегнул темную тканевую сумку, которую нашел у входа в магазин, и раскрыл ее, чтобы Сэм и Уэйнрайт сложили туда мелкие молотки. Тогда-то Мор и заметила кое-что в нескольких домах от них.

«Не заморачивайся», – сказал внутренний голос.

Это займет всего минуту. И хуже от этого уж точно не будет.

«Зря потеряешь время», – настаивал внутренний голос.

Мор отмахнулась от этой мысли, повернулась к остальным и заявила:

– Сейчас вернусь.

– И куда это она? – услышала Мор голос Себастьяна, уже быстро шагая по улице.

Колокольчик над дверью приветливо звякнул, когда Мор вошла в букинистический магазин. В ноздри тут же ударил роскошный запах книжных страниц – стон тысяч книжных страниц, – тихо старящихся под своими обложками.

Пухлая женщина радушно улыбнулась посетительнице:

– Доброе утро. Подсказать вам что-нибудь?

– Где у вас раздел религии? – нетерпеливо спросила Мор, шаря взглядом по битком набитым полкам.

– Вот оно что... А вам западные религии нужны или восточные? Потому что, если вас интересует буддизм, у нас имеется великолепно иллюстрированная...

– Леди, вы просто пальцем можете показать? – повысила голос Мор.

Улыбка исчезла с лица женщины. Она сделала, как ей велели, ткнув пальцем в направлении верхней полки ближайшего стеллажа. Быстро пробежав глазами по корешкам, Мор увидела то, что искала. Когда она снимала книгу с полки, в глубине ее сознания голос юной девушки произнес слова из далекого прошлого, из тех времен, когда она еще верила в подобного рода волшебство:

«Препоясывает силою чресла свои и укрепляет мышцы свои».

«Вот именно, Тереза, – подумала Мор. – У меня силы больше, чем у тебя. Я слишком сильна, чтобы вернуться назад».

Мор бросила книгу на прилавок и выудила из кармана двадцатку, это с избытком покрывало сумму, написанную от руки на маленьком желтом ценнике. И протянула купюру продавщице:

– Вот.

Женщина не шевельнулась.

Из дальнего угла под прилавком раздалось глухое рычание.

– Жасмин вы не нравитесь, – заявила женщина.

– Это еще кто такая? – раздраженно фыркнула Мор.

Из-за стопки дешевых любовных романов сверкнула желтыми глазами мохнатая кошка цвета помоев. Она посмотрела прямо на Мор и снова утробно зарычала.

– Жасмин считает, что вы очень-очень грубая.

Кошка пригнула голову, но взгляда с Мор не сводила и зарычала в третий раз, еще громче.

Мор швырнула двадцатку на прилавок и взяла книгу:

– Ну и паскуда же ваша Жасмин.

Когда Мор вылетала из магазина, колокольчик как будто бы звучал уже не так приветливо.

Остальные успели забраться в машину. Уэйнрайт сел за руль. Когда Мор подошла, он опустил стекло и поинтересовался:

– Что вам так срочно понадобилось?

Мор показала свою находку – Библию в кожаном переплете.

– Я думал, вы неверующая, – подал голос Себастьян с заднего сиденья.

Мор пожала плечами:

– Я и есть неверующая. Но еще я предпочитаю использовать все доступные возможности.

Мор заметила, что Дэниел бросил взгляд на книгу в ее руках. Лицо его осталось безучастным. Библия больше не вызывала у него никаких чувств.

– Садитесь, – сказал Уэйнрайт. – Пора ехать.

Мор устроилась рядом с ним. Волосы она теперь забрала в высокий хвост. Позади сидели Сэм и Себастьян, за ними – одинокий Дэниел. Как и в октябре, Уэйнрайт был за штурвалом. Отсутствие Кейт ощущали все, но все об этом молчали.

Уэйнрайт свернул на съезд к дороге на Кровавый ручей. Одно мгновение – и ровный асфальт сменился шумной грунтовкой, мелкие камешки забарабанили по днищу машины, словно град наоборот.

Дорога была темнее, чем в прошлый раз: деревья оделись листвой. Щурясь в полутьме, Сэм смотрел вперед. Внедорожник ехал сквозь туннель из дубов и кленов. Вдалеке виднелся овал солнечного света, он казался недостижимым. По коже Сэма побежали мурашки. Деревья скрывали небо, не оставляя ни единого просвета, их густые ветви сомкнулись вокруг дороги, точно пальцы душителя.

Сэм слышал, как плещется в кузове бензин. Это был последний пункт повестки перед выездом из города – заскочить на заправку и там купить и наполнить бензином две десятигалонные канистры. На крайний случай. Если они не найдут разгадку в спальне третьего этажа или если дом оживет, впадет в ярость и они не смогут даже добраться до стены, тогда они просто спялят проклятое жилище дотла. Сэм не был уверен, что это окончательно остановит обитающую там сущность, но надеялся, что так удастся хотя бы ее ослабить. И выиграть достаточно времени для разработки плана Б.

Их качало туда-сюда, пока машина катилась по петляющей дороге. Себастьян, опустив голову, смотрел в пол салона. Сэму было интересно, о чем он думает. С тех пор как они встретились у Адьюдела, Себастьян пребывал в удивительно ясном рассудке. Ни секунды он не напоминал человека, пожираемого каким-то ненасытным недугом. Что-то изменилось в нем после их прошлогодней поездки на Кровавый ручей. Но чем ближе было возвращение, тем более испуганным казался Себастьян.

«Он не хочет возвращаться, – подумал Сэм. – Он не хочет, чтобы это закончилось».

– Себастьян? – тихо окликнул он.

Себастьян повернулся:

– Да, Сэм?

– Вы уверены, что хотите этого?

Старик улыбнулся, но в глазах его застыла печаль, словно он знал, что ему предстоит некая невосполнимая утрата.

– Что бы дом ни делал, продолжаться это не может, – сказал он.

Внедорожник преодолел темный тоннель и внезапно вылетел в ослепительно-яркий свет.

Дом стоял перед ними, сгорбившись, посреди заросшего двора. Травы, казалось, воспрянули. Стали яркими, сочными.

Но все не отрываясь смотрели на бук, на дерево висельников, чьи искривленные ветви осенью были безжизненными. Прошедшие месяцы обернулись для него пугающим возрождением. Яркая зелень одела бук живым праздничным нарядом. Сочные вьюнки обвивали перекрученный ствол, приникали к осыпающейся коре, стискивали ее, удерживали на месте. Несколько листьев трепетали на легком ветерке, но остальные были неподвижны, лишь длинные ветви качались туда-сюда, точно маятники, считающие секунды до прибытия гостей.

Глава 28

12:45

Сэм захлопнул дверь внедорожника. Тканевую сумку он перекинул через плечо. Внутри тихо стукнули друг о дружку зубило и молотки. Мор настояла на том, что двадцатифунтовую кувалду понесет сама, и теперь наслаждалась ее тяжестью в руках.

Пятеро пришельцев шагали по подъездной дорожке. По обе стороны от них шелестели высокие травы – но не от ветра!

У крыльца Дэниел остановился. Он поднял глаза на окно третьего этажа.

Себастьян проследил за его взглядом:

– Что вы там видите, Дэниел?

Тот прошептал что-то слишком тихо, чтобы можно было разобрать.

– Простите, как? – переспросил Себастьян.

«Надо пошевеливаться, – напомнил себе Сэм. – Если они будут ждать слишком долго, то начнут сомневаться в плане. И повернут назад».

– Давайте, идем, – позвал Сэм и начал подниматься по ступенькам.

Ботинки тихо стучали по деревянным доскам, пока он шел к двери. Ручку не оплетали вьюнки, как осенью. Поворачивай – и заходи.

Сэм помедлил, оглядел крыльцо. Вьюнки, раньше покрывавшие настил, тоже исчезли. Очевидно, спрятались в траве. Это отдавало безумием, но что им не отдавало?

За спиной у Сэма Уэйнрайт слегка попрыгал на досках и обнаружил, что они больше не проседают под ногами.

– Крыльцо стало крепче, – сообщил он. – Почти как новенькое теперь.

Сэм повернулся к двери.

Пора.

Он крутанул ручку.

Дверь легко открылась.

«А мы запирали ее, когда уезжали отсюда осенью? – задумался Сэм. – Может, кто-то заходил сюда после нас и забыл про замок».

«Или дом хочет, чтобы вы вошли», – подсказал внутренний голос. Сэм отмел эту мысль. От нее только становилось страшнее.

Сэм собрался с духом и переступил порог.

На первый взгляд комнаты остались прежними. Но вскоре все заметили, что изнутри дом тоже был в лучшем состоянии, чем осенью. В нем царила невероятная чистота. Ни единая пылинка не свидетельствовала о пролетевшем времени. Половицы и деревянные стенные панели, казалось, стали ярче. Даже мебель, стоящую точно так, как наказала Рейчел Финч, словно бы недавно почистили.

«Поздоровел. Дом как будто поздоровел», – подумал Сэм.

Осторожно пробираясь через комнаты, они проверили выключатели. Свет не загорался. Неудивительно: электричества быть и не могло, вряд ли в генераторе остался бензин. На кухне Уэйнрайт покрутил краны у раковины. Не вытекло ни бурой жижи, ни чистой воды. Ничего.

Они двинулись по узкому коридору в гостиную. Уэйнрайта захлестнула волна паники.

– С вами все в порядке? – спросил Сэм.

Уэйнрайт кивнул и, сделав над собой усилие, пошел следом за остальными.

Они прошли через гостиную в переднюю. И снова очутились у подножия лестницы.

– Что, по-вашему, задумал дом? – спросил Себастьян.

– Не знаю, – честно ответил Сэм. – Он знает, что мы здесь. Если он захочет что-то нам сделать, то сделает.

Налетел легкий ветер, и дом тихонько заскрипел, в дальних углах затрещали доски. Все молчали. Стояли неподвижно, напрягая слух, стараясь уловить что-нибудь необычное: звук шагов, смех, эхо голосов. Слышно было лишь, как посвистывает ветер, налетая на дом, прижимая невидимые ладони к оконным рамам. Потом свист пропал. Ветер исчез. На прищельцев обрушилась оглушительная тишина.

Летняя жара спала, стоило им перешагнуть порог, однако, вместо того чтобы обрадоваться этому, они обеспокоились. Стояли в холодном

безмолвном доме, ожидая, когда тот сделает первый ход.

«Все повторяется, – подумал Сэм. – Он наблюдает за нами. Ждет».

Мор поудобнее перехватила рукоять кувалды и, изогнув бровь, повернулась к Сэму.

– И что теперь? – спросила она.

«Когда я успел сделаться командиром?» – удивился про себя Сэм. Он глубоко вдохнул, готовясь принять роль, которой никогда не желал.

– Будем ломать, – сказал он.

Мор согласно кивнула:

– Будем ломать.

Ступени лестницы скрипели под их ногами. Взбираясь на второй этаж, Мор легко держала в руках зловещую кувалду.

«Готовься, – предупредила она себя. – Эта дрянь добралась до нас в наших домах. Кто знает, что она вытворит здесь».

Уэйнрайт поднимался сразу за Мор. Себастьян шел третьим, держась за перила, прочно вставая на каждую ступеньку обеими ногами, перед тем как шагнуть на следующую. Сэм следовал за Себастьяном, готовый поймать его, если он споткнется. Как всегда, шествие замыкал погруженный в пугающее молчание Дэниел.

Призраки не ждали их на втором этаже. Витражное окно в дальнем конце коридора являло жизнерадостный контраст теням, окутавшим верх лестницы. Они прошли мимо закрытых дверей, украдкой бросая взгляды на свои бывшие спальни, чувствуя, как стремительно возвращаются воспоминания о первом посещении Кровавого ручья.

Резко свернув в нишу в конце коридора, Мор остановилась, упершись носками в первую ступеньку следующей лестницы. Остальные собрались вокруг, всматриваясь сквозь сумрак в кирпичную стену над ними. За ней, как им было известно, находилась спальня третьего этажа, та самая комната, где последний глоток воздуха покинул легкие Ребекки Финч, комната, которую Рейчел Финч замуровала после смерти сестры.

– Да пошло оно все, – сказала Мор, а затем вскарабкалась по ступеням, размахнулась кувалдой и испустила яростный вопль.

Кувалда врезалась в стену и отколола кусок кирпича. Он скатился к подножию лестницы.

Сэм в ужасе уставился на осколок. Они как будто исподтишка стукнули дворового хулигана – красный кирпич на деревянном полу казался каплей крови.

Если дом не проснулся раньше, то теперь пробудился наверняка.

Наверху кувалда продолжала грохотать все громче и громче, по мере того как Мор вкладывала в удары все больше сил. Но они, в отличие от первого, не оказывали на стену почти никакого воздействия. Как бы Мор ни молотила по кирпичам, они не поддавались, раствор держался. Очень скоро, несмотря на царящую в доме прохладу, по лицу Мор побежали струи пота.

– Если кто-то думал, что эта стена просто возьмет и рухнет, то этот кто-то нехило обломался, – крикнула она остальным.

Сэм опустил сумку на пол, и Уэйнрайт торопливо ее расстегнул. Отодвинул в сторону купленную Мор Библию, пошарил внутри и вытащил зубило и маленький молоток. Прыгая через ступеньку, он поднялся по лестнице и приставил зубило к полоске между кирпичами. Вскоре сверху доносился мерный стук уже двух молотков. Воздух наполнился серой пылью от крошащегося раствора, но стена стояла крепко.

Себастьян с тихим стоном оперся обеими руками о стены узкого лестничного прохода и опустился на нижнюю ступеньку.

– С вами все хорошо? – спросил Сэм.

Себастьян слабо улыбнулся:

– Да-да, конечно.

«Он врет», – подумал Сэм.

Он смотрел, как работают Мор и Уэйнрайт, их руки описывали в воздухе дуги. Кувалда Мор свирепо колотила по кирпичам, молоток Уэйнрайта бил по зубилу. Вокруг них повисло густое облако пыли.

Уэйнрайт натянул рубашку на нос и рот, защищая легкие.

– Мне очень жаль, что вам пришлось сюда вернуться, – внезапно сказал Себастьян. Он повернулся к стоящему в нескольких футах позади Дэниелу: – Для вас это должно быть особенно тяжело, учитывая...

Сэм смотрел на Дэниела, не зная, чего ожидать. Обвисшие щеки Манниака покраснели, в глазах заблестели слезы. Он стиснул зубы, подавил свое горе, проглотил его, затолкал глубоко, глубоко, глубоко в утробу, где держал почти шесть месяцев. По лицу его пробежала тень

гнева, дикого, неукротимого, а потом пропала, слезы в глазах высохли, черты вновь приобрели пугающе-равнодушное выражение, которое не покидало Дэниела с тех пор, как Сэм и Мор встретились с ним в Чикаго.

Не обращая внимания на Себастьяна, Дэниел повернулся к Сэму:

– А лифт? Почему мы не можем подняться на нем?

Сэм не успел ответить – Уэйнрайт крикнул сверху:

– Там тоже стена. Кирпичная, как эта. К тому же электричества нет. Лифт даже не поедет.

Пробормотав что-то вполголоса, Дэниел опустил голову и отступил в коридор.

– Дэниел? – позвал Сэм, не пытаясь скрыть тревогу.

– Я в порядке. В порядке.

– Точно?

Дэниел кивнул, пожалуй, слишком поспешно. В глазах его снова стояли готовые пролиться слезы.

– Да-да, точно. Я просто спущусь вниз на минуточку. Может, наружу выйду, воздухом подышу.

– Я пойду с вами, – сказал Сэм.

Дэниел махнул на него рукой.

– Нет! – рявкнул он. А затем, уже спокойнее, добавил: – Мне просто надо выйти на минуточку. – И поспешил к лестнице на первый этаж.

– Не нужно ли нам пойти за ним? – спросил Себастьян, когда Манниак скрылся из виду.

– Не нужно, с ним все будет хорошо, – ответил Сэм. В голосе его звучало сомнение.

Глава 29

13:50

Дэниел все еще слышал доносящийся из верхней части дома стук молотков – злобный, разрушительный звук, который, казалось, невидимым шипом впивался ему прямо в череп, пытаюсь добраться до мозга.

Дойдя до первого этажа, он остановился, положив руку на шишку на конце перил. Закрыв глаза и попытался прогнать из сознания образ.

Клэр. Ее перекрученное, окровавленное тело, заточенное в металл. Пар из двигателя обволакивает ее. Один глаз закрыт. Второй открыт, зрачок расширен, кровь из лопнувших сосудов заливает прекрасную синеву радужной оболочки, марает ее багровым. Тот остекленевший глаз, смотрящий из обломков в пустоту, ничего не видящий, ничего не ощущающий. Пропала. Пропала навеки.

Дэниел подавил слезы – и немедленно взъярился на себя! Ему казалось, что всякий раз, когда он плачет, последние сохранившиеся внутри него частицы Клэр вытекают, уходят в землю, исчезают. Он хотел удержать слезы в себе, чтобы удержать *ее* у сердца. А слезы убегали, унося с собой его дочь, и пустота внутри разрасталась, поглощала его, его сердце, его душу. То, что раньше было райским садом, превратилось в черную бездну, в бескрайнюю пустошь, где не было ни единой звезды, чтобы озарила путь.

«Я хочу вернуть ее, – взмолился он в темноту. – Я хочу вернуть свою дочь. Я знаю, она у тебя. Я все сделаю. Все. Только верни ее. Верни ее мне».

Он знал, что это напрасно. Клэр мертва. Она не вернется к жизни.

Но дом... дом ведь вернулся? Эта поганая тварь ожила одной лишь силой воли. Она прокралась в их жизни, преодолев огромный путь, словно невидимый вьющийся сорняк, ползущий по стране, заползающий в их дома, в их семьи, в их разум.

Дом забрал Клэр. Он сам мне сказал. Если он захватил ее, он может ее отпустить.

Дэниел закрыл глаза.

– Пожалуйста, верни ее, – прошептал он.

Вокруг была пустота. Безмолвная. Бесконечная.

Внезапно по телу Дэниела прокатился электрический разряд, заставил его содрогнуться. Он забыл обо всем, его толстые пальцы стиснули перила, ногти впились в дерево. Первой – и единственной – мыслью было: это тот самый сердечный приступ, которым его давно пугал врач. Потом перед глазами пронеслась череда картинок: малышка Клэр на руках у Сабрины, крестины Клэр, Клэр впервые поехала на велосипеде, Клэр в школьной команде чирлидеров, Клэр со своим кавалером на Зимнем балу. Он хорошо помнил эти снимки – они хранились в фотоальбоме дома, в Чикаго. Но сейчас они не походили на плоские, безжизненные фотографии, они казались настоящими. В них появилось третье измерение и странное ощущение движения. Клэр моргала. Ее улыбка становилась шире. Дэниел почти мог различить ее смех.

В глубине его черепа, в недрах раскаленного, как электрическая розетка, мозга, скрипучий голос пробился сквозь занавеси древних шепотков: *«Ты мог бы спасти ее»*.

И тут все закончилось. Неизвестная сила, захватившая тело Дэниела, отпустила его, электрический ток вышел через кончики волос, через подушечки пухлых пальцев. Из глубины его легких вырвался тихий вздох.

Деревянные сочленения дома вдруг начали подрагивать, словно строение охватило слабое, почти незаметное землетрясение. Это продолжалось всего несколько мгновений, затем все стихло, и вновь воцарился порядок.

Дэниел стоял у подножия лестницы, посреди затихшего дома. Снаружи поднялся ветер, засвистел в щелях стен.

Он сделал несколько быстрых вдохов и выдохов, проверяя, как работает организм, желая убедиться, что все в норме. Ни боли, ни одышки, ни тяжести в груди он не чувствовал. Что бы это ни было, что бы в него ни проникло, оно ушло.

Откуда-то сверху донесся глухой стук, и весь дом словно бы содрогнулся. Дэниел склонил голову набок, пытаясь определить источник звука. Он шел изнутри стен. Стук раздался снова. А вслед за

ним – тихий долгий скрип. Дэниел наконец понял, что это. Шестеренки. Заработал механизм.

Глядя чуть левее лестницы, Дэниел представил, как движется система тросов и шестеренок, опуская что-то вниз, к нему. Когда скрип достиг первого этажа, глухой стук в третий раз эхом разнесся по передней, и механизм замер.

Озарение, настигшее Дэниела секунду спустя, было очевидным до постыдности.

Лифт.

Он сделал несколько шагов вперед, к стальной двери-гармошке. Сквозь ее решетку он видел темные стены деревянной кабины лифта. Очевидно, кабина была наверху, когда они приехали. А сейчас что-то подействовало на нее, возможно, скачок напряжения, когда они пытались включить свет, и от этого она спустилась.

«Вот только никакого напряжения нет, – сообразил Дэниел. – Мы же проверили выключатели. Ничего не работало».

Он попытался как следует рассмотреть кабину. Казалось, внутри никого не было, но переплетение стальных прутьев мешало обзору. Внутри мог кто-то быть. Некая тень. Некий обитатель.

Осторожными пальцами Дэниел коснулся двери-гармошки. Вдохнул. Опасливо открыл дверь. Лифт был пуст. Просто на всякий случай он обыскал кабину сверху донизу, но не нашел ничего, кроме...

Дэниел растерянно склонил голову набок. В центре потолка горела лампочка, матовый стеклянный плафон светился изнутри, на дне его виднелись очертания кучки мертвых насекомых.

Так значит, электричество есть. Они, должно быть, ошиблись. Может, люстры в доме отключили, а лифт – нет. Маловероятно, но других осмысленных версий у Дэниела не было.

Почти не осознавая, что он делает, Дэниел зашел в кабину. Рука протянулась к двери-гармошке и закрыла ее. Перед ним были три кнопки, одна над другой, они напоминали мерцающий столб далекого созвездия. Он нажал на верхнюю кнопку – «3».

Он ждал знакомых звуков – скрипа шестеренок, глухого стука натягиваемого троса, – но ничего не услышал. А потом лифт пришел в движение, передняя исчезла из виду – Дэниел ехал вверх. Появился коридор второго этажа, на другом его конце виднелись потертые черные туфли Себастьяна, из-за угла выступила спина Сэма. Лифт

продолжал свой беззвучный подъем. Никто не высунулся из ниши, никто не проводил Дэниела изумленным взглядом.

Вверх, вверх, все выше. Последний отблеск света со второго этажа скользнул по полу кабины. А потом пропал, и Дэниела окутала темнота, он едва мог различить перекрестье решетки двери-гармошки перед собой.

Это путешествие должно было бы напугать его. Однако страха не было – лишь чувство, что он приближается к чему-то прекрасному, к особой комнате дома, предназначенной только для него. По лицу Дэниела расплзлась дурашливая улыбка, щеки до сих пор были мокры от слез, пролитых у подножия лестницы.

Лифт резко остановился. Дэниел уперся рукой в стену кабины, чтобы не потерять равновесия. Кнопка «3» на панели погасла, сообщая: он приехал.

– Нет, – прошептал Дэниел. И отодвинул дверь-гармошку.

Как и говорил Уэйнрайт, здесь тоже была стена. У Дэниела все похолодело внутри. Дрожащей рукой он коснулся кирпичей.

В ту же секунду стена начала рушиться. Сначала верхний ряд, за ним еще один и еще, кирпичи падали, словно волна, разбивающаяся о берег. Так же, как и лифт, касаясь пола, они не издавали ни единого звука.

Проход был открыт.

Дэниел сощурился от яркого солнечного света. И ухмыльнулся еще шире – беззаботной ухмылкой пьяницы.

Охваченный почти неудержимым волнением, он шагнул из кабины лифта в спальню третьего этажа.

Глава 30

14:07

Наверху лестницы Уэйнрайт и Мор продолжали долбить стену. Они трудились уже почти час, прерываясь лишь, чтобы порыться в сумке – в надежде отыскать инструмент, который поможет наконец справиться с задачей.

«Не получается», – подумал Сэм. Он попытался сглотнуть слюну, и горло свело спазмом.

Зубило и кувалда выбили несколько кусков раствора, но кирпичи сидели как влитые. Это было какое-то чудо – заграждение, кое-как сооруженное больше двух десятилетий назад, неподвластное разрушению.

Себастьян покинул нишу и нервно ходил кругами в коридоре.

– Может быть, нам просто уйти? – предложил он.

Сэм покачал головой:

– Вы же знаете, что уходить нам нельзя.

– Знаю, – согласился Себастьян. В голосе его звучала тяжелая горечь констатации факта.

По ступенькам, еле переставляя ноги и сжимая обеими руками кувалду, спустилась Мор:

– Не поддается, сука. – Ее лицо было сплошь покрыто серой пылью, струи пота темными полосами расчертили щеки. – Ваша очередь.

Предложение обрадовало Сэма. Стоя столбом и глядя, как другие работают, он чувствовал себя совершенно беспомощным. Мор опустила на нижнюю ступеньку и отдала ему кувалду. Сэм поднялся, пристроился рядом с Уэйнрайтом, все слабее бьющим по зубилу. Размахнувшись со всей силы, ударил по кирпичам. Эта впечатляющая демонстрация физических возможностей, похоже, воодушевила Уэйнрайта – тот принялся работать усерднее.

Вскоре они уже атаковали стену в такт, звуки их орудий соединились и стали напоминать тиканье неких жутких часов.

Он слышал их сквозь стену – тук! тук! тук! – как будто шахтеры отчаянно пытаются выбраться из-под завала на свободу.

Ирония ситуации стала почти осязаемой, когда Дэниел беспрепятственно шагнул из лифта в комнату. Он чувствовал себя астронавтом на далекой планете, первым человеком, ступившим на неизведанную территорию.

Как везде в доме, в спальне третьего этажа царилла безупречная чистота. Дэниел провел пальцем по столешнице громоздкого кленового комода. Ни пылинки.

В комнате было всего одно окно, слева от Дэниела, размером не больше чем два на три фута. Однако лившийся сквозь него солнечный свет ослеплял иномирным волшебством теплых золотистых лучей.

Разве в прошлом году Дэниел не видел собственными глазами доски на этом окне? Не могли же они ему померещиться. Теперь в идеально гладких стенах по обе стороны от рамы не было даже следов от гвоздей.

Под окном располагалась королевских размеров кровать, покрытая сшитым вручную одеялом. У кровати стояло давно покинутое хозяйкой кресло-каталка.

Дэниел вдохнул полной грудью. Воздух был невероятно чистый. Почти как в горах. Такой колючий прохладный воздух бывает на больших высотах, там, где уже не растут деревья. Его прозрачность будоражила Дэниела, щекотала легкие холодком.

Справа от него вдоль стены тянулась деревянная полка, уставленная фотографиями в рамках. Все фотографии стояли лицом к стене. Дэниел развернул самую крайнюю. Это оказался черно-белый снимок двух девочек восьми-девяти лет, в одинаковых платьях в цветочек, с черными волосами, забранными в хвост. Девочки были зеркальными отражениями друг друга, вплоть до угрюмого выражения на лице.

Дэниел развернул следующую фотографию. Она уже начала желтеть и выцветать. Те же девочки, уже превратившиеся во взрослых, лет за тридцать, женщин, стояли по обе стороны от дряхлого старика с изможденным, покрытым морщинами лицом. У старика были такие же серые глаза, как у женщин. Видимо, это был их отец.

На третьей фотографии появилось кое-что знакомое: сестры позировали перед домом на Кровавом ручье. Одна из них теперь

сидела в инвалидном кресле, загадочная катастрофа произошла где-то между вторым и третьим снимками. Вот, значит, они, сестры Финч. Рейчел и Ребекка.

Дэниел прошел дальше по комнате. Ласковый солнечный луч, проникавший в окно, упал на серебряную шкатулку для украшений. Он приподнял крышку, и изнутри тут же полилась тоненькая мелодия. Дэниел узнал Баха, хотя не мог вспомнить, что это за концерт. Пока музыка играла, он обследовал внутренности шкатулки. Она была обита красным бархатом, в верхней части помещались несколько цепочек, а нижняя часть была поделена на маленькие отделения для колец. Украшения оказались небогатые – ни бриллиантов, ни драгоценных камней. Почти все они были из серебра, однако ни одного потускневшего. Украшения сверкали так, словно их начистили лишь пару минут назад.

У края шкатулки, там, где крышка соединялась с корпусом, торчал кусочек чего-то белого. Дэниел аккуратно за него потянул. Это оказалась бумага, но плотная и блестящая. Сердце Дэниела забилось быстрее, казалось, вместо крови по его венам бежит чистое волнение, такое неожиданное. Каждое открытие в этой комнате принадлежало ему, и только ему. Остальные колотились, как дураки, в стену, а он, Дэниел, был здесь. Проход в тайное помещение был предназначен лишь для него.

Придерживая шкатулку за края, Дэниел вытащил внутреннее отделение. Под ним лежала стопка снимков, бесцветных, зернистых, сделанных на заре фотографии. Это были крупные планы седоволосой женщины, глаза ее были затуманены катарактой, а рот полуоткрыт, словно она собиралась заговорить. Она сидела за круглым столом, держась за руки с мужчиной и женщиной по обе стороны от нее; те явно ожидали чего-то.

«Медиум, – догадался Дэниел. – Она проводит сеанс».

Снимков было всего четыре, все сделаны с одного и того же ракурса с разницей лишь в несколько секунд. По ним можно было проследить, как полупрозрачный изогнутый сгусток вырывается все дальше и дальше изо рта старой женщины, протягивается над столом, точно призрачная рука.

Дэниел перевернул последнюю фотографию. В нижней части карандашом мелким аккуратным почерком было выведено слово

«бабушка».

Сестры Финч были наследницами весьма странной династии. Они наверняка пришли в страшное волнение, обнаружив этот дом, местительще такого богатого потенциала. Они каждую ночь спали под этой крышей, каждый день ходили этими коридорами – вряд ли им потребовалось много времени, чтобы понять, что досталось им в собственность. Главной целью сестер стало поставить энергию дома себе на службу, пробудить дремлющую сущность, порожденную молвой.

Дэниел сложил фотографии обратно в тайник и вернул внутреннее отделение шкатулки на место. Опустил крышку, и классическая мелодия немедленно стихла.

Сзади что-то скрипнуло. Так скрипят колеса кресла-каталки, если кресло легонько толкнуть вперед. Дэниел услышал, как тихо шаркнули по полу туфли, – кто-то переминался с ноги на ногу. Внезапно его охватило чувство, будто кто-то стоит у него за спиной, смотрит на него, ждет, когда он обернется. Он ощущал взгляд чужих глаз. Прислушался, и ему показалось, что он различает шелест приглушенного дыхания.

Сжав кулаки, готовый драться, Дэниел развернулся. В следующий миг руки его разжались. Сердце забилося неровно, будто игла, прыгающая на поцарапанной пластинке.

Вначале та, что стояла перед ним, была лишь тенью, силуэтом на фоне льющегося из окна ослепительного света. Но еще до того, как она шагнула вперед, еще до того, как отраженный свет упал на лицо, Дэниел узнал ее. Он все понял по тому, как падали на плечи ее волосы, по еле заметным изгибам наливающегося юностью тела, по легкому аромату духов, пряно-цветочному, повисшему в воздухе.

Самым сложным было не догадаться, кто перед ним, но поверить, что это происходит наяву. Разум отчаянно пытался разуверить Дэниела. Такого просто не могло быть. Это оптическая иллюзия. Галлюцинация, созданная его пораженным скорбью сознанием.

Но слезы убеждали в другом. Они хлынули из его глаз, словно глубинные, долго томившиеся в темноте подземные воды из трещины в камне, потекли неостановимым ручьем. Зубы застучали, точно от внезапного жестокого холода. Пузырек слюны вздулся между губами

Дэниела, когда он попытался выговорить единственное слово, способное превратить происходящее в реальность:

– Клэр.

Нежная улыбка озарила ее лицо. И солнечный луч двинулся, оторвался от солнца за окном, принялся танцевать вокруг нее, выхватил ее из тени, осветил наилучшим образом. Она словно стала центром солнечной орбиты. Она была средоточием Вселенной.

Это была она, его дочка, его Клэр, живая. Она протянула руку, и на мизинце Дэниел увидел кольцо, которое подарил ей два года назад на Рождество, серебряное с вырезанным крестом. Ее щеки налились розовым румянцем, краской жизни.

Дэниел взял ее ладонь в свою. Тепло подтвердило то, что он уже знал: его прекрасная дочь больше не мертва, она вернулась к нему, вызволена из холодной могильной тьмы этим великолепным домом.

– Клэр, – повторил он.

В этот раз имя легко слетело с языка. Слезы все текли и текли, мокрые щеки Дэниела блестели в солнечном свете. Она смахнула их большим пальцем. И чуть выпятила нижнюю губу, невинно потешаясь над сентиментальным папой.

Когда она заговорила, с губ ее сорвалось не хрипение зомби, но нежная, сладкая трель, которую Дэниел больше не надеялся когда-либо услышать. Она сказала: «Папуля», и в этом слове была вся Клэр, вся ее любовь, чуть оттененная подростковым сарказмом. Дэниел притянул ее к себе, обнял, почувствовал, как тонкие руки обхватили его талию. Последняя из множества стен, воздвигнутых после ее смерти, рассыпалась в пыль, и Дэниел разрыдался на плече у дочери, моча слезами кружевное белое платье...

Ее погребальное платье. Мы похоронили ее в нем!

...которое свободно висело на ее миниатюрном теле.

– Любимая моя, – всхлипнул он. – Самая моя любимая. Любимая моя девочка. О господи, как я по тебе скучал. Мне так плохо было. – Он понимал, что несет ерунду. Но ему столько всего нужно было ей сказать. Он столько всего держал в себе – столько мыслей, которыми не мог поделиться с собственной женой, столько чувств, предназначенных лишь для дочери, которую он не чаял увидеть снова. – Как я по тебе скучал. Как я по тебе скучал. Как я по тебе скучал.

– Я знаю, – проворковала Клэр ему на ухо. – Но я вернулась. Все может стать совсем как раньше. Я могу вернуться домой к тебе и маме. И все будет так, как будто ничего не случилось, как будто я и не уходила.

Дэниел сжал ее крепче. Он испугался, когда она сказала «может». Это слово прозвучало скорее как предположение, чем как утверждение.

– Я хочу, чтобы ты вернулась домой, солнышко. Я на все готов, лишь бы ты вернулась. На все. На все.

Он почувствовал, как ее губы касаются его щеки.

– Это хорошо, папуля. Это прекрасно.

Дэниел нахмурился. Движения ее губ не совсем совпадали с ее голосом. Слова запаздывали где-то на полсекунды. И это была не единственная странность. Голос Клэр шел словно бы *из-за* нее, как будто кто-то прятался у нее за спиной и говорил, притворяясь ею.

– Папуля? Ты меня слушаешь? – спросила она.

Дэниел разозлился на себя за то, что усомнился в чуде происходящего.

Это Клэр. Это твоя дочь!

– Я могу вернуться домой. Но сначала ты должен кое-что сделать. – Ее полураскрытые губы как будто даже не пошевелились на этой фразе.

– Я на все готов, – повторил Дэниел. И это действительно было так. В душе своей, очнувшейся от долгого коматозного сна, он был готов.

– Папуля, я могу покинуть этот дом, но ты должен сделать все точно так, как я скажу. Если не сделаешь, больше никогда меня не увидишь.

Ужас острым лезвием пронзил тело Дэниела. Казалось, оно вот-вот распадется на молекулы. Мысль о том, что он снова потеряет дочь, была невыносима. Он этого не выдержит. Не выдержит этого снова.

Клэр прижалась губами к его уху, словно боялась, что тайные слова поглотит царящий в спальне вакуум. Вначале разум Дэниела отказывался принимать то, что она говорила. Это было слишком дико, слишком невероятно. Он не мог этого сделать. Все что угодно, но не это. Потом она подняла руку к его лицу, провела пальцами по лбу, по его светлым волосам, и на него, точно злобная змея, набросился страх.

Ты потеряешь ее опять! И на этот раз навсегда!

Она повторяла свой наказ снова и снова, и с каждым разом он становился все менее жутким, пока не превратился просто в слова. Обычные слова. Дэниел закрыл глаза. Он слышал лишь голос, голос Клэр, и этот голос был подобен музыке, разрывающей сердце песне из прошлой жизни.

Клэр снова принялась наставлять его, и теперь она вложила что-то в его руку. Рукоять. С чем-то тяжелым на другом конце. Вроде одного из тех молотков, которыми они пытались разрушить стену наверху лестницы. Под неожиданной тяжестью рука Дэниела опустилась, и словно издалека он услышал звук – клинк! – словно металл впился в дерево.

Клэр еще раз повторила, что должен сделать ее отец. А потом отстранилась и нежно поцеловала его в лоб. Ее губы были мягкими и влажными. Она была такой настоящей. Такой настоящей.

Дэниел взглянул дочери в лицо, и она ободряюще ему улыбнулась.

– Сделай это, папуля, – сказала она, наклонив голову набок, широко распахнув глаза. Она улыбнулась, и ее слова проникли в его сознание, хотя раздвинутые в усмешке губы оставались неподвижны. – Сделай это ради меня.

Глава 31

15:18

Свет пропал мгновенно. Секунду назад мягкое предвечернее солнце расцвечивало нижнюю часть лестницы пестрой мозаикой, и вот оно исчезло, и ступеньки погрузились в сумрак.

Сэм бросил взгляд на Уэйнрайта; тот прервал свои попытки раскрошить раствор вокруг одного из кирпичей, положил зубило и молоток на верхнюю ступеньку и вытер лоб рукавом рубашки.

– Тут почти ничего не видно, – сказал Уэйнрайт.

Это была правда. Без света из окна в нише работать приходится практически в темноте.

– Что там случилось? – крикнул Сэм вниз.

Мор стояла у окна, глядя сквозь витражное стекло на восток.

– Похоже, дождь собирается, – объявила она. – Здоровенная черная туча закрыла солнце. Откуда эта дрянь взялась?

И тут раздался звук. Как будто кто-то постукивал пальцами. По всему дому.

– Это еще что? – закричал Сэм.

Все прислушались. Это были не пальцы. Дождь. Он тихо барабанил по крыше. Капли потекли по оконному стеклу, размывая обзор.

– Все без толку, – сказал Уэйнрайт, махнув на стену. Он почти шептал. – Видимо, кирпичи держатся не только на цементе. – Он вздохнул. – Молотками мы тут ничего не добьемся.

– Нет, добьемся, – возразил Сэм.

– Я не знаю, Сэм...

– Добьемся! – Эта внезапная вспышка гнева ошеломила даже самого Сэма. Он отвернулся, смутившись.

Уэйнрайт прокашлялся и помахал рукой, разгоняя висящую в воздухе пыль:

– Мне нужно выйти на минутку.

– У нас нет времени.

– Тут дышать невозможно, – резонно заметил Уэйнрайт.
Стиснув зубы, Сэм крепче сжал ручку чугунной сковороды.
«Кувалды», – поправил голос рассудка.

Но это была не кувалда. Это была сковорода с плиты их кухни. Он держал ее за ручку. А черная сковорода блестела. От крови. От крови его матери.

Сэм в испуге поднял глаза. Уэйнрайт сбегал вниз по лестнице. Мор крикнула ему вслед:

– Проверьте там Дэниела, хорошо? Его что-то давно нет.

Сэм посмотрел на предмет в своей руке. Это была кувалда. Она ни во что не превращалась. На ней были вмятины от ударов по твердым кирпичам.

У подножия ступенек, в коридоре, Мор разговаривала с невидимым Себастьяном. Она обеими руками обтерла пыль с выбритых висков и вышла из ниши.

Сэм остался один.

Тогда-то он и услышал идущий с той стороны голос. Обернувшись, он уставился на кирпичи.

Голос был женский, приглушенный разделяющей их стеной:

– Сэмми?

Налетел ветер, и он снова оказался на кухне, в доме своего детства. Снаружи бушевала гроза, и мать с братом ругались. Его кошмарная пьяная мать выкрикивала оскорбления, самые гнусные слова, какие только можно найти в английском языке. Маленький Сэмми стоял у плиты, не в силах сдвинуться с места, и беспомощно смотрел, как мать внезапно ударила Джека, ударила так сильно, что тот упал на пол. В следующий миг она взгромоздилась на своего сына, схватила за горло и принялась душить. Она повторяла то, что уже тысячу раз говорила, когда напивалась: что лучше бы они не рождались на свет, что они поломали ей жизнь, что они – ее проклятие. Они отняли у нее счастье. Они ничего хорошего не заслуживают. Но еще никогда ее слова не обладали такой властью, такой мощью. Изумленные глаза Джека выкатились из орбит. Его губы без толку хватили воздух. Вдохнуть он не мог. Об этом мать позаботилась. Она вознамерилась отнять у него жизнь так же, как когда-то дала ее. Она хотела убить его.

И вот десятилетний Сэм смотрел, как его мать душит его брата. Его любимого Джека, который научил его бросать бейсбольный мяч и раскуривать сигарету. Брата, который обзывал его по-всякому, и давал щелбаны, и совал обслюнявленный палец ему в ухо, брата, который защищал Сэма, когда старшие мальчишки обзывали его бабой и педиком. Выпученные глаза Джека в отчаянии устремились на Сэма. Они окрасились кровью из лопнувших сосудов, стали похожи на две багровые стекляшки.

«Прекрати ее мучения, – молили они. – Прекрати ее ужасную жизнь, которую она так ненавидит. Прекрати. Убей ее».

Убей мать.

Лицо Джека сделалось лиловым.

Сэм наугад протянул руку, и пальцы его сомкнулись вокруг ручки чугунной сковороды.

Он размахнулся. И в ту же секунду понял, что сковорода слишком тяжелая. Глухой стук металла о череп был самым отвратительным звуком, который ему доводилось слышать. Затылок у матери провалился. Кровь брызнула маленькому Сэмми Мак-Гарверу в лицо.

Сэм в ужасе смотрел на багровую сковороду в своей руке, еще вибрирующую от удара.

Но это была не сковорода.

Это была кувалда.

И ударил он не по затылку матери.

Он врезал кувалдой по стене, и один из кирпичей зашатался. Сэм ткнул в него указательным пальцем, и кирпич чуть шевельнулся.

– Мор! – завопил он.

– Что стряслось? – тут же откликнулась она.

– Кирпич. – Сэм дикими глазами смотрел на нее с лестницы. – Один кирпич сдвинулся.

Взлетев по ступенькам, Мор схватила зубило и приставила острым концом к полоске раствора. От души размахнулась другой рукой, с зажатым в ней маленьким молотком, и с силой ударила по зубилу.

Раздался звук, словно переломился пополам хребет тысячелетнего зверя.

Кирпич на дюйм выступил из стены.

Мор замерла. Она не знала, может ли верить своим глазам. Она снова ударила по зубилу, и кирпич снова шевельнулся.

– Твою мать, – прошептала она. – У нас получается. Эта падла начинает разваливаться.

Сэм почувствовал, как с головы до ног покрывается холодным потом. Внезапно ему расхотелось сносить стену. Он хотел собрать инструменты и уехать далеко, как можно дальше от этого дома.

Потому что ты знаешь, что по ту сторону. Знаешь, что она там, ждет тебя.

Мор азартно ковыряла раствор вокруг кирпича. Потом ухватила его за края и слегка потянула. Кирпич зашатался, как гнилой зуб.

На лице Мор – редкое зрелище! – проступила улыбка.

– Не стойте столбом. Помогайте, – сказала она.

«Оставьте стену в покое, – остерег внутренний голос. – Уходите из этого дома».

Но Сэм знал, что этого они сделать не могут.

Что бы ни таилось по ту сторону, это должно закончиться здесь.

Зажигалка вначале забарахлила. Уэйнрайт чиркнул металлическим колесиком снова. На этот раз зажигалка ожила, огонек затрепетал на легком ветру. Уэйнрайт поднес его к сигарете. Услышал тихое шипение – готово! Он резко вдохнул, чтобы кончик сигареты как следует раскраснелся. Выдохнул первое облачко дыма, посмотрел, как оно тает под холодной моросью.

Прислонился к косяку задней двери и затыкнулся снова. Рукава его приталенной льняной рубашки были закатаны до локтя, руки покрыты серой пылью. Он провел пальцами по взъерошенным волосам, и пыль поднялась в воздух.

Даже уютно устроившись в сухом месте, Уэйнрайт ощущал прохладу вечернего дождя, загоняющего тяжелую жару в землю. Он напряг слух, пытаясь уловить звук кувалды Сэма. Похоже, битва со стеной приостановилась. Уэйнрайт различал лишь успокаивающее постукивание капель по листьям окружающих дом деревьев и кустов.

Ему открывался прекрасный вид на южную сторону леса и еле заметную, уходящую в чащу тропку. В октябре ее было невозможно не заметить, но сейчас разросшаяся зелень прятала ее.

Уэйнрайт затыкнулся снова, смакуя сладковатый привкус дыма, покрутил его на языке, прежде чем выдохнуть. Нервы у него

искрились, как оголенные провода у старой лампы с барахолки. Сигарета помогала, но не сильно.

Он начинал сомневаться, что приезд на Кровавый ручей позволит им найти желанные ответы. С тех пор как они сюда явились, дом себя ничем не выказывал, даже не продемонстрировал никаких паранормальных фокусов, чтобы подкрепить их страхи. Никаких светящихся шаров. Никаких призрачных фигур. Ничего. Лишь стена, которая не желает рушиться. В этом не было ни капли сверхъестественного. Они вернулись в эту глухомань, чтобы сразиться с абсолютным злом, но обнаружили только качественную кирпичную кладку.

Уэйнрайт сделал последнюю затяжку, затушил окурок о дверной косяк и швырнул во двор. Окурок упал у тропы – белая полоска на темно-зеленом ковре, словно торчащий из земли осколок кости.

Он уже повернулся, чтобы уйти, собрался закрыть за собой дверь... и краем глаза на секунду заметил девушку. Лишь на секунду – не более, – однако она четко отпечаталась на его сетчатке: темно-коричневая кожа, черные волосы, просвечивающие сквозь густую листву. Он застыл на месте. Оглянулся. Девушка исчезла. «Ты ничего не видел, – сказал он себе. – Там никого не было». Он хотел верить в это, потому что первый его порыв был совсем иным. Первой его мыслью было: «Там Кейт».

Он попятился в дом, не отрывая взгляда от деревьев, выискивая девушку. Капли дождя молотили по листьям, придавая лесу причудливую иллюзию движения, ветви кивали, словно поощряя отправиться на разведку.

Девушка вновь появилась, в этот раз дальше на тропинке, едва видимая сквозь листву. Мгновение спустя она пропала, затерялась в густой чаще.

Уэйнрайт вышел из-под козырька крыши под струи воды. Его спутанные волосы тут же намокли, прилипли ко лбу, точно курчавые побеги плюща. Он поморгал, смахивая с ресниц мешающие смотреть дождевые капли.

«Это была не она», – настаивал голос разума. Но девушка выглядела так, как она. Даже нескольких секунд Уэйнрайту хватило, чтобы заметить: у нее осанка и походка Кейт. Разве что движения были странно резкими, как на пленке, где не хватает кадров.

Отведя с дороги разросшиеся ветки, Уэйнрайт ступил на лесную тропу. Ветви сомкнулись за его спиной плотной завесой. Намек был непреднамеренный, но ясный: назад пути нет.

Вначале он не предпринимал ничего. Просто стоял у начала тропы и высматривал девушку. Густые древесные кроны давали небольшую передышку от разыгравшейся непогоды, задерживая дождь.

– Кейт? – позвал он, чувствуя себя идиотом.

Это не Кейт. Этого не может быть. Это чертов дом. Или вообще ничего. Это твое воображение.

Но что, если?...

До него донесся приглушенный мерным шумом дождя звук. Уэйнрайт наклонил голову, напряг слух, пытаясь разделить шумы, как аудиотреки на компьютере: стук капель – на один трек, шелест листьев – на другой. А на третий трек – звук, который ему, возможно, почудился: женский голос с дальнего конца тропы.

– Ю... да. – В этот раз он точно расслышал. «Сюда», – сказала она. Даже голос был совсем как у Кейт, игривый, но в то же время властный, каждое слово согрето теплом ее южного выговора.

Он двинулся вперед, сначала неуверенно, затем смелее, после первого поворота ноги зашагали быстрее.

– Сюда! – повторил голос. – Живее! – Голос был уже ближе, прямо за следующим изгибом тропы.

Подняв руку, чтобы защитить лицо от веток, Уэйнрайт выбрался на поляну. Он ожидал, что Кейт будет стоять там и ласково улыбаться ему. Но поляна оказалась пуста, лишь вьюнки, захватившие всю округу, змеились по земле.

– Кейт? – Теперь в его голосе не было робости, он позвал ее уверенно, не сомневаясь, что она где-то рядом.

Ответил ему лишь дождь: он усилился, колотил по зеленому покрову, тшась прорваться сквозь листья.

Уэйнрайт пошел вдоль края поляны, абсолютно круглой, не больше сорока футов в окружности. На другом ее конце, напротив того места, откуда он появился, продолжалась едва заметная тропа. Кейт, должно быть, ускользнула перед самым его приходом, ушла глубже в лес.

Он решил, что будет идти по тропе, пока не найдет ее. Но стоило сделать лишь шаг, как под ногами что-то скрипнуло. Уэйнрайт слегка

подпрыгнул на месте и обнаружил, что почва странно прогибается. Скрип перешел в треск – в звук расщепляющихся трухлявых досок.

«Колодец, – подумал он, вспомнив свое собственное предупреждение во время первой поездки сюда. – Одно неосторожное движение – эти доски сломаются, и я упаду...»

Он увидел, как что-то несется к нему – лучи уходящего дня блеснули на металле. От растерянности он не мог осознать, на что смотрит. Фонарик? Звезда? Монета? Варианты крутились в голове, здравый смысл даже не пытался их отсеивать. Затем включился инстинкт, лицо Уэйнрайта исказила гримаса, его рука взлетела вверх в попытке отразить летящий предмет.

Он услышал это прежде, чем ощутил: омерзительно глухой стук, как будто кто-то размозжил тыкву. Сила удара заставила его отшатнуться назад, гнилые доски громко, протестующе заскрипели под его весом. Язык отчаянно лизал что-то, что протиснулось между зубами, *сквозь* зубы, что-то металлическое, холодное и острое на конце. Во рту стало мокро, слишком мокро, его затопила какая-то жидкость.

Кровь.

Мысли путались, все чувства закоротило от паники, он не мог понять, что происходит. Сквозь все это, сквозь судорогу, стремительно охватывающую лицо, сквозь растерянные движения языка, глупо шарящего по кромке металлического предмета во рту, он уловил новый звук. Всхлипывания где-то рядом.

– Простите меня, – сказал голос. Мужской голос, жалобный и несчастный. – Простите, – повторял он снова и снова. – Простите. Простите.

Внезапно Уэйнрайта бросило вперед, ноги подкосились – металлический предмет выдернули из его лица. Кровь заливала рот, он чувствовал, как она стекает по подбородку, пропитывает рубашку.

– Простите, – твердил голос, почти срываясь в истерический визг. – Я должен был! Простите!

Всхлипывания прекратились, раздался всхрап – такой звук издает человек, когда собирает все силы для какого-то действия. Обезумевший взгляд Уэйнрайта снова поймал отблеск. На этот раз блеснуло под углом, и Уэйнрайт смог понять, что это, рассмотреть

чудовищный предмет, готовый его поразить. Лезвие, плоское и узкое, как обтесанный камень. Топор. Нет, меньше.

Топор-молоток.

Это было единственное, о чем Уэйнрайт успел подумать, и в следующий миг его голова дернулась назад от удара, шея выгнулась под неестественным углом. Что-то сползло с его макушки и упало на землю с отвратительным сырым шлепком. Кровь полилась по спине. А потом его поглотила темнота. Он не так себе это представлял. Он думал, что смерть будет мгновенной, как щелчок пальцев. Но ощущения были такие, словно сознание постепенно отключается, как жесткий диск компьютера. Была лишь темнота, а потом... не стало ничего.

Тяжело дыша, Дэниел смотрел на сотворенный им ужас.

Вторым ударом он снял с Уэйнрайта скальп. Лоскут кожи с волосами лежал в лесной траве, на него то и дело падали капли дождя. Там, где раньше были эти волосы, череп раскололся, сквозь обломки кости виднелся розовато-серый мозг.

Выронив топор-молоток, Дэниел упал на колени, затрясся всем телом и зарыдал.

– Простите, – шептал он безжизненному труп. – Простите. Простите.

Лицо Уэйнрайта было разрублено пополам – отвратительный результат первого удара топора-молотка. Лезвие глубоко вошло в голову и прорезало каньон от линии волос до середины рта. Два передних зуба оказались выбиты: один накренился, как шасси заходящего на посадку самолета, другой болтался на нервных волокнах.

Дэниел и подумать не мог, что будет столько крови. Она пропитала собой и без того влажную землю вокруг головы Уэйнрайта, образовав красновато-бурое болото.

Зарывшись коленями в грязь, Дэниел смотрел и смотрел в изуродованное лицо Уэйнрайта, в остекленевшие глаза, разделенные жутким разрезом. Он не мог отвернуться. Это он сделал. Убил человека без предупреждения и без внятной причины.

Дэниел почувствовал на плече легкое прикосновение пальцев. Он оглянулся на стоящую за его спиной девушку. Клэр. В небе набирала

силу гроза, а она была словно светоч, словно звезда, сияющая в сумраке.

Она изогнула шею, голова ее повернулась под причудливым углом, и голос раздался как будто из-за нее, потек по ее плечам, как туман по горному склону:

– Спасибо тебе, папуля.

Ощущение ее ладони на плече придало ему сил – сил, необходимых, чтобы подняться, стащить доски с верхушки колодца, подтащить Уэйнрайта за ноги и опустить – головой вниз – в это рукотворное отверстие в земле.

«Тело, – подумал Дэниел. – Вот и все, что осталось. Тело. Жизни в нем нет. Нечего оплакивать». Это просто средство для достижения цели.

Клэр улыбнулась ему сверху, и это зрелище согрело его душу. Он перестал дрожать. Слезы высохли.

Он снова стал сильным. Он мог это сделать. Он мог закончить дело. Ради нее.

Дэниел откинул с колодца доски, чтобы получился проем фута три в ширину. Вполне достаточно, чтобы просунуть труп. Уэйнрайт оказался тяжелее, чем можно было подумать, глядя на него, но, приложив некоторые усилия, Дэниел сумел подтащить обмякшее тело к колодцу и перекинуть ноги через край. Он ухватил юношу...

«Тело, – поправил он себя. – Тело – и больше ничего».

...за плечи и, приподняв их вровень с ногами, как его и учили, аккуратно перекатил тело через край колодца. Оно исчезло во тьме. Как и шесть месяцев назад, выронив телефон, Дэниел прислушался, ожидая всплеска воды внизу.

Не раздалось ни звука. Уэйнрайта поглотила земля.

Рядом хихикнула Клэр.

Дэниел повернулся к ней.

Голова ее покачивалась, губы растянулись в ухмылке, но ему снова показалось, что звук исходит не от нее, а от кого-то позади нее.

Словно она была куклой.

«Нет! – взревел голос в голове. – Это твоя Клэр!»

Да, это была его Клэр, и ее смех был словно дыхание жизни.

Дэниел наклонился и поднял топор-молоток за окровавленную рукоятку. Обтерев запачканное лезвие о штанину, он пошел по тропе

назад.

К дому.

К остальным.

Глава 32

15:50

Он снова был в своей спальне.

Не в уютной, обставленной в деревенском стиле комнате в штате Нью-Йорк, но в комнате, ставшей ему пристанищем на одну ночь, на прошлый Хэллоуин.

Себастьян сел в постели, совсем как шесть месяцев назад. Сквозь дверь он слышал приглушенные голоса Сэма и Мор на лестнице и стук молотков. Он должен быть там, помогать им.

Какая от тебя помощь, старик? Ты даже не хотел сюда ехать.

– Никто из нас не хотел сюда ехать, – произнес он вслух, но смутился от собственных слов.

Ты трусишь.

Это была правда, хотя серьезных причин опасаться дома у него не было. Как и остальных, сразу же после поездки на Кровавый ручей Себастьяна охватил прилив вдохновения. Как и остальные, он несколько месяцев сидел не разгибаясь над рукописью, и его пальцы едва поспевали за мчащимся в голове сюжетом.

Но для тебя все было иначе.

– Да, – сказал Себастьян в пустоту комнаты.

Его подгонял не страх, как Сэма, Мор и Дэниела. Во время работы он замечал чье-то присутствие в доме, фигуру, скользящую на периферии зрения. Но он не боялся. Чем глубже он погружался в новую книгу, тем ближе подходила фигура, пока однажды не положила руку ему на плечо и не сказала тем самым нежным грубоватым голосом: «Хорошо, Себастьян. Это и вправду хорошо».

Ричард.

Он понимал, что такого не может быть. Однако каждый день, когда он садился за работу, Ричард уже ждал его, стоя за спиной, словно ему не терпелось прочесть рукопись, в точности как при жизни.

«Послушай свой разум, – приказал внутренний голос. – В доме с тобой был не Ричард. Ричард умер. С того света не возвращаются».

«Я думал, что это мое воображение», – не сдавался Себастьян.

Ты врал себе.

– Знаю, – сказал он.

Но ведь ему вернули не только Ричарда. К нему вернулся рассудок, приступы деменции становились все реже, пока не прекратились совсем. Себастьян уже много лет не чувствовал такой бодрости. Он был на пике производительности, его мозг работал на полную катушку, он весь отдался книге, которая могла стать его лучшим произведением.

Он встал, для равновесия придерживаясь рукой за спинку кровати. Медленно дошел до ванной комнаты, шагнул внутрь. Щелкнул выключателем и, только когда лампочка под потолком не зажглась, вспомнил, что электричества нет. Он оказался в коконе сумрака, свет падал лишь из дверного проема.

Ухватившись обеими руками за раковину, Себастьян уставился на свое отражение в зеркале. В идущем из спальни свете он был не более чем силуэтом, безликой черной ширмой.

– Зачем ты здесь? – спросил он бесформенную фигуру перед ним.

Он уже знал ответ, как бы сильно ни желал его избежать.

Потому что я знаю: дело было неладно. Я знаю, что это был не настоящий Ричард.

Это был дом.

Именно поэтому, едва дописав последнюю страницу, он сел в машину и четыре часа добирался до Бруклина, чтобы посетить доктора Адьюдела. Он должен был выяснить истинную природу того, что с ним происходило. Возможно, поселившаяся в доме сущность сочувствовала Себастьяну. В конце концов, они оба были стары. Оба были всеми забыты. Возможно, дом не делал ничего плохого. Возможно, он пытался помочь ему. Он успел съездить к Адьюделу три раза до того, как явились остальные. И лишь тогда получил ответ.

Я рассказчик.

– Я никогда об этом не просил, – сказал он безликому себе.

– Тебе не надо было просить, – ответил голос из темноты за его спиной. – Тебя выбрали.

В зеркале отразился второй силуэт, тень среди теней. Он подбирался ближе.

Себастьян крепко зажмурился.

– Оставь меня в покое, – сказал он.

Он почувствовал на шее прикосновение пальцев.

– Я дал тебе все, чего ты хотел, – произнес Ричард, – но я могу это забрать. Если ты не уедешь. Уезжай отсюда. Сейчас же.

Это не Ричард.

– Поезжай домой, Себастьян. Поезжай домой, любовь моя.

Это не он!

Себастьян вновь открыл глаза.

Перед ним было уже не зеркало, но окно, и сквозь него он увидел ветхие доски в лесной траве, а под ними – изувеченное тело Уэйнрайта. Он увидел подвал, по колено затопленный черной водой, и в ней плавало тело Ти-Кэй Мор. Он увидел коридор, сразу за дверью его спальни, и расprostертого на полу Сэма Мак-Гарвера с изрубленным телом и изуродованным лицом, в луже темной крови. Он увидел передний двор, и мигалки полицейских машин, и пули, пронзающие Дэниела Манниака. Он увидел себя в саду своего дома, а рядом – Ричарда.

– Уезжай отсюда, – сказал Ричард.

Себастьян охнул и отпрянул от раковины, отпрянул от зеркала.

Зеркало. Это просто зеркало.

Так оно и было. Обычное зеркало над раковиной, отражающее его лицо в полумраке.

Он выглядел совсем дряхлым. Румянец, согревавший щеки, пропал. Сквозь редяющие волосы проглядывали печеночные пятна.

Себастьян почувствовал, как что-то натянулось внутри его сознания, словно чьи-то пальцы ухватили выбившуюся нить, грозя распустить узор его памяти.

Сэм нависал над Мор, пока та, ухватив кирпич потными ладонями, медленно вытягивала его из стены.

– Да вытаскивайте же его! – рявкнул Сэм.

– Я пытаюсь!

– Дайте мне!

– Я тащу его, Мак-Гарвер! Тащу!

Мор попыталась, насколько это было возможно, соскальзывающими пальцами перехватить кирпич поудобнее, подергала его туда-сюда в отчаянной попытке вытянуть наружу. Кирпич был в самой середине стены.

«Если сумеем его вынуть, – подумал Сэм, – то сможем просунуть внутрь лом. Сможем расшатать больше кирпичей. Разрушить всю чертовую стену».

Он смотрел на Мор, и его руки подрагивали, его пальцы подергивались, когда она пыталась вытянуть кирпич.

– Вы можете просто ухватить его как следует и вытащить к чертовой матери? – спросил он, охваченный нетерпением.

– Сэм, а что я, по-вашему, делаю? Мне осталась четверть дюйма. Просто отойдите, ладно?

Сэм послушался. Он огляделся вокруг и вдруг понял, что они совсем одни.

– Где остальные? Где Себастьян?

– Великолепно, – рыкнула Мор. – Мы тут собираемся вскрыть гробницу Тутанхамона, а они умотали яйца друг другу теребить.

Раздался громкий, царапающий ухо скрежет кирпича по цементу. Сэм заглянул Мор через плечо: обколотый по краям кирпич вышел на целый дюйм. Этого было достаточно, чтобы Мор могла обхватить его пальцами с обеих сторон. Упершись ногой в основание стены, она откинулась назад. Она знала, что Сэм стоит сзади и не даст ей упасть, если кирпич выскользнет слишком легко. Набрав в легкие воздуха, она оттолкнулась от стены, крепко сжимая кирпич.

Падение ей не грозило – стена выпустила кирпич еще на два дюйма, но совсем его отдавать пока что не желала.

– Твою мать! – рявкнула Мор.

Она выпустила кирпич, чтобы вытереть вспотевшие пальцы о брюки. В ту же секунду кирпич принялся ерзать сам по себе, втягиваться обратно в стену под воздействием какой-то незримой силы. Мор немедленно схватила его и принялась изо всех сил тянуть, стараясь не потерять равновесие. Нечто с другой стороны отвечало рывком на каждый ее рывок, словно пытаясь сохранить стену в целостности.

– Хватайте меня за плечи! – крикнула Мор.

Сэм крепко обхватил ее.

Мор выкрикивала инструкции почти на пределе голоса:

– На счет «три» дергайте со всей силы. Я тоже дерну. Раз... (Она уперлась пяткой в верхнюю ступеньку, а носок туфли плотно прижала

к стене.) Два... (Вены на ее руках набухли, костяшки побелели. Пальцы сжали кирпич, точно тиски.) Три!

Их движения плавно слились в одно: Сэм потянул Мор назад в ту самую секунду, когда она оттолкнулась от стены. И в следующую секунду они уже падали, катились по лестнице вниз, обдирая о края ступенек плечи и спины.

Они рухнули кучей-малой у основания лестницы, Сэм поверх Мор, и оба устались на предмет в ее руке, такой обычный в любой другой ситуации и такой удивительный здесь и сейчас.

Кирпич.

– Вы это сделали, – не веря своим глазам, произнес Сэм. А потом повторил уже громче, вне себя от волнения: – Вы это сделали!

И тут, словно порыв ледяного ветра, на него налетел ужас.

Ты сделал это. Сейчас ты разберешь эту стену, увидишь то, что тянуло кирпич с другой стороны, и между вами не будет никакой преграды.

Он не отрываясь смотрел на кирпич, все еще зажатый в руке Мор. Каждого из них личная история привела сюда, к секретной комнате за стеной; четыре разные тропы сошлись на перекрестке, в тайном месте, не обозначенном ни на одной карте. Они были на неизведанной территории. Перешагнуть через верхнюю ступеньку лестницы и войти в спальню третьего этажа означало отдалиться во власть дома, признать, что всех их он притянул сюда незримыми нитями. Дом заманил их обратно с определенной целью. И эту цель им предстояло узнать.

На месте вытянутого кирпича в центре стены зияла дыра, черная, как некротическая рана. Внезапно из нее раздался свистящий звук, словно потайная комната жадно засасывала в себя воздух. Струя воздуха проникала в комнату все быстрее и быстрее. Сэм и Мор чувствовали, как она проносится мимо них – из коридора, вверх по лестнице, – чтобы исчезнуть в маленьком прямоугольном отверстии.

– Надо снести остальную стену, – наконец сказала Мор.

Сэм кивнул:

– О'кей.

Они были на середине лестницы, когда услышали голос. Сэм замедлил шаг, испугавшись, что это снова его мать или нечто, притворяющееся его матерью, желающее поглумиться над ним из темноты. Но когда они достигли верхней ступеньки, шум начал

меняться, дробиться на множество отдельных звуков, и у каждого был свой особый ритм, неровный говор. Сэму показалось, что он стоит посреди принуждаемой к тишине толпы, в поднимающихся и затухающих волнах непокорных шепотков.

– Что это? – спросил он.

Мор тряхнула головой:

– Да чтоб я знала.

Сэм наклонился к дыре, поднес к ней ухо. Комната с силой засасывала воздух, и его голову потянуло к стене. Он отпрянул, прислушался к голосам, набегаящим друг на друга. Разобрать слов он не мог, но говорившие частили, словно торопились поделиться чем-то срочным, не терпящим отлагательства.

– Я слышал такое раньше. – Это был Себастьян, он снова стоял у подножия лестницы. Ни Сэм, ни Мор не заметили, как он подошел.

– Себастьян? – удивился Сэм. – Где вы пропадали?

Старик не обратил на вопрос внимания:

– Я слышал это у себя в комнате в прошлый наш приезд. Звуки шли из раковины. Через слив.

Сэм не сомневался, что при любых иных обстоятельствах Мор подняла бы Себастьяна на смех. Но не теперь. Они оба кивнули, словно версия Себастьяна была логичнее некуда.

Голоса внезапно переместились, шепот за стеной стих, будто звук в выключенном радиоприемнике. И вновь раздался секунду спустя в коридоре второго этажа, чуть приглушенный закрытыми дверями.

Сэм повернул голову к новому источнику звука:

– Теперь это идет из спален.

Голоса перескакивали из комнаты в комнату: сначала они раздались в спальне в конце коридора, затем мгновенно перебрались в ту, что была ближе всех к лестнице на первый этаж. Они бродили наугад, ударяли по комнатам, точно по расстроенным брускам сломанного ксилофона.

Вскоре паузы стали короче, голоса слились в стройный хор, произносящий нараспев одни и те же слова, – все еще слишком тихо, чтобы разобрать, но с прежней тревожной торопливостью.

Голоса завихрились вокруг Сэма, Мор и Себастьяна, словно звуковой циклон.

Себастьян потянул Сэма за рукав рубашки:

– Нам нужны остальные. Они должны быть здесь.

Он прав. Лучше держаться вместе, войти на третий этаж одной командой.

Мор уже поднялась на ноги и протиснулась мимо Сэма по узкому пролету:

– Я их найду. А вы двое доламывайте стену.

Сэм отыскал маленький молоток. Присев перед дырой на корточки, он заглянул в темноту, пытаясь увидеть хоть что-то, любую мелочь, которая поможет понять, с чем они столкнутся, когда разрушат преграду. Тусклый свет чуть пробивался сквозь щели между досками, которыми, как догадался Сэм, было заколочено окно, то самое венчающее дом маленькое всевидящее око. Насколько Сэм мог понять, из мебели в комнате имелось одно-единственное кресло. По его бокам располагалось что-то круглое. Колеса.

Инвалидное кресло Ребекки Финч.

Больше в спальне не было ничего.

Глава 33

16:08

Хор голосов стелился по первому этажу, словно туман, клубами скапливался в углах передней и катился к противоположной стене. Здесь, внизу, вдали от остальных, Мор лучше различала слова – они, казалось, устремлялись прямо к ней. Это были людские голоса, никаких сомнений. Сотни голосов. Мужские и женские. Старые и молодые. В какой-то момент Мор даже показалось, что она слышит плач перепуганного младенца.

Уэйнрайта и Дэниела нигде не было видно. Мор прошла по комнатам, выкрикивая их имена. Но ответа не дождалась.

На кухне она обнаружила, что задняя дверь крепко заперта. Она отодвинула от ближайшего окна тяжелую бархатную занавеску и посмотрела сквозь проливной дождь на лес за домом. Там не было никого, лишь грузные ветки качались под ударами крупных капель. Гроза окрасила мир снаружи в тошнотворный зеленовато-желтый оттенок, растительность стала темнее на несколько тонов, листья окутала тень. Это было совсем не похоже на Лос-Анджелес, где водители вылетали на обочину от одного раската грома. Нет, это было предвестие чего-то худшего. Дождь не собирался стихать, ветер обещал набрать силу, град грозил обрушиться на ветхую кровлю дома.

В ногах у Мор зашелестел женский голос, зашептал что-то неразборчивое. Бросив взгляд вниз, она мгновенно обнаружила источник звука – розетку в стене слева. Шепот шел из крохотных отверстий, сопровождаемый тонким электрическим жужжанием. Зубы и кулаки у Мор сжались одновременно. Чертовы голоса бесили ее. Дом дразнил ее, брал на слабо, подначивал дать сдачи.

«Дать сдачи кому?» – задумалась Мор.

Она пнула розетку со всей силы, надеясь, что голос утихнет, уйдет обратно в стену. Он не ушел. Слова текли и текли, и так быстро, что сливались в длинную путаницу гласных и согласных. Сосредоточившись, Мор смогла кое-что вычленить из нее.

«Этот», – говорила женщина.

И «дом».

И «дурной».

Вскоре Мор начала слышать эти же слова, неизменно повторяемые в одном и том же порядке. Один раз удалось разобрать целую фразу: «Не лезьте туда, ребята».

Мор ждала еще минуту, следя за стрелкой наручных часов. Слова повторялись каждые пятнадцать секунд. Кем бы ни была эта женщина – прошлой обитательницей дома или испуганной соседкой, – ее предупреждение оказалось закольцовано, дом твердил его снова и снова, неустанно. Но потом прекратил – резко, неожиданно. Женский голос замолк на полуслове, и на смену ему пришли два новых – мальчишеских. «Слабо тебе постучать в дверь», – говорил первый. «Я не боюсь», – отвечал второй. Это было похоже на звуковую фотографию, пойманное домом мгновение. Дом подслушал двух подначивающих друг дружку приятелей.

Подслушал? Серьезно? Как, черт подери, дом может слышать?

– Слабо тебе постучать в дверь.

– Я не боюсь.

А потом шепот из розетки внезапно прекратился, и Мор услышала новый голос откуда-то из комнат. Мор повернулась на звук, пытаясь определить его источник. Тихо, осторожно она прошла через кухню, голос шел от двери в подвал. Взявшись за ручку, Мор приложила к двери ухо и с удивлением заметила, что пульс ее участился, что под поверхностью ее гнева закипает страх.

– Помогите! – позвал молодой мужской голос. Его обладателю явно было плохо. – Есть здесь кто-нибудь? Пожалуйста, мне нужна помощь!

«Уэйнрайт», – догадалась Мор. Распахнув дверь, она ринулась по скрипучим ступеням в непроглядную тьму подвала. Вспомнила, как осторожно спускалась сюда в прошлый раз, с камерой, освещая свой путь фонариком. Теперь она бросилась в пустоту.

Она закричала:

– Уэйнрайт! Вы где? Я иду к вам!

Свет, идущий из окон на кухне, мало облегчал ее спуск, но его хватило, чтобы разглядеть изогнутую спину, выступающую из темноты у основания лестницы, точно хребет белухи. Первой мыслью Мор

было, что Уэйнрайт покалечился: возможно, поскользнулся на ступеньках и скатился вниз. Но что-то ее смущало. Лежащее перед ней тело было слишком бледным, слишком окоченелым, безжизненным, словно из него вытекла вся кровь.

Мор замедлила шаги:

– Уэйнрайт? – И нетвердой рукой коснулась странно скорчившегося на холодном бетонном полу существа.

Оно, похоже, предчувствовало ее прикосновение. Дернулось, отпрянуло. И одновременно повернуло лицо к Мор и к свету. Дверь наверху начала закрываться, и через пару мгновений лестницу озаряла лишь узкая полоска.

Мор в ужасе отдернула руку от твари на полу.

Смотревшее на нее лицо не было лицом Уэйнрайта – в нем с трудом узнавался человек. Растрескавшиеся, покрытые коркой грязи губы растянулись в ухмылке, обнажая черные сгнившие зубы. Плоть иссохла, острые скулы торчали под кожей, покрытой лиловыми пятнами там, где скопилась свернувшаяся кровь. Несколько жидких черных прядей свисали на глаза существа, остальные волосы давно выпали, кожа черепа была испещрена кратерами багровой плоти, словно поверхность какой-то далекой вулканической планеты. Глухое хриплое хихиканье прорвалось сквозь стиснутые зубы, а потом все тело твари затряслось – она смеялась над Мор.

– Тереза, – прошипела тварь.

У Мор скрутило живот. Ей показалось, что ее вот-вот вывернет.

– О господи...

Гниющую спину твари покрывала выцветшая татуировка. Мор сразу ее узнала. Оскаленная тигриная морда. Бобби страшно гордился своей дерьмовой наколкой, это была одна из его жалких попыток почувствовать себя мужиком.

«Я сделала ошибку», – подумала Мор.

И тут дверь захлопнулась, свет исчез, тьма сомкнулась вокруг нее. Мор слышала, как мерзкое создание ползет к ней по ступенькам, вонзая в доски обломанные ногти.

Сквозь забившую горло твари слизь пробулькал голос:

– Зачем ты вынуждаешь меня делать тебе больно?

Инстинктивно Мор сделала шаг назад вверх по лестнице. Затем еще один. И еще.

Дверь. Она с ней справится. Но нужно бежать.

Беги. Живо!

Она развернулась, чтобы броситься прочь из подвала, но что-то стремительно проскользнуло между ступеньками и глубоко вонзилось в ее левую лодыжку. Мор услышала треск ломающейся кости, но не успела остановиться. Она наступила на левую ногу, и раздался тошнотворный хруст – лодыжка раскололась надвое. Мор взревела от боли, потеряла равновесие, бессильно замахала руками в темноте и опрокинулась назад, с ногой, вывернувшейся под неестественным углом.

Она падала. Катилась по ступенькам вниз. Вниз, к мертвой, гниющей твари, ожидающей ее в подвале. Она слышала жуткое ликующее хихиканье и влажное kloкотание мокроты в легких.

Ударилась о пол, врезавшись в безжалостный бетон правым плечом. Плечевая кость вылетела из сустава. Вывихнутая рука приняла на себя вес падающего тела, и порвалась мышца. Невыносимая боль на миг заставила Мор забыть о горящей адским огнем лодыжке. С ее губ сорвался испуганный всхлип, в нем звучала отвратительная слабость, но сдержаться Мор не могла.

Ти-Кэй Мор была певцом абсолютного ужаса. Персонажей ее книг часто подвергали пыткам богоподобные создания из иных миров: раздирали плоть клещами, вырывали ногти, проделывали невозможные мерзости со всеми отверстиями их тел. Мор наслаждалась мучениями своих незадачливых героев, убеждая себя, что удовольствие и боль имеют точку пересечения. Она упорно утверждала, что именно в этом и заключается подлинное биение жизни – в страдании, переходящем в экстаз. Фанаты Мор даже не подозревали о том, что сама она этого трансцендентного состояния не испытывала никогда. Ей доводилось страдать от диких побоев со стороны своего бывшего парня, однажды он ударил ее так сильно, что повредил зрачок. Но боль никогда не приводила ее к наслаждению. Боль была просто болью. В ней не было ничего прекрасного.

Мука, настигшая ее на полу подвала, превосходила все ее фантазии. Она ослепляла разум, наполняла сознание пронзительно-белым сиянием даже в удушающей черноте. Рука безвольно повисла вдоль бока, покалеченная часть ноги выгнулась под углом девяносто градусов. Казалось, что все ее тело пульсирует, бешеные удары сердца

отдаются в распухшей руке и ноге, словно под кожей вьется в поисках пути наружу рой яростных пчел. Мор почувствовала на ноге что-то мокрое – открытую рану там, где загадочный предмет рассек кожу.

Она приподнялась на левой руке, прислонилась спиной к стене. Мертвая тварь была где-то поблизости, радостное хихиканье прекратилось, но Мор все еще слышала, как существо дышит. Она ощупала пространство вокруг себя, желая и одновременно не желая, чтобы рука на что-то наткнулась. Прикосновение к твари будет ужасным, возможно, слишком ужасным, чтобы ее измученный рассудок с этим справился, однако не знать, где находится тварь, еще хуже. Мор представила ее – гниющая плоть в налипшей сырой земле, мерзкие зубы, оскаленные в жуткой усмешке, мутные глаза, жадно глядящие из тьмы.

Мор повела рукой в сторону, и ладонь ткнулась во что-то почти резиновое. Она принялась ощупывать находку, пытаясь определить ее очертания. Кончики пальцев нашли нечто скользкое. Ладонь обдало теплым влажным дыханием. Тварь придвинулась ближе, и Мор осознала, что происходит. Она дотронулась до лица. Пальцами она касалась зубов твари. И тварь *улыбалась*. Мор почти различала ее сквозь мрак – бледный овал всего в нескольких дюймах.

– Попалась, Тереза, – хихикнуло существо, вываливая изо рта язык, по которому стекала гнусная черная желчь.

Мор в панике откатилась прочь, вывихнутую руку и сломанную лодыжку пронзила боль. В поясницу уткнулся край нижней ступени, и Мор заползла на нее, пытаясь взобраться по лестнице, как это делают малыши, еще не научившиеся ходить.

Тварь не стала ее преследовать. Она нырнула обратно в темноту.

Мор сидела на ступеньке, торопливо, испуганно втягивая в себя воздух. Словно из другого мира до нее долетел звук: приглушенный стук молотка, бьющего по кирпичу.

Запрокинув голову, она завопила:

– Сэм! – Потом позвала снова, кричала, пока не сорвала голос: – Сэ-э-э-э-э-э-э-э-эм!

– Он вам не поможет, – сказал кто-то из темноты.

Мор повернулась на звук, пытаясь хоть что-то разглядеть в кромешном мраке:

– Кто это? Кто здесь?

Раздались шаги, зашуршали по бетону подошвы туфель.

– Необязательно, чтобы было так страшно. Я могу все сделать быстро. Обещаю.

– Дэниел? – Мор попыталась осмыслить происходящее, но не сумела. Это было за гранью понимания.

Необязательно, чтобы было страшно что? Что он может сделать быстро?

– Я должен, – сказал Дэниел. – Вы же понимаете, да? Вы же знаете, что я должен это сделать?

– Что сделать, Дэниел?

Снова раздался шорох – он подходил ближе.

– Я должен. Простите.

– Дэниел, я ранена. Мне нужна ваша помощь. Помогите мне подняться по лестнице.

– Вы же ее видели? – Судя по голосу, сейчас он был в нескольких футах от Мор.

Скривившись от боли, она подтянулась еще на ступеньку выше, пытаясь создать дистанцию между ним и собой.

– Кого видела? Дэниел, о чем вы говорите?

Мор одолела еще одну ступеньку и зарычала, ударившись изувеченной ногой о столбик перил.

– Я видел, как вы коснулись ее лица, – сказал Дэниел.

Ее? Еще одна ступенька осталась позади, рука дрожала, с трудом выдерживая вес тела Мор.

– Кто, по-вашему, это был?

Повисла долгая тишина. У Мор возникло безумное предположение, что Дэниел ушел, из головы у нее на секунду вылетело, что лестница, по которой она карабкалась, была единственным выходом из подвала. Опираясь на локоть, Мор запрокинула голову и поглядела вверх. До двери оставалось полпути, она различала свет в тонкой щели. Ухватилась за следующую ступеньку. Под рукавом вздулись мышцы, и Мор подтянула свое измученное тело вверх.

Дверь была близко, так близко. Идущий из-под нее свет стал ярче, казалось, до него оставалось совсем чуть-чуть.

Нижняя ступенька громко заскрипела, и Мор поняла, что Дэниел идет к ней.

– Это была Клэр. – Его голос словно нависал над Мор в темноте, как паук, качающийся в своей паутине. – Это была моя Клэр.

Ни одна из тех ловушек, что Мор когда-либо соорудила силой своей мысли, ни одно из тех великолепных умственных приспособлений, при помощи которых она заманивала людей туда, куда ей требовалось, – ничто из этого не могло сравниться с ловушкой, которую приготовил для нее дом.

Топор-молоток ударил ее в живот с такой силой, что Мор заскользила обратно вниз по лестнице. Раздался треск. Мир вокруг задрожал. Что-то подломилось под ней.

Она полетела сквозь разломанные ступени. И рухнула на жесткий бетонный пол подвала.

Дэниел спускался к ней – спускался, чтобы довершить начатое.

Мор схватилась за живот, и между пальцами потекла кровь. Спрятаться было негде.

И тут из непроницаемых теней зазвучал голос.

Не замогильный стон существа, которое притворялось Бобби.

Это был женский голос, ясный и строгий, полный ледяной суровости.

– Раз ты явилась в наш дом, то должна играть по нашим правилам, – произнес он.

Мор взгляделась в темноту в отчаянной попытке рассмотреть говорящую.

– Но наша игра честная. О да, у тебя есть выбор. – Голос раздавался прямо перед Мор, но она не видела ничего, кроме тьмы. – Ты можешь остаться на месте, и он найдет тебя. Или можешь прийти ко мне, и я заберу всю твою боль.

Нижняя ступенька снова скрипнула – Дэниел достиг конца лестницы.

Голос спросил:

– Ты хочешь этого? Ты хочешь, чтобы я забрала твою боль?

«Хочу», – призналась себе Мор. Она хотела, чтобы боль прекратилась. Она прожила с ней почти всю свою жизнь, и больше всего на свете, больше, чем денег, и секса, и власти, она хотела, чтобы боль прекратилась.

– Иди ко мне.

Дэниел огромной тенью нависал у подножия лестницы. В руке он сжимал топор-молоток. С лезвия капали крупные капли крови.

«Моя кровь, – мелькнуло в голове у Мор. – Это моя кровь!»

– Иди ко мне, и ты больше никогда не почувствуешь боли.

Из темноты глядел глаз: бледный, круглый, словно далекая ледяная планета. Женский глаз. Холодный и властный.

– Приди.

Дэниел дернул головой вправо и увидел в сумраке Мор. Не говоря ни слова, он ринулся к ней с занесенным топором-молотком.

«Боль есть боль», – подумала Мор. Она торопливо поползла в темноту – в объятия существа, поджидавшего ее там.

Глава 34

16:35

Капли дождя падали на иссохшую, мучимую жаждой почву, но она не принимала их, и водяные бусины, похожие на небесные слезы, бесцельно перекачивались по растрескавшемуся руслу ручья. Но вскоре отдельные капли начали находить друг друга и сливаться, вначале образуя тоненькие струйки, что змеились от берега к берегу, а затем соединяясь в озерцо – чем больше падало дождя, тем выше оно поднималось.

Мохнатые вьющиеся стебли, что оплетали всю местность, подобно обнаженным мышцам, от мягкого прикосновения прохладных капель начали пробуждаться. Они извивались медленно, двигались еле заметно, словно животные, выходящие из спячки. Скользили под поверхностью заполняющей русло ручья дождевой воды обросшие листьями черви, роющиеся в земле.

Но почва все отказывалась пить. Лишь кое-где в русле остались лужи стоячей воды – Кровавый ручей снова потек.

После нескольких секунд абсолютной потерянности в голове Себастьяна щелкнуло, и мысли вновь прояснились. Он невольно вспомнил телевизор, который купил на гонорар за свой первый опубликованный роман: тяжелое деревянное страшилище с выпученным черно-белым глазом и криво торчащей антенной. В те дни доступных каналов было мало, и поэтому, крутя ручку в поисках устойчивого сигнала, не раз приходилось попадать на помехи.

Шесть месяцев Себастьян был свободен от этой напасти. Он чувствовал себя так, словно родился заново, наслаждался каждым мгновением новой эры ясного сознания. Но теперь все поменялось. Его искушали бросить остальных и вернуться домой. Паника овладела им и делалась тем сильнее, чем дольше он оставался на Кровавом ручье. Он не хотел терять рассудок. Он не хотел навеки остаться в бездне.

Дом дал, дом и взял.

Однако ощущение было не совсем такое, как раньше. Ручка настройки словно застряла между двумя каналами, и на экране две картинки яростно пытались вытеснить друг друга.

Минуту назад он был на лестнице, смотрел, как Сэм пытается пробить эту немисливо упрямую стену. И тут по стенам дома побежала рябь.

«Воспоминания перевариваются», – подумал Себастьян, сам не понимая толком, что это значит.

Он все еще ясно видел интерьер дома, пустой и голый коридор, уходящий вдаль и заканчивающийся лестницей, ведущей на первый этаж. Но на эту картинку накладывалась другая, похожая, но не в точности – крохотный разрыв временной ткани. Иногда на этом все и кончалось: ручка поворачивалась, канал переключался, и реальность возвращалась к Себастьяну, чистая и незамутненная. А бывало, что прозрачные силуэты проплывали перед глазами, люди, которых он не знал, в одежде из непонятной эпохи, женщина и мужчина, черно-белые, как в том старом телевизоре, что был у него давным-давно.

От лестницы Себастьян слышал стук кувалды Сэма, бьющей по кирпичу. Этот звук отдавался в его теле, в середине груди, словно камень, брошенный в неподвижную воду пруда.

Но стоило только свыкнуться с этими призрачными фигурами... щелк! Коридор снова пустел, поблекшие цвета обретали яркость, видения мгновенно пропадали, а с ними – и память о произошедшем.

Он вновь был один.

Когда Сэм ходил в третий класс, они с отцом решили сделать матери сюрприз – высадить розовые кусты. Мать уехала на весь день навестить своего отца в доме престарелых под названием «Отдых» (отдых заключался в том, что дедушка Кинг сосал кислород из баллона и сражался с жестокой эмфиземой – результатом долгих счастливых лет, проведенных с сигаретой во рту).

Мать должна была вернуться лишь поздно вечером, и отец не сомневался, что они успеют разобраться с кустами. Даже в свои без малого девять лет Сэм понимал, что мать их подвиг особо не оценит. Вымученно улыбнется, скажет, что все очень красиво, а потом пойдет в дом налить себе водки с тоником и лаймом. Позже она выскажет, что на самом деле думает об их трудах...

Думаете, кучка чахлых роз сделает эту поганую дыру похожей на дом?

...но пока в лучах теплого послеполуденного солнца Сэм и его отец – тощий, хилый мужичонка с вялым подбородком и еще более вялым характером – убеждали себя в том, что их дар и вправду ее обрадует.

Розовые кусты, числом восемь штук, стояли рядком у задней стены дома, шипастые ветки терпеливо ждали возможности впиться в мягкую плоть. Шипы казались Сэму похожими на акульки зубы, они торчали во все стороны, точно лезвия измельчителя отходов, созданные, чтобы рвать, резать, истреблять.

Отец вышел из гаража с двумя лопатами и протянул ту, что поменьше, Сэму. Кусты они собирались посадить на длинной полосе между домом и задним двором. Отец уверял, что если они возьмутся за дело с огоньком, то управятся часа за два, самое большее – за три.

На первой же ямке они наткнулись на что-то твердое. Бетон. Край лопаты сердито заскрежетал по таящейся в земле плите. Отец заявил, что это не проблема – надо просто копать немного правее. Сэм сделал, как ему было сказано, но новая ямка вышла лишь на несколько дюймов глубже – лопата вновь издала мерзкий скрежет. Опять бетон.

После четвертой попытки – все с тем же результатом – отец начал догадываться, в чем беда. Фундамент дома заливали неаккуратно, и избыток строительного раствора вытек и засох, образовав вокруг дома прочное бетонное кольцо.

Отца было не так-то легко вывести из равновесия, он снова отправился в гараж и минуту спустя вернулся с кайлом в одной руке и кувалдой – в другой. Вначале он попытал счастья с кайлом – его острие вонзалось в бетон, словно рог диковинного стального зверя. В лицо Сэму и отцу полетели осколки, однако разламываться плита не желала. От кувалды особого проку тоже не было: она оставляла на твердой поверхности вмятины, но не разрушала ее.

Час спустя отец был покрыт смесью пота и бетонной пыли и близок к бешенству. Он швырнул кувалду на землю, пробормотал под нос несколько отборных ругательств, затем окинул двор взглядом и заметил кусок земли в дальнем конце, у забора. Розовые кусты были без труда высажены на новом месте. Вернувшись домой, мать обнаружила приятный сюрприз, улыбнулась вымученной улыбкой, и

на несколько мгновений в мире воцарились покой и благополучие. Но Сэма и отца еще долго мучило ощущение поражения, осознание того, что они вступили в битву с бетонной плитой и проиграли.

Сейчас Сэма одолевало то же самое чувство – оно поднималось из глубины горла горьким привкусом желчи. Сэм сумел вытащить из стены еще четыре кирпича, но остальные держались на месте со сверхъестественным упорством. Дыры в пять кирпичей почти хватало, чтобы Сэм мог протиснуть голову и плечи. При желании он мог бы просунуть в комнату руку, но этого делать он не хотел: боялся, что с другой стороны его кто-то схватит. Поэтому Сэм лишь вглядывался в сумрачную спальню третьего этажа, надеясь увидеть хоть что-то. Какую-то подсказку. Мелочь, которая позволит расставить все прочие невероятные события по местам, придаст смысл их загадочному приключению.

Кроме ветхого, заброшенного инвалидного кресла в комнате не было ничего.

Исходящий из дома шепот замолк несколько минут назад, оставив Сэма и Себастьяна в тишине, которая неведомо почему тревожила их еще сильнее.

Себастьян стоял у начала лестницы, у окошка, глядящего на задний двор. Дождь стучал в стекло, словно ребенок, просящийся внутрь.

– Тихо стало, – сказал Себастьян.

– Я заметил, – отозвался Сэм. – Что бы дом ни говорил нам, сейчас он молчит.

Себастьян покачал головой:

– Я не об этом. Я хотел сказать, что тут слишком тихо. Совсем никаких звуков. Даже остальных не слышно.

Сэм напряг слух. Он уловил лишь стук дождя – по окну, по крыше – и редкие раскаты грома. Если не считать этого, в доме царила полная тишина. Ни шума шагов. Ни приглушенных голосов. Ни щелчков закрывающихся дверей.

– Вы правы. Как будто они исчезли.

Не выпуская из руки кувалду, Сэм спустился по ступенькам и позвал:

– Уэйнрайт! Дэниел! Мор!

Имена пронесли по коридору и скрылись в глубинах дома, даже эха не было. Никто не ответил.

– Может, они вышли наружу покурить, – предположил Сэм.

Себастьян покачал головой, не переставая глядеть в окно. Лицо его избородили отражения стекающих по стеклу капель.

– Они ведь не пенсионеры. Не стали бы точить лясы на крыльце, вместо того чтобы помогать вам здесь. – Он вздохнул и взглянул на часы: – К тому же их нет уже очень давно.

Себастьян был прав. Прошло полчаса с тех пор, как Мор отправилась искать остальных, и больше двух часов с тех пор, как они в последний раз видели Дэниела. Как так получилось? День пролетел незаметно, его поглотило сражение с кирпичной стеной.

– Давайте я схожу поищу их? – предложил Себастьян.

– Нет, – отрезал Сэм, сам удивившись суровости своего тона.

«В этом и была наша ошибка, – подумал он. – Дом разделил нас, а мы даже не заметили».

Себастьян пошел по коридору. Сэм уже хотел окликнуть его, но замер, услышав тяжелые шаги. Себастьян застыл на месте, едва миновав первые двери спален.

– А вот и они, – сказал старик.

Грузный темный силуэт возник на ступенях лестницы. Фигура, в которой смутно угадывались очертания человека, секунду была неподвижна, словно тень горы, лишь плечи вздымались и опадали с каждым глубоким вздохом. А потом человек медленно вышел на свет.

Первой мыслью Сэма было, что Дэниел порезался. Но крови было слишком много. Капли усеивали его лицо – уже засохшие, побуревшие. Рубашка поло промокла насквозь и влажно поблескивала в скудном свете. Зачесанные назад волосы слиплись; сначала Сэм подумал, что от воды или от пота, но потом понял, что от сгустков крови. Это был не тот Дэниел, которого они знали, не тот человек, что застенчиво натягивал край рубашки, пытаясь спрятать выпирающий живот.

Этот Дэниел, похоже, вообще не осознавал, что покрыт кровью, что ею запачканы его руки, что кровь алыми слезами капает с его пальцев. Сэм скользнул взглядом по красным полосам на предплечье Дэниела – вниз, к ладони и зажатому в ней плотницкому топору-молотку. На одном конце была плоская головка молотка, на другом –

лезвие. Багровое, липко-блестящее, оно было усеяно белыми клочками чего-то. Сэму показалось, что это кожа.

Себастьян шагнул навстречу Дэниелу, развел руки и широко взмахнул ими, словно пытаясь обратить всеобщее внимание на то, в какой кошмар превратился Дэниел Манниак.

– Что случилось, Дэниел? – Голос Себастьяна чуть дрожал. – Вы поранились?

Пальцы Дэниела крепче стиснули рукоять топора-молотка, и Сэма охватил ледяной ужас.

– Себастьян, не подходите!

– Но, Сэм, посмотрите на него. Что-то случилось. – Он обратился к Дэниелу: – Где Мор и Уэйнрайт? Они ранены? Это сделал дом? – Себастьян сделал еще один шаг вперед, и тут его взгляд, как раньше взгляд Сэма, упал на окровавленный топор-молоток. – Что это? – спросил Себастьян, начиная осознавать суть происходящего. – Дэниел, что вы наделали?

– Себастьян, отойдите от него! – закричал Сэм.

Дэниел глубоко вдохнул, и в глазах его заблестели слезы. Он стиснул зубы, медленно покачал головой и принялся что-то тихо бормотать, вначале этот поток слов казался бессмысленной абракадаброй.

Сэм смотрел на губы Дэниела, тот повторял одни и те же слова снова и снова, как молитву. *Что он говорит?*

Голос Дэниела стал громче, слова понеслись по коридору черным москитным роем. «Простите меня, – говорил он. – Простите меня. Простите меня... – Его взгляд метался между хрупкой фигурой Себастьяна и перепачканным пылью лицом Сэма. – Я должен, должен...»

Сэма посетило чудовищное озарение: *Он сейчас убьет нас! Он убил остальных, а теперь пришел за нами.*

Себастьян, похоже, пришел к такому же заключению. Он отступил назад.

Дэниел содрогнулся всем телом. И крепче сжал топор-молоток.

– Я спрятал книгу, – крикнул Себастьян Сэму через плечо. – Перед тем как ехать к Адьюделу. Я спрятал ее так, чтобы никто не нашел. Можно не волноваться. Никто никогда ее не прочтет.

Себастьян расправил плечи. Он выпрямился, в осанке его появились уверенность и достоинство. Руки сжались в кулаки.

В эту ужасную секунду Сэм понял, что задумал старик.

– Я не буду ему рассказчиком, Сэм, – сказал Себастьян. – Дыра уже достаточно большая? Вы сможете пролезть сквозь стену?

– Себастьян, не надо.

– Дыра достаточно большая? Да проверьте же, черт!

Сэм бросил взгляд на стену. Он надеялся, что сможет еще расширить ее, прежде чем лезть внутрь, но, возможно, он сумеет протиснуться и так.

Возможно.

– Дыра большая? – крикнул Себастьян.

– Ага. Думаю, большая.

– Тогда вперед.

– Нет, Себастьян!

– Вперед, Сэм!

Коридор наполнился ревом, исполненным такой первобытной ярости, что на долю мгновения Сэм подумал, будто на них готовится напасть дикий зверь.

Это и был зверь – зверь, который когда-то был Дэниелом Манниаком, покрытое кровью чудовище с жадной убийства в глазах. Рев клубился в его распахнутой глотке, точно рвущийся в небо смерч. Потом превратился в жуткий тонкий стон, пронзительный и беспомощный.

– Поймите! Я должен! Я должен это сделать!

– ВПЕРЕД! – крикнул Себастьян. – ЖИВО!

Тяжелые шаги стремительно приближались, доски пола трещали. Дэниел несся по коридору к Себастьяну, одну руку он вытянул, готовясь схватить старика, в другой руке рассекал воздух топоромолоток, покрытый запекшейся смертью. Даже под кровавыми пятнами было видно, как горит румянцем лицо. Дэниел мчался, пыхтя, как паровоз, мешковатая одежда болталась на нем. По багровым щекам струились слезы, а издаваемый им пронзительный стон напоминал свист закипающего чайника.

– Себастьян! – завопил Сэм.

Старик обернулся к нему. И улыбнулся.

Окровавленные пальцы Дэниела вцепились в жертву. Его рука опустилась на плечо Себастьяна с такой силой, что Сэм не сомневался: сейчас старик рассыплется, обратится в горстку праха и костей.

В воздух взвился топор-молоток и ударил наискось. Лезвие глубоко вонзилось в бок Себастьяна. Ребра хрустнули, как сломанные ветки. Глухо застонав от страшной боли, старик всем своим весом толкнул Дэниела вперед, и оба они рухнули на пол.

– Простите меня! – взвизгнул Дэниел, бешено размахивая топором-молотком, сталкивая с себя тщедушного Себастьяна.

Затем Дэниел поднялся на ноги. Он занес свое орудие, собираясь обрушить его на череп старика.

Сэм сделал единственное, что мог. Он хлопнул в ладоши и громко закричал:

– Эй! Я здесь!

Он понимал, что это глупо. Так привлекают внимание непослушной собаки. Но это сработало. Дэниел резко повернул к нему голову, лицо исказила злобная ухмылка. Впервые с начала их противостояния...

Сколько оно длилось? Несколько секунд? Минут? Часов?

...Сэм взглянул Дэниелу в глаза. Что-то проникло внутрь Дэниела, *заразило* его, заставляло совершать невыносимое.

«Да, это верное слово. Он заражен», – подумал Сэм. Дэниел выглядел так, словно оказался во власти какой-то жуткой лихорадки и от подскочившей температуры из его измученных мозгов испарился весь рассудок.

Он обезумел.

– Я должен... – Голос Дэниела теперь звучал глухо, утробно, словно предсмертный хрип.

– Верно, – сказал Сэм. – Ну так давай. Вот он я здесь. Бери меня.

Времени на страх не было. Ноги Дэниела загрохотали по доскам пола – он снова бросился в нападение. Сэм стремительно развернулся и, едва касаясь ступенек, придерживаясь руками за стены узкого проема, взлетел по лестнице.

Он слышал, как позади каждая ступенька стонала в муках под весом Дэниела. Слышал, как Дэниел тяжело дышал, карабкаясь по лестнице так близко, что Сэм почти чувствовал жар его дыхания спиной. Но глаза были прикованы к одной точке – к дыре в кирпичной

стене, достаточно широкой, чтобы он мог проскользнуть внутрь, но достаточно узкой, чтобы туда не пролез Дэниел.

Толстый средний палец Дэниела скользнул по спине Сэма, и Сэм бросился вперед. В голове внезапно раздался вопль отца из тех времен, когда еще в Канзасе Сэм играл в бейсбольной Малой лиге:

Скользи! Скользи!

Сэм скользнул. Острые края кирпичей впивались в живот, когда он протискивался в черную пасть, которую собственноручно проделал в стене.

Тьма поглотила его.

Себастьян слышал, как оглушительные шаги Дэниела быстро удаляются по коридору. Бок горел огнем. Даже от малейшего движения боль иглами пронзала все тело насквозь. Но двигаться было необходимо. И двигаться быстро, пока Дэниел не вернулся.

Скрипя зубами, чтобы не закричать, Себастьян пополз к двери ближайшей спальни. *Его* спальни.

Он потянулся к дверной ручке, но пальцы лишь царапнули ее. На латуни остались следы крови. Вся его ладонь окрасилась красным.

Его охватила дрожь – шоковая реакция грозила захлестнуть организм. Нельзя забываться, нельзя выпадать из этого момента, иначе следующий момент для него уже не настанет.

Стиснув зубы, он заставил себя подняться. В груди что-то хрустнуло. Сломанное ударом ребро. Что-то вышло из кожи – острый конец кости, – и Себастьян почувствовал, как вдоль бока потекла свежая кровь.

Внезапно его внимание привлек приглушенный крик Дэниела, эхом доносящийся словно из другого мира:

– Вернитесь! Дайте мне это сделать! Я должен это сделать!

Он все еще преследовал Сэма, но, судя по отчаянию в голосе, пока достать не мог. Себастьян надеялся, что это так.

Рука обхватила дверную ручку. С трудом – намокшие от крови пальцы скользили – Себастьян повернул ее.

Дверь издала благословенный щелчок и распахнулась. Упираясь локтем в деревянный пол, Себастьян вполз в комнату. Притиснулся к стене и осторожно закрыл дверь.

Защелка встала на место.

Пока что он был в безопасности. Пока что он был жив.

*Но ведь так не должно было случиться.
Я не должен был выжить.*

Глава 35

17:02

Даже рухнув на пол, Сэм не остановился. Отталкиваясь ногами, он пополз вглубь комнаты, прочерчивая туловищем дорожку в толстом слое пыли, а в дыре уже показалась рука Дэниела с топором-молотком.

Первым, что заметил Сэм, был холод. В спальне третьего этажа было как минимум на пять градусов меньше, чем в остальном доме. Когда Сэм выдохнул, в воздухе повисло белое облачко.

Комната представляла собой просторный пустой куб – и ничего больше. Пыль плотно покрывала деревянный пол. У дальней стены валялась груда кирпичей, а за ней виднелась кабина лифта с отодвинутой дверью-гармошкой.

На середине спальни Сэм разрешил себе остановиться. Даже похудевший, Дэниел был слишком толст, чтобы пролезть сквозь дыру в стене, однако попыток он не оставлял. Он вжимался в кирпичи, словно надеясь, что его тело примет форму отверстия, будто ребенок, старающийся втиснуть неподходящую деталь в пазл.

– Вернитесь! – кричал он. – Да дайте же мне это сделать! Дайте мне это закончить!

Сэм приподнялся на локтях, пытаясь отдышаться:

– Дэниел, остановитесь, пожалуйста. Подумайте о том, что вы делаете.

Дэниел испустил яростный вой. Сэм невольно представил зверя, угодившего в стальной капкан.

– Еще не поздно остановиться, – сказал ему Сэм. – Мы можем уйти отсюда. Мы можем что-то исправить.

– Заткнитесь! – завопил Дэниел. Его голос эхом заметался по комнате, отскакивая от стен. – Вы не понимаете!

– Я хочу понять, Дэниел.

– Вы не сможете понять! – Сквозь дыру в стене было видно лишь половину лица Дэниела, но Сэм разглядел свежие слезы на его свекольно-красных щеках.

Сэм заметил, что Дэниел смотрит куда-то ему за плечо, вправо. Там, конечно же, ничего не было, лишь пустое инвалидное кресло; сломанные спицы в его погнутых колесах были покрыты затейливым узором паутины.

– Не знаю, смогу ли я, – сказал Дэниел. Между его губ лопались пузырьки слюны.

– Дэниел? С кем вы разговариваете? – спросил Сэм.

Дэниел не сводил глаз с кресла. Он кого-то видел в нем. Кого-то, говорившего ему столь необходимые слова поддержки. Лицо Дэниела помрачнело. Он перестал плакать и с понимающим видом закивал. Потом его безумный взгляд снова обратился на Сэма, и крохотный проблеск бывшего, разумного Дэниела тут же пропал, потонул в темной пучине.

– Хорошо, – прошептал он. – Хорошо. Я смогу. Ради тебя.

Сэм испустил изумленный возглас, когда Дэниел принялся колотиться в стену. Бам! Бам! От того, с какой силой Дэниел ударял плечом о кирпич, делалось не по себе. Стена выдержит – в этом Сэм не сомневался. Пока что он находился в безопасности, если только не было другого пути в...

«Лифт», – внезапно мелькнуло в голове, и по телу пробежала волна паники. Он вскочил, бросился через комнату и прыгнул в кабину через груды кирпичей. Надавил на кнопку первого этажа.

Ничего не произошло. Лифт не шевельнулся.

Сэм издал вопль отчаяния. Он принялся прыгать на месте, но кабина не сдвинулась и на дюйм.

Я умру здесь.

Едва успев это подумать, Сэм уловил тихий звук – что-то посыпалось на пол. Дэниел продолжал биться о стену, точно шар-баба, он оскалился, с уголка рта свисала длинная нить слюны. И стена, прежде не выказывавшая ни малейшего намерения поддаться, чуть прогнулась внутрь, раствор между кирпичами начал крошиться. Дэниел, похоже, это почувствовал: его удары стали чаще и сильнее. Он начал взволнованно мычать себе под нос.

В это было трудно поверить. Сэм несколько часов долбил стену кувалдой и сумел лишь выбить несколько кирпичей. А сейчас стена готова была обвалиться под весом Дэниела.

Оставался лишь один выход – окошко в северной стене.

К несчастью, его заколотили много лет назад. Толстые доски крепились к стене по обе стороны рамы. Держались они на диком количестве гвоздей. У многих из них шляпки были криво согнуты, словно тот, кто забивал их, действовал второпях.

*Это тюрьма. Доски были нужны, чтобы не выпускать кого-то.
Чтобы не выпускать Ребекку.*

Рука Сэма что-то стиснула. Рукоять. Он опустил глаза.

Он все еще сжимал в руке кувалду. Он забыл, что держал ее.

Сэм кинулся к окну и принялся колотить по доскам. Они не поддавались. Упрямо держались, как и кирпичная стена, хотя уже были покрыты бесчисленными выщерблинами – следами предыдущей атаки.

Она пыталась выбраться отсюда.

От этой мысли Сэма пробрало холодом.

– Да ломайтесь же! – крикнул он.

Он стал молотить по торцам досок. Кувалда впивалась в них, откалывала щепки, но доски не сдавались.

Позади раздался стук падающего на пол кирпича. Несколько секунд спустя упал еще один кирпич.

«Он идет за тобой! – завопил голос в голове Сэма. – Он до тебя доберется! Он тебя убьет! Так же, как Мор! Так же, как Уэйнрайта! Так же, как...»

Себастьяна. Бедный Себастьян.

Сэм снова увидел, как старик оборачивается к нему и улыбается, а Дэниел заносит в воздух топор-молоток.

Завопив что есть мочи, Сэм ударил по концу средней доски.

Она поддалась.

Один ржавый гвоздь с сердитым скрежетом вывернулся из стены.

Этого было достаточно, чтобы просунуть пальцы между деревом и стеной. Он обхватил край доски, уперся в стену ногой и дернул на себя изо всех сил.

Как и первый вытасченный из стены кирпич, доска будто бы отдернулась, пытаясь сопротивляться, но Сэм не сдавался. Он выламывал доску, вены на предплечьях вздулись, приподнимая искалеченную плоть под татуировками. Гвозди скрипнули, и в следующий миг Сэм повалился на спину с доской в руке. Он отшвырнул ее в сторону.

Сквозь узкую полосу грязного стекла полился тусклый свет.

Сэм немедленно схватился за следующую доску. Он отдираал их одну за другой, пока не обнажил крохотное оконце полностью. И отчаянно вцепился потными пальцами в задвижку.

Безумное мычание Дэниела становилось громче, а удары о стену – все чаще и чаще. В этом было что-то пугающе эротическое, словно возбуждение от преодоления препятствия подводило Дэниела к оргазму.

Пальцы Сэма соскользнули с задвижки. Он с размаху ударил по ней кувалдой, но задвижка не поддавалась.

– Давай! Давай! Открывайся, сука!

Головка кувалды соскочила, и Сэм, попав по задвижке рукой, больно ободрал кожу ладони. На тусклом металле заблестела свежая кровь. Все без толку. Задвижка сидела как влитая.

Сэм всхлипнул, и этот беспомощный звук взбесил и испугал его одновременно.

Из стены выпал третий кирпич, и Сэм понял, что времени больше нет. Еще пара-тройка секунд – и стена обрушится, а Дэниел бросится на него, рассекая воздух лезвием топора-молотка.

Он вновь занес кувалду, но на этот раз нацелился на оконную раму. И был потрясен тем, как легко рама разбилась. Осколки стекла градом посыпались на пол. Сэм постучал по краям, убирая то, что осталось.

На другом конце комнаты раздался оглушительный грохот падающей стены. Кирпич, отправленный в полет мощным ударом Дэниела, прокатился по полу и остановился в паре дюймов от ноги Сэма.

Сэм бросился через комнату. Тончайшие нити паутины порвались, точно шелковые сухожилия, когда он схватил кресло-каталку за подлокотники и поднял.

И замер, заметив, как жестоко погнуты колеса. Кресло когда-то использовали как оружие... или орудие.

Он вспомнил выщерблины на досках, закрывавших окно. Быстро осмотрев комнату, заметил похожие выщерблины на каждой стене. Даже потолок выглядел так, словно кто-то пытался процарапать сквозь него путь к свободе.

Ее здесь заперли. Ребекку Финч заперли в этой комнате.

Оставили здесь умирать.

Сэм бросил взгляд на кресло, которое сжимал в руках, и вдруг его осенило.

Царапины на потолке. Следы от ударов креслом на досках.

Ребекка не могла такого сделать.

Кого здесь заперли?

Дэниел ворвался в спальню.

У Сэма не было времени обдумывать свои действия – он быстро поднял тяжелое металлическое кресло над головой, не сводя глаз с намеченной цели.

Это было прямое попадание. Край колеса врезался Дэниелу в грудь и отбросил его в открытый дверной проем. Толстяк загромыхал вниз по ступенькам.

Сэм кинулся к окну, вцепился в оголившуюся раму. Он почувствовал, как оставшиеся осколки стеклянными зубами впились в его плоть, но, не обращая внимания на боль, устремился в дыру, раньше бывшую окном. По лицу забарабанили капли дождя, Сэм протискивался сквозь узкий лаз, лишь смутно осознавая, что висит в воздухе на высоте третьего этажа. Крыша переднего крыльца была прямо под ним, совсем рядом зловеще изгибал кривые ветви бук.

– Я не могу вас отпустить! – Голос Дэниела загремел словно у самого уха Сэма. – Я должен это сделать, понимаете? Ради нее!

«Шевелись, идиот! – приказал рассудок. – Живее! Живее!»

Сэм послушался, повернулся спиной вниз и ухватился за край крыши. Отчаянно брыкая ногами, подтягивался вверх и наружу. В какой-то момент он ткнулся ботинками во что-то, похожее на плечо Дэниела, и содрогнулся от ужаса. Но не остановился. Превозмогая пронзительную жгучую боль в мышцах предплечий, он вытянул себя из узкого окна... к крыше. Из-за сильного дождя ухватиться как следует было трудно, но каким-то образом он сумел это сделать. Выбора не было. Либо держаться, либо упасть и разбиться насмерть.

Он шлепнулся на жесткую, как наждак, кровлю, словно выуженная из воды рыба. И трясущимися руками стал подтягиваться дальше.

Что-то царапнуло ногу, и лодыжке стало горячо.

Он меня достал! Он достал меня этим гребаным топором-молотком!

Новая волна адреналина пронеслась по телу, и, рыча сквозь стиснутые зубы, Сэм впился ногтями в кровлю, преодолевая последние несколько футов, все дальше и дальше выбираясь на покатую крышу.

Сэм моргал под падающими на лицо каплями, вода стекала по шее и забиралась под воротник рубашки, словно сотни прозрачных мокрых змей. Он лежал на крыше, позволяя ливню поливать себя, безуспешно пытаясь отдышаться. Потом опустил глаза. В прорехе на брючине виднелась кровавая рана. Он развел ткань в стороны, чтобы осмотреть ее. И увидел изнанку собственной плоти, как на срезе осадочной породы.

На свободу вырвалось несколько горячих слез. Прокатились по дрожащим щекам, и в следующий миг неутихающий дождь смыл их.

Дэниел просунул в окно руку с топором-молотком и размахивал им в воздухе. Даже с учетом того, как он похудел за последние шесть месяцев, он не мог протиснуться в оконный проем. Из горла его вырвался яростный рев. Сэму почудилось, что весь дом содрогнулся. А потом ответил своему новому служителю призрачным хором из сотен шепчущих голосов – они исходили из каждой доски, каждого гвоздя, каждого камня.

Выгнув спину, хватаясь за шершавый гонт, Сэм начал взбираться по крутому скату крыши. Почти достигнув вершины, он оперся о кирпичную трубу. Будь дом меньше, а скат – еще круче, ливень мог бы сбросить его вниз, и падение стоило бы ему сломанной спины в лучшем случае. Но из-за громадных размеров строения наклон крыши не превышал сорока пяти градусов. Приходилось изо всех сил держать равновесие, но в конце концов Сэм добрался до верха.

Он оседлал конек крыши. Возвышаясь теперь над кронами деревьев, он мог ясно видеть на полмили вокруг. Громада леса словно сопровождала изгибистый ручей, укутывая его густым зеленым покровом. Сэм проследил за ручьем взглядом – вокруг дома, до переднего двора. У моста, который они пересекли, приехав сюда, деревья расступались, обнажая пересохшее русло. Но оно уже не было пересохшим. Ливень сумел наполнить его водой так, чтобы образовался поток. Казалось маловероятным, что ручей способен возродиться за какую-то пару часов, однако же поток, стремительно набирая силу, бежал, точно кровь из раны, с которой содрали корку.

Если дождь не прекратится, вода меньше чем за день выйдет из берегов.

Вокруг все сияло зеленью. Сэму показалось, что, глядя на двор с высоты конька, он различает в сплетении трав неровный узор, похожий на очертание мясистых щупалец какого-то древнего морского чудовища.

Промокший до нитки под неустанно льющимся на него дождем, Сэм вдруг заметил, что дом под ним подрагивает. Пульсирует в причудливом, неровном ритме, точно слабо бьющееся сердце.

«Он говорит с Дэниелом, – скользнула мысль. – Говорит голосами, которые собрал».

Все эти годы дом слышал каждое приглушенное предостережение, каждую страшную сказку, шепотом рассказанную у костра, и становился тем могущественнее, чем больше распространялась дурная слава о нем. Адьюдел был прав: этот дом не мог позволить, чтобы его забывали. Какая бы сущность ни обитала сейчас в его стенах, ее жизнь подпитывалась непрерывным страхом и горем. Она была слаба, когда они явились сюда в прошлом году, ютилась среди теней, окутывавших пыльные комнаты, – не более чем местечковая легенда.

Но тут приехали писатели, и видео, запечатлевшее их визит, стало вирусным, его посмотрели миллионы. Вновь поднявшееся любопытство, должно быть, подействовало на дом, как укол адреналина, пробудило от долгой спячки. То же самое в 1980-х сделала для дома Рейчел Финч, заманив туда Адьюдела. То, что она убедила его приукрасить историю, лишь подтверждало гипотезу Сэма – время от времени дом погружался в сон, точно рак в ремиссии, ожидая, когда его имя вновь зазвучит в коллективном сознании, а его власть выйдет за пределы стен.

Именно это и случилось: наваждение последовало за писателями в их собственные дома, проникло в их мысли, заставило их распространять пагубу дальше единственным известным им путем – литературным.

Но их романы, связанные с домом множеством удивительно сходных подробностей, не были конечной целью. Книги, отнявшие у них несколько месяцев жизни, были призваны сломить авторов и вновь

собрать их здесь. Вся соль затеянной домом страшной шутки заключалась в том, чтобы они вернулись по своей воле.

Дом заманил их обратно, чтобы убить. Их чудовищная гибель и должна была стать главной историей о привидениях.

«Нет, – осенило Сэма. – Мы лишь рекламный трюк для уже написанной истории».

Книги Себастьяна.

Себастьян мог бы стать рассказчиком. Он мог бы снова прославить дом. Однако дом не сумел окончательно сломить его дух. Себастьян жаждал разорвать эту мефистофельскую сделку. Ради своих друзей. Ради своих идеалов.

Дом не победил. Пока.

Еще оставался прячущийся на крыше Сэм, еще оставался Себастьян...

Сэм выпрямился, едва не упав с конька. Дэниел бросил Себастьяна умирать в коридоре. Но вдруг... что, если...

Окно, через которое Сэм выбрался из спальни третьего этажа, выходило на передний двор, и это означало, что комната, расположенная ближе всего к тому месту, где Дэниел напал на Себастьяна, располагалась в задней части дома.

Сэм поглядел на другую половину крыши, пытаясь представить спальни внизу. Он направил палец на юго-восток, потом медленно повел его влево, мимо точки, где располагалась узкая ниша. Дальше была самая крайняя в коридоре спальня. И наконец, вторая спальня с конца, та, в которой он провел ночь на Хэллоуин.

Сэм осторожно слез с конька и начал спускаться по южному скату. Несколько раз нога скользила на мокром гонте, но в конце концов он добрался до края. Дальше предстояло самое трудное. Металлический водосток шел по всему периметру дома, и, заглянув за кромку крыши, Сэм увидел небольшой выступ прямо у окна спальни. Но угадать, какой вес способен выдержать водосток, было невозможно, а на выступе шириной самое большее шесть дюймов еле-еле можно было встать.

– Да пошло оно все, – сказал он себе.

Вытянувшись вдоль края крыши, ухватился за водосток так крепко, что кончики пальцев побелели. Сделал глубокий вдох, спустил с крыши одну ногу, потом другую и повис в воздухе.

Глава 36

17:21

Себастьян знал, что умирает.

Руки охватила дрожь. Холодный пот покрывал его с ног до головы. Ему срочно нужно было в больницу. Но выбираться в коридор было слишком рискованно. Если там Дэниел, на спасение можно не надеяться. Оставалось одно – ждать, пока кто-нибудь его не найдет или пока Дэниел не придет в себя.

Мор и Уэйнрайт в лучшем случае тоже ранены. А в худшем – мертвы.

В сознании скользнула тень воспоминания, образ, увиденный словно сквозь окно – трупы в доме, трупы его друзей, – а потом все исчезло, растаяло, как туман на рассвете.

Себастьян подумал о Дэниеле. Он из этой переделки легко не выберется. Но если проявит милосердие к Себастьяну и Сэму, то сможет рассчитывать на какое-то снисхождение в суде.

Если Сэм еще жив.

Он слышал крики с лестницы, ведущей к спальне третьего этажа. За криками последовал оглушительный шум, произвести который могла лишь падающая кирпичная стена. Себастьян понятия не имел, что это значило, но всей душой надеялся, что Сэму удалось убежать. Потом вернулись голоса, они просачивались сквозь пол, точно дым от пожара этажом ниже. Заговорщические перешептывания сплетников.

Сидя на полу, опираясь спиной о стену, Себастьян не сводил взгляда со своих бледных костлявых рук и шепотом просил их не дрожать. Двигаться было тяжело. С этим он мог справиться. Рана в боку перестала кровоточить. Вне всякого сомнения у него были повреждены внутренние органы, но он мог выжить. Требовалось лишь сохранять спокойствие.

Себастьян больше не мог выносить зрелище своих трясущихся рук. Он сжал ладони вместе и притиснул их к груди. Закрыв глаза, стал искать в памяти какое-нибудь утешение, какой-то образ, что напомним

бы о счастливых временах. Однако все его воспоминания были поблекшими, словно старые фотографии. Он представил Ричарда – еще до того, как его рак проявил себя. Представил, как пьет чай в саду позади их дома, как гортензия цветет лиловыми гроздьями в тени молодого багряника. Он вцепился в это видение, как вцепляется утопающий в проплывающее мимо бревно, пытаюсь забыться в ощущении покоя, которое дарила картинка.

В коридоре закрипели половицы. Но Себастьян этого не услышал. Он уплывал прочь, к саду, к Ричарду, к улыбке, обещающей, что все будет хорошо.

Вокруг было потрясающе ясно. Себастьян заморгал в пятнах солнечного света. Вдохнул влажный летний воздух. Почувствовал нежный аромат чая с лимонной цедрой.

– Ричард? – позвал он.

Ответа не было.

Старое деревянное кресло-качалка – в саду Ричард больше всего любил сидеть именно в нем – едва заметно шевельнулось, словно кто-то только что встал с него.

– Ричард? Где ты?

Беседка, заросшая декоративными лианами, обозначала конец сада и начало того, что Себастьян называл «природой», там его тщательно ухоженный и прополотый цветник уступал место дикому лесному ландшафту. Кто-то двигался меж деревьев.

– Ричард! Это я! Себастьян!

Человек, похоже, услышал его и застыл у толстого трухлявого дубового пня. Это был не Ричард, это была женщина: кожа у нее была на два оттенка темнее коры дерева, за которым она укрывалась. Она смотрела на Себастьяна так, словно голос напугал ее.

– Здравствуйте, – сказал он, направляясь к ней. – Кто вы?

Женщина ничего не ответила, но, когда Себастьян приблизился, начала медленно мотать головой. Он делал шаг к ней – она делала шаг от него. И все мотала головой.

– Милая моя, да что с вами такое? – спросил Себастьян.

Она пятилась все дальше и дальше в лесные тени, лицо ее было трудно разглядеть в убывающем свете. Теперь она подняла руки, выставила их ладонями вперед, словно прося Себастьяна не приближаться.

Но Себастьян не послушался. Он пошел за ней в глубину чаши, в темноту, которая приняла обоих нежно, как объятия любовника.

Дэниел тупо смотрел на кровавое пятно на полу. Это зрелище его не тревожило. Кровь была чужая.

Себастьян был еще жив. И кровавая дорожка ясно указывала, что он заполз в свою спальню.

Он прижал ухо к двери, но ничего не услышал. Крепче стиснул топор-молоток. Рукоять была скользкой от крови и пота.

Вначале, когда становилось тихо, его одолевало желание прекратить эту бойню. Он начинал думать о том, что эти люди ему друзья, вспоминать разные моменты до того, как Клэр умерла и все потеряло смысл. Но потом это прошло. Назад пути уже не было. Он должен довести дело до конца.

Он оглянулся и увидел Клэр: ее пшеничные волосы танцевали в солнечных лучах, она нежно, ласково улыбалась своему папе.

Значит, остались еще двое. *Всего* двое – и она снова будет с ним. Их жертвоприношение возродит семью. Разве найдется на свете человек, который не пойдет на все ради семьи?

В тишине Дэниел слушал стук своего изможденного сердца и свое хриплое, частое дыхание. Вскоре он уловил новый звук – мягкий щелчок убираемой задвижки.

Скрипнув петлями, дверь спальни медленно распахнулась.

Дэниел осторожно заглянул внутрь.

И увидел Себастьяна, сидящего спиной к стене, уставившегося в пустоту. Низ его рубашки и брюки были мокры от крови.

Это не старик открыл дверь.

Это дом. Дом впустил Дэниела.

– Ради нее, – прошептал Дэниел и шагнул в спальню.

Дверь медленно закрылась за ним.

Носками ботинок Сэм коснулся выступа. Правая нога заскользила на мокром бетоне, центр тяжести неожиданно сместился, и на мгновение Сэму показалось, что сейчас он упадет. Он еще крепче ухватился за водосток, ногти мерзко заскребли по металлу. Паника длилась несколько секунд, а затем нога снова нащупала выступ.

Нависающая крыша защищала его, однако дождь все равно попадал на руки, и длинные струйки стекали к плечам. В небе наверху

раздавался гром – звук был странный, электрический, будто потрескивал оголенный провод.

Сэму повезло: он спустился к окну спальни, в которой укрылся Себастьян. Щурясь, он уставился в свое отражение в стекле, но что там за ним, в полутемной комнате, он не видел. Вдруг показалось, что он уловил какое-то движение внутри, чуть правее кровати.

Сэм осторожно постучал по стеклу носком ботинка.

– Себастьян! – позвал негромко, но так, чтобы можно было расслышать через стекло.

В сумраке что-то блеснуло, отразив скудный свет, словно ломтик луны в ночном небе. А потом исчезло, вновь поглощенное тенями.

Сэм снова постучал в стекло и позвал чуть громче:

– Себастьян! Вы меня слышите?

Лицо врезалось в стекло с той стороны, и Сэм дернулся; одна рука выпустила трубу водостока. Он заерзал, пытаясь не сорваться с выступа, понимая, что отступать некуда. Лицо было перекошено в чудовищной гримасе, похожей на рисунок потрескавшейся коры дряхлого дерева: глаза вытаращены, кривящийся рот страдальчески распахнут. Кровь запачкала окно, оставив темно-красную полосу.

– Себастьян... – Сэм едва смог прошептать его имя.

Престарелый писатель смотрел на него, словно спрашивая: «Почему, почему со мной это случилось, чем я заслужил такую участь?»

Себастьян Коул, человек-легенда, отец современного хоррора... Без него не было бы никакого Сэма Мак-Гарвера. А теперь его убивали...

Вцепившись пальцами в край водостока, Сэм отвел назад ногу и быстро, с силой стукнул по окну. Тонкое стекло от удара должно было легко разбиться. Однако оно осталось целым, лишь из центра паутиной разбежались трещины.

Сэм бил по окну снова и снова.

– Себастьян! Держитесь! Вы только держитесь!

Губы Себастьяна зашевелились в некой беззвучной мольбе, а потом по лицу его разлились тоска и осознание поражения. За спиной у него появилось другое лицо, в брызгах крови.

Дэниел обнажил зубы в полуухмылке-полуоскале, и в ту секунду, когда время словно с невыносимым скрипом затормозило, Сэм

взглянул в лицо чудовищу. В своих книгах он иногда описывал умопомешательство, однако полноту этого безумия не могли передать никакие слова, запечатленные на бумаге. Дэниела Манниака больше не было. Осталась лишь эта тварь, это насквозь пропитавшееся кровью существо, марионетка Кровавого ручья.

Сэм даже не заметил, как закричал, лишь услышал собственный голос:

– Дэниел, нет!

Он опоздал. В воздух взмыл топор-молоток, до того запачканный кровью и плотью, что был похож на орудие доисторического человека: заостренный камень, предназначенный для истребления врагов.

Себастьян заметил орудие, и глаза его закатились. Он беспомощно ожидал конца.

Все случилось быстро. Топор-молоток завис над Себастьяном, точно лезвие гильотины, и секунду спустя глубоко зарылся в бледную старческую шею. Кровь, как из гейзера, брызнула на стекло, багровый фонтан скрыл от Сэма происходящее в комнате.

Не думая о риске падения, Сэм оттолкнулся от выступа, подтянулся и ударил снова, выставив ноги перед собой. На этот раз окно поддалось, стекло превратилось в водопад осколков. Один из них, оставшийся торчать из деревянной рамы, располосовал Сэму голень, но боли он не почувствовал. Он должен был попасть внутрь. Должен был остановить Дэниела.

Сэм ударил его ногами в огромную грудь, вынудил зашататься и отступить на несколько шагов. И качнулся сквозь дыру на месте уничтоженного окна обратно, под проливной дождь.

«Встань обратно на выступ, – приказал рассудок. – Найди устойчивое положение, пролезь в окно и уложи этого ублюдка!»

Не сводя глаз с выступа, Сэм подтянулся на руках, готовясь выполнить задуманное. Еще секунда – и он окажется в доме. Никаких дальнейших планов, кроме как отобрать у Дэниела топор-молоток, у Сэма не имелось.

Резиновые подошвы его ботинок скрипнули на бетоне. И в то же мгновение порыв холодного ветра из сизых облаков раздул висящие в спальне занавеси, точно паруса корабля. Из щели между ними показался Дэниел с занесенным топором-молотком. Лезвие мазнуло Сэма по животу, мгновенно замавав рубашку темной кровью.

– Да дайте же мне это сделать! Дайте мне закончить! – взвыл Дэниел, и последние его слова заглушил свирепый раскат грома.

И снова Сэм оттолкнулся ногами от выступа и повис в воздухе. Высунув руку в окно, Дэниел размахивал топором-молотком, безуспешно пытаясь его достать. Сэм оттолкнулся от выступа инстинктивно, не успев приготовиться, и намокшие под дождем пальцы потеряли хватку. Он почувствовал, как пальцы соскальзывают с водостока. А потом наблюдал, как Дэниел становится все дальше и дальше. Лишь почти достигнув земли, Сэм осознал, что падает.

Глава 37

17:50

– Сэмми? – Голос звал из мутных глубин прошлого. – Что ты творишь? Зачем ты делаешь мне больно?

Сэм открыл глаза. Он не понимал, сколько прошло времени. Минута? Час? Он поморгал, прикрыв глаза рукой от дождя. Стоило пошевелиться, как вверх по ноге промчалась волна боли. Вся ступня пульсировала в такт сердцу.

Он потряс головой, чтобы мысли прояснились, и попытался принять сидячее положение. От этого легкого движения боль молнией пронзила тело: от лодыжки к основанию черепа. Сэм услышал свой вскрик, хотя изо всех сил пытался не шуметь. Он понимал, что Дэниел отправился за ним. И если он лежал в отключке долго, толстяк может появиться в любую секунду.

Постанывая сквозь стиснутые зубы, Сэм заставил себя встать. Правая лодыжка была сломана, нога уже раздувалась, превращаясь в багровую сардельку. Попробовал на нее опереться и чуть не упал от невыносимой боли.

«Тебе повезло, что ты остался жив», – подумал Сэм, и тут перед глазами возникли последние мгновения жизни Себастьяна: глаза закатились, рот распахнут, топор-молоток вонзается в шею, кровь горячим неудержимым фонтаном брызжет на оконное стекло. Сколько осталось ему самому? Немного, даже если Дэниел не найдет его в таком уязвимом положении: без укрытия, без защиты, со сломанной лодыжкой.

Хлопнула входная дверь, оставаться на месте было нельзя. Сэм заковылял, опираясь на левую ногу и стараясь как можно меньше нагружать правую. Он кусал губы, чтобы не кричать, и с каждым шагом слезы лились из глаз все сильнее.

Дэниел протопал вниз по крыльцу, и Сэм смог уловить его сердитое пыхтение, когда тот пошел вокруг дома. В обычной ситуации

Сэм легко бы убежал от Дэниела, но не со сломанной лодыжкой. Если быстро не придумать, куда спрятаться, толстяк его поймает. А потом...

Сэм знал, что будет потом. Он отведает топора-молотка, как остальные.

Этого хватило для мотивации.

Он загнал боль на задворки сознания, затолкал в маленькую, темную кладовку.

Диким взглядом торопливо обвел окрестности.

Лес. Слишком далеко. Укрыться почти негде.

Задняя дверь. Плохая идея. Пути для отступления не будет, а Дэниел уже на подходе.

У самого фундамента, рядом с юго-восточным углом дома, Сэм заметил углубление в земле. Оно заросло сорняками, но его было ясно видно. Сквозь буйные травы смутно проглядывала красноватая ржавчина на прутьях решетки, а за ней – чернота туннеля.

Технический подпол.

– Сэм!!! – проревел Дэниел с другой стороны дома.

Надо было торопиться.

Забыв о ноге, Сэм быстро шагнул вперед, и лодыжка подогнулась, искривившись под неестественным углом. Он завопил от боли и рухнул ничком. Ладони зарылись в жирную грязь.

И как раз в этот момент из-за угла появился Дэниел. При виде Сэма, беспомощно лежащего на животе, на лице толстяка заиграла улыбка умалишенного. Он крепче перехватил рукоять топора-молотка. Дождь омывал всю его грузную фигуру, и струи становились бледно-розовыми, смешиваясь с кровью.

– Сэм, – жадно прошептал Дэниел.

В голове у Сэма что-то щелкнуло, и тело автоматически повиновалось: бросилось через двор к заросшему входу в подпол. Пробираясь через намокшую траву, Сэм почти кожей ощущал топот Дэниела. Но он не обернулся. Его взгляд был прикован к квадрату ржавой решетки и черноте, скрывающейся за ней, к черноте, сулившей спасение.

Вскоре его пальцы коснулись холодного бетона вокруг отверстия, рука потянулась к ветхим металлическим прутьям.

Паника вспыхнула в голове, как подожженный порох: *а что, если решетка поведет себя, как кирпичная стена и заколоченное окно?*

Что, если она не поддастся? Что, если я не успею ее вытащить?

Но решетка поддалась. Сэм легко выдернул ее с первой попытки. У ржавых болтов попросту отлетели головки. Он отшвырнул решетку в сторону и, извиваясь, протиснулся в темный туннель. Его окутал гнилостный запах мокрой земли. Сэм слышал, как жалко всхлипывает, радуясь обретенному убежищу, и эти звуки его ужасали.

Он уже наполовину скрылся в отверстии, когда его настиг Дэниел. Рука ухватила поврежденную ногу, рванула и потащила Сэма назад, точно змею из норы. Боль невозможно было описать словами. Перед глазами заплясали черные точки, зловещие предвестники обморока. «Нет!» – завопил Сэм. Слезы ручьями полились по его щекам, словно тело пыталось в буквальном смысле выдавить боль из себя.

– Далеко собрался? – Хриплый, утробный голос Дэниела лишь отдаленно напоминал человеческий.

Сэм принялся бешено брыкаться. Он прекрасно осознавал всю постыдную бесполезность такого сопротивления. И сам удивился, когда его ступня впечаталась Дэниелу в подбородок. Голова толстяка резко дернулась назад, хватка ослабла, а потом и вовсе исчезла. Сэм моментально ползком рванул в подпол – «по-армейски», как они с братом это называли, продвигаясь вперед при помощи локтей. Полфута. Фут. Два фута. Три.

Дэниел ринулся за ним, вытянув вперед руку со скрюченными пальцами.

– Черт! – внезапно крикнул он и выдернул руку обратно, словно понял, что угодил в кипяток. – Вылезай оттуда, говнюк! *Вылезай!*

Сэм вслушивался в тяжелое дыхание Дэниела. Сейчас он мог видеть его лишь до подбородка, скрючившегося под струями ливня. Он все глубже и глубже протискивался в подпол, проход становился все теснее, внешний мир сжимался, а Сэм стремился оказаться как можно дальше от этого кошмара.

От подпола Дэниел отпрянул потому, что вспомнил о пауках. Гладкие черные тельца забегали внутри его головы, красные точки на брюшках предупреждали: держись подальше! Он почти чувствовал, как пауки снуют под костями черепа, скачут друг через дружку, охваченные жизнерадостным безумием, топчут по его губчатому серому веществу длинными тонкими ножками, выбивая причудливое стаккато.

Тот отнюдь не позабытый детский ужас скреб его мозговой ствол, как шелудивый бешеный пес скребется в заднюю дверь, умоляя пустить в дом. Но Дэниел его не пустил. Потому что ужас хотел его уничтожить.

В руку его скользнула другая рука, и заполонившая его голову армия арахнидов исчезла в одно мгновение. Клэр, его прекрасная дочь, стояла рядом. Но рука ее стала ужасно холодной, казалось, тепло жизни покидает ее с каждой секундой.

Дэниел повернулся к ней, и с его дрожащих губ сорвался испуганный вздох. Клэр улыбалась – улыбкой, предназначенной лишь для него, – но ее зубы, в двенадцать лет доведенные брекетами до совершенства, теперь торчали вкривь и вкось, словно доски сгнившего забора, их ослепительная белизна была замарана черным. Они еле держались в ее распухших серых деснах.

– Папуля, – прошептала она, и струйка крови выбежала из ее волос и стекла по лицу. Кровь выглядела ужасающе яркой на мертвенно-бледной коже. – Папуля, тебе надо поторопиться. Не упусти его, папуля. Мне недолго осталось.

На глаза Дэниела навернулись слезы. Он был так близок к цели. Он не мог подвести ее. Не мог. Только не теперь, после всего, что он сделал.

– Папуля, – снова произнесла Клэр. Она прижалась головой к его плечу. – Папуля...

Дэниел обхватил дочь рукой за плечи и свирепо глянул в темное чрево подпола.

Не волнуйся, детка. Он от меня не уйдет.

Время еще есть.

Глава 38

18:11

Сыро и холодно, как в могиле.

Сэм изо всех сил старался выкинуть из головы эти слова – безуспешно. В подполе было именно так – сыро и холодно, как в могиле, – и мысль о том, что его жизнь закончится здесь, в чреве чудовища, наполняла душу ужасом.

Но Сэм не сдавался, он полз вперед, зарываясь локтями во влажную землю, как Рядовой Джо, любимый игрушечный солдатик его детства.

– Шевелись, солдат! – рыкнул Сэм сам на себя голосом злого сержанта. – Шевелись, а то сдохнешь, салага!

– Шевелюсь, – сам себе и ответил. – Шевелюсь.

Сэм шевелился, но медленно. Вокруг была почти полная темнота. На каждом рывке вперед приходилось вытягивать руку, чтобы прощупать путь. Он прополз футов двадцать. Может, больше. И даже в темноте он догадывался, где от главного хода ответвляются боковые лазы.

Он заметил, как что-то прошмыгнуло мимо.

Остановился. Прислушался.

Ничего – лишь шум дождя, барабанящего по земле снаружи.

Пополз дальше.

Рука задела что-то гладкое и упругое. Какой-то корень. Сэм стал ощупывать его, чтобы определить размеры.

От толстого и широкого корня отходили пять отростков потоньше, закругленных на концах. И на каждом конце была гладкая твердая чешуйка, похожая на ноготь.

Это и были ногти. Сэм трогал руку.

Он не успел как следует осознать эту мысль. Рука схватила его ладонь и стиснула так, что Сэму показалось: он слышит хруст костей.

Он завопил – бессмысленно, бессознательно. Крик чистого, незамутненного ужаса вырвался из его легких подобно злему духу.

Сознание трянуло, пробежавший в мозгу электрический разряд испепелил все мысли, кроме одной: *спасайся!*

Сэм отчаянно задергался, пытаясь высвободиться из мертвой хватки. Теснота подполья сильно мешала, он больно стучался затылком о потолок, обдирал локти о стены. Но это было неважно. Он должен был убраться отсюда. Однако рука держала крепко, не желала сдаваться.

А потом случилось неожиданное: рука отпустила его. Сэм опрокинулся назад, дальше в подпол. Лежал на спине и тяжело, часто дышал.

Шепот дома окутал его тысячами обрывков тысяч фраз:

Я слышал про этот дом...

Слабо зайти внутрь...

...там мужик умер...

...однажды увидел что-то в окне...

Сестра говорила, что ее лучшая подруга туда зашла...

...там две ведьмы жили...

Они ведьмы...

Ведьмы...

...не хочу, чтобы ты к нему подходил...

Потому что...

Ведьмы.

...потому что в доме водятся призраки...

Призраки...

...там призраки...

В этом доме призраки, ты что, не знаешь?

Сэм знал. Он знал это слишком хорошо.

Что-то черное подползло к его ногам. Первой мыслью Сэма было, что это какой-то зверек. Енот или, может быть, скунс.

Но это был не зверь. Существо выпрямилось, уперлось плечами в потолок подпола, обуглившаяся кожа сползала с черепа, от глаз остались лишь сгустки слизи в глазницах – сами глаза лопнули от жара.

– Здравствуй, Сэмми.

Это была его мать.

Она усмехнулась, и облачко серого дыма вылетело из ее беззубой пасти.

Сэм закричал.

Из глубины груди матери поднялось хихиканье. Она качнула головой, и густая свернувшаяся кровь потекла из отверстия, которое десятилетний Сэмми Мак-Гарвер пробил в ее черепе.

Она схватила его за сломанную лодыжку и сжала.

Это вынудило Сэма закричать еще сильнее.

Мать захихикала громче.

– Надеюсь, тебе больно, Сэмми, – со смехом сказала она. – Надеюсь, тебе ужас как больно.

Сэм бешено завертелся, пытаясь высвободить лодыжку, брыкаясь здоровой ногой. Он вытянул руки, безуспешно пытаясь ухватиться за что-нибудь в темноте.

Смех матери утих, превратился в утробное урчание.

– Сэмми... зачем ты это со мной сделал? Зачем сделал мне больно?

Сэм вцепился пальцами в землю, пытаясь подтянуться.

– Потому что ты убийца, – ответила мать за него.

– Нет! – выкрикнул Сэм.

– Ты убийца, разве ты не помнишь, Сэмми? Вспомни.

– Прекрати!

– Вспомни, что ты сделал. И кто ты есть.

– ПРЕКРАТИ!

Мать вывернула его лодыжку, и кость заскребла по кости. Сэм взвыл, перед глазами все застило белым, и он оказался...

Он оказался на кухне. Маленький Сэмми Мак-Гарвер с окровавленной чугунной сковородой в руке.

– Вспомни.

И там была его мать, мертвая.

Нет, не мертвая.

– Вспомни.

Она корчилась на кухонном полу, рисовала щекой на линолеуме кровавую дугу.

Она была еще жива.

– Прекрати, Сэмми, – голос хлюпал сквозь плотную кровавую завесу. Он видел, как на губах матери вздуваются красные пузыри. – Пожалуйста, прекрати.

Но Сэмми не хотел прекращать. Он хотел, чтобы мать пропала из их жизни навсегда.

– Вспомни, что ты сделал.

Он занес сковороду и обрушил ее матери на голову. От удара она впечаталась лицом в пол.

– Вспомни, кто ты есть.

– *Прекрати!* – кричал Джек.

Но Сэмми его не слышал. Сэмми снова ударил сковородой. И еще. И еще. Пока не удостоверился. Пока не понял, что она уже не встанет.

– ПРЕКРАТИ!

В подполе дома на Кровавом ручье Сэм зарылся лицом в землю и завопил.

– Вот теперь ты вспомнил, – сказала его мертвая мать. Ее дыхание было словно шорох насекомых. – Ты убийца. Скажи это.

Сэм начал всхлипывать.

– Скажи это, Сэмми.

Он прокричал это в землю под домом:

– Я убийца!

Утробный смех донесся из почерневшей груди матери.

– Верно. Верно, мой мальчик.

«Убирайся от нее подальше», – приказал рассудок.

Сэм протянул руки в темноту и кончиками пальцев почувствовал металл. Он выгнул шею, чтобы рассмотреть лучше. На другом конце подпола виднелось что-то вроде металлической сетки.

Решетка.

Он со всей силы выбросил вперед здоровую ногу и пнул свою мертвую мать прямо в лицо. Она разжала руку лишь на секунду, но этого Сэму оказалось достаточно, чтобы откатиться прочь. Развернувшись в тесном туннеле подпола, он отчаянно ударил ногой по решетке. Та громко звякнула и прогнулась где-то на дюйм. Сэм ударил еще, и еще, и еще, мало-помалу выбивая решетку из рамы.

– А ну, вернись, маленький гаденыш! – взвизгнула мать.

Ее пальцы рвали его одежду, ногти впивались в кожу, оставляя длинные кровавые борозды, – она пыталась снова его схватить.

Громко всхрапнув, Сэм нанес мощный удар, и его сердце замерло: решетка поддалась, он почувствовал, как нога ушла дальше, вглубь. Он

ждал, когда отлетевшая решетка гроыхнет, ударившись о твердую поверхность, но вместо этого услышал тихий всплеск.

Просунув раненую ногу в проход, Сэм стал протискиваться в образовавшуюся дыру. Сломанная лодыжка царапнула по шершавому бетону. Тело пронзило белой молнией. Он подавил крик, прогоняя боль из сознания. Тварь, выглядевшая как его мать, должно быть, почувствовала, что он ускользает, – она стала хватать его яростнее, жадно вцепляясь в плоть всей пятерней, тянула, тащила, упорно не желала отпустить.

Однако Сэм был упорнее, он сумел наполовину ввинтиться в дыру и ухватился руками за раму решетки. И ринулся вниз, позволяя тяжести своего тела увлекать себя туда, где, как он мог бы предположить, был подвал.

Его поглотила темная, непроницаемая вода. Ударившись копчиком о бетонный пол, Сэм понял, что здесь фута четыре глубины, как раз столько, сколько требовалось, чтобы смягчить падение. Он все еще слышал завывания матери, еле различимые за шумом дождя, но подобраться ближе она не пыталась.

Предоставив покалеченной ноге свободно болтаться в воде, Сэм полупобрел-полупоплыл через затопленный подвал. Чувствовал он себя хуже некуда, мышцы стонали при каждом напряженном шаге, непрерывная глухая пульсация в лодыжке словно метастазами разбегалась по костям, заставляя ныть все тело. Сэм дышал тяжело и неровно, с каждым вдохом глотая застоявшуюся воду. На вкус она была как скисшее молоко. Он не желал даже думать о чудовищных тварях, что шныряли в глубине.

Дверь наверху лестницы была чуть приоткрыта, полоски бледного света как раз хватало, чтобы Сэм видел, куда идти. Повсюду вокруг него вода капала со стен, сочились сквозь трещины.

Он добрался до лестницы и стал нащупывать под водой нижнюю ступеньку, но вместо нее нашел прядь волос. В воде, едва поднимаясь над поверхностью, плавало лицо.

Это была Мор. Ее черная грива обтекала лицо нефтяным пятном. Остекленевшие глаза уставились вверх, в пустоту.

Она мертва.

Сэм не отрываясь смотрел на труп своей подруги. В холодной воде его собственное тело продрогло и онемело. Он провел рукой по

боку Мор до живота. Темно-красное пятно расплывалось на лонгсливе там, где ударил топор-молоток. Кровь растекалась по воде вокруг Мор. Сэм вспомнил о кислом привкусе во рту, и горло сжало спазмом отвращения.

Он закрыл глаза.

И услышал дыхание. Тихое. Еле уловимое. Но вне всякого сомнения это было дыхание.

Он тут же прижал ладонь в груди Мор, просунул пальцы под шнуровку, чтобы добраться до кожи.

Кожа была холодной. Слишком холодной. Но грудь едва заметно поднималась и опускалась, легкие крошечными, отчаянными глотками всасывали воздух.

Сэм наклонился к ее рту. Губы Мор раздвинулись в легчайшем выдохе.

Она жива... Она жива!

– Мор, – прошептал Сэм.

Он боялся, что Дэниел их услышит. И еще сильнее боялся, что их услышит дом.

Обхватив Мор, он подтянул ее к ступенькам, стараясь вытащить из ледяной воды. Похлопал по щекам:

– Мор!

К черту Дэниела. К черту дом. Она должна очнуться. Она должна жить.

– Мор! Пожалуйста!

Ее глаза дрогнули в глазницах, Мор моргнула – раз, другой – и устремила на него мутный взгляд. С губ тихо, едва слышно сорвалось одно-единственное слово:

– Сэм.

– Да. Это я, Мор.

– Сэм.

– Вы живы. С вами все будет хорошо.

Она вдохнула уже глубже, энергичнее. Сглотнула. Слабо уперлась руками в ступеньки под собой. Она хотела двигаться.

– Я вас отсюда вытащу, – пообещал Сэм. – Мы оба отсюда выберемся.

Мор медленно кивнула.

– Мать твою... да, – только и смогла она сказать.

В середине лестницы не хватало нескольких ступеней. Перебраться через эту дыру было задачей трудной, но выполнимой. Сэм должен был справиться. Им нужно было бежать. А времени почти не оставалось.

Обхватив Мор за талию, вцепившись в ткань лонгслива, Сэм сумел поднять ее на ноги. Вместе они начали подниматься по лестнице, потащили свои истерзанные тела к свету наверху.

Глава 39

18:35

Они добрались до верха лестницы.

Сэм боялся, что Дэниел поджидает их на кухне, с занесенным топором-молотком и маниакальной ухмылкой на трясущихся губах.

Но кухня оказалась пуста. А задняя дверь закрыта.

Крепко прижав к себе Мор, опираясь на здоровую ногу, Сэм поковылял через кухню. У островка он остановился, чтобы перехватить Мор поудобнее. Оба прислушались к вою ветра и мерному шелесту дождя.

– Сможете идти дальше? – спросил Сэм.

Мор поморщилась, но кивнула.

Пока они медленно продвигались к задней двери, Сэм уловил за шумом грозы еще один звук. Склонив голову набок, он попытался отделить его от звуков дождя и ветра, определить его источник.

Это был голос дома. Но на сей раз слова доносились едва слышно, неразборчиво. Как будто дом говорил не с Сэмом, а с кем-то другим, нашептывал секреты еще в чье-то ухо.

Мор слабо застонала. Она прижимала руку к жуткой ране на животе. Сквозь пальцы струилась кровь.

– Сэм...

– Знаю... сейчас пойдем дальше.

Где-то наверху хлопнула дверь.

В коридоре над их головами зазвучали торопливые шаги. Сэм следил за тем, как они перемещаются от одного конца потолка к другому, а потом звуки стихли так же внезапно, как появились.

– Это Дэниел? – слабым голосом спросила Мор.

Сэм немного подумал, затем покачал головой:

– Вряд ли.

– Тогда... кто это?

Сэм не ответил.

Изо всех сил стараясь не нагружать сломанную лодыжку, Сэм дотащил Мор до задней двери. Повернул ручку и дернул. Дверь не открылась. Сэм щелкнул замком и попробовал еще раз, но дверь не желала поддаваться.

В кабинете скрипнула половица.

Сэм замер, прислушиваясь, выжидая.

Дом все продолжал шептать, голоса накатывали и убегали нескончаемыми волнами.

Один из них вскрикнул, всего в нескольких дюймах от уха Сэма.

– Черт! – Он отпустил дверную ручку и отшатнулся. Ногу пронзила невыносимая боль. Проклятая лодыжка!

Сэм в панике завертел головой, но позади никого не было.

Мор стала оседать на пол. Сэм попытался подхватить ее получше.

– Мор, надо идти, – сказал он.

Мор испуганно всхлипнула. Ужасно было слышать такой звук от нее.

– Не думаю, что у меня получится.

– Надо. Я вам помогу, но ничего не выйдет, если мы не будем стараться оба. Договорились?

Она не ответила.

– Договорились? Мор?

– Договорились... – Она уперлась ступнями в пол, заставляя израненное тело принять как можно более устойчивое положение.

– В коридор, – шепнул Сэм ей на ухо.

Все еще поддерживая Мор за талию, он провел ее через кухню к коридору. Там стояла темень. Свет исходил лишь от ведущего в переднюю арочного прохода. Сэму оставалось лишь надеяться, что звуки, которые он слышал, означали, что дом просто забавляется. Если, миновав проход, они натолкнутся на Дэниела, он убьет их. Убежать они не смогут.

Сэм прижал палец к губам. Мор понимающе кивнула. Сэм подобрался к краю прохода и осторожно выглянул в переднюю.

На лестнице кто-то был. За перилами виднелось лицо. Оно ухмылялось, губы растянулись неестественно широко, рот был распахнут, точно рана.

С другого конца коридора раздался рев невидимой волны. Он пронесся по узкому проходу и обрушился на Сэма и Мор, голоса

завопили им в уши:

Этот дом!

Зайдешь внутрь...

Ведьмы! Ведьмы!

Слышал, что рассказывают?

Зайдешь внутрь...

Звуки кружились вокруг них, пока не превратились в квохчущий смех злой старухи, глумящейся над их страданиями, смакующей их страх.

Уткнув подбородок в грудь, Сэм ждал, когда волна схлынет. А потом...

Все исчезло.

В одно мгновение в доме воцарилась тишина.

Сэм бросил взгляд в переднюю. На ступеньках уже никого не было.

Он посмотрел на входную дверь. Ничто не преграждало им путь. Они могли спастись.

Мор опиралась на него, все еще вцепившись в свой окровавленный живот. Пот тонкой пеленой покрыл ее бледную кожу. Она дышала тяжело и часто.

– Мы отсюда выберемся, – сказал ей Сэм. – Но надо двигаться. Быстро.

В глазах Мор мелькнуло сомнение, но она кивнула.

Сэм обхватил ее за талию, и они шагнули в переднюю.

Дверь. Надо добраться до двери. Ты сможешь. Не останавливайся. Не...

Дом содрогнулся от раздавшегося наверху оглушительного стука.

Сэм потерял равновесие. Он начал падать, и Мор вместе с ним. Плечо Сэма впечаталось в стену. Ноги подогнулись, и он оказался на полу, а Мор рухнула рядом.

– Господи, вы в порядке? – спросил он.

Мор посмотрела вверх, пытаясь определить источник звука:

– Что это было?

Снова раздался стук, а затем шуршание троса.

Лифт поехал.

Сквозь решетку было видно, как медленно опускается кабина. Финальный стук провозгласил ее прибытие.

Сэм взгляделся в сумрак за дверью-гармошкой.

– Там пусто, – прошептала Мор.

«Она права, – подумал Сэм. – Это просто пустой лифт».

Но *что-то* там было. На полу посередине кабины.

Прямоугольный предмет.

Книга.

Внезапно дверь-гармошка с громким металлическим скрипом раскрылась. Книга вылетела из лифта, скользнула по половицам. И резко остановилась в нескольких футах от Сэма и Мор.

Это была Библия, которую Мор купила утром.

В темной кабине кто-то хохотнул – глухо, утробно.

– Я вижу эту тварь. – Слабый голос Мор дрогнул. – Она на нас смотрит. Она улыбается.

Воздух в доме словно сгустился, как будто фантомная рука стиснула Сэма в кулаке, и в ушах у него взвыли тысячи голосов.

В темноте кабины что-то завозилось.

– Пошли! – завопил Сэм, еле слыша себя сквозь призрачную какофонию.

Не обращая внимания на боль в лодыжке, он пополз через переднюю, подтягиваясь левой рукой, а правой таща за собой Мор.

Он обернулся.

Шевеление в кабине стало активнее, извивающийся темный силуэт поднимался все выше и выше, словно рождаясь из сумрака. Из крупного сгустка вырос черный сгусток поменьше, приподнялся и высунулся из кабины. В его середине открылись два глаза. Два молочно-белых шара.

– Нам надо выбираться из дома! – Сэм уперся локтем в пол, заскрипел зубами, стараясь ползти быстрее.

Они с Мор были в нескольких ярдах от входной двери.

Тварь позади уже выбиралась из темноты кабины. Она выскользнула из лифта, и окутывавшие ее тени испарились, точно дым, открыв взору руки, обтянутые бледной мертвой плотью. В разинутой пасти, точно мокрая паутина, висели крест-накрест толстые нити слюны.

Цепляясь грязными ногтями за половицы, тварь ползла все дальше и дальше. Кончики пальцев стучали по полу, ногти глубоко впивались в ветхое дерево. Скрюченное тело продвигалось вперед.

Призрачный ветер скользнул вниз по лестнице, пронесся мимо Сэма и Мор и сдул последние обрывки теней с того, что предстало перед ними.

– Господи, – услышал Сэм собственный голос.

Корчащееся на полу существо выгнуло похожую на перекрученный канат шею, и вот они уже смотрели в лицо ведьме. Разлагающаяся плоть свисала лоскутами, обнажая кости. Там, где когда-то были губы, лохмотья кожи обрамляли зубы – серые, растрескавшиеся, точно гнилое дерево. Тонкие черные волосы – те, что не растрепались, – были стянуты в тугий пучок. Крошечные насекомые ползали по черепу твари, белые головки червей торчали из рыхлой некротической раны.

Ноги твари волочились за ней, бесполезные, точно пара дохлых серых угрей. Цепляясь щербатыми ногтями за пол, она подползала все ближе.

Перед глазами Сэма мелькнула картинка – древнее инвалидное кресло в спальне третьего этажа. Это была Ребекка Финч, бывшая хозяйка дома на Кровавом ручье.

Чудовище-Ребекка разинуло рот еще шире и издало жуткий звук, нечто среднее между криком и предсмертным хрипом. Она водила вокруг мутными мертвыми глазами. Она ухмыльнулась, и из разрушенных легких вырвался скрипучий смех. Невидящий взгляд остановился на Сэме.

– Сэмми, – глумливо произнесла она.

– Открывайте дверь, – сказала Мор.

Сэм не шевельнулся. Он застыл с широко распахнутыми от ужаса глазами, совершенно забыв о двери.

Чудовище-Ребекка хохотнуло громче. Из рта выбежал блестящий черный жук и пополз по белой кости скулы.

– Приехал повидаться с нами, Сэм?

– Сэм, откройте дверь, – взмолилась Мор.

– Мы знали, что ты приведешь остальных, – прохрипело чудовище-Ребекка. – Ты такой слабый, тебе так страшно, тебе так стыдно, вот ты и вернул их всех, одного за другим, как хороший, послушный мальчик.

Мор яростно зарычала и потянулась к ручке двери, но та была слишком далеко. Им нужно было подобраться ближе.

Ребекка Финч ползла к ним, ее голова безвольно болталась на шее. Она переводила свои затуманенные глаза с парализованного ужасом Сэма на тянущуюся к двери Мор; с ее одежды до сих пор капала вода, смешанная с кровью.

– Твоя подружка, кажется, не рада, Сэм. Но с чего бы ей радоваться? Ты приносишь одни несчастья своей семье, Эрин.

Сэм застонал, услышав это имя из уст мерзкого монстра.

– Ты губишь всех, кто рядом с тобой. Ты приносишь людям лишь боль.

Мор рванулась к дверной ручке, но все равно не смогла ее достать. Она упала на пол, морщась, стискивая кровавую рану на животе.

Чудовище-Ребекка подползло ближе к Сэму.

– Почему бы тебе не остаться? – спросила она, возбужденно прищелкивая языком. – Остальные твои друзья здесь. Они наверху, в нашей спальне. Они остаются *навсегда*.

Дом вокруг них заколыхался, доски начали трескаться под натиском волны, катящейся по стенам и по полу.

Чудовище-Ребекка тряслось от смеха, хохот становился громче и громче, пока не превратился в крик. Густая серая слюна капала с языка визжащей в безумном восторге твари.

– Сэм.

Мор почти шептала, но каким-то образом Сэм расслышал ее сквозь вихрь.

Он взглянул на ее бледное, блестящее от испарины лицо.

«Ты можешь спасти ее», – сказал себе Сэм.

Внезапно чудовище-Ребекка замолкло.

Наверху лестницы что-то было. Высокая тонкая тень. Женщина. Черные волосы облаком клубились вокруг бледного лица.

«Рейчел», – догадался Сэм.

Она протянула к ним дряхлую узловатую руку.

– Вы все – часть истории! – провозгласила Рейчел. – Люди вечно будут помнить вас и все, что случилось в этом доме! И будут шептать ваши имена, проходя мимо!

Рука Сэма нащупала дверную ручку.

Не откроется. Мы в ловушке. Нам не спастись.

Он нажал на ручку, и она повернулась.

Щелкнула задвижка, сердито скрипнули петли, и дверь распахнулась внутрь.

На крыльце застонали доски, и чудовище-Ребекка перевело своей мертвый взгляд на дверной проем позади Сэма и Мор.

– А... вот и ты.

Сэм стремительно развернулся, но было поздно. С яростным воем Дэниел перескочил через порог и рубанул топором-молотком. Лезвие рассекло ключицу Сэма и глубоко вошло в плечо. Сэм закричал.

– Убей его, – проворковала Ребекка Финч.

С верхней ступени лестницы к ней присоединилась Рейчел. Напев сестер Финч эхом отдавался от стен:

– Убей его! Убей его! Убей его!

– Убей его, и твоя дочь получит свободу! – взревела Ребекка.

Дэниел внезапно дернул топор-молоток и вытащил его из плеча Сэма. В его глазах почернело от невыносимой боли.

Неразборчиво пробормотав что-то, Дэниел одной рукой наклонил голову Сэма вбок, обнажая шею, а другой занес топор-молоток.

– Убей его! – выпевали сестры. – УБЕЙ ЕГО!

«Дом победил, – подумал Сэм. – Одолел нас».

Черета образов пронеслась перед его глазами: Эрин в их доме в Лоуренсе, в тот день, когда они только въехали туда; великолепная Эрин улыбается на их свадьбе, печально смотрит на него в кофейне в январе; Мор ухмыляется ему в микроавтобусе по дороге на Кровавый ручей; Себастьян в гостиничном баре; они с Джеком перекидываются мячом в парке в Блэнтонвилле, на заросшем сорняками стадионе.

Воспоминания.

Он не желал терять их.

Он не должен сдаваться.

Дэниел нажал Сэму на голову, прижимая его щекой к полу. Сквозь доски Сэм слышал, как шепчет дом.

Краем глаза он заметил неловко отставленную ногу Дэниела.

Сэм пнул ее – и попал по голени. Раздался тошнотворный хруст: сломанная лодыжка расщепилась еще сильнее.

Нестерпимая боль охватила все тело, как пожар.

Не останавливайся!

Он пнул снова, еще сильнее. Удар лишил ногу Дэниела опоры как раз в тот момент, когда тот взмахнул топором-молотком. Потеряв

равновесие, он удивленно вскрикнул, бешено замахал руками и качнулся вперед. Сэм успел откатиться в сторону за долю секунды до того, как толстяк с грохотом рухнул на пол.

Топор-молоток выскользнул из руки Дэниела и покатился по половицам. Сэм пополз за ним, не обращая внимания ни на пульсирующую боль в лодыжке, ни на горящую огнем покалеченную ключицу, думая лишь о том, как схватить оружие.

Позади Дэниел уже поднимался. Он прихлопнул рукой ногу Сэма, схватил за сломанную лодыжку и зверски вывернул.

Пальцы Сэма обхватили рукоять.

«Ты убийца», – произнес голос в голове.

Нет. Я не убийца.

Он развернул топор-молоток лезвием назад, плоской стороной вперед и ударил со всей силы. Тупой металлический наконечник угодил Дэниелу в голову сбоку, и тот свалился на пол.

На мгновение вокруг воцарилась пронзительная тишина. Даже дом смолк.

Перевернувшись на спину, Сэм смотрел, как Дэниел пытается встать. Но собственное тело отказывалось сотрудничать с толстяком – стоило ему приподняться, как он снова падал на колени. Наконец, ухватившись за дверной косяк, он сумел принять вертикальное положение. Точно пьяный, Дэниел вывалился на крыльцо, на каждом шагу едва не падая. Дойдя до перил, он остановился, словно желая полюбоваться изогнутым силуэтом бука. А потом медленно развернулся, опершись о перила спиной.

Раздался треск расщепляемого дерева – перила сломались. Ржавые гвозди, державшие на месте верхнюю планку, вылетели, и Дэниел полетел с крыльца в грязь.

В передней чудовище-Ребекка испустило яростный вой. Пасть распахнулась невозможно широко. Белые глаза вылезли из орбит.

Сэм уловил движение наверху лестницы.

Рейчел Финч стояла на четвереньках, извиваясь всем телом, точно взбесившееся животное. Ее тонкие губы растянулись в зловещем оскале.

Сморщившись от боли, Сэм сгреб Мор здоровой рукой, в ней он до сих пор сжимал топор-молоток.

– Вам некуда бежать! – провизжала Ребекка им вслед. – СКОРО
ДАЖЕ ЭТОТ ДОМ НЕ СМОЖЕТ УДЕРЖАТЬ НАС!

Когда они перевалились через порог, Сэм обернулся.

Передняя была пуста. Сестры Финч исчезли.

Глава 40

19:22

Дождь не перестал, однако, когда Сэм как мог помогал Мор спуститься с крыльца во двор, сквозь грозовые тучи, днем окрасившие небо в желтовато-зеленый, виднелись проблески багрового заката. Вновь поднявшийся ветер вился вокруг них, яростно хватал за одежду. В нескольких ярдах лежал на спине Дэниел, его грудь еле заметно вздымалась и опадала.

«Он еще жив», – подумал Сэм. Он надеялся, что не совершил ошибку.

Когда они добрались до внедорожника, Сэм аккуратно усадил Мор на землю, спиной к двери. Придерживаясь для равновесия за зеркало заднего вида, положил топор-молоток на крышу машины.

– Что вы делаете? – нахмурившись, спросила Мор.

Сэм кивнул на дом:

– Нельзя его так оставлять.

– Как так?

– Целым. – Еще ни разу в жизни Сэму, написавшему сотни тысяч предложений, не доводилось произносить столь важного слова. – Этому дому больше ста пятидесяти лет. Если сможем разжечь огонь, он сгорит, как сухая трава, даже под дождем. Все будет быстро.

– Нет, – сказала Мор. Лицо ее выглядело уже не таким бледным. Рука, которой она держалась за живот, была вся в крови, но кровь начинала подсыхать. Пока что кровотечение было под контролем. – Давайте просто забудем об этом. Давайте просто уедем.

Сэм наклонился к ней, дождь капал с его лица.

– Мор, в этом доме что-то есть – что-то, что свело Дэниела с ума, что-то, что не хочет быть забытым.

– Но мы выбрались. У нас получилось.

Он взял ее руку в свою:

– Вы же понимаете, это не означает, что мы в безопасности. Если мы оставим дом целым, то молва о том, что здесь случилось,

разнесется по свету, и сущность, что здесь обитает, станет сильнее, чем когда-либо. И кто знает, что она тогда сделает. С нами.

Страх снова начал овладевать Мор. Но она совладала с ним, по крайней мере на время.

Опираясь одной рукой о бок внедорожника, Сэм доковылял до багажника и открыл его. Две канистры с бензином были на месте, рядом с колуном. Уэйнрайт настоял на его покупке, но даже не вытащил из машины. Гримасничая, сдерживая боль, Сэм осторожно вынул канистры и поставил на землю.

Внезапно его захлестнула волна паники – ему нечем было зажечь огонь: ни спичек, ни зажигалки... ничего.

Он окликнул Мор:

– У вас есть зажигалка?

Она виновато покачала головой:

– Запропастилась куда-то.

– Черт! – рыкнул Сэм.

Он закрыл глаза, пытаясь во всех подробностях вспомнить их поездку сюда. Уэйнрайт был за рулем. Сэм точно помнил, что парень курил. Обычно он носил зажигалку с собой, но вдруг у него имелась запасная...

Все так же опираясь о машину, Сэм перебрался к водительской двери. Открыл ее, пошарил рукой на сиденье, запуская пальцы в щели. Ничего не нашел. Перегнулся через сиденье и повернул задвижку на дверце бардачка. Дверца распахнулась. Внутри лежали договор об аренде автомобиля, карта Канзас-Сити и руководство по управлению внедорожником. Сэм пошарил в бардачке, сам не замечая, что еле слышно молится. Он заметил блеск металла. Отшвырнул карту, за ней обнаружили пачка сигарет и серебристая зажигалка «Зиппо». Сэм выдохнул, взял зажигалку и щелкнул ей. Зажегся бодрый оранжевый огонек.

– Уэйнрайт, милый мой сукин сын.

Ветер задул еще сильнее, дождь стал падать косою пеленой. Капли жалили Сэма, как пчелы, пока он тащил первую канистру через двор к крыльцу. В небе сердито клубились темные облака, словно сама гроза не одобряла его действий.

Лодыжка уже почти полностью онемела. Сэм старался наступать на нее как можно осторожнее, но боль не шла ни в какое сравнение с

тем, что он чувствовал раньше. То ли нервные окончания в ступне перегорели, то ли та часть мозга, что предупреждала его о полученном ранении, решила взять отпуск. Зато плечо как будто превратилось в один сплошной оголенный провод. Впрочем, Сэм изо всех сил старался не двигать по пути к крыльцу рукой.

В передней все было так же: кровь Дэниела на деревянном полу, но никаких следов существ, бывших когда-то Ребеккой и Рейчел Финч.

Сэм осторожно зашел внутрь. Не было слышно ничего, кроме его отдающихся тихим эхом усталых шагов.

Он подошел к лестнице, поставил канистру на четвертую ступеньку и открутил крышку. Протянув руки между перилами, аккуратно перевернул канистру. Бензин с бульканьем вылился наружу и заструился по ступеням на пол.

Старясь не потерять равновесие, Сэм отступил на несколько шагов назад, к открытой двери. Затаив дыхание, он щелкнул зажигалкой. Перед глазами затанцевал язычок пламени.

– Сэм? – позвал сверху слабый голос. – Сэм, помогите мне.

Сэм поднял глаза.

Голос снова раздался из сумрака, окутывающего верх лестницы, тихий, жалобный:

– Помогите мне, прошу.

Себастьян!

Однако Сэм знал, что это не он. Сэм видел, как кровавый гейзер брызнул из шеи Себастьяна. Эта рана должна была убить старика за считанные секунды.

Но что, если?...

Это был не Себастьян. Это был дом. Снова. Как всегда.

– Сэмми, ты что там затеял? – спросила темнота властным голос его матери. – А ну, прекрати. Прекрати сейчас же.

Прогнав этот приказ из головы, Сэм наклонился и поднес огонь к растекающейся по полу блестящей луже.

– *Какого черта ты творишь?* – Прячущееся в тенях существо пришло в ярость, теперь не мягкий голос Себастьяна и не злобный голос матери Сэма, но тысяча перебивающих друг друга голосов вопили из иного мира: – **ПРЕКРАТИ!**

Бензин загорелся мгновенно. Сэм захлопнул зажигалку и попятился прочь из дома, на крыльцо. Он не отрывал глаз от пола – его

жадно пожирали отливающие синим языки пламени.

Огонь. Огонь зажег Джек. Мертвая мать осталась в доме. Они знали, что с ней все кончено. Отец должен был скоро вернуться. Сэм спас Джека. Но Джек знал, какую цену пришлось заплатить его младшему брату. Больше никто не должен был знать. Джек решил обставить все как несчастный случай.

Джек. Чудесный Джек, который научил Сэмми бросать бейсбольный мяч и раскуривать сигарету.

Пламя достигло восточной стены и попыталось вскарабкаться по ней. На лицо Сэма легли оранжевые отсветы.

Паника. Их мать осталась там. Женщина, проклиная тот день, когда они родились на свет, обвинявшая их во всех грехах. Но все равно их мать. Он побежал. В горящее здание. Пытался вытащить ее тело. Джек хватил Сэмми сзади за рубашку. Сэмми кричал: «Мама! Прости! Мама! Очнись, мама! Прости меня! Прости!»

Вся кухня была охвачена пламенем. Балка падала. На его мать. На кровавое месиво, которое осталось от ее головы. Часть дверного косяка обвалилась, и Сэма швырнуло на пол. Он передернулся от отвращения, вдохнув запах собственной горячей плоти, поглощаемой пламенем левой руки.

И Джек снова потащил его за рубашку. Треск рвущейся хлопковой ткани. Рев огня, бушующего в ветхом доме.

Пожар уже охватил всю переднюю. Пламя начало подниматься по лестнице на второй этаж.

Мерцающий красный огонь.

Джек снял свою рубашку, чтобы перевязать обожженную руку Сэмми. Они стояли рядом, глядя, как горит их дом. Где-то вдалеке были сирены.

Пламя добралось до горлышка пластиковой канистры. Внутри еще оставалось достаточно годного в пищу бензина.

Тысяча голосов Кровавого ручья проклинали Сэма, сливаясь во что-то утробное, звериное, похожее на запись, замедленную до того, что слова перестали походить на человеческую речь.

Когда Сэм, прихрамывая, спускался с крыльца, в доме огонь проник в канистру. Вначале полыхнула яркая вспышка, а потом канистра взорвалась, превратившись в пылающий шар.

Расплавившиеся куски пластика мокро зашлепали по стенам, от них по обоям сияющими змеями расползлись длинные языки пламени.

Сэм доковылял до сидящей спиной к внедорожнику Мор.

– Думаете, дождь все это затушит? – спросила она.

Сэм покачал головой:

– К тому времени, как затушит, будет уже поздно.

Земля будто содрогнулась под ними, трава на секунду вцепилась Сэму в ногу.

– Надо забрать Дэниела, – сказал он.

– Нет, – возразила Мор. – Пусть остается тут.

Трава снова ухватила Сэма за ботинок, чуть не стащив его. Глянув вниз, он успел заметить мохнатый зеленый стебель, скользящий сквозь сорняки.

– Это еще что? – спросил Сэм.

Мор собиралась что-то ответить, но слова так и повисли в воздухе. Оба они смотрели, как колышутся высокие травы – не от резких порывов ветра, а туда-сюда, как океанские волны. На всем пространстве от дома до ручья двор ожил, превратился в извивающегося зеленого зверя.

– В машину! – скомандовал Сэм, распахивая перед Мор заднюю дверь.

Он даже не успел повернуться к водительской двери: что-то со страшной силой налетело на него сзади и сбило с ног. Сэм оказался в скользкой от дождя траве. От удара о землю из легких вышибло весь воздух. Сэм пытался подняться, моргая, глядя сквозь заливающий глаза дождь на мутный силуэт Дэниела. Из раны на голове толстяка сочилась кровь. Молочно-белые глаза были устремлены на Сэма.

– Нет, – с трудом выговорил Сэм.

– Да, – шепнул Дэниел, и его кривящиеся губы расплылись в жуткой широченной улыбке. В голосе звучала тысяча голосов, миллиарды лет, летевших сквозь бескрайнее пространство, чтобы прошелестеть в ушах у Сэма: – Да.

Сэм ощутил колючее прикосновение вьюнка, карабкающегося вверх по его ноге. Добравшись до колена, стебель стиснул его, тонкие острые щетинки проткнули штанину и впились в кожу.

Вьюнок резко дернулся назад и с невероятной скоростью потащил Сэма через двор, прочь от Дэниела. Колкие травинки жадно цеплялись

за его одежду.

Остановился Сэм под буком. Кривой ствол словно стремился в небо, тцась ухватить ветвями низкие облака. С верхушки дерева спустился, извиваясь, другой вьюнок – так быстро, что Сэм едва мог проследить за ним глазами. Он не успел защититься, лишь почувствовал, как иглистый побег безжалостно затянулся вокруг его шеи и потащил вверх, вверх, в воздух, поднимая с земли. Сэм принялся беспомощно брыкаться, ноги молотили по воздуху. Он вцепился во вьюнок, безуспешно пытаясь просунуть под него пальцы, жестоко расцарапывая себе шею. Чем отчаяннее он боролся, тем сильнее стискивал его стебель, пока не сдавил его горло так, что дышать Сэм мог едва-едва, сквозь тоненькую щель.

«Дерево висельников», – подумал он и бросил взгляд на окно спальни третьего этажа. Из него, обрамленные осколками стекла, озаренные дикими отблесками бушующего внизу пожара, смотрели ужасные лица Ребекки и Рейчел Финч. Зловещие отражения друг друга, белые глаза на еще более белой плоти, лица мертвецов, радующихся участи Сэма даже в ту минуту, когда их обожаемый дом пожирал огонь. Вьюнок еще ту же обернулся вокруг горла Сэма, и зрение стало затягиваться по краям черным обморочным покрывалом. Сквозь этот темный туннель Сэм глядел на призрачные очертания сестер Финч, при жизни соблазненных могуществом дома и сохранивших верность ему после смерти, во имя таинственных целей подкармливая память о нем. Историями о привидениях, передающимися из уст в уста. Телами Сэма и его друзей.

Словно из другой вселенной, до Сэма донесся звук рвущегося вьюнка. Он увидел, как один тонкий, похожий на зеленую бечевку побег отпал. Сквозь охватившую все тело дрожь Сэм почувствовал, как что-то давит сверху на его ступню.

«Ветка!» От этой мысли сердце его забило быстрее. Ботинок застрял под веткой, удерживая Сэма на месте.

Шершавый стебель скользнул вверх по шее к подбородку, оставляя на коже жгучие розовые отметины, будто пытаясь поднять Сэма выше.

Сэм вслепую нащупал ствол бука – слишком толстый, чтобы можно было уцепиться. Лицо горело от прилива крови. Он уже

отчетливо представлял, как его кожа приобретает ярко-фиолетовый оттенок, а глаза вылезают из орбит.

Теперь, когда ступня была надежно закреплена, он мог ощупать край ствола, и наконец рука нашла тонкую ветку, крепко ухватилась за нее. Сэм стал отчаянно тянуть свое тело вниз – с такой силой, что на какую-то секунду испугался, что сломает себе шею.

Над головой у него что-то хрустнуло, стебель разорвался напополам, и в следующее мгновение Сэм уже летел вниз, обдирая руки о шершавую кору.

Он кулем рухнул на землю и уставился вверх, на болтающийся оборванный конец вьюнка. Вьюнок уже тянулся к нему, готовясь к новой атаке.

Сэм вскочил и поковылял прочь от дерева так быстро, как только позволяла искалеченная нога. Травы вздымались вокруг него, пытаясь удержать, но Сэм прорвался насквозь, хватая сорняки толстыми пучками и вырывая с корнем.

В двадцати ярдах Дэниел навис над Мор, сжимая кулаки.

Она что-то говорила ему.

«Молит о пощаде», – догадался Сэм, и от одной мысли о том, что Мор может кого-то молить, ему сделалось тошно.

Внимание Сэма привлек предмет на крыше внедорожника.

Адреналин хлынул по венам, даря временную передышку от боли, и швырнул Сэма к машине. Он схватил с крыши топор-молоток и в следующий миг уже стоял за спиной у Дэниела, направляя на него лезвие.

«Нет! – крикнул голос из темных закоулков сознания, где когда-то бушевал пожар. – Нет, Сэм, не надо!»

Это был голос его брата.

«Я должен», – подумал Сэм.

Ти-Кэй Мор, как замороженная, смотрела на высящуюся над ней тушу Дэниела, и тут острое лезвие топора-молотка вонзилось в его голову сбоку. Оно дошло до самой скулы и отточенным краем рассекло глаз. Вязкий, точно недожаренный яичный белок, сгусток перекатился через нижнее веко. А потом из раны хлынул багровый поток. Он насквозь пропитал рубашку на плече Дэниела, потек по груди. Дэниел пытался ухватить топор-молоток, недоумевая, что за штука воткнулась ему в череп.

Сэм заметил, что на ручке было грубо вырезано: «Гудман».

Дэниел повернулся к Сэму, уставился на него целым глазом, словно растерянный ребенок, как будто желая спросить: «Зачем? Зачем ты это сделал?»

Толстяк рухнул на колени, лицо его обмякло, оставшийся, затуманенный, глаз закатился. Он хватал воздух мясистыми губами, словно вытащенная из воды рыба, пытаюсь набрать дыхания для последней мольбы.

– Прос-с-с... с-с... простите... – Эти слова вылетели изо рта Дэниела, точно дым. – Прос... с-с-стите... м-м-меня...

Багровый пузырь вздулся между его губ и лопнул.

И Дэниела Манниака не стало.

Теперь оставалось одно – убираться отсюда.

Сэм сел за руль. Мор легла на заднем сиденье. Дышала она ровно, цвет лица внушал надежду. Едва оказавшись в машине, Сэм тут же нажал кнопку блокировки дверей. Было слышно, как травы неистово хлещут по стальным бокам внедорожника, раскачивая его из стороны в сторону. Не говоря ни слова, Сэм включил зажигание, и они с Мор испустили дружный вздох облегчения – двигатель завелся мгновенно.

Сэм врубил заднюю передачу и дал по газам здоровой ногой. Из-под колес внедорожника полетел гравий. Он быстро развернулся, немного съехав с дорожки, затем ударил по тормозам, переключил передачу и помчался вперед.

Охваченный пламенем дом Сэм разглядел в зеркале заднего вида как раз в тот момент, когда огонь рванулся из окон второго этажа. Чудовищный пожар быстро распространялся. Было мало шансов на то, что к тому времени, как он потухнет, от дома что-то останется.

– Смотрите, – крикнул Сэм, указывая на что-то за ветровым стеклом.

Мор с усилием приподнялась на сиденье и увидела, что бурные воды Кровавого ручья заливают мост. Всего за один день гроза превратила высохшее русло в бешеный поток. Вода билась о балки моста с такой силой, что раскачивала его. Кое-где дерево уже расщепилось и оцетинилось зловещего вида остриями.

– Мост нас не выдержит...

– Должен выдержать.

– Но...

– Должен выдержать, – повторил Сэм тоном, не допускавшим возражений.

Он втопил педаль газа в пол, и внедорожник рванул вперед, едва колеса нашли сцепление с дорогой.

Первая половина моста начала рушиться, стоило машине въехать на нее. Перекрещенные балки раскололись пополам, и их унесло стремительным пенным течением. Следом немедленно обрушилась и вторая половина – мост опадал в ручей, словно пытаясь догнать бампер внедорожника.

Задние колеса коснулись земли в ту самую секунду, когда мост исчез, и на его месте позади внедорожника осталась зияющая пропасть.

Сэм не сбавлял скорость, пока они мчались под пологом древесных крон к шоссе К-10. Но он все же оглянулся через плечо – посмотреть на небо, окрашенное злым красным заревом от огня, пожирающего дом на Кровавом ручье.

Часть 5

Под ковром

15 декабря

Нетрудно понять, почему подобные книги становятся бестселлерами. Люди отчаянно стремятся поверить во что-то более грандиозное, чем они сами. Однако в финале повествование Адьюдела звучит фальшиво, превращается в изобретательный бред человека, посвятившего свою жизнь профессии, основанной на домыслах и не одобряемой почти никем, кроме столь же эксцентричных единомышленников.

Из рецензии New York Times на «Фантомы прерии» д-ра Малкольма Адьюдела

Глава 41

10:15

Скажи мне.

Дом выглядел так же, как до пожара, как в те времена, когда жизнь Сэма была подчинена страху. В руке Сэм держал топор-молоток, который ему не принадлежал. Инструмент был непривычно тяжелым. Тяжелым, как чья-то жизнь.

На крыльце сидел Дэниел, уткнув подбородок в ладони, словно ему было ужасно скучно. Сбоку на его голове зияла глубокая багровая дыра. Дэниел поднял на Сэма невинный взгляд. Это был человек, с которым Сэм познакомился больше года назад, заботливый, скромный и находящий утешение в вере.

«Скажи мне, кто ты есть», – вновь произнес голос.

Сэм опустил взгляд на топор-молоток. Это был уже не топор-молоток. Это была грязная серая ладонь, которой оканчивалась рука, что тянулась, подобно побегу, из обгащенной кровью земли.

Тишина разбудила его.

Сэм открыл глаза и увидел, как дыхание вырывается из его рта холодным облачком. Под одеялом царило тепло, однако внешний мир был холоден и суров. Солнечный свет проникал сквозь окно, покрытое морозными узорами.

Его рука скользнула под одеяло на другой стороне кровати, инстинктивно ища Эрин, ища жену.

Она была рядом, и тело ее под фланелевой пижамой было горячим на ощупь. Она повернулась на бок, зарылась сонным лицом в подушку и сказала:

– Не хочу пока вставать.

Сэм улыбнулся:

– А нам и не надо вставать.

Он склонился над Эрин, приобнял ее, ткнулся губами чуть пониже мочки ее уха. Нежно поцеловал, почувствовал, как побежали

по коже мурашки – не из-за зимнего холода, но потому, что Эрин была здесь, снова с ним, и его сердце вновь билось ровно.

Эрин вышла из дома с двумя чашками, полными свежего дымящегося кофе. Поверх пижамы она натянула толстый шерстяной свитер, а ноги сунула в теплые, уютные ботинки на меху. Сэм переоделся в джинсы, плотную толстовку с капюшоном и вельветовую куртку. Уши он прикрыл вязаной шерстяной шапкой. Он сидел на крыльце в садовом кресле, подперев голову ладонью, глубоко задумавшись.

– Все хорошо? – спросила Эрин.

Сэм ласково улыбнулся ей и взял себе одну чашку; пар, клубясь, уносился в золотистое солнечное утро.

– Да, – ответил он. – Полный порядок.

Обильный снег, выпавший ночью, прикрыл сухую бурую траву, крупными комьями налип на голых ветвях деревьев. Воздух наконец-то начал теплеть, хотя термометр на крыльце показывал температуру чуть выше точки замерзания воды.

Пару минут Сэм и Эрин сидели молча, потягивая горячий кофе и любуясь царящей на улице зимней благодатью.

Резонанс от его приключения на Кровавом ручье вышел вполне предсказуемым. Сэм понимал, что при вранье лучше всего держаться как можно ближе к правде. Поэтому, когда в его палату в Медицинском центре Олейте, неподалеку от Канзас-Сити, явились сотрудники управления шерифа, он рассказал им то, что – он знал это – они хотели услышать.

Сэм, Себастьян, Мор, Дэниел и Уэйнрайт за полгода соскучились друг по другу и решили собраться на месте их первой встречи. План был приехать к Кровавому ручью и еще раз взглянуть на дом – по старой памяти. Сэм признал, что они задумали немного побаловаться тем, что полиция, наверное, классифицировала бы как вандализм. После шести месяцев раздумий писатели почувствовали: они просто обязаны выяснить, что прячется за кирпичной стеной в конце лестницы. Поэтому они набили арендованный внедорожник инструментами и отправились к дому. Дэниел был немного не в себе, но все пришли к логичному заключению, что он до сих пор эмоционально травмирован смертью дочери.

Никто и предположить не мог, что, вернувшись на Кровавый ручей, бедняга слетит с катушек, но он слетел и принялся жестоко убивать своих товарищей топором-молотком, который, судя по всему, нашел где-то в доме. Сэму удалось укрыться в техническом подполе, и тогда Дэниел взял из внедорожника запасную канистру с бензином и поджег дом, возможно пытаясь выгнать Сэма наружу. Это сработало. Сэм сумел вытащить из дома Мор, которая также подверглась нападению, но Дэниел поджидал их во дворе. Последовала драка, и если бы Сэм не завладел топором-молотком, вряд ли они остались бы в живых.

Это совпадало с показаниями Мор до мельчайших деталей, а когда были обнаружены все тела, их осмотр подтвердил слова выживших писателей. Жена Дэниела и приходской священник свидетельствовали о том, что после смерти Клэр Дэниел погрузился в непроглядную тьму.

Сэму было совестно валить все на Дэниела, но по большому счету его рассказ был правдой. И что еще важнее, нужной правдой. Журналисты, конечно же, оттянулись по полной, изгаляясь над фамилией Дэниела – Манниак. Заголовки становились все похабнее и похабнее, пока даже газетные материалы не начали граничить с фантастикой.

Прошло несколько месяцев, имя Сэма пропало с первых полос и упоминалось разве что в сносках к статьям местной прессы Лоуренса, и жизнь начала приобретать отдаленно нормальные очертания. Лодыжка и ключица, как и ожидалось, благополучно зажили. Сэм все еще немного прихрамывал, а в дождливые дни нога болела просто адски, но по большей части последствий не замечал никто, кроме него самого.

Мор провела в больнице две недели. Топор-молоток порядочно разворотил ей живот, но каким-то чудом лезвие аккуратно прошло между изгибами тонкого кишечника, не нанеся опасных для жизни повреждений. Несколько швов, пара скобок – и Мор встала на путь выздоровления. По крайней мере, физического. Она сделалась странно тихой: ни непристойных замечаний, ни саркастических насмешек. Похоже, случившееся повлияло на нее куда больше, чем на Сэма.

Себастьяна поминали в бесчисленных газетных и журнальных статьях – он был поистине выдающимся автором, – но две недели спустя в Северной Калифорнии погиб, разбившись на своей

двухмоторной «Сессне», один из топовых голливудских актеров, и ветреные плакальщики быстро обратили свои залитые слезами лица к свежей трагедии. Ходили слухи об утерянной рукописи – последнем романе Себастьяна Коула, – однако никакого романа никто пока не обнаружил.

Память Уэйнрайта почтили в бесчисленных интернет-постах и в официальном заявлении его отца, которое, казалось, было посвящено не столько скорби по умершему сыну, сколько рекламе таблоидной империи Дональда Уэйнрайта. «Страх в эфире» какое-то время держался, но без руководящего начала и финансовой подпитки своего основателя быстро превратился в рядовое прибежище фанатов узкожанрового искусства.

Сэм пробыл в больнице всего несколько дней, а затем – с загипсованной лодыжкой и рукой на перевязи – вернулся в свой дом в Лоуренсе. И был приятно удивлен, обнаружив, что там его ждет Эрин. Она утверждала, будто приехала только убедиться, что он встал на ноги (ну, или хотя бы на ногу), однако неделю спустя стала оставаться на ночь. В конце августа они уже снова спали в одной постели, а к началу сентября близость, которую Сэм считал утраченной навеки, вернулась.

В одну из ночей в конце октября, накануне годовщины первой поездки на Кровавый ручей, Сэм вдруг разрыдался. Он должен был рассказать Эрин все, пусть даже после этого он потеряет ее навсегда. Поэтому сквозь казавшиеся нескончаемыми слезы он поведал ей о Кровавом ручье, а потом о матери. Она была вольна верить или не верить, но это была правда, вся как есть, во всех страшных подробностях. Казалось, прошла целая вечность, пока Эрин молча обдумывала услышанное. А потом она обняла Сэма. Он понимал, что это не конец его искупления, а лишь начало. Пройдут месяцы и даже годы, прежде чем прошлое останется в прошлом.

Сэм смотрел на кофейный водоворот в своей чашке. Несколько снежинок упали в горячую жидкость и исчезли без следа.

– Что случилось, Сэм? – спросила Эрин.

Сэм наморщил лоб:

– Просто подумал кое о чем. – Договаривать он не стал.

Эрин смахнула снег со стоящей у перил скамейки и села. Положила руку Сэму на колено:

– О чем?

Скажи ей.

– Просто... кое-что не дает мне покоя с того самого дня.

Эрин сделала глоток из чашки – пар за клубился вокруг ее покрасневшегося лица, – но промолчала.

– Когда я оказался в той самой спальне третьего этажа, – сказал Сэм, – то увидел царапины на стенах. И на потолке. Инвалидная коляска была чуть ли не в дугу согнута, как будто кто-то пытался пробить ею выход...

Еще одна снежинка упала в кофе. Ее безупречная геометрия растаяла в мгновение ока.

– Там была комната Ребекки, но она была прикована к этой коляске. Она не могла все это сделать.

– К чему ты клонишь? – спросила Эрин.

Сэм вздохнул. Он знал, что надо произнести это вслух. Ради себя и ради Эрин надо оставить это в прошлом. Но он не мог оставить. Пока что не мог.

– У Адьюдела было фото из поездки на Кровавый ручей. Ребекка тогда уже умерла. Но у женщины, что стояла с ним на снимке – предположительно Рейчел, – волосы были забраны в пучок, как всегда причесывалась Ребекка. Я думаю...

Он глотнул кофе, собрался с мыслями.

– Я думаю, это была не Рейчел. Думаю, дом вернул Ребекке ноги. Он дал ей то, чего она желала больше всего, так же, как пытался вернуть Дэниелу его дочь. Думаю, дом вернул Ребекке ноги, а взамен она замуровала свою сестру в спальне третьего этажа. Думаю, Рейчел умерла там, пытаюсь вырваться на свободу.

Эрин молчала. На какое-то время она забыла про чашку с кофе в своей руке.

– Зачем Ребекка сделала это? – наконец спросила она.

Сэм пожал плечами:

– Возможно, у Рейчел были какие-то свои замыслы. Возможно, ей не понравилась затея пригласить в дом человека, который опишет происходящее внутри. Возможно, она не хотела, чтобы дом становился сильнее. Поэтому дом стал искушать Ребекку, и та поддалась.

Во дворе стайка воробьев слетела в свежесыпавший снег и принялась выискивать под ним что-нибудь съедобное.

– Этот дом до сих пор мне снится, – сказал Сэм.

Внезапное признание застало Эрин врасплох. Она подержала теплый кофе на языке, потом проглотила, размышляя о чем-то.

– Что, по-твоему, это значит? – спросила она.

– Ничего, – ответил Сэм. Это была правда. Не было никаких причин думать иначе.

Какое-то время Сэм сидел на крыльце один, глядя, как капли срываются с кончиков наросших на крыше сосуллек.

Когда он вернулся в дом, Эрин лежала на кожаном диване, свернувшись калачиком и укутавшись в одеяло, а по телевизору шел черно-белый фильм.

– «Тонкий человек», – сообщила она. – Будешь смотреть? Только началось.

Сэм посмотрел на экран, где Ник и Нора Чарльз обменивались острыми шуточками, и покачал головой:

– Нет, спасибо. Сейчас не хочется. Пойду попробую разобраться кое с какой работой.

– Хорошо. – Эрин проводила взглядом Сэма, медленно поднимающегося по лестнице. – Я позову тебя к ужину.

Наверху, в своем кабинете, Сэм сел за стол, шевельнул мышкой и услышал, как оживает компьютер. Экран мигнул, явив пустую белую страницу.

Сэм немного посидел, сложив руки на коленях, ожидая, пока мир вокруг растворится и не останется ничего, кроме воспоминаний детства.

Он осознал, что печатает, когда был уже на середине первого абзаца. Он не стал трудиться перечитывать написанное. Он двинулся дальше, зная, что получается, может быть, и не идеально, но правильно.

Поднявшись наверх, чтобы позвать его ужинать, Эрин услышала шелест клавиш и тихо ушла.

Сэм Мак-Гарвер сидел за компьютером и чувствовал, как история сочится из кончиков его пальцев. Он писал не для своих фанатов. Он писал не для издателя, не для агента и даже не для Эрин. Он писал не для своего прошлого и не для Кровавого ручья.

Он писал для себя.

Эпилог

– Все хорошо? Хотите чего-нибудь? Воды? Кофе?

Сэм покачал головой:

– Все хорошо, спасибо.

Ассистент режиссера любезно улыбнулся и исчез за стеклянной дверью аппаратной.

Напротив Сэма за столом сидел добродушного вида лысый джентльмен с аккуратно подстриженной седой бородой. Он жестом предложил Сэму взять со стойки рядом большие наушники.

– Наденьте. Они помогут вам лучше слышать собственный голос.

Сэм сделал, как ему сказали, натянул наушники. Все звуки в комнате немедленно пропали. Сэм как будто плыл в бескрайнем космосе.

Так звучит пустота.

– Слышите меня? – раздался голос ведущего прямо у Сэма в ушах.

– Ага, – ответил он в микрофон, стоящий перед ним на металлическом штативе.

Он чувствовал, как шевелятся его губы, как дыхание выталкивает изо рта слова, мгновенно засасываемые, точно в трубу пылесоса, в наушники. Слова звучали слишком четко. Слишком выразительно. Как будто мысли Сэма транслировались напрямую. Было в этом ощущении что-то зловещее.

Ведущий поправил свой микрофон и взглянул на часы:

– Ну что ж, если она так и не появится, придется нам беседовать вдвоем.

– Она придет, – ответил Сэм. Подтвердить свое заявление ему было нечем, но он знал, что говорит правду.

Он потер обожженную кожу на левой руке. Хотелось поскорее со всем покончить. Сэм знал, что ему будут задавать вопросы о том, что случилось прошлой весной, но он пришел сюда говорить не об этом. Единственной причиной, почему Сэм согласился на интервью, была лежащая на столе книга.

На корешке шрифтом, из-за которого наверняка переругалось все руководство издательства, значилось: «Едва заметная тень», а ниже, чуть мельче: «Юбилейное издание в честь сорокалетия романа».

Они должны были поговорить о Себастьяне Коуле. Почтить его имя. Почтить его память.

– Вы с ней виделись?

Слишком ясный голос в наушниках заставил Сэма вздрогнуть. Он посмотрел через стол на своего собеседника, тот протирал носовым платком очки.

– Простите?

– С Мор. Вы виделись с ней после... – Окончание фразы повисло в воздухе.

– Нет, – ответил Сэм. – После больницы мы с ней не общались.

– Хм... – протянул ведущий, словно уже нашел свой собственный вопрос скучным.

В наушниках звонко щелкнуло, и третий голос, принадлежащий невидимому звукорежиссеру, сообщил:

– Одна минута до эфира.

Ведущий прокашлялся, отпил воды из высокого узкого стакана:

– Ну что ж, хорошо, полагаю, мы начнем...

Тяжелая звуконепроницаемая дверь распахнулась, и вот она уже была в комнате с ними. На ней были обтягивающий темно-серый свитер, кожаная юбка, кожаные легинсы и блестящий черный тренч, едва прикрывающий бедра. Свою длинную темную гриву она превратила в ровное каре.

Сэм, не раздумывая, вскочил со своего кресла, и натянувшийся шнур от наушников резко дернул голову. Он стащил наушники, злясь на себя за то, что сам себе кажется старшеклассником на первом свидании.

– Привет, – сказал он.

Она ласково улыбнулась. *Ласково*. Сэм никогда бы не подумал, что ему придется применить такое слово к Ти-Кэй Мор.

– Привет, Сэм. Рада вас видеть.

Ее руки обвили его – Мор притянула Сэма к себе и обняла.

– Как ваши дела? – спросил он.

– Хорошо, – ответила она. – Лучше некуда.

Сэм услышал, как из наушников доносится тихий голос звукорежиссера:

– Пятнадцать секунд.

Ведущий махнул на третий стул:

– Мисс Мор, если вы не возражаете, давайте начнем.

Мор заняла свое место. Сэм тоже сел, надежно закрепив наушники на голове.

Ведущий сложил руки на столе, словно готовясь произнести благодарственную молитву. Он склонился к своему микрофону, украшенному красно-черно-синим логотипом NPR. И заговорил бархатным голосом:

– Добро пожаловать на «Книжную полку». Я Руперт Тэйлор, и сегодня со мной Сэм Мак-Гарвер и Ти-Кэй Мор, два известнейших мастера хоррора, и мы собрались, чтобы побеседовать о гении макабра, покойном Себастьяне Коуле, и юбилейном издании его шедевра, «Едва заметной тени», выпущенном в честь сорокалетия романа.

Он сделал паузу, думая, как лучше перейти к следующей теме.

– Перед тем как мы начнем разговаривать о книге и ее роли в литературе, я хочу отдать должное истории, которую наши слушатели, не сомневаюсь, ожидают услышать, и это история о событиях на Кровавом ручье.

«Началось», – подумал Сэм. Он не был удивлен. Он знал, что его будут об этом спрашивать. И на этот самый случай подготовил вежливый отказ.

– Простите, – начал Сэм. – Ваше любопытство понятно, но мне до сих пор трудно об этом говорить. Мы с мисс Мор пережили очень страшные, чрезвычайно травмирующие события, приведшие к смерти мистера Коула. Мне нечего добавить, кроме того, что уже известно вашим слушателям.

– Все в порядке, Сэм. Любопытство не порок, – сказала Мор.

Сэм ошарашенно уставился на нее. Что она задумала? Разговор об этом доме ни к чему хорошему не приведет.

Ведущий провел языком по губам и наклонился ближе к микрофону:

– Ну... м-м... нам всем известна официальная версия, но многие полагают, что в доме случилось нечто... загадочное.

«Не надо, – мысленно взмолился Сэм. – Не говори им. Никто не должен знать».

Мор откинулась на спинку кресла, положила ногу на ногу. Руки она сложила на колене. Они выглядели как-то странно. Не как руки женщины средних лет. Они казались древними, словно сделанными из папиросной бумаги – проткни ее, и проникший внутрь тела воздух обратит кости в пыль.

– Там действительно произошло нечто труднообъяснимое, – наконец сказала Мор.

– Например?

– Ну что ж, терпеть не могу заниматься самопиаром, но вообще-то я пишу об этом книгу.

Сэм вздрогнул. *Нет.*

– Я начала ее вскоре после нашей первой поездки на Кровавый ручей.

Нет, этого не может быть.

– Это художественное произведение, но оно во многом основано на реальных событиях...

– Мор, – перебил Сэм.

– ...потому что, видите ли, у нас с Сэмом есть небольшой секрет.

– Мор, что вы творите? – Через наушники Сэм слышал страх в своем голосе.

Мор повернулась к нему, и впервые с того момента, как она вошла в студию, Сэм взглянул ей прямо в лицо. С лицом было что-то не так.

– Я хочу поведать нашу историю, Сэм, – сказала Мор.

Что же это было? Что-то в ее лице изменилось, но что?

– Люди заслуживают знать правду.

Несмотря на царящую в студии интимную полутьму, глаза Мор словно бы светились, ее зрачки походили на два идеальных...

Глаза. Точно! Глаза!

Зрачок правого глаза стал целым. Раньше он напоминал каплю чернил, просочившуюся в радужку, а теперь превратился в безупречный черный кружок.

В голове Сэма вспыхнуло воспоминание. Мор плавает в затопившей подвал темной воде. Мертвенное лицо обращено вверх. Глаза широко раскрыты.

И зрачки в них одинаковые.

Она изменилась уже тогда. Она была мертва. Сэм был уверен, что она мертва, когда нашел ее. А потом она ожила.

Это была не Мор. Это было что-то иное.

В ушах Сэма раздался визг той искореженной мерзости, что некогда была Ребеккой Финч: *«Скоро даже этот дом не сможет удержать нас!»*

– Думаю, мне просто ужасно повезло, – произнес голос Мор где-то в бескрайней дали. – С твоей помощью, Сэм, я выбралась.

Благодарности

Первый черновик этой книги я написал больше десяти лет назад, но, когда работаешь преимущественно в области реалити-шоу и детского телевидения, заинтересовать издателя дебютным романом ужасов – задача почти невозможная. И то, что вы все-таки держите эту книгу в руках, – заслуга множества прекрасных людей, которым я хочу выразить глубокую благодарность.

Спасибо:

Адаму Гомолину из *Inkshares*, который разглядел в моей первой рукописи потенциал и был со мной «на передовой» во время всех переписываний. Он призывал меня выбираться из зоны комфорта, побуждал улучшать даже то, что казалось мне идеальным. И оказывалось, там было что улучшить.

Моим редакторам Мэтту Харри и Памеле Мак-Элрой за то, что бесчисленное количество раз перечитывали книгу, доводя ее до творческого и грамматического совершенства.

Авалону Рэдису и всей команде *Inkshares* за то, что подкидывали уголь в топку паровоза и придерживали дверь, чтобы я смог в последнюю секунду запрыгнуть в вагон.

Джейми Дорну, Дж. Ф. Дюбо, Алексу Розену и Филу Сиранке за то, что нашли время прочесть мою историю о привидениях и внесли свой неоценимый вклад.

Хорхе Гонсалесу и Крису Контрерасу из *Tracking Board*. Если бы не конкурс *Launch Pad Manuscript Competition*, эта книга так и осталась бы в моем компьютере.

Року Шэйнку, страстно защищавшему мой роман и мое право писать в жанре ужасов.

Джеду Элиноффу за его дружбу и за то, что поддерживал мой боевой дух, выслушивая мои жалобы на то, как мало я сплю из-за того, что переписываю... и переписываю... и переписываю.

Чарльзу Кепхарту, прочитавшему самый первый черновик «Кровавого ручья». Его дружба и теплые слова вдохновляли меня много лет.

Друзьям, родным и совершенно незнакомым людям, которые поддержали меня предзаказами в *Inkshares*.

Канзасским городам Коффвиллу и Лоуренсу и Канзасскому университету за то, что сделали меня тем, кто я есть, и вдохновили на написание среднезападной истории о привидениях.

Огромному множеству авторов романов и фильмов ужасов, которые вдохновляли меня в детстве и продолжают подпитывать мою любовь к хоррору. Каждой строчкой этой книги я в какой-то степени обязан им.

Моим родителям, Уоррену и Шерри, которые никогда не требовали объяснить, почему на стене в моей комнате висит столько страниц из *Fangoria*.

Моим чудесным, уморительным, талантливым, прекрасным дочерям Обри и Клео, которые подбадривали меня во время всех переделок и никогда не уставали спрашивать: «Сколько страниц тебе осталось?» *Много, девочки. Много страниц.*

И главное – моей жене Ким, которая с терпением и достоинством выносила все это безумие, поддерживала меня в минуты сомнений и взяла на себя великое множество забот, чтобы ее муж мог месяцами сидеть, уставившись в экран компьютера. Если эта книга – самая темная часть моей души, то ты – самая светлая ее часть.

---

notes

Примечания

1

Пер. с древнегреч. В. Вересаева.

Пер. с англ. Э. Серовой.

Американский журнал для фанатов фильмов ужасов. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Уэйнрайт ссылается на состоявшуюся в 1938 году радиопостановку одноименного романа Герберта Уэллса, которую, как считается, многие слушатели приняли за настоящий репортаж о вторжении инопланетян.